ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

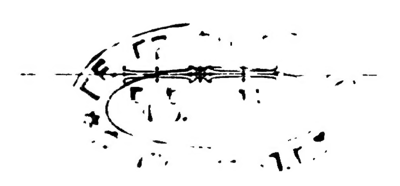
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр. № 12
1892

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Очеркъ русской діалектологіи.

Б. Сѣверно-великорусское, или окающее поднарѣчіе.

Главная характеристическая черта сѣверно-великорусскихъ, или окающихъ говоровъ—сохраненіе древняго (=ороографическаго) неударяемаго *о*. Разные изслѣдователи указываютъ большее или меньшее количество исключеній, т. е. приводятъ случаи аканья. Но значительная часть словъ съ аканьемъ, находящихся въ окающихъ говорахъ,—слова, заимствованныя изъ акающихъ говоровъ, книжныя и новыя русскія или иностранныя: к*а*рàць, пар*а*хòтъ, с*а*лдáтъ, к*а*нвòй, Р*а*сéя. Другія слова съ *а* вмѣсто *о* имѣли это *а* еще въ древне-русскомъ языкѣ: м*а*настырь.

Другія черты окающихъ говоровъ слѣдующія. Древнее (=ороографическое) ударяемое и неударяемое *а* послѣ твердыхъ согласныхъ сохраняется: б*а*ловàть, п*а*хàть. Разные изслѣдователи говорятъ о спорадическомъ произношеніи окающими, вмѣсто неударяемаго *а*,—неударяемаго *о*, но одни изъ указываемыхъ ими словъ имѣютъ древнее *о* (вмѣсто котораго мы пишемъ *а*): р*о*бота, р*о*кита, р*о*внять, п*о*ромъ, к*о*рманъ, ст*о*канъ, *о*лтарь, п*о*лата, т*о*роканъ, *О*ндрей, *О*лёна ф. родит. ед. добров*о*, другія—позднѣйшія заимствованія изъ акающихъ говоровъ: л*о*мпада, к*о*рета, к*о*ртина, л*о*кей, т*о*нцовать[1]).

Древнее (=ороографическое) неударяемое *е* передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ въ массѣ случаевъ, подобно ударяемому, звучитъ какъ *о* (т. е. *ё*): с*ё*ло, ст*ё*клò, б*ё*дрò, выл*ё*тáть, ч*о*вò, j*о*вò, торг*у*ётъ, сид*и*тё, пойдёмъ-тё; при чемъ слышится рядомъ: д*е*рў и д*е*ри, пом*е*рлà и помёрѣть.

Древнее неударяемое *е* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ перехода его въ *о* не произошло, иногда звучитъ какъ *и*: пом*и*рѣть.

---

[1]) Графъ Н. Толстой въ «Заволжскихъ Очеркахъ», М. 1857, приводя рѣчи крестьянъ заволжской части Макарьевскаго у. Нижегородской губ., пишетъ к*о*жись, н*о*родъ, к*о*кихъ; но, вѣроятно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ ошибками человѣка, мало знакомаго съ народною рѣчью.

Древнее (=орѳографическое) *о* и *о* образовавшееся изъ *е* (т. е. ё), ударяемое и неударяемое, звучитъ не открыто, какъ въ акающихъ говорахъ, а закрыто, ближе къ *у*. Многіе окающіе говоры имѣютъ *о* очень закрытое, которое иногда кажется намъ тождественнымъ съ *у* и которое производитъ на нашъ слухъ непріятное впечатлѣніе. Сѣверяне называютъ свою рѣчь съ закрытымъ *о* низкою.

Древнія группы *ае*, *ое* звучатъ обыкновенно (но не всегда) какъ *а*, *о*: дѣ́*ла*тъ, игра̀тъ=дѣлаетъ, играетъ, мо*во́*, мо*му̀*=моего, моему.

Древніе мягкіе согласные сохраняются передъ суффиксами *ск* и *ство* (особенно передъ первымъ): ца̀*рь*ской, ца*рь*ство или ца̀*рь*сво, причемъ иногда звучитъ мягко и *с* суффикса: царь*сь*кой.

Изъ формъ слѣдуетъ отмѣтить форму род. ед. прилагательныхъ, которая, вмѣсто ожидаемаго окончанія *ово*, часто (но не вездѣ) можетъ имѣть окончаніе *ова*: до́брова, слепо̀ва (но ёво́, ково́ и т. п.), формы имен.-вин. мн. мое́, твое́, чье́ и т. п.=мои, твои, чьи, ф. род. мн. мое́хъ, твое́хъ и т. п., ф. дат. мн. мое́мъ, твое́мъ и т. д. Формы им. ед. прилагат. муж. р. всегда оканчиваются на *ой*: до́брой, слепо́й. Мѣстоименіе 3-го лица часто звучитъ *ён*ъ, *ена̀*, *ено́*, множ. ч. оны, ёны̀. Формы 2-го лица ед.—даси̇̀ (=дашь), ј*иси̇̀* (=ѣшь). Формы сравнительной степени—на *ѣе*: скор*ѣе* и т. п.

Окающіе говоры могутъ быть сведены въ двѣ большія группы: 1) группу не цокающую и 2) группу цокающую. Даль называетъ эти группы восточною и сѣверною, но его названіе едва ли вполнѣ удачно: говоры не цокающіе слышатся далеко на сѣверо-западѣ (около Тихвина и Бѣлаго озера), а цокающіе—на югѣ (въ Муромскомъ и Меленковскомъ у. Владимирской губ. [1])

Территорія, занимаемая не цокающими говорами, не обширна. Она состоитъ изъ юго-восточной части Тверской губ. (Колязинскій и Корчевскій уѣзды), большей части Владимирской (такъ что западъ ея почти не цокаетъ, а востокъ, по Окѣ, по сосѣдству съ губ. Рязанской, Тамбовской и Нижегородской, имѣетъ болѣе или менѣе сплошное цоканье), большей части Ярославской (здѣсь цокаютъ по Шекснѣ, Сити и Мологѣ), западной части Костромской (восточная, лѣсная часть—уѣзды Ветлужскій, Варнавинскій, Кологривскій отчасти—цокаетъ) сѣверо-западной части Нижегородской (въ части юго-восточной, по сосѣдству съ Владимирской губ., есть селенія цокающія), Симбирской, большей части Казанской, части южнаго Пріуралья. Вообще цоканья не слышно въ предѣлахъ древ-

[1]) Объ окающихъ говорахъ и ихъ дѣленіи см. «Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія» (Записки Акад. Наукъ, томы 28, кн. 2, и 30, кн. 1). Авторъ, покойный Колосовъ, объѣхалъ рядъ селеній и сдѣлалъ хотя мимолетныя, но нерѣдко цѣнныя наблюденія въ губ. Владимирской, Ярославской, Новгородской, Олонецкой и Вятской.

ней Суздальской области и въ тѣхъ мѣстахъ, на востокѣ отъ нея (въ среднемъ Поволжьѣ и далѣе), которыя заняты въ XVI в. и позже переселенцами изъ Суздальщины.

Эта территорія не сплошь занята не цокающими говорами: между ними мѣстами, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, какъ бы вкраплены говоры цокающіе; они явились здѣсь вслѣдствіе разновременныхъ переселеній крестьянъ, какъ старыхъ, такъ и позднѣйшихъ. [1]) Колосовъ нашелъ цокающія деревни въ уѣздахъ Переславскомъ, Юрьевскомъ, Суздальскомъ, Владимирскомъ и Ковровскомъ Владимирской губ.; Шевыревъ—въ уѣздѣ Александровскомъ, по дорогѣ къ Александрову отъ Сергіевой Лавры [2]).

1. **Группа не цокающая.** Изъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія (скудныя) лишь о говорѣ г. Колязина. Наблюдатель такъ говоритъ о немъ. «Главную роль играетъ буква *о*. Вездѣ, гдѣ только стоитъ она въ словахъ, сохраняетъ свой чистый, неизмѣнный звукъ, и никогда, ни въ одномъ словѣ, не переходитъ въ *а*... Но эта буква не произносится никогда такъ крѣпко, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ она просто терзаетъ непривычный слухъ. Такъ, слово г*о*л*о*ва: въ селеніяхъ Колязинскаго уѣзда, прилежащихъ Суздальскому и Переславскому,—г*ó*л*ó*ва, съ самымъ крѣпкимъ удареніемъ надъ обоими *о*...; въ Колязинѣ—г*о*л*о*ва. Буква *е* въ началѣ и въ срединѣ словъ произносится большею частію какъ *ё*: [3]) еще—ёщё, стекло—стёкло, ведро—вёдро и т. п. Въ концѣ глаголовъ ё звучитъ крѣпче: сидитё, ходитё, торгуётъ, гуляётъ, особенно, когда къ глаголу прибавляется *те*: пойдёмъ-тё, сядёмъ-т*ё*». Форма дат. мн. «всегда, безъ исключенія», замѣняется формою твор. и на оборотъ: вотъ гостинецъ ваши*ми* дѣть*ми*, снеситё ёво *ими*, какъ я ратъ ва*ми*, съ сыновья*мъ*, дочеря*мъ* и со фсе*мъ* гостя*мъ* ваши*мъ* [4]).

Объ не цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ тоже немного. Колосовъ сообщаетъ, что въ этой губерніи оканье сильнѣе къ югу

[1]) А иногда и горожанъ. О выводѣ Новгородцевъ въ центральные города московской Руси, между прочимъ въ Муромъ, въ XVI вѣкѣ, см. у Чечулина, Города московскаго государства, 184.

[2]) «Что Владимирцы-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему?—Нѣтъ (отвѣчалъ извощикъ), тамъ говорятъ не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалые въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутошніе въ Александровѣ присцокиваютъ... Поводомъ къ этому разговору было село Слотино... Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно цавокала. Вотъ вамъ *цашецка*, говорила она» (Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850, I, 31—32).

[3]) Авторъ пишетъ *ïó*.

[4]) Калачовъ, Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи, кн. 2-я, Спб. 1861 («Записка о г. Колязинѣ», стр. 75—76).

отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу. Онъ же отмѣчаетъ подслушанное имъ въ разныхъ мѣстахъ той же губ. бёда́, пёсо́къ, рёка (=*ѣ*да, п*ѣ*сокъ, р*ѣ*ка).

Въ говорѣ Ковровскаго у. *о* звучитъ очень закрыто и, можетъ быть, иногда переходитъ въ *у*. Во всякомъ случаѣ въ немъ отмѣчено б*у*́ре, к*у*вы́ль. Сверхъ того, въ немъ слышится вм. неударяемаго *е*—часто ё (даже трёмй, твёты=цвѣты) и изрѣдка *и*, послѣ *ж* и *ш*—*ы* (пла́ч*и*тъ, къ ла́пушк*и*, ска́ж*ы*тъ) и встрѣчается стяженіе гласныхъ (кла́н*е*тца=кланяется, свово́, до́бро дѣло, св*у* сторону=свою); *в* передъ *у* опускается: головушка, де́ушка=голо*в*ушка, дѣ*в*—. Изъ формъ замѣчательны ф. род. тей, сей=тебя, себя, дат. тее́, сее́, род. на ов*а*, мѣстн. на со́л*ѣ*, при фсе́мъ народе (не: фсёмъ), 3 л. мн. но́с*ю*тъ, во́д*ю*тъ. Отдѣльныя слова (немногія) имѣютъ *ц* вм. *ч*: тыся*ц*а [1]).

О говорѣ Переславскаго у. мы не знаемъ почти ничего (свово́, до́брова, сва́х*ы*нька=свахонька [2]).

То́ же должно сказать о говорахъ Юрьевскаго уѣзда, села Бережокъ (*о* умѣренно закрытое, въ отдѣльныхъ словахъ *ц* вм. *ч*: *ц*удно́), и Гороховецкаго у. (ф. род. на ов*а*, ф. твор. съ тремя дуби́на*мъ*, за закусочка*мъ* [3]).

Говоръ Вязниковскаго у. также имѣетъ очень закрытое *о* («сильно замѣчается удареніе на *о*», говоритъ наблюдатель). Въ немъ отмѣчены: б*и*зп*и*ре́чь=безперечь (безпрестанно), б*а*тъ=баетъ, мом*у*́=моему, формы род. тей, дат. тее́, род. на ов*а*. Этотъ говоръ, благодаря вліянію сосѣднихъ акающихъ говоровъ, имѣетъ иногда въ концѣ словъ *а* вм. *о* безъ ударенія: бла́г*а*=благо, близёшеньк*а*, го́ж*а*=гоже [4]).

Говоръ села Іудина, Александровскаго у. (близъ границы Московской губ., въ 15 верстахъ отъ Сергіевой Лавры) принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Онъ строго сохраняетъ *о* передъ удареніемъ и замѣняетъ его черезъ *а* послѣ ударенія; так. обр. въ немъ слышится рядомъ: 1) к*о*бы́ла, в*о*зи́ть, к*о*ры́то и 2) прокислай, дьякан*ъ*, сту́пк*ай*, до́бр*а*ва [5]).

Колосовъ такъ характеризуетъ «ярославское» *о*: оно «произносится звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ; это—рѣзко отчеканенный звукъ».

[1]) Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собраны и изданы съ сохраненіемъ мѣстнаго выговора. М. 1847. Сравни Даля.

[2]) Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ, М. 1857, стр. 36 слѣд.

[3]) Труды Владимирскаго Губ. Ст. К., III, 1864 (ст. «Свад. обряды въ Мордвиновской волости»).

[4]) Труды Владимирскаго Губ. Статист. Комитета, VII, 1868 года (ст. «Обычай хоронить Кострому»); Голышевъ, Богоявленская слобода Мстера, Владимиръ, 1865.—Вязниковскій говоръ принадлежитъ къ числу пѣвучихъ (замѣчается «пѣвучесть голоса въ разговорѣ»).

[5]) Русск. Фил. В. 1879 г. № 2, 1880 г. № 1.

Изъ говоровъ Ярославской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія лишь объ одномъ— Ярославскаго у., на правой сторонѣ Волги (села Козьмодемьянское и Иваньково съ окрестностями). Онъ принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. По словамъ наблюдателя, *о* въ немъ звучитъ «чисто и открыто, безъ наклонности перейти въ *а* или *у*», но въ 2-мъ слогѣ передъ ударяемымъ замѣняется черезъ краткое *а*: хăрошо̀, зăлотой, а въ отдѣльныхъ словахъ, безъ ударенія, «произносится какъ *у*»: *у*топри̇̀, *у*кунўсъ; ё изъ *е* безъ ударенія постоянно передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ; встрѣчается *и* изъ *е* безъ ударенія: *и*шшо̀, н*и*харошо̀, с*и*рёдà, б*и*рёжо̀къ; нерѣдко *и* вм. *ѣ* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: обѝдьня (при обе́дать), отвѝтить (при отвѣ́тъ); изрѣдка *е* изъ *я*, обыкновенно безъ ударенія: *е*ѝчко (при опе́ть, опре́сти, горе́чей): обычно стяженіе гласныхъ (въ ф. 2 и 3 л. ед., рѣже 1 л. мн.): зн*а*шъ, зн*а*тъ; группы *бм* и *бв* звучатъ какъ *мм* и *вв*: о*мм*анъ, о*вв*иньча́ть; двойное *ш* твердо: пу*шш*ай.

Изъ формъ отмѣчены: ф. род. на ов*о*, ф. дат. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ очка́*мъ*, хъ гось*мѝ*, ф. твор. ед., род., дат., твор., мѣстн. мн.: добр*ые*мъ, добр*ые*хъ и т. д., ф. неопр. накл. пе*к*чи, ф. возвр. з. на *са*, сравнит. ст. на *яе*. Форма 3 л. ед. ѐс*ти* (=есть). Остатки формъ члена: дорогу-*ту*, бабы-*те* и др. [1]).

Сверхъ того, мы знаемъ, что въ самомъ Ярославлѣ употребляется ф. дат. мн. вмѣсто ф. твор.: онъ пошолъ за свеча*мъ*, съ ва*мъ* [2]), что въ селѣ Давыдковѣ, Романо-Борисоглѣбскаго у., слышится (какъ часто?) *и* вм. *ѣ*: св*и*тѝть, свѝтитъ [3]), что въ Рыбинскомъ у. *о* звучитъ «типично», есть *и* вм. *ѣ*: ув*и*чье (послѣ *ц*—*ы*: процыжываю) и твердое двойное *ш*: ро*шш*ытаю [4]), что въ Ростовскомъ у. ф. дат. мн. употребляется вмѣсто ф. твор. и на оборотъ.

О не цокающихъ говорахъ Костромской губ. мы почти совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній. По Колосову, здѣсь *о* по «степени звучности» не отличается отъ *о* новгородскаго и случаи *и* вмѣсто *ѣ* (даже въ Костромскомъ у.) чаще, чѣмъ въ Ярославской губ.; по Далю, здѣсь употребляютъ форму дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ, формы твор. ед., дат. мн. до̀бр*ые*мъ, ф. неопред. накл. се*к*чѝ и т. п.

---

[1]) Р. Филол. В. 1890 г. № 3. Описанный здѣсь говоръ—протяжный.
[2]) Москвитянинъ 1842 г., ч. 4, стр. 448.
[3]) Ярославскій литерат. Сборникъ, 1850 годъ, Яросл. 1851, стр. 155.
[4]) Яросл. Губ. Вѣд. 1889 г. № 41.

Изъ не цокающихъ говоровъ Нижегородской губ. [1]) мы имѣемъ немного свѣдѣній объ говорѣ Арзамаса. Онъ «мало отличается» отъ нижегородскаго; *о* въ немъ «твердое», произношеніе «легкое», стяженіе гласныхъ: дѣ́*лат*ъ, дѣ́*лаш*ъ, мово̀. Другія его особенности принадлежатъ или цокающимъ говорамъ (*и* вм. *ѣ*, вѣроятно, изрѣдка: п*и*сни), или акающимъ (хо̀лодн*а*, жа̀рк*а*, вѐлен*а*, г*а*в*а*рю̀, пер*и*таска̀шъ, ц*ы*рко̀вникъ, сва̀х*ы*нька). Послѣднія являются едва ли не спорадически; по крайней мѣрѣ наблюдатель отрицаетъ существованіе замѣны *о* черезъ *а* [2]).

Катунскій говоръ, Балахнинскаго у., имѣетъ иногда (передъ *н*) *с* вм. *ш*: яйсница, и употребляетъ ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ на*мъ*, съ я̀блока*мъ*, къ на́*ми*, шью деть*ми* рубашки [3]).

Въ говорѣ села Павлова, Горбатовскаго у., отмѣчены: частое ё изъ *е*: ёво̀, ёму̀, зелёно̀ вино, сёло̀, *жо*на̀, свида̀ньиц*о*, даже трёмя̀, дёва̀ть, твердыя двойныя *ш* и *ж* пу*шш*у̀, и*шш*о̀, е*жж*а̀лъ, стяженіе гласныхъ: седла̀тъ (при узн*ае*тъ), мово̀, св*о* востро копьё, п*ы*ма̀ть (=поймать), формы род.-вин. у *тя*, на *тя*, тея̀, сея̀, дат. теѐ,сеѐ, возвр. з. на *са*: ударим*са*. Спорадическія черты акающихъ говоровъ въ большомъ количествѣ: онъ-*жа*, поднеси̇-*жа*, дво̀р*а*-тъ, ча̀рычка, сва̀х*ы*нька, дал*и*ко̀ [4]).

Говоръ Нижегородскаго у. «довольно правиленъ». Въ немъ есть случаи аканья: кон*я*-тъ [5]). Говоръ Васильскаго уѣзда, повидимому, богатъ случаями аканья: мно̀г*а*, то̀льк*а*, посто̀й *жа*, дво*я*, д*и*скать, *би*регофъ, *би*спр*и*мѐнна, вы̀н*и*сти (при чово̀, топѐрь и т. п.). Другія особенности: ф. 3 л. ед. *ба*тъ, спра̀шив*а*тъ, 2 л. мн. хва̀ст*а*ти, двойное твердое *ш*: выта*шш*ылъ, ф. род. тея̀, дат. теѐ, ф. дат. къ чувашск*ей* деревни [6]).

---

[1]) Жители береговъ Волги въ предѣлахъ Нижегородской губ. жестоко смѣются надъ говоромъ цокающихъ Вятчанъ. «Вятчане-бурлаки всегда въ раздорѣ съ бурлаками-Нижегородцами... Вятчане цавокаютъ. Нижегородцы ихъ дразнятъ этимъ». Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. мон., II, 222.

[2]) Москвитянинъ 1852 г., № 22, стр. 82—83 (ст. Терещенка).

[3]) Нижегородскій Сборникъ III (Н. Новг. 1870), стр. 153.

[4]) Памятники и образцы нар. языка и словесности (Изв. Акад. Н. I). Здѣсь мы находимъ странное примѣчаніе: «*о* безъ ударенія въ выговорѣ удерживаетъ звукъ *а*». Еще кое-что о говорѣ Горбатовскаго у. (*бат*ъ=баетъ, дат. теѐ, сеѐ) въ Нижегор. Сб. V, 174, 197.

[5]) Нижегородскій Сборникъ V (1875), стр. 207, 216 (въ Нижегородскомъ у. лишь одна деревня, переселенная изъ Муромск. у., имѣетъ *ч* вм. *ц*).

[6]) «Сказки» Аѳанасьева (1-ое изд., вып. 5). Гацисскій говоритъ: «до сихъ поръ сохранились въ нижегородскомъ Поволжьѣ новгородскія преданія, новгородское обличье, новгородскій говоръ (особенно сильно въ Балахнинскомъ Усольѣ)»; но г. Г., повидимому, не знакомъ съ новгородскимъ говоромъ. Сборникъ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 г. Составленъ А. М. Сементовскимъ, Спб. 1872, стр. 68.

Объ не цокающихъ говорахъ Казанской губ. у насъ нѣтъ свѣдѣній (*о* въ нихъ можетъ быть очень закрытое; отмѣчено: *у*дейло, бабучка).

Окающіе говоры Симбирской губ. принадлежатъ къ числу переходныхъ.

Въ говорѣ Курмышскаго у. (къ сѣверу отъ р. Пьяны) *о* послѣ ударенія замѣняется звукомъ приближающимся къ *а*: ладн*а*, родим*ай*. Передъ удареніемъ *о* всегда сохраняется, звуча однако слабѣе, чѣмъ въ Ярославлѣ: вёзу, ёвò, тёсать, даже: слёпой, бёда. Формы род. тей, дат. тее[1]).

Въ говорѣ Симбирскаго и Буинскаго уѣздовъ *о* послѣ ударенія также замѣняется черезъ *а*: мал*а*, мнучон*а*къ, крѣпк*ай*, какъ ж*а* (изрѣдка, послѣ шипящихъ, и передъ удареніемъ: фч*а*ра, ж*а*на) въ другихъ случаяхъ оно сохраняется: вёзу, ёвò, ч*о*вò, жонà (даже: дёнёкъ, Олёксѣй). Стяженіе гласныхъ обычно: гулятъ, зн*а*тъ, б*а*тъ (рядомъ: гуляитъ), Микулафъ (=Николаевъ), хозява, хозяфъ (=хозяева), мовò, копекъ, скор*е*, Ондрѣвичъ, Гордѣфъ (=Гордеевъ), богат*ы* (=богатыи). Форма дат. тіе. Остатки формъ члена: богаты-*те*, на концѣ-*те*, поля-*та* [2]).

Объ окающемъ говорѣ Земли Уральскаго Войска мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что въ немъ оканье слабо.

2. **Группа цокающая** состоитъ изъ ряда говоровъ болѣе или менѣе разнообразныхъ въ звукахъ и формахъ и пѣвучихъ. Главная черта, общая всѣмъ этимъ говорамъ, перешедшая въ нихъ отъ ихъ предка—древняго новгородскаго говора,—мѣна *ц* и *ч*, т. е. употребленіе *ц* вм. *ч* (цоканье): *ц*ортъ, *ц*оловѣкъ, рядомъ съ употребленіемъ *ч* вм. *ц* (чаканьемъ): *ч*арь, *ч*ерква. Въ однихъ говорахъ она развита очень сильно, такъ что часто слышится и *ц* вм. *ч*, и на оборотъ; другіе имѣютъ часто лишь *ц* вм. *ч* [3]).

Эта главная черта обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ *и* вм. *ѣ*, по преимуществу въ слогахъ передъ мягкими согласными, подъ удареніемъ и безъ ударенія: свичка, писня, замѣною *а* послѣ j и мягкихъ согласныхъ (т. е. *я*) черезъ *е* въ слогахъ передъ мягкими согласными: гр*е*сь (=грязь), оп*е*ть, а также иногда употребленіемъ формъ род. ед. на *ы* вм. ф. дат.-мѣстн.: къ жон*ы*, по изб*ы*, и формъ дат. мн. вм. ф. твор. и (иногда) на оборотъ: ходить ног*амъ*, съ в*амъ*, къ в*ами*; сверхъ того, формы 3 л., особенно ед. ч., не имѣютъ окончанія *тъ* (болѣе или менѣе часто): идё, гуляё (рядомъ съ ид*ётъ*, гуля*ётъ*, гуля*тъ*)

---

1) Archiv f. slav. Phil., X, стр. 350—351.

2) Мотовиловъ, Симбирская молвь. Спб. 1888.

3) Колосовъ не встрѣтилъ ни одного чакающаго говора во Владимирской губ.

Взглянемъ прежде всего на говоры Новгородской губ. [1]).

Обитатели береговъ оз. Ильменя, Позёры (Новгородскій у.), произносятъ *о* «твердо и грубо», т. е. сильно закрыто (отмѣчено: *мунáхъ, ôчунь*), *ѣ* (спорадически?) «почти одинаково» съ *и*, *ц* вм. *ч* и на оборотъ: отёць, оцŷ (=отцу) и т. п.; отмѣчены частое ё: домишш*о*, воскрёсеньё, хрёсьянсво, двойное твердое *ш*: *ешшо*, большу*шшой*, *нн* вм. *дн*: *ланно*, ро*нной*, стяженіе гласныхъ: испив*â*мъ, мово̂, другŷ (другую), царсво небесно, ф. род. на ов*а* (рядомъ тѣ же ф. на ов*о*), дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ*: мо́ж*о*, *е* (=есть), глядя̂ (=глядятъ). Сверхъ того: форма род.-вин. *тя* (=тебя), вин. ед. *ею* (=ее), сравнит. ст. на *яё*: скоряё. Кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ словахъ, *а* вм. *о*, *е*: ц*а*лковой, т*а*перя [2]).

Деревня Ракома подъ Новгородомъ, рядомъ съ *и* вм. *ѣ*: би̂лова дня, въ Новего̂род*и*, имѣетъ *и* вм. *е* (безъ ударенія): ве́ч*и*ра, би̂линькой (=бѣленькій), даже *я* вм. *е*: ра̂достянъ, ми̂ляньк*о*й, слѣдствіе близости Петербурга. Сверхъ того, отмѣчены ф. 3 л. робот*а*тъ (есть ф. 3 л. также безъ *тъ*), род. на ов*а* [3]).

Въ дер. Ямокъ, Новгородскаго у., по Колосову, слышится *и* вм. *ѣ* постоянно; въ 15 верстахъ отъ него—изрѣдка.

Въ с. Эстьяны, того же у., отмѣчено *ишо* (=еще), ф. дат.-мѣстн. на *ы*, творит. мн. на *мъ* [4]), твор. мн. на *мы*: люд*мы*, 3 л. ед. идё*та*, идё, ест*é* (=есть).

Въ Боровичахъ *и* вм. *ѣ* обычно: ни̂ту хлиба, нихто не и̂де [5]) (=ѣдетъ), *ещé*, *деревеньской*, *руськой*; формы 3 л. на *ть*, возвр. зал. на *цы*: бьё*цы*; *éсте̅* =есть.

Въ селѣ Зимогорье, подъ г. Валдаемъ, по Колосову, *ѣ* звучитъ какъ *и*; въ 4-хъ верстахъ отъ него тотъ же *ѣ* произносится какъ *е*, а 5 верстами далѣе—опять какъ *и*. Въ Зимогорьѣ отмѣчены ф. 3 л. смека́тъ, дат.-м. на *ы* [6]). Въ самомъ Валдаѣ Колосовъ отмѣтилъ форму 3 л. ед. ест*é*.

Говоръ пограничныхъ мѣстъ Крестецкаго и Тихвинскаго у. (Заборовской и Боровенской волостей) имѣетъ *о* довольно закрытое, *и* вм. *ѣ* (часто): би̂лой, поли̂но, хли̂пъ, сни̂къ, копи̂ёкъ (род. мн.), на двори̂, при:

[1]) Колосовъ говоритъ: «языкъ населенія Новгор. губ. представляетъ немало діалектическаго разнообразія, но отвѣтить научнымъ образомъ на вопросъ: какіе именно говоры можно различить на пространствѣ этой губ.,—я не вижу возможности».

[2]) Новгородскій Сборн., вып. I (1865), ст. «Общій очеркъ образа жизни... жителей Новгород. губ.»—Отечеств. Зап., т. 197, ст. «Позеры въ Новгородѣ».

[3]) Якушкинъ, Путевыя письма изъ Новгородской губ., Спб. 1860, стр. 29, 30 (тоже въ «Сочиненіяхъ П. И. Якушкина», Спб. 1884).

[4]) Новгородскій Сборникъ, вып. III и IV.

[5]) Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоз. мон., II, 115.

[6]) Новгор. Сб., II.

деть, стяженіе гласныхъ: гулятъ (и гуляётъ), мово (и моёво), туча громов*а*, твердое двойное *ш*, твердое двойное *ж*: до*жж*á, формы род. на ово, дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ*: пьё, блюé (съ *е*, не ё), јі (рядомъ съ ф. на *тъ*: пьётъ, јись=ѣстъ), говоря̀, любя, возвр. з. на *си*: здѝлалси, окрутѝлси. Сверхъ того: бёда, вёхорь (=вих-), шись (=шесть), *у*довá (и *ов*дова=вдова), но*у*городцькой, твердыя губныя: гѐлу*пъ* гѐлу*ба*, цэ*пъ* цэпи (=цѣпь), любó*фъ* любо̀ви, остатки формъ члена: цэну-*ту*, бабы-*те*, дѣеприч. на *е*: бравш*е*, сказавш*е*, ф. 3 л. ед. есте́, естя̀ (=есть) [1]).

Относительно говора Устюжны мы знаемъ отъ Колосова лишь то, что въ немъ формы дат. мн. рѣдко употребляются вмѣсто формъ твор. и на оборотъ и что форма 3 л. ед. въ немъ звучитъ есте́ и естя̀ (=есть).

Говоръ Кириллова и ближайшихъ къ нему мѣстъ имѣетъ много общаго съ говорами вологодскими. Онъ имѣетъ *ц* (мягкое) вмѣсто *ч* и на оборотъ: коба*ц*ёкъ, запла*ц*ю̀, сѝнни*ч*а (=сѣнница), частое ё изъ *е*: воспоменёшъ, поцёлуй, *и* вмѣсто *ѣ* передъ мягкими согласными: бѝлить*ця* (3 л. ед.), п*и*нье̂ (=пѣнье), *е* вм. *я* также передъ мягкими согласными: пе́тница, мягкое *к*: Пара́нь*кя*, пре́ниць*кя* (род.), *у* и *в* (=ў?) вм. *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ: де́*у*ка, ка*у*та́нъ, пи*у*ко́, подва̀*в*ъ, погонѝ*в*ка, по*в*но (=подвалъ), *ф* вм. *х*: *ф*одить, *ф*орошо. Сверхъ того, есть *и* изъ *е* безъ ударенія: *си*бé (дат.); форма род. можетъ оканчиваться на ов*а*; формы возвр. з. имѣютъ *ся*; мѣстоименіе звучитъ *що* и *шшо*; остатки формъ члена: жону̀-*ту*, жо̀ны-*те* [2]). Колосовъ отмѣтилъ въ кирилловскомъ говорѣ еще рѣдкость употребленія формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ.

О говорахъ Череповскаго у. мы имѣемъ рядъ данныхъ. Шевыревъ говоритъ, что говоръ Череповца и близкихъ къ нему мѣстъ похожъ на говоръ кирилловскій. Онъ указываетъ на *ц* (иногда мягкое) вмѣсто *ч* и на оборотъ: *ц*ово̀, *ц*ѝялъ, *ч*ена̀, ку̀ри*ч*а, на *и* вмѣсто *ѣ* передъ мягкими согласными: пѝсня, потклѝтье, на *у* и *в* (т. е. ў?) вмѣсто *в* и *л*: дѐ*у*ка, по̀*в*но, на мягкость *к*: Ва̀нь*к*ё, на мѣстоименіе *що* и *шшо*, на остатки формъ члена: чѐну-*ту*, *ба̀бы-те* [3]). Въ текстахъ, записанныхъ Барсовымъ въ селѣ Логиновѣ, кромѣ мѣны *ц* и *ч* и *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: обѝдня,

---

[1]) На основаніи замѣтокъ В. Н. Перетца.

[2]) Шевыревъ. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, 106—111. Въ Кирилловѣ, говоритъ авторъ, «наиболѣе любопытное есть его нарѣчіе, которымъ говорятъ самые грубые простолюдины. Оно имѣетъ много сходства съ малороссійскимъ».

[3]) Тамъ же, II, 113—114.

отмѣчены формы твор. мн. съ сёстрам*ъ* и т. п. [1]). Въ одной мѣстности отмѣчены формы твор. ед. и дат. мн. на *ыемъ*: бѐл*ыемъ*. Наконецъ наблюдатель, говорящій о Мороцкомъ приходѣ (близъ границы Ярославской губ.), упомянувъ о мѣнѣ *ц* и *ч*, замѣчаетъ: «эта погрѣшность въ выговорѣ особенно разительна у жителей дер. Язина, такъ что съ перваго раза можно отличить Язинца по этому выговору». Имъ отмѣчены формы возвр. з.: здѐла*лсы*, ругàт*цы* [2]).

О бѣлозерскомъ говорѣ мы знаемъ, что въ немъ часто *ц* вм. *ч*, нерѣдко *и* вм. *ѣ*: вѝтеръ, вѝникъ, *би*лѐе, *ц*еловѝкъ, нерѣдко *е* вм. *я* (при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ): петь (=пять), хресьѐнинъ, хоз*е*инъ; встрѣчается *и* вм. *е* безъ ударенія: *и*шшò, н*и*дѝля, т*и*бя, т*и*бѐ; *ц* мягко: вин*цѝ*, брàте*ць*; двойное *ш* твердо: и*шшò*; *хв* замѣняется черезъ *ф*: *ф*атàть, *ф*òросъ (=хворостъ). Формы род. ед. муж. и ср р. всегда на ов*о* (на ов*а* нѣтъ); тѣ же ф. женск. р. иногда на *ые* и *іе*: зъ больн*ые* головы, ни едѝн*ые* пѝсни, нетъ сѝн*іе* краски, съ т*ыѐ* стороны; формы неопред. накл. иногда сохраняютъ окончаніе *ти*: сѣс*ти* (=сѣсть); ф. повел. н.—суффиксъ *и*: сѣд*и*, сѣд*ите*; ф. возвр. зал. всегда оканчиваются на *ся* (нѣтъ окончанія *сь*); ф. сравнит. степени имѣютъ окончаніе *ае*. Наблюдатель замѣчаетъ: «грамматическая сторона бѣлозерскаго говора поражаетъ отчетливостью и ясностью окончаній» [3]).

Колосовъ въ говорѣ Бѣлозерска отмѣтилъ еще *мм* вм. *бм*: о*мм*анъ, и указалъ на рѣдкость употребленія ф. дат. мн. вмѣсто твор. и на оборотъ.

Говоры С.-Петербургской губ. принадлежатъ къ числу сильно цокающихъ.

Говоръ дер. Княжòй горы, Лужскаго у., имѣетъ *о* очень закрытое (отмѣчено: мач*у*ха, *у*пять), *и* вм. *ѣ* (спорадическое): свирѝпой, твердое двойное *ш*, формы дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ* (рядомъ—отъ люди— ф. дат. людьмѝ), 3 л. безъ *тъ*: плывѐ, помàхиваѐ. Сверхъ того: *жд* вм. *жж* (во*жд*àтца). Звука *h* здѣсь нѣтъ [4]).

Говоръ Новоладожскаго у. при частомъ *и* вм. *ѣ*: бѝлой, невѝска, нѝту, къ себѝ, имѣетъ стяженіе гласныхъ: гулятъ, скàзыв*а*тъ, ф. дат. вм. ф.

---

[1]) Барсовъ, Причитанія сѣвернаго края, I, №№ 3 и 5. Въ текстахъ, записанныхъ въ другомъ (близкомъ) селѣ того же уѣзда отмѣчены еще: дв*и* избы, м*и*ня, т*и*бя, формы род. на ов*а*, род.-вин. *мня*=меня, возвр. зал. на *си*, *ци*, остатки члена: руки-*те*, дядьям-*те*, у ямы-*те*, плеча-*та* (Причит., II, стр. 84, 281).

[2]) Новгородск. Сборникъ, V, стр. 39, 161.

[3]) На основаніи рукописнаго труда г. Порошина.

[4]) Записки И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., IV, ст. Лиль-Адама.

твор., ф. 3 л. безъ *тъ* (поняжаё), а также *е* вм. *я*: горѐчь (=горячь) и *е* вм. *и* (въ отдѣльныхъ словахъ: завйите=завѐйте [1]).

Говоръ приоятскій, на берегахъ р. Ояти, у Ладожскаго оз., на границѣ губ. Новгородской и Олонецкой, имѣетъ *о* очень закрытое (отмѣчено: ч*у*ловѝкъ), *и* вм. *ѣ* почти всегда: св*и*тъ, л*и*съ, т*и*ло, дв*и* головы, сиби̇ (=себѣ), ф. твор. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ* (формъ на *етъ* и *ятъ* нѣтъ, всегда: несё, любя, но: несё*тица*; формъ на *и* и *у* также нѣтъ, всегда: люби*тъ*, нёсутъ), возвр. з. на *си* (дала̀*си*, научи̇л*си*). Отмѣчено *и* безъ ударенія вм. *е*: м*и*ня̀, т*и*би̇, с*и*би̇. Цоканье здѣсь не сильно [2]).

Говоры юго-восточнаго Пріонежья, Олонецкой губ., уѣздовъ Каргопольскаго и Вытегорскаго, по Колосову, одинаковы и имѣютъ *ц* (отчетливое) вм. *ч* постоянно (*ч* вм. *ц* не встрѣчено), *ё* изъ *е* часто, *и* вм. *ѣ* спорадически (передъ мягкими согласными): см*и*ю, л*и*нифъ, лет*и*ть, *е* вм. *я* очень часто: з*е*ть, чѐшша (=чаща), повенцѐлись, мягкое *ц*, *и* вм. *е* безъ ударенія: р*и*бя̀та, зна̀*и*тъ, ф. дат.-мѣстн. на *ы* вм. *ѣ* (спорадически) и на *е* вм. *и*: по грязѐ, вин. ед. женск. р. *ей* и *ю*=её: схватилъ *ей*, неопред. н. сѝ*к*ци=сѣчь (формъ дат. мн. вм. ф. твор. незамѣчено). Описаніе Колосова по отношенію къ вытегорскому говору можетъ быть нѣсколько пополнено указаніемъ на употребленіе въ немъ *ч* вмѣсто *ц*: кормиле*чъ* (изрѣдка), твердаго двойнаго *ш*: къ тё*шшы* (спорадически: про*щя*тисе), формъ твор. мн. на *мъ*, *мы*, *ма*: труда*мъ* праведны*мъ*, съ на*мы*, слёза*мъ* горюцим*а*, ф. неопред. накл. бере*к*чи и т. п. [3]). Относительно говора въ г. Каргополѣ намъ извѣстно, что въ немъ *ѣ* «выговаривается неправильно» (т. е. какъ *и*) только въ глаголѣ *ѣсть*, удерживая въ другихъ словахъ «правильный выговоръ» [4]).

Говоръ окрестностей озеръ Выгозера и Водлозера (въ сѣв.-зап. Пріонежьѣ) отличается «наклонностью» *ц* къ *ч* и *ѣ* къ *и*, но случаи, гдѣ вмѣсто *ц*—чистое *ч*, а вм. *ѣ*—чистое *и*, рѣдки и непостоянны; обыкновенно слышатся средніе звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически. Такъ, очень рѣдко говорятъ молодѐ*чъ*, б*и*лой св*и*тъ; обыкновенно слышно что-то среднее между молоде*чъ* и молоде*цъ*, между св*и*тъ и св*е*тъ. Здѣсь *о*—«чистое»; ё изъ *е* очень часто: сла̀вноё, коро̀вищ*о*, здра́фствуётъ, пря̀*ж*очка, сѣвтелёвичъ; *е* изъ *я* (спорадически): не́нюшка, полюбила*се*; *и* можетъ быть

---

[1]) Одна пѣсня на этомъ говорѣ въ Новгородск. Сборн., II.

[2]) Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., II, ст. Хрущова.

[3]) Памятники и образцы нар. яз. и слов. (Изв. Ак. Н. II); Олонецкій Сборн., I. Должно замѣтить, что Лабардинъ, доставившій матеріалы въ «Памятники», пишетъ форму род. съ окончаніемъ *ю*. Слѣдовательно, въ Вытегорскомъ у., какъ къ сѣверу отъ него, въ формѣ род. *г* сохраняется?

[4]) Кораблевъ. Этнографич. и географич. очеркъ г. Каргополя, М. 1851, стр. 68.

мягко: *ц*юдо, ли*ц*ё; есть стяженіе гласныхъ: нака́зыват*ъ*; формы: дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. существительныхъ и личныхъ мѣстоименій на *мы*: стола*мы*, на*мы* (рядомъ на *ми*), тв. мн. прилагат. на *ма*: дубовы*ма*, 3 л. безъ *тъ*: ку̀шаё, лю̀бя (=любятъ), возвр. зал. на *си* и *со*: показа̀ло*си*, закручинил*со*. Сверхъ того, здѣсь есть *и* изъ *е* безъ ударенія: м*и*ня̀, и—что важно—*г* въ ф. род. ед. доброго (не добро*в*о). [1])

Говоръ Повѣнца и его уѣзда (сѣв. берегъ Онежскаго оз.) не имѣетъ важныхъ особенностей. Въ немъ отмѣчены частое *ц* (мягкое) вм. *ч*, частое ё изъ *е* (оружьё, ё=есть), спорадическое *и* вм. *ѣ*: свир*и*пой, зд*и*, гд*и*, мн*и*, стяженіе гласныхъ: де́латъ; формы: род. на ов*а*, дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. существительныхъ на *мы*, прилагательныхъ на *ма*, 3 л. безъ *тъ* [2]).

Говоръ окрестностей оз. Кенозера и рѣки Моши (сѣв.-вост. Пріонежье) отличается «чистымъ» произношеніемъ *ц* (т. е. нѣтъ *ч* вм. *ц*, но *ц* вм. *ч* обычно), *ѣ*=*е* (*ѣ* «весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*»), частымъ ё изъ *е*, изрѣдка *е* изъ *я* (свалилас*е*, рядомъ съ -*ся*), стяженіемъ гласныхъ, формами дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. на *ма* (подъ нима̀=подъ ними), 3 л. безъ *тъ* [3]).

Переходимъ къ Архангельской губ. Колосовъ говоритъ, что въ ней *ё* изъ *е* рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (между прочимъ, чѣмъ въ Вологодской губ.), что *и* изъ *ѣ* рѣдко, что ф. род. можетъ оканчиваться на ов*а*, а форма возр. з.—на *сё* [4]).

Говоръ г. Онеги и его уѣзда имѣетъ частое *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ: краса́ви*ч*а, молот*ч*а́ (род. ед.), *ч*ена́, частое *ё* изъ *е*: буд*ё*, пол*ё*, си-н*ёё*, л*ё*житъ, *и* вм. *ѣ* въ концѣ словъ: фъ сундук*и́*, фъ Кіев*и*, частое *е* изъ *я*: кнесь, кн*е́*зя, бо*е́*ринъ, персн*е́*ми (твор.), сре*же́*нтс*е*, луцилос*е*, стяженіе гласныхъ: ду̀м*а*тъ (рядомъ: ду̀м*аё*тъ), смел*е́*, метн*е́*, скоря̀ (сравн. ст., =смѣлѣе); твердыя двойныя *ш* и *ж*, спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія: м*и*ня̀, формы твор. мн. существит. на *мы*: уш*мы*, и прилагательныхъ и мѣстоименій на *ма*: стары*ма*, те*ма́*, 3 л. безъ *тъ*: буд*ё* (рядомъ: пек*ётъ*), мѣстоименіе

[1]) Онежскія былины, собр. Гильфердингомъ (особенно введеніе, стр. XXXI). Въ текстѣ былинъ мы читаемъ: в*и*сть (вѣсть), на двор*и*, въ шатр*и* и т. п.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же. О говорахъ Олонецкой губ. см. еще у Рыбникова, «Пѣсни» (особенно ч. III, Петрозав. 1864, стр. 347 слѣд.), и у Барсова, «Причитанія сѣвернаго края».

[4]) «Вообще жители (Арханг. губ.) говорятъ нѣсколько протяжно, особенно на последнемъ слогѣ, удвояя гласные: нов*оо*й, говор*ии*шь». Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 134 (=Арханг. Губ. Вѣд. 1847 г. № 30). По Далю, «пѣвучесть говора на западѣ Архангельской губ. уменьшается; она сильнѣе по Печорѣ, Мезени, Двинѣ».

що. Сверхъ того, отмѣчено мягкое *с* вмѣсто *ш* передъ *н*: зыс*ь*ной голосъ, королéвис*ь*ня, плата гудóс*ь*ная, и остатки формъ члена: глазá-*те* [1]).

О говорѣ большей части Шенкурскаго у. наши данныя скудны. Въ немъ отмѣчены мягкое *ц* вмѣсто *ч*: *ц*ясъ, *ц*юдо, частое *ё* изъ *е*, *е* изъ *я*: преклонѝлас*е*, устилáют*се*, даже цéдо (=чадо), стяженіе гласныхъ: дум*а*тъ, формы род. на ов*а*, твор. мн. на *ма*: дéтка*ма*, корéнья*ма* (по Колосову, даже орéх*има*), мѣстн. ед. во путé (отъ путь) [2]), неопр. н. же*кч*ѝ, мѣстоименіе *що*. Говоръ остальной, нижней части того же уѣзда—тотъ же, что въ сосѣдней части Вологодской губ. [3]).

. Сверхъ того, Колосовъ упоминаетъ, что въ Кемскомъ у. мѣстоименіе звучитъ чо и *цо*, а въ Мезени формы возвратн. зал. могутъ оканчиваться на *со*; а Ѳ. М. Истоминъ сообщаетъ, что въ разныхъ мѣстахъ Архангельской губ. онъ слышалъ ф. род. на *го*: доброго (съ *г*) и что въ Кемскомъ у. *ц* слышится на мѣстѣ нашего *ч*, а *ч* на мѣстѣ нашего *ц*.

Большая часть говоровъ Вологодской губ. (вмѣстѣ съ сосѣдними Архангельской, Костромской и Новгородской) составляютъ особую группу, съ говоромъ (по Далю) «очень низкимъ».

Говоръ Вельска и его уѣзда употребляетъ и *ц*, и *ч*, но не такъ, какъ нашъ, а на оборотъ: до*ц*ь, те*ц*ётъ, сви*ц*а и ли*ч*о, сон*ч*о, *ч*витъ (съ *ц* мягкимъ); онъ имѣетъ *ё* изъ *е* очень часто: ясно*ё*, берѝтё, даже: со службы царскіё (род. ед)., ясныё (им. мн.), *и* вм. *ѣ* почти всегда: дѝло, нѝту, св*и*тъ, во мн*и*, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными постоянно: сн*é*ть, з*е*ть, засвицéй (=засвѣчай), гл*е*дѝ (3 мн.), даже: выньсё, насмихаютцё, стяженіе гласныхъ: дум*а*шъ, прим*а*тъ, формы род. на ов*о* (дóбров*о*) и ов*а*, твор. мн. существит. и мѣстоим. на *мъ*: съ цёбота*мъ*, съ ва*мъ*. Сверхъ того, въ немъ *сц* вм. *щ*: пу*сц*ю, частое *и* вм. *е* безъ ударенія: ч*и*лó (— чело), л*и*бёдушка, пол*и*цю̀ (— полечу), в*и*дѝ (= веди), м*и*ня, т*и*бя, и ў въ концѣ словъ и передъ согласными вмѣсто *в* и *л*: стаў (= ставь), шоў (= шолъ), ходѝў, мóўвиў (= молвилъ), воўна. Мѣстоименіе *что* звучитъ и *што*, и *що*. [4]). Савваитовъ, говоря о говорѣ какой-то мѣстности Вельскаго у., замѣчаетъ, что въ немъ «по большей части *ц* вм. *ч*, а иногда и на оборотъ; послѣднее рѣже», и

---

[1]) Кораблевъ. Очеркъ нравоописательной этнографіи г. Онеги, М. 1853.—Памятники и образцы народн. языка и словесности (Изв. Ак. Н. III, IV).

[2]) «Пѣсни» Кирѣевскаго, вып. I, стр. 77—86.

[3]) Жителей нижней части сосѣди-северяне дразнятъ словами: куда ходи*в*, куда пошо*в*? (Изв. И. Общ. любит. естествозн. при Моск. у—тѣ, XXX, вып. 2, стр. 251).

[4]) Этнографич. Сборн., V (ст. Воронова); Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., ч. 25 (1859 г., ст. Воронова).

что «*и* часто вмѣсто *ѣ*». Имъ отмѣчены, кромѣ *е* изъ *я*, *у* вм. *л*, еще *жд* въ пое*жд*айте и ф. сравн. степ. поскорѣя, побиляя [1]).

Говоръ Яренска и его уѣзда, повидимому, тотъ же, что говоръ Вельска. Отмѣчены: *ц* вм. *ч* («самая обыкновенная замѣна»; *ц*—мягко; оно передается наблюдателемъ черезъ *цс*), *и* вм. *ѣ*: по вѝники ѝдемъ, Олекс*ій*, Ондр*ій* (рядомъ: вмист*е*, въ горст*е́*), *е* вм. *я*: пец*е*ль, несц*е́*сье, двѐтц*е*ть, вз*е́*ли; *в* передъ согласными, по словамъ наблюдателя, всегда произносится «такъ твердо, что болѣе похоже на *у*, только короче послѣдняго»; такъ же звучитъ *л* «въ концѣ словъ, особенно въ формахъ прош. вр.»: взяў деўку, вѝдеў; стяженіе гласныхъ часто: зн*аш*ъ, збир*а́*сся, зн*а*тъ; двойное *ш* твердо: учил*ишш*о; мѣстоименіе звучитъ *штё* и *що*; формы сравн. степ. на *яя*. Что замѣчательно въ яренскомъ говорѣ, это—сохраненіе звонкихъ (= звучныхъ): ка*д*ка, во*д*ка, ро*д*ъ, взгля*д*ъ, ро*г*ъ [2]). Колосовъ указалъ въ яренскомъ говорѣ еще ф. род. на ов*а*.

Говоры Сольвычегодска и Великаго Устюга съ ихъ уѣздами, судя по положенію ихъ между Вельскомъ и Яренскомъ и по сообщеніямъ Колосова и Бѣлоруссова, очень близки къ говорамъ вельскому и яренскому. Колосовъ отмѣтилъ въ сольвычегодскомъ говорѣ, кромѣ *ѣ*=*и* и *е* изъ *я*,— мягкое *ц* вмѣсто *ч* или звукъ средній между *ц* и *ч*, *и* вм. *е* какъ безъ ударенія, такъ изрѣдка подъ удареніемъ: в*и*дѝ (=веди), т*и*чо̀тъ, с*и*ло̀, ов*и*̀чка, *в* (т. е. ў?) [3]) вм. *л*.: то*в*коватъ, до*в*бѝть, шо*в*ъ, стяженіе гласныхъ только въ формѣ 2 л.: зн*аш*ъ, ф. твор. мн. чашк*има*, огороды*ма*, кон*има*, красн*ыма*, ф. сравн. ст. на *яя*. Онъ же замѣтилъ относительно великоустюжскаго говора, что въ немъ нѣтъ *ч* вм. *ц*, что въ немъ ф. род. съ окончаніемъ ов*а*. Въ устюжскихъ пѣсняхъ, записанныхъ Савваитовымъ, указаны только *ц* вм. *ч* (иногда мягкое: *ця*стой, мосто*цьк*у, но: мосто*цык*ъ), *и* вм. *ѣ*: грѝётъ, рѝцька, *е* вм. *я*: мѝс*е*цъ, мѣстоим. *що*. Шевыревъ упомянулъ, какъ объ устюжскихъ чертахъ,—объ стяженіи гласныхъ: б*а*тъ, и *нн* вм. *дн*: ла*нн*о [4]). Сверхъ того, эти говоры имѣютъ очень частое *ё* изъ *е*, мягкое *ц*: от*ця*, от*цю*, твердое двойное *ш*, твердое *л* передъ *н* въ бо*л*но̀й и т. п., формы возвр. зал. на *са*.

---

[1]) Москвитянинъ 1841 г., ч. 2, стр. 271—272 (смѣсь). Бѣлоруссовъ утверждаетъ: «во всѣхъ мѣстностяхъ Вологодской губ. звукъ *в*, происшедшій изъ *л*, произносятъ одинаково какъ *в*, а не какъ *ў*» (Р. Фил. В. 1887 г. № 4, стр. 226).

[2]) Вологодскій Сборн., IV, стр. 85—92.

[3]) Колосовъ опредѣляетъ этотъ звукъ какъ средній между *в* и *у*.

[4]) Москвитянъ 1842 г., ч. 6, стр. 312, 333; Р. Филол. Вѣстн. 1887 г. № 4; Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣл. мон., II, 115. Авторъ статьи въ Ф. В. отмѣтилъ въ Городищнѣ, Великоустюжск. у., мѣстоим. *счё*, *чё цё* (рядомъ съ *шё*, *штѣ*).

Объ говорѣ Тотемскаго и Кадниковскаго у. мы знаемъ отъ Колосова, что въ немъ *о* можетъ звучать (въ отдѣльныхъ словахъ?) какъ *уо*: тр*уо*сь (=тросто), что въ немъ обычны *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, *ê* изъ *е* (особенно въ концѣ словъ: дӧброê, руки бѐлыê, но: ходѝт*е*), *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согласными: въ нѝге, къ невѝсте (при: нѐга, невѐста), *е* изъ *я* также передъ мягкими согл.: *е*йцо̀, сіѐть, стоѐть, твердое двойное *ш*: *ешшо̀*, *с* (изрѣдка) изъ *ш*: молдсной (=молочной); твердое *л* передъ *н*: бо*л*ной; кое-гдѣ въ немъ мягкое *к*: руч*кя*, лёгонькêй; ф. род. на *ово* и на *ова*; ф. возвр. зал. на *цо*: бит*цо*; ф. сравн. ст. на *яê*; мѣстоименіе *што*, *штê*, *щê*. Нѣкоторыя мѣстности (указано с. Вотча, Тотемск. у.) имѣютъ постоянно, передъ согласными и въ концѣ словъ, *в* вмѣсто *л*: до*в*го, кӧлоко*в*ъ, ли*в*ъ, рѣдко стяженіе гласныхъ: зн*ѐ*тъ; *мм* вм. *бм*: о*мм*анъ; ф. им.-вин. мн. на ыё; ф. дат.-мѣстн. на *е* вм. *и*: къ мàтер*е*; ф. возвр. з. на *се*, *со*, *цо*: напивсё, дѐлает*со*, дѐлат*цо* [1]).

Въ говорѣ Грязовца Колосовъ отмѣтилъ *и* вм. *е* безъ ударенія въ т*и*бé, частое стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ, и сверхъ того, среднее *л* въ формахъ прошедшаго врем.: зна*лъ*.

Въ говорѣ Никольскаго у. тотъ же Колосовъ отмѣтилъ *ц* вм. *ч* и *ч* (ясное) вмѣсто *ц*. Въ немъ извѣстно еще *и* вмѣсто *ѣ* и *е* вм. *я* передъ мягкими согласными [2]); мѣстоименіе *штё*.

Изъ цокающихъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія (скудныя) лишь о говорѣ Тверскаго у. (по сосѣдству съ Корчевскимъ у.). Онъ имѣетъ не только *ц* вм. *ч*, но и *дз* вм. мягкаго *д*, *ц* вм. мягкаго *т*: *дз*ѐло. *дзя*-*дзя̀*, *цебя̀*, у *ця̀*; *о* въ немъ звучитъ очень закрыто (отмѣчено: *у*топрѝ, съ пàлк*у*й, зъ досàд*у*й); стяженіе гласныхъ обычно: дзѐл*а*шъ, дзѐл*а*тъ, мов*о̀*, мом*у̀*; ф. род. ця, цей [3]).

Одинъ изъ цокающихъ говоровъ Ярославской губ., въ Поситьѣ (Моложскаго у.) и отчасти въ Пошехоньѣ (Пошехонскаго у.), имѣетъ не только *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, но и мягкое *дз* вм. мягкаго *д*, мягкое *ц* вм. мягкаго *т*: *дз*ерѐвня, па*дз*ѝ, *дз*верь, *ц*еси*ц*ь, *ц*ёмно̀; ё изъ *е* въ немъ очень часто: бесцàсцё

---

[1]) Р. Фил. В. 1887 г. № 4. Другой наблюдатель говоритъ о говорѣ с. Вотчи въ немъ «*в* переходитъ въ *у*: де*у*ка, а *л* въ *в*: се*в*ъ».

[2]) «Сказки» Аѳанасьева.

[3]) Этнограф. Сб., I. Дзсканье, по Далю, слышится также въ Корчевѣ и въ Торжкѣ.—Бѣжечанки, по тому же Далю, «говорятъ невыносимо на распѣвъ, отрывая коротко всѣ слоги, кромѣ послѣдняго, который растягиваютъ».—Объ одномъ изъ цокающихъ говоровъ Бѣжецкаго уѣзда авторъ замѣтки: «О Бѣжецкомъ уѣздѣ и Теблишанахъ» (Москвитян. 1853 г., № 16) говоритъ: «интонація (у жителей с. Теблиши)—чижиная; какъ чижъ чиликаетъ, чиликаетъ, да наконецъ и протянетъ, такъ и Теблишанинъ».

великоё, идзйцё, даже: песни весёлыё (им. мн.); двойныя *ш* и *ж* твердыя: и*шшу*, до*жжы*; формы дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: умываюсь горюцьми слёза*мъ*, звейцёса ясны*мъ* сокола*мъ*, по глазь*ми*, по поля*ми* цыстымъ; ф. 3 л. безъ *тъ*: гуля (=гуляетъ); ф. род.-вин. *ця* (=тя), *цей*, дат. *цеё*; ф. возвр. з. на *са*. Сверхъ того, здѣсь, какъ въ сильно акающихъ говорахъ, въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ въ этихъ послѣднихъ,—мягкое *к*: косынь*кя*, солнышкё, хорошенькё, горь*кяя*, горь*кюю*, синенькёй; и въ концѣ словъ *ф* вм. *х*: во цюжы*фъ* людзя*фъ*, мое*фъ* ясны*фъ* оцей, и*фъ* (=ихъ) [1]).

Въ другомъ говорѣ Поситья (села Захарьина, Моложскаго у.) отмѣчены лишь частое *и* вм. *ѣ*: *би*лой, д*и*тушки, вм*и*ст*и*, *е* изъ *я*: цюжѐнинъ, провожѐтой, снарѐнной (=снарядный), мягкое *к*: бирѐзынь*кя*,—*кю*, *нн* вм. *дн* и еще *и* вм. *е*, обыкновенно передъ мягкими согл., какъ безъ ударенія, такъ иногда и подъ удареніемъ: б*и*рёза, б*и*сѐда, д*и*р*и*во (= дерево), д*и*нь, *и*ль (=день, ель), *и*фти гости (=эвти), дв*и*р*и*й (род. мн.). Но *дз* и *ц* вм. *д* и *т* нѣтъ [2]).

Въ одномъ изъ говоровъ пошехонскаго центра (с. Давшино), при мягкомъ *ц* вм. *ч* (*ц*ясъ) и частомъ ё изъ *е* (наш*о*, какъ ж*о*, копіёкъ), отмѣчены *и* вм. *ѣ* предъ мягкими согл.: св*и*ча, св*и*тліе, гор*и*ть (=горѣть), Тимоф*і*й, *е* вм. *я*: петь, сто*е*ть, *ф* вм. *х*: *ф*то (=кто), те*фъ*, въ окошка*фъ*, формы дат. мн. вм. ф. тв. и на оборотъ: съ на*мъ*, съ ете*мъ* подлы*мъ* людьми, къ на*ми*, гъ двора*ми* (употребленіе ф. твор. вм. ф. дат.—признакъ вѣжливости), ф. род. тій, сій, дат. тіé, сіé (рядомъ: тибй, тибé), возвратн. зал. на *сы*: занел*сы*, занимаёт*цы*, мѣстоим. *що* (при *што*). Сверхъ того, остатки члена: конямъ-*те* и т. п. [3]).

Въ другомъ говорѣ того же центра (Дмитровскаго прихода, въ 10 верстахъ отъ г. Пошехонья) отмѣчены частое ё (кудри рýсыё), *и* вм. *ѣ* (нас*и*яла, зам*и*тьте, стр*и*ча), *и* вм. *е* безъ удар. (т*и*бй, м*и*нй, б*и*сéда), твердое двойное *ш*, мягкое *к* (мàмень*кя*, съ мàмень*кёй*, поздёхонь*кё*, послýшай-*кё*), ф. род. на ов*а* [4])

---

[1]) Этногр. Сб. I; Памятн. и обр. народн. яз. и словесн. (Изв. Ак. Н. I): о Посить̀.—Р. Филол. В. 1879 г. № 2: о Пошехонь̀. На этомъ говорѣ изложены «Анекдоты древнихъ Пошехонцевъ. Соч. В. Березайскаго», Спб. 1798 (здѣсь можно отмѣтить спорадич. *с* вм. *ш*: наса=наша, росъ=рожь, *сцо*=что, *асцо*=еще).—И. И. Срезневскій говоритъ: «Ситкари отличны отъ другихъ Моложцевъ говоромъ» (Изв. Ак. Н. I, 186).—Изъ словъ Даля можно заключить, что дзеканье слышится также въ Череповскомъ у.

[2]) Этногр. Сб. I; Р. Фил. В. 1879 г. № 2.

[3]) Этн. Сб. II. Авторъ помѣщенной здѣсь статьи сообщаетъ, что описанный имъ говоръ слышится также на правомъ берегу Шексны (Моложск. у. Яросл. г.) и въ Череповскомъ у., а говоръ другихъ мѣстъ по сосѣдству (въ Пошехонск. у. по р. Югу и въ Вологодск. у.) отличается употребленіемъ не только *ц* вм. *ч*, но и на обор.: *ч*ёбукъ *ц*алавéкъ, *ч*ерква, а также *шт* вм. *щ*: *шт*етина, е*што*, *шт*авель.

[4]) Яросл. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 гг.

О цокающихъ говорахъ **Владимирской** губ. мы знаемъ очень мало.

Колосовъ отмѣтилъ въ Муромскомъ у.: Б*у*городица, оч*ю*нь; отъ другаго лица намъ извѣстно, что въ говорѣ зарѣченской (на правомъ берегу Оки) части этого уѣзда (цоканье слышится лишь въ ней) распространено стяженіе гласныхъ: зн*а*шь, зн*а*тъ, св*о*во, св*у* сторону, форма род. ед. можетъ оканчиваться на ов*а*, ф. род. и дат. звучатъ теѣ, сеѣ, теё, сеё. Въ слогахъ послѣ ударенія, мѣстами, болѣе или менѣе часто, *а* вм. неударяемаго *о*, но «больше *о*, чѣмъ *а*»; *ч* вм. *ц*, повидимому, неизвѣстно [1]).

Говоръ Меленковскаго у. (въ сѣверо-восточной его части), повидимому, тотъ же, что въ Муромскомъ; только въ немъ, рядомъ съ *ц* вм. *ч*, есть изрѣдка и *ч* вм. *ц*.: чалковой [2]).

Говоръ **Нижегородской** губ., Княгининскаго у. имѣетъ, рядомъ съ очень закрытымъ *о* (уддыхàцъ) и съ *ц* (твердымъ) вм. *ч* и *ч* вм. *ц*,—также *дз* вм. мягкаго *д* и *ц* (мягкое) вм. мягкаго *т*: отве*дз*й, *ò*дзетъ, Мор*дз*вѝнъ, бà*ц*юшка, пу*ц*ёмъ, неси*ц*. Стяженіе гласныхъ (зн*а*тъ, свово); ф. дат. цеё, цеѣ (=тебѣ); *щ*=*шч* (пу*шче*); спорадическое *а* вм. *о* послѣ ударенія [3]).

Говоръ Ардатовскаго у., повидимому, составляетъ одно цѣлое съ говоромъ княгининскимъ [4]).

Цокающій говоръ Арзамасскаго у. имѣетъ только *ц* вм. *ч* (часто). Въ немъ отмѣчены: ё изъ *е* безъ ударенія: цово, цолковой, стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ, форма род. теѣ [5]).

Передъ нами **Вятская** губ. съ ближайшею къ ней заволжскою частью Нижегородской, частями Костромской, Казанской [6]), Уфимской.

Колосовъ по говору дѣлитъ Вятскую губ. на двѣ части — сѣверную и южную, и находитъ, что *о* сильнѣе въ первой и слабѣе во второй. По словамъ Колосова, въ вятскомъ краѣ *о* звучитъ сильнѣе къ сѣверу, слабѣе къ югу; въ его говорѣ *ё* изъ *е* неособенно часто, *и* вм. *ѣ* спорадически, преимущественно передъ мягкими согласными: зд*и*сь, но: н*и*тъ, причемъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ на мѣстѣ *ѣ* могутъ быть и *и*, и *е* (въ концѣ слова всегда *е*); *е* вм. *я*: опе́тъ, забреце́ло; твердыя двойныя *ж* и *ш* (*ошшо*); то твердое, то

---

[1]) Труды Владим. Губ. Стат. Комит. VII, IX, X; Ежегодникъ Вл. Г. Ст. К., I. Говоръ зарѣченской части Муромскаго у. «отличается растянутостью: тутъ-то-тими, болезнаяяя» (Труды X, 76).

[2]) Труды IX; Ежегодн. I, IV.

[3]) «Сказки» Аѳанасьева; «Пѣсни» Якушкина.

[4]) Р. Филол. В. 1879 г. № 2.

[5]) Тамъ же, стр. 162—163.

[6]) Городъ Мамадышъ, [illegible] Казанск[illegible] Вятских[illegible].

мягкое *ц*; *с* изъ *ш*: *яисьница*, *дивисьникъ*; формы дат. мн. вм. ф. твор. (съ плеча*мъ*), дат. мн. им*я̀*, 3 л. безъ *тъ*, неопред. накл. на *ти*: *се́яти* (часто), также неопр. н. запрекчи; остатки формъ члена: дорогу-*ту*; мѣстоим. *штê*, *щê*, *що*.

По Васнецову, вятскій край можетъ быть раздѣленъ на три части: сѣверную (сѣверныя окраины Слободскаго и Глазовскаго у.), среднюю (южныя части Слободскаго и Глазовскаго у., уѣзды Вятскій, Нолинскій, Котельническій и Орловскій) и южныя (южныя половины Уржумскаго, Елабужскаго, Яранскаго, Малмыжскаго у.); изъ нихъ въ средней слышится собственно вятскій говоръ, а въ южной другой, замѣтно отличающійся отъ вятскаго и приближающійся, а часто даже сливающійся съ казанскимъ [1]). Особенности собственно вятскаго говора: «грубое» *о*, иногда переходящее въ дифтонгъ *оу*: *хоуроу*шо, п*оу*лё, п*оу*пъ (=попъ) и въ особое («какъ бы глухое») *у*: *ху*ду̀ли, ну̀жикъ; частое ё изъ *е*: до̀броё, мо̀рё, по̀лё, ёй, за̀днёй; взаимная мѣна *ц* и *ч* [2]); мягкое *ц*: *ця*рь, оте*ць*; *е* вмѣсто *я*: ба̀ет, ба̀ёлъ, фсе́чина (=всячина); формы неопред. накл. на *ти*: учи*ти*, роубота*ти*; остатки формъ члена: баба-*та*, бабу-*ту*, бабы-*те*, бабы-*ти*, окно-*то*, окну-*ту* [3]).

Савиновъ указываетъ у Вятчанъ мѣну *ц* и *ч* («замѣтное пристрастіе къ *ч*»), *е* вм. *я*: тере́ть вре́*ме*, *я* вм. *е* подъ удареніемъ (въ нѣсколькихъ словахъ): ля̀гче, кря̀сло, ф. сравн. ст. на *яе* (тепля̀е), мѣстоименіе *штё* и *що*. Онъ замѣчаетъ: «вообще вятское нарѣчіе такъ богато провинціализмами и особенностями выговора, различнаго въ сельскомъ и городскомъ населеніи, что заслуживаетъ вниманія нашихъ филологовъ» [4]).

---

[1]) «Для крестьянъ южныхъ уѣздовъ чисто вятскій говоръ страненъ и служитъ предметомъ ихъ ироніи».

[2]) «Рѣчь какъ бы дѣлится на мужскую и женскую. Мужская рѣчь чокающая, а женская цокающая. Въ мужской рѣчи *ц* произносится какъ *ч*, въ женской на оборотъ—*ч* произносится какъ *ц*, а *ц* произносится мягко. Чокающая рѣчь грубовата, а цокающая, напротивъ, отличается мягкостью».

[3]) Календарь Вятской губерніи на 1892 г. Вятка, 1891.

[4]) Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г. ч. 24, стр. 118. «По мѣрѣ того, какъ вы углубляетесь во внутренность вятскаго края, вы замѣчаете въ рѣчи жителей болѣе и болѣе итальянской пѣвучести (протяженіе голоса на послѣднемъ слогѣ), которая чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ на ваше непривычное ухо».—«Первое, чѣмъ отличается Вятчанинъ, это растянутость или пѣвучесть въ выговорѣ, которая замѣтна не только у простолюдиновъ, но и у всѣхъ, кто не выѣзжалъ за предѣлы Вятской губ.» Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 148 (=Вятск. Губ. Вѣд. 1847 г. № 39).—По Колосову, Вятчане мѣстами говорятъ съ растяженіемъ гласныхъ, пѣвучею рѣчью: ничев*оо* и т п... Кажется, всѣ гласныя могутъ имѣть долготу... Растяженіе гласныхъ не всегда совпадаетъ съ удареніемъ, а проявляется и независимо отъ него. Явленіе этой долготы довольно рѣдко. Оно, на сколько знаю, встрѣчается мѣстами только въ Вятскомъ и Слободскомъ уѣздахъ... Въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ». Замѣтки, стр. 64—65. По Васнецову, въ собственно вятскомъ говорѣ «въ концѣ *о* растяжимо: ну-к*оо*, зерн*оо*, худ*оо*. Календ. Вятск. губ. на 1892 г., стр. 235.

Мартыновъ говоритъ: «Говоромъ Вятчанинъ рѣзко отличается отъ своихъ сосѣдей, исключая, можетъ быть, только Костромичанъ. Вятчанинъ, если можно такъ выразиться, щокаетъ и цокаетъ». Онъ указываетъ на очень закрытое *о* (чуво=чего), на мѣну *ц* и *ч*, на очень частое *е* вм. *я* (мéхче, ейцо); на особенную мягкость *ц* и *ч* (цюдо и чюдо, чюлъ), на *г* = какъ-бы *хг* (хгорохъ), на твердое двойное *ш*, на *нн* вм. *дн* (ланно), на ф. возвр. з). на *си* (случилси), на мѣстоим. *штё* и *щё* [1]).

Изъ говоровъ отдѣльныхъ мѣстъ Вятской губ. мы знаемъ о слѣдующихъ.

Въ говорѣ Слободскаго у., кромѣ закрытаго *о* близкаго къ *у* (пўпикъ = попикъ, булото), ё изъ *е* «излюбленнаго здѣшнимъ нарѣчіемъ», переходящаго послѣ *г*, *к* даже въ *о*: могошъ, могоѣтъ, могоѣте (=можешь), «постояннаго» употребленія *ч* вмѣсто *ц* и «нерѣдкаго» *ц* вмѣсто *ч*, отмѣчены: долгое *и* изъ *ѣ*: клить, свичи, нитъ, *е* изъ *я*: тéнётъ, петь, даже: езыкъ, везàть, месной, твердое двойное *ш*: *ошшо*, пешшора, откуда простое *ш*: *шока* = щека, формы род. на *ова*, формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и наоборотъ: ходитъ ногамъ, купилъ сукно дитьми, подошолъ къ нами, формы твор. мн. *имя* (=ими), формы неопред. накл. на *ти*: съйсти (=съѣсть), ф. неопред. накл. пекчи, ф. сравнит. степ. на *яе*, мѣстоименіе *штё* и *що*. Сверхъ того: мягкое *ц*: *цюю*, *с* вмѣсто *ш* передъ *н*: молосной, *мм* вм *бм*: омманъ, иногда твердое *л* передъ *н*: колоколна, формы дат.-мѣстн. дочерé, матерé, лошадé, печé, ф. 1 л. ед. колотю, вредю, пустю, бросю, можу [2]).

Въ говорѣ Кайгорода мѣстоименіе *что* звучитъ *чо* [3]).

Говоръ Глазовскаго у. (Ухтымскаго прихода и смежныхъ мѣстъ) имѣетъ очень закрытое *о*: опюнно, частую мѣну *ц* и *ч* (цюю, сцесье = счастье, молодича, люцки = людски), частое *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согл. и въ концѣ словъ: дивки, клить, сись = сѣсть, нельзй, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: опéть, бречàть (но: брякнуть), цéю (= чаю), спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія: тибé, цивò, стяженіе гласныхъ: батъ, ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: зъ боронамъ, по лугами, ф. 3 л. безъ *тъ*, «если передъ *тъ* должны быть два гласныхъ»: тоскуё, цюё, мѣстоим. *штё* и *що*. Сверхъ того, ф. 3 л. возвр. з. чўечча, любўючча и т. п. [4]).

Говоръ Котельнича и его уѣзда имѣетъ *ч* вм. *ц* (о *ц* вм. *ч* не упомянуто), ф. 2 л. ед. возвр. з. ругàешша, браншша и т. п., ф. неопред.

---

[1]) Братчина, Спб. 1859, стр. 277 слѣд.

[2]) Календарь Вятской губ. на 1892 г.; Куропчевъ. Слободской уѣздъ Вятск. губ. въ географич. и статистич. отношеніяхъ. Вятка, 1881.

[3]) Кал. Вятск. г. на 1892 г., стр. 211.

[4]) Календарь Вятской губ. на 1880 г. Составилъ Н. Спасскій.

н. на *ти*: говори*ти*, мѣстоим. *штё*. Замѣны *ѣ* через *и*, повидимому, нѣтъ [1]).

Въ говорѣ Уржумскаго у. отмѣчены: рѣдкое употребленіе *ц* вмѣсто *ч* и на оборотъ, частое ё изъ *е*: ля́гитё, по̀лё, эдакіё воры, спорадическое *и* изъ *ѣ*: зд*и*сь, сн*и*къ (= снѣгъ), *е* изъ *я* (почти постоянно передъ мягкими, изрѣдка и передъ твердыми согл.): бреч*е́*ть, гор*е́*чь, д*е́*дя, в*е́*знуть, гр*е́*зной, до̀ч*ке* (изъ до̀ч*кя*; рядомъ, въ отдѣльныхъ словахъ, *я* вм. *е*: ля̀хче), твердое двойное *ш*, мягкое *к*: клю*кя*, во̀йс*кё*, го̀р*кё*, губе́рьс*кёй*, то̀ль*кё*, крючо̀*кь*, крюч*кё*мъ, двойное *м* вм. *бм*: о*мм*орокъ, о*мме́*нъ (= обмѣнъ), спорадическое *с* вмѣсто *ц* и *ш*: *с*арь (= царь), полови*с*а, спи*с*ъ (= спишь), формы род. ед. мене́, дат. мн. имя̀ (= имъ), къ лошадя̀*ми*, мѣстн. ед. фъ косте́, фъ грезе́ (= въ кости, въ грязи), неопред. н. да̀*ти*, ходѝ*ти* и т. п., бе*х*чѝ, же*х*чѝ, сравнит. ст. на *яе*, мѣстоименіе *штё* (рядомъ: по-*шчо*). Стяженіе гласныхъ рѣдко: дел*а*ётъ, зн*а*ётъ, копе*ё*къ [2]).

О говорѣ Сарапульскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть *и* вм. *ѣ*: в*и*сь (= вѣсть), *е* вм. *я* (крич*е*ть), ф. дат. мн. вм. ф. твор., ф. имя̀ = имъ [3]).

Говоръ Малмыжскаго у. имѣетъ «нѣкоторыя особенности, довольно замѣтно отличающія его отъ другихъ великорусскихъ». Отмѣчено *с* вм. *ц*: *с*эрква, *с*эловальникъ [4]).

О говорѣ ветлужскаго края наши свѣдѣнія крайне скудны. Мы знаемъ, что въ предѣлахъ Нижегородской губ. онъ таковъ же, какъ и во всемъ ветлужскомъ краѣ, что онъ отличается отъ говора горной стороны Волги, что въ немъ «всегда» *ц* вм. *ч* [5]), что ему свойственно стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, зн*а*тъ, заиндев*е*тъ (=вѣетъ), так*а* тростычка [6]). Въ говорѣ Варнавинскаго,

---

[1]) Этнограф. Сб., V, стр. 88—89. Авторъ (Глушковъ) замѣчаетъ: «языкъ—есть чисто русскій; произношеніе словъ вообще просто и твердо».

[2]) Магницкій, Особенности русск. говора въ Уржумск. у. Вятск. губ. Казань, 1885. Тотъ же говоръ, по Магницкому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловскаго уѣзда. Васнецовъ объ уржумскомъ говорѣ замѣчаетъ, что въ немъ *о* не только звучитъ «мягче», чѣмъ въ говорѣ вятскомъ, но даже переходитъ въ *а*: х*а*ромы, к*а*рова (?). Кал. Вятск. г. на 1892 г., 235.

[3]) Календарь Вятской губ. на 1880 г., стр. 79.

[4]) Современникъ, т. 59 (ст.: «Народн. бытъ въ сѣвер.-вост. Россіи»).

[5]) Вѣстн. И. Р. Географ. Общ. 1858 г., ч. 23, стр. 164. Въ ветлужск. краѣ (Нижегор. губ.) были деревни, выселенныя изъ Тульской губ., акающія (стр. 163). Рѣчь Ветлужанъ отличается «весьма растянутымъ произношеніемъ слоговъ, имѣющихъ на себѣ удареніе, и весьма краткимъ произношеніемъ прочихъ слоговъ, отчего происходитъ неровность въ рѣчи, весьма непріятная для слуха».

[6]) Графъ Н. Толстой. Заволжскіе очерки. М. 1857. Даль указываетъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ особенно сильную мягкость *ц*: *ц*ари́*ц*я.

Ветлужскаго и Кологривскаго у. Костромской губ. отмѣчены лишь *ц* вм. *ч* и *в* вм. *л*: мо*в*чать [1]).

Изъ говоровъ Пермской губ. мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія лишь о немногихъ.

Въ говорѣ Шадринскаго у. часто слышится ё изъ *е* безъ ударенія: вѝтёръ, тоскӳётъ, вàш*о*, кудà *жо*, *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согл.: с*и*ть, полетѝли, бездѝльникъ, даже: одолѝла, *е* вм. *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согл.: пеmь, пàм*е*ть, хозѐинъ, п*е*тнò, вз*е*лà, стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, зн*а*тъ, зн*а*мъ, твердое двойное *ш*: *шш*о*кà*, ф. род. на ов*о* и ов*а*, ф. твор. *имѝ* (=ими). Сверхъ того: *и* вм. *е* безъ ударенія (спорадически): н*и*дѝля, перев*и*дёте, т*и*бѐ; мягкое (иногда) *ц*; ф. 2 л. ед. возвр. з. берё*шша* и т. п.; остатки формъ члена: мужыкà-*то*, мужыкӳ-*ту*, мужыки-*те*, о мужыкàхъ-*ту* [2]).

Говоръ Чердынскаго у. очень близокъ къ шадринскому. Отмѣчены: *и* вм. *ѣ*, *е* вм. *я*, стяженіе гласныхъ, твердое дв. *ш*, ф. род. на ов*а*, ф. твор. мн. прилагат. и мѣстоименій на *мя*: столами дубòвы*мя*, фсе*мя̀* городами (даже: цветòчк*имя* аленькимя). Сверхъ того, *и* вм. *е* безъ ударенія (изрѣдка): *и*шò (=еще) [3]).

То же можно сказать о говорѣ Кунгурскаго у. Колосовъ отмѣтилъ въ немъ (и въ говорѣ Пермскаго у.) формы сравн. степ. на *яя*: добрѧ̀*я*, и мѣстоименіе *чо* или *цо*.

Въ говорѣ Верхотурья отмѣчены: мѣна *ц* (мягкаго) и *ч*: ви*ц*я и ви*ч*а, стяженіе гласныхъ: бѣ́г*а*тъ, бѣ́г*а*мъ, твердое двойное *ш*: *шш*ока, формы дател. мн. вмѣсто ф. твор.: за губа*мъ*, формы дат. мн. *имя̀*, *емя̀*, *фсемя̀* (=имъ, всѣмъ), формы род. фсѣ́*и*хъ, дат. фсѣ́*и*мъ и т. д. (=всѣхъ, всѣмъ [4]).

О говорахъ Соликамскаго и Ирбитскаго у. мы знаемъ лишь то, что *о* въ нихъ звучитъ очень закрыто (отмѣчено: б*у*дл̀ивая, кл*у*бӳкъ), что *и* можетъ быть на мѣстѣ *ѣ* [5]) и что *с* въ ирбитскомъ говорѣ (по Колосову) иногда замѣняетъ *ц*: ули*с*а, *с*арь, а губныя *п* и *ф* въ исходѣ словъ всегда звучать твердо: кора*мъ*, любо*фъ* [6]).

---

[1]) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Костромская губ. Спб. 1861, стр. 498.

[2]) Матеріалы для знакомства съ пермскими говорами въ Пермскомъ Сборникѣ, томы I и II, М. 1859—60, и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

[3]) Даль отмѣчаетъ въ чердынскомъ говорѣ еще формы неопр. н. на *ти*: ходи*ти*.

[4]) Вѣстн. И. Р. Географ. Общ., кн. X, 1854 г. (ст. архим. Макарія).

[5]) Скудные матеріалы въ Запискахъ Уральскаго Общ. Любител. естествознанія, томы III и VII, Екатеринбургъ, 1875—83.

[6]) Тотъ же Даль сообщаетъ, что въ Екатеринбургѣ есть *и* вм. *ѣ* и *е* вм. *я* и слышится (равно какъ и въ Верхотурьѣ) *ф* вм. *х*: добры*ф*ъ.

Въ говорѣ печорскаго края (с. Усть-цыльмы) *о* «иногда какъ-бы приближается къ короткому *у*»: п*у*шо̀лъ д*у*мо̀й; ё изъ *е* безъ ударенія неособенно часто: са̀жонъ (род. мн.), зна̀ётъ, зна̀ёшъ, но: беру̀, несу̀, бѐрекъ (=берегъ); *ц* (мягкое) вмѣсто *ч* какъ-будто постоянно: *ц*яша, *ц*юдо, а *ч* вмѣсто *ц* или совсѣмъ не употребляется, или очень рѣдко; *и* вмѣсто *ѣ* спорадически: мн*и*, тоби̇̀, на столи̇̀, фъ го̀род*и* (но: свѣтъ, свѣ̀цька, свѣ́телъ); *е* изъ *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согласными: д*е́*дя, з*е*ть, фсяка фс*е*цина̀, благословл*е́*ть, св*е*то̀й, с*е́*дутъ (=сядутъ), требуютс*е*; стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ (но: мо*е*го и т. п.); двойное *ш* твердо: и*шш*ы, двойное *ж* также твердо: до*жж*у̀, до*жж*о̀мъ; *ц* въ конечныхъ слогахъ мягко: цари*ця*, оте*ць*, молоде*ць*; *ф* въ концѣ словъ всегда твердо: любо̀*фъ*, кро*фъ*; формы твор. мн. существительныхъ на *мы*, прилагательныхъ на *ма*: бѐлы*ма* рука̀*мы*, шыроки*ма* река̀*мы*; ф. 3 л. ед. безъ *тъ*: несё (рядомъ: несё*тъ*); остатки формъ члена: хлѣ̀бо-*тъ*, каша-*та*, ма̀сло-*то*, кашу-*ту*, в-ызбушки-*ты*, кони-*ти*; мѣстоименіе *цѐ* (=что). Сверхъ того: *ѣ* произносится «значительно мягче *е*»; формы род. ед. сохраняютъ древнее *г*: до̀брого, твоего̀; ф. род.-вин. мѣстоименія иногда звучитъ *мня* (=меня [1]).

О цокающихъ говорахъ южнаго Пріуралья у насъ нѣтъ свѣдѣній.

Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ почти совсѣмъ неизвѣстна.

Главная часть ея русскаго населенія состоитъ изъ переселенцевъ съ нашего цокающаго сѣвера, прибывшихъ въ Сибирь въ XVII в. [2]) Понятно, ихъ говоры имѣютъ очень много общаго съ говорами Архангельской, Вологодской, Вятской [3]), Пермской губ. и разница между ними состоитъ по преимуществу

[1]) На основаніи свѣдѣній Ѳ. М. Истомина. Онъ замѣчаетъ: «рѣчь произносится довольно быстро, какъ бы говоркомъ, и вся сила ударенія сосредоточивается на самомъ концѣ реченія или фразы, очень часто на приставочномъ словцѣ *вѣдь* или *да*; при этомъ повышеніе голоса на удареніи можно измѣрить октавою (сравнительно съ остальною рѣчью)». Примѣры: масло-то однако, парень, я и позабылъ вѣть. Цяшу-ту потъ кашу-ту хошь взялъ ли̇̀? Цяшу-ту взялъ да̀; масла-то набъ было взеть да̀. Цё инд̀! Инъ правда твоя̀.

[2]) «Первое переселеніе (=древнѣйшіе переселенцы въ Тобольской губ.), тѣснясь къ сѣверу и смѣшавшись съ ордами чрезъ браки, много потерпѣло въ чертахъ наружнаго образованія и удерживаетъ благородство славянскаго происхожденія однимъ почти нарѣчіемъ, которое по всей Сибири есть устюжское, или новгородское» (Словцовъ, Прогулки вокругъ Тобольска, М. 1834, стр. 25).

[3]) Должно однако замѣтить, что Сибиряки смѣются надъ Вятчанами и ихъ говоромъ. Словцовъ пишетъ: «одинъ изъ здѣшнихъ Гасконцевъ (такъ понимаютъ въ Сибири Вятчанъ)». Моск. Телегр. 1830 г., ч. 36, стр. 30.

въ словарномъ матеріалѣ [1]). Лишь немногіе изъ нихъ выработали себѣ подъ вліяніемъ инородческихъ языковъ новыя черты. Такъ, «выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора, или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ туруханскихъ уроженцевъ отличаются почти тѣми же особенностями, какъ и у Остяковъ. Напримѣръ, подобно Остякамъ, они вмѣсто *ч*, *ж*, *ш*, *р* выговариваютъ *с*, *з* и *л* или *рл*: посолъ, осень, больсой, зарко, мерла (=мѣра), альсынъ [2]). «Всѣ коренные жители Нижнеколымска картавятъ», замѣняя *р* и *л* черезъ *j* и мягкое *т* черезъ *ч*: иба =рыба, ёмъ =ромъ, юди =люди, топей =теперь, пьиехаи =пріѣхали, чеё =тѣло. чеёнокъ=теленокъ. Они «вставляютъ якутскія слова, употребляютъ якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе» [3]).

Говоръ, говоритъ наблюдатель,—одинъ и тотъ же во всей восточной Сибири: въ Иркутскѣ, въ низовьяхъ Ангары, на Илимѣ, въ Верхнеудинскѣ, въ Нерчинскѣ, по Шилкѣ и Амуру, въ Камчаткѣ, у Охотскаго моря; всѣ жители восточной Сибири «считаютъ его своимъ». Въ немъ, при мѣнѣ *ц* и *ч*, *о* звучитъ очень закрыто (отмѣчено даже: нӯги =ноги, на тӯй стороне, дӯле доле, подгӯрье), нерѣдко *и* вм. *ѣ*: хлипъ, перейхалъ, и *е* вм. *я*: опѣть; встрѣчается *и* вм. *е* и на оборотъ: симь (=семь), шалѐть (=шалить). брѐтца (=бриться); «повсемѣстно» *в* вм. твердаго *л*: быва (=была), вошка (=ложка; въ нѣсколькихъ словахъ?); *т* вм. мягкаго *к*: тину (=кину), рукавичти, речте (=рѣчкѣ; въ нѣсколькихъ словахъ?); *нн* вм. *дн*, *кн*: ланно, три нни (=дни), сунно (=сукно); *вв* вм. *бв*: овводить, овварнди; *с* вм. *ш*: пасня, сесть (=шесть), наси (въ нѣсколькихъ словахъ?), *х* вм. *ф* въ формахъ род. мн.: изъ мешкохъ, прутьёхъ; формы дат.-мѣстн. на *ы*, род.-дат. твор.-мѣстн. на *ей*: съ тей жоной (=тэй?), съ какей стороны, въ одней шкуре, ф. дат. мн. вм. твор. и на оборотъ: съ рукамъ, по людьми, ф. дат.

---

[1]) «Въ Туруханскѣ нѣкоторые казаки и мѣщане умѣютъ говорить по-остяцки и по-тунгузски. А на низу Енисея и за тундрой Русскіе почти вовсе и не говорятъ по-русски, а по большей части говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ... Въ самомъ русскомъ туруханскомъ нарѣчіи изъ 66 словъ чисто мѣстныхъ, какія мы успѣли записать такъ сказать на лету, до 33 словъ чисто остяцкихъ и тунгузскихъ и словъ 8 финнскихъ, употребляемыхъ и въ архангельскомъ русскомъ нарѣчіи». Извѣстія Сибирск. отд. И. Русск. Географич. Общ., т. III (1872), стр. 189—190, ст. Щапова. (О «русско-сибирской народности» вообще и ея языкѣ въ частности см. еще «Этнографическіе очерки Сибири», Д. Н. Анучина, въ Ремесленной Газетѣ 1876 г.).

[2]) Тамъ-же, стр. 190.

[3]) Тамъ же, стр. 162. Сибирскій Сборникъ (Ядринцева) 1887 г. Спб. 1887 г., стр. 16. Верхоянскій Сборникъ, составл. Худяковымъ (Труды Восточно-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ.), Иркутскъ, 1890.

и тв. *имя̀*, неопред. н. *бечи*, *мочи* (=мочь), *взясть* (=взять), *гнасть*, *достасть*, *слячча* (=шляться), сравн. ст. на *яе* [1]).

О говорѣ западной Сибири у насъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній (тобольск. *летàтъ*, *летàмъ*, *дòброва* [2]), дат. мн. *темя* =тѣмъ). Едва ли онъ не очень близокъ къ говору восточно-сибирскому. Мы можемъ сказать еще лишь то, что великорусское населеніе Алтая имѣетъ очень закрытое *о* (отмѣчено *упя̀ть*, *дукòль*, *уткòль*), форму род. на *ова* и мѣстоименіе *чо* (=что) [3]).

А. Соболевскій.

---

[1]) Извѣстія Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., IV, Иркутскъ, 1873 г., ст. Ровинскаго. Авдѣева говоритъ объ Иркутскѣ: «кто пріѣдетъ прямо изъ Москвы или Петербурга,... его слухъ жестоко пострадаетъ отъ тамошняго выговора» (Записки и замѣчанія о Сибири, М. 1873, стр. 10). «Самый языкъ и манера выражаться тамъ чисто русскіе, и если бы не противная интонація, или аксанъ, какимъ отличается выговоръ иркутскихъ жителей, то у нихъ можно было бы искать истиннаго русскаго языка. Но эти возвышенія и пониженія голоса, эти грубыя ударенія на *о*—чрезвычайно непріятны, особенно тому, кто не привыкъ къ нимъ или отвыкъ отъ нихъ. Надобно прибавить, что таковъ выговоръ только простолюдиновъ. Въ разговорѣ другихъ только отзывается областная грубость аксана» (Отеч. Зап. 1848 года, т. 59, ст. «Воспоминанія объ Иркутскѣ», стр. 131).

[2]) Московск. Вѣстникъ 1830 г., ч. 5, стр. 120. Въ Тобольскомъ у. «произношеніе не тихое, не скорое, по нѣсколько отрывистое».

[3]) Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г., ч. 24, стр. 106—108. Гуляевъ о говорѣ населенія алтайскаго Сузунскаго завода (Томской губ.) говоритъ: онъ «тотъ же, что въ сѣверо-восточныхъ частяхъ европейской Россіи, грубый для непривыкшаго къ нему уха... по самой интонаціи, похожей въ оживленномъ разговорѣ на речитативъ» (Пам. нар. яз. и словесн. при Изв. Ак. Н. II). Рядомъ съ великоруссами на Алтаѣ живутъ говорящіе по-бѣлорусски раскольники изъ Вѣтки и Черниговской губ., извѣстные у сосѣдей подъ названіемъ «Поляковъ»; другая часть ихъ, «семейскіе», живутъ за Байкаломъ (Записки Зап.-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. II, Омскъ, 1880, стр. 79).

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

IX.

№ 8. С.Пбургъ. 1-е Ноября 1839.

Вчера, милая Маменька, я началъ писать Вамъ письмо подъ этимъ Номеромъ, и написалъ-было почти три страницы; сегодня братъ возвращается изъ Академіи, приноситъ письмо отъ Васъ, и въ немъ нападку на меня, что дурно пишу: что дѣлать, посмотрѣвши на написанное, и увидя, что и это написанное, написано также дурно, какъ и все прежнее, рѣшился разорвать листокъ и писать снова на другомъ. Что дѣлать! Виноватъ, душенька Маменька, право виноватъ, да вѣдь какъ начнешь писать, всегда забываешь, что пишешь, для того что-бы прочли. Вотъ и теперь чуть было не засуетился перомъ, чуть не началъ писать каракульками.

О чемъ-же писать? Я не хочу не только переписывать, но и перечитывать того, что написалъ на листкѣ, обреченномъ на всесожженіе. О чемъ-же писать? или лучше, съ чего начать? Многое, многое волнуется въ воспоминаніи даже противъ воли; но всего этого такъ много, что не находишь нигдѣ точки опоры, безпрерывно забываешь одно вмѣсто другаго, забываешь наконецъ все, кромѣ того, что передъ глазами,—готовъ саженью растянуть руки, и сказать: нѣтъ-съ, ничего-съ не знаю-съ. Я уже не говорю, сколько мнѣ слѣдовало-бы написать о Москвѣ, о Москвичахъ, или о пути изъ Москвы въ С.Пбургъ; о самомъ Пбургѣ, вѣроятно, очень многое останется въ тяжеломъ грузѣ недосказанаго. Мнѣ бы надо было вести журналъ и для памятки вписывать въ немъ хоть краткія замѣтки о томъ, что видѣлъ и слышалъ, но до сихъ поръ за журналъ и не принимался, а записывалъ на лоскуткахъ, изъ которыхъ половина уже, можетъ статься, затерялась.

Начну сегодняшнимъ числомъ. Утро прошло, свѣчи на столѣ, день конченъ, и я могу писать о немъ, какъ о давно прошедшемъ припоминая по недавне-прошедшему и о давно-прошедшемъ. Съ утра, послѣ чаю, я занялся сниманіемъ карты, на которой Шафарикъ означилъ во всей подроб-

ности народонаселеніе Австрійской Имперіи по племенамъ. Эту карту сообщилъ мнѣ Сербиновичъ. Чрезвычайно любопытная карта: глядя на нее, видишь, какъ могущественно расширилось по Австрійс. Имперіи наше родное племя Славянъ, какъ примкнуло къ нему съ Юга племя Римское, какъ врѣзались, ворвались въ ихъ средину съ Запада Нѣмцы, съ Востока Мадджары, врѣзались, и разбросались клочками. Другую карту Шафарикову о типографіяхъ Славянскихъ я уже снялъ. Эту не такъ легко: иногда бьешся, бьешся, да и бросишь. Кстати о Сербиновичѣ: онъ—воспитанникъ іезуитовъ, перекрестившійся въ нашу вѣру, обходителенъ со всѣми, обходителенъ и со мною, даже очень обходителенъ. Онъ обѣщался между прочимъ помѣщать мои статьи, находящіяся у него, одну за другою, просилъ, что-бы я доставлялъ ему статьи изъ за границы, и сказалъ, что будетъ доставлять мнѣ деньги. Деньги: вотъ это очень хорошо. Я у него бываю довольно часто.—Просидѣвши за картою до 1/2 одинадцатаго, отправился на Лиговку въ домъ Смирдина, думалъ тамъ найдти Полеваго, узналъ, что перемѣнилъ квартиру, поѣхалъ къ Башуцкому [1]), узналъ то-же,—и воротился къ Фонтанкѣ къ дому Долгорукова, гдѣ живетъ Князь Одоевскій... «Дома Князь?»—«Дома». И я вошелъ въ предкабинетіе. Чрезъ нѣсколько минутъ входитъ Княгиня, нѣчто въ родѣ смуглаго папошника, и проситъ извиненія, что Князь заставляетъ ждать, что Князь, принявши ванну, приметъ и меня. Выбѣгаетъ наконецъ и Князь: въ бархатномъ черномъ шлаф-сюртукѣ, въ колпакѣ темномъ, изъ подъ котораго видѣнъ другой бѣлый, и во всемъ прочемъ, онъ очень похожъ на Нѣмецкаго калбасника,—и также худъ, и также хомяковатъ, и также простъ; лице впрочемъ миленькое, добренькое, умненькое. Узнавши мою фамилію, онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки и потащилъ въ кабинетъ, говоря, что радъ и моему пріѣзду въ Пбургъ, и встрѣчѣ со мною; потомъ посадилъ въ кресло, спросилъ имя и отчество, спросилъ, хочу-ли чаю, или цигару, подалъ цигару, и началъ разспрашивать объ Украинѣ, о Харьковѣ, о моемъ путешествіи, и т. д. Жалѣетъ, что я не запасся свѣденіями музыкальными, что этого роду свѣденія не вошли у насъ въ обычай; просилъ сообщить ему мое собраніе Малорос. голосовъ проиграть и исправить ошибки переписки: видно, что страстный музыкантъ. Онъ впрочемъ и правитель дѣлъ по Комитету о Пріютахъ,—и разговоръ своротился на пріюты. Ихъ въ Пбургѣ семь, и въ семи до 1000 дѣтей отъ 3 до 9 лѣтъ: цѣлый день они въ пріютѣ, обуты, одѣты, учатся читать, писать, считать, пѣть, играются—все это подъ присмотромъ добропорядочныхъ женщинъ, между тѣмъ какъ дома только бы

[1]) Алекс. Павл. Башуцкій—литераторъ; въ это время издавалъ Журналъ Общеполезн. свѣдѣній.

дурачились. Князь просилъ меня заѣхать въ одинъ изъ пріютовъ, что бы увидѣть, какъ полезны этого рода заведенія: «у васъ навернутся слезы отъ чувства при видѣ этихъ дѣтей, извлеченныхъ изъ грязи, и воспитаніе которыхъ имѣетъ благодѣтельное дѣйствіе и на родителей». Говорили и о промышленности Русской, о надеждахъ нашихъ въ будущемъ въ этомъ отношеніи. О литературѣ почти не говорили. Я успѣлъ однако осмотрѣть кабинетъ, увидѣть, что у Князя все, что нужно ему, есть подъ рукою, и все съ большимъ удобствомъ: не говорю о богатой мебели, о журналахъ,—у него и библіотека очень богатая, очень разнообразная, очень правильно расположенная, и богатое собраніе картинъ, и пропасть нотъ, и прекрасный рояль. Я просидѣлъ у него до двухъ часовъ, получилъ приглашеніе на субботу—по субботамъ у него литературные вечера,—и отправился въ Александровскій пріютъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не любоваться этимъ множествомъ дѣтей, чисто одѣтыхъ, веселыхъ, шутя учащихся. Они пропѣли мнѣ «Боже царя храни», показали свои работы, свои передники, свои башмаки, плетеные изъ рѣзаныхъ покромокъ, свое писаніе, а при выходѣ моемъ возгласили мнѣ «прощайте».—Не далеко оставалось до Лавры,—и я поѣхалъ въ Лавру. Главный храмъ похожъ фигурою на Казанскій соборъ, только не такъ богатъ; въ немъ справа гробница Александра Невскаго, серебрянная, въ 95 пудовъ, изумительно богатая и изящная; въ немъ же слѣва двѣ гигантскія картины Рубенса—снятіе со креста и воскресеніе,—и я не могъ не любоваться выраженіемъ лицъ въ первой изъ нихъ, въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, виситъ такая же гигантская картина Рафаеля—благовѣщеніе,—но я грѣшникъ—сколько ни всматривался въ нее, не высмотрѣлъ такого, что бы тронуло мою душу. Въ Малой церкви подлѣ кладбища, весь полъ и всѣ стѣны исписаны надписями на память о погребенныхъ тутъ знаменитостяхъ. Прежде всего я поклонился передъ гробомъ Суворова, потомъ сталъ читать надписи, которыя попадались подъ глазами и подъ ногами. Чего тутъ нѣтъ: тутъ и царевны дочери покойника Александра, и Грузинская Царевна, и Голицыны, и Строгановы, и Куракины, и Бецкій, и вся знать. Коегдѣ въ стѣнахъ вдѣланы памятники, блестящіе золотомъ, серебромъ, мраморомъ. Я зашелъ и на кладбище: груда мраморовъ, между которыми трудно пробираться,—и того, передъ чѣмъ-бы въ другомъ мѣстѣ простоялъ полчаса, считаешь тутъ десятками. Грустно было ходить по этому кладбищу, куда снесено и много изъ тѣхъ, кто двигалъ Россіей, кто оставилъ по себѣ долгій слѣдъ и долгую память... Тутъ и Державинъ, и Карамзинъ... Многіе памятники покрылись мохомъ, другіе разрушаются, и между ними свѣтлѣютъ юные, прекрасные, а нѣкоторые благоразумными владѣльцами покрыты отъ ударовъ времени шелевочными колпаками—очень кстати! Возвращаясь домой, я заѣхалъ къ откупщику Бенардаки, съ порученіемъ отъ Погодина,

принятъ очень ласково, прошенъ и на обѣдъ, и на вечеръ, и хоть каждый день, у порога встрѣтился съ бывшей моей ученицей Ваффеевой,—и домой.—Вотъ и все утро. Теперь мы пообѣдали, попили кофе, собираемся пить чай; а я, просмотрѣвши, что написалъ, вздумалъ, что надобно же сказать нѣсколько словъ и о Казанскомъ соборѣ, гдѣ я былъ уже два раза, и лучше чего я еще ничего не видалъ въ Пбургѣ. Полукруглою колоннадою развертывается онъ на Невскій проспектъ, образуя площадь, на которой стоятъ памятники Кутузову и Барклаю. Колоннъ что-то очень много, цвѣту желтобураго, какъ и весь храмъ снаружи. Въ серединѣ надъ колоннадой возвышается величественный куполъ, покрытый серебренною кровлей. Вошедши въ храмъ, не знаешь, чему удивляться—огромности, богатству или величію. Вы видите громадныя цѣльныя колонны изъ темносѣраго гранита съ бронзовыми пьедесталами и капителями, видите огромную площадь храма, развернувшуюся длиннымъ крестомъ,—и сами себѣ кажетесь такъ малыми, что одного этого довольно для пробужденія чувства. Храмъ пустъ, кое гдѣ только по угламъ стоятъ и сидятъ пришедшіе поклониться святому образу Казанскому,—и все молчитъ, такъ что вы слышите, какъ ноги ваши скользятъ по мрамору, и какъ эти звуки повторяются на сводахъ,—и сердце ваше начинаетъ сильно биться. А вонъ стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ Казанскимъ тощій старикъ, можетъ быть, изстрадавшій всю жизнь, слышится и гортанный полузвукъ его «Господи!»—и слеза скатывается по лицу,—и вы уже не можете не молиться. Сюда, кто пришелъ, пришелъ молиться, а если пришелъ и не съ тѣмъ, выйдетъ помолившись.—Иконостасъ, и рѣшетка передъ нимъ изъ литаго серебра. На пиластрахъ, поддерживающихъ куполъ со стороны паперти, развѣшены ключи разныхъ городовъ; на колоннахъ паперти висятъ знамена, отнятыя во время послѣднихъ войнъ; въ углу за колоннами гробница Кутузова. Но зачѣмъ этотъ храмъ не въ Бѣлгородѣ, или лучше зачѣмъ этотъ Петровскій Бѣлый городъ не такъ-же близко отъ Харькова, какъ тотъ другой! То-то бы хорошо! И мы были бы съ вами въ немъ, и я теперь хоть на денёкъ убѣжалъ-бы изъ него къ Вамъ въ Харьковъ, гдѣ я оставилъ такъ много незамѣнимаго, незабвеннаго, отнятаго у меня уже можетъ статься на всегда. Ахъ, Харьковъ, Харьковъ! Ворочусь въ него, если Богъ дастъ воротиться, уже не такимъ; да и люди, которыхъ встрѣчу тамъ, развѣ не измѣнятся! Какъ же не желать увидѣть его еще разъ, увидѣть безъ перемѣны тѣхъ, кого привыкъ любить или уважать такъ, какъ они есть, не иными.

2-е Ноября.

Вчерашній вечеръ до полуночи я просидѣлъ въ кругу товарищей односкамейниковъ: Хозяиномъ былъ Гамалея—не товарищъ, но хохолъ, и слѣдо-

вательно свой братъ.—Съ Шпигоцкимъ мы миловались, съ Джунковскимъ бранились, съ Лыгинымъ хохотали,—и Лыгина же слушали. Онъ имѣетъ голосъ, имѣетъ большія музыкальныя способности, и притомъ посѣщалъ каждую оперу по крайней мѣрѣ по десяти разъ. Онъ пѣлъ намъ мотивы изъ Роберта, изъ Фенеллы, изъ Жизни за Царя и пр. Мы наслаждались. Ахъ, Боже мой, я и забылъ вамъ сказать, что былъ въ театрѣ уже два раза—въ прошлую Пятницу на Сильфидѣ, а третьяго дни, во Вторникъ, на Робертѣ. Я видѣлъ въ Сильфидѣ Тальони,—видѣлъ Сильфиду. Я не воображалъ, чтобы балетъ могъ имѣть на меня какое нибудь сильное вліяніе, кромѣ развѣ самаго непріятнаго, не воображалъ потому, что не могъ себѣ представить, чтобы мнѣ могла понравиться искуственность, почти совершенно отрѣшенная отъ естественности,—и... Занавѣсъ поднимается, великолѣпная музыка отдаетъ звуки за звуками, душа сотрясается,—передо мною комната Нѣмецкаго рыцаря съ очагомъ, въ которомъ чуть тлѣетъ огонь. Оруженосецъ спитъ у дверей, рыцарь спитъ ближе на креслѣ. У ногъ рыцаря, на колѣнахъ, оперши руку о ручку креселъ и головку о руку, и устремивши глаза на рыцаря, стоитъ что-то недвижно-прекрасное. Музыка развертывается, сгущается, волнуется,—недвижимо-прекрасное остается безъ движенія, какъ мраморная статуя, чувствуешь жизнь только въ глазахъ, все всматривающихся въ рыцаря. Ждешь, наслаждаешься, теряешь понятіе о времени. И вдругъ Сильфида вспархиваетъ какъ тѣнь, и начинаетъ облакомъ виться около спящаго рыцаря, вьется, обходитъ, отходитъ, приходитъ, облетаетъ разъ, другой, третій, становится на колѣни передъ рыцаремъ, взлетаетъ сзади и, сложивши ручки, опустивши головку, снова недвижимо всматривается въ рыцаря, недвижимо стоя на воздухѣ, опять летитъ, опять прилетаетъ, цѣлуетъ рыцаря въ лобъ, летитъ прочь. Рыцарь проснулся, вскочилъ, очнулся, припоминаетъ, видитъ Сильфиду, къ ней, за нею; но она неуловима, летитъ къ очагу, въ очагъ, и улетаетъ въ трубу. Рыцарь будитъ оруженосца, разсказываетъ ему (разумѣется тѣлодвиженіями) что видѣлъ; оба ищутъ Сильфиду въ очагѣ,—и потомъ видятъ, сквозь окна, какъ она летитъ по полямъ и лѣсамъ, освѣщенымъ зарею, все далѣе, далѣе... Эта первая сцена, наслаждаясь которою, и любишь вмѣстѣ съ Сильфидой, и грустишь о Сильфидѣ за рыцаря, такъ очаровала меня, что я готовъ былъ себя проклинать, какъ могъ я не постигать возможности выразить въ балетѣ все, что можетъ быть изящнаго и высокаго въ чувствѣ. Впрочемъ слѣдующія сцены гораздо хуже; кромѣ последней, гдѣ Сильфида, уже лишенная неземности, умираетъ какъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ музыкою плакалъ и я. Музыка и декораціи въ Робертѣ превосходны, но актеры — гадость, — и эффектъ потерянъ.

Цѣлую ручку Вашу, милая маменька Изм. Срезневскій.

— Не худо-ли я сдѣлалъ, что оставилъ при себѣ только 200 рублей для брата. Мы разщитывали съ нимъ, и нашли, что нынѣшній годъ ему надобно дать еще 200. Изъ своихъ я боюсь дать, изъ вашихъ—но гдѣ вамъ взять? Я что-то худо помню состояніе финансовъ вашихъ. Если Вамъ нельзя, то я изъ за границы пришлю статью къ Сербиновичу, и буду просить, чтобы деньги отдалъ брату.

— Я васъ увѣдомлю, куда поѣду и куда адресовать мнѣ письма за границу; а покамѣстъ пишите къ брату: онъ мнѣ перешлетъ.

— Удивительно, что съ почтою дѣлается: я писалъ отъ 6 Октября и Вы до 20 не получили: а я ращитывалъ, что вы получите 16-го [1].

X.

№ 9. С.Пбургъ 1839. Ноября 10.

Вчера былъ четвергъ, по четвергамъ получаемъ мы письма отъ Васъ, милая Маменька,—и вчера я съ нетерпѣніемъ ждалъ возврата брата изъ Академіи, надѣясь, что онъ принесетъ письмо Ваше; но онъ не принесъ, — и избалованный Вашъ Измайлуха невольно груститъ. Онъ увѣряетъ себя, что недолго придется ему получать письма Ваши такъ часто, какъ теперь получаетъ, что скоро за счастіе будетъ считать получить письмо Ваше черезъ два мѣсяца: напрасно: не легче ему отъ того, даже тяжелѣе. Нѣтъ, еще не привыкъ я странствовать, одиночествовать. Чѣмъ далѣе отъ Харькова, тѣмъ болѣе грущу по немъ: вотъ такъ бы и поворотилъ оглобли къ нему, помчался-бы не оглядываясь, ни о чемъ не думая... И мечта уже рисуетъ передо мною очаровательные образы той милой жизни, которую велъ я съ Вами, въ добромъ кругу знакомыхъ, друзей,—рисуетъ образы Вашей любви ко мнѣ и попечительности обо мнѣ, а тутъ и картинку кружка друзей, собравшихся вокругъ Вашего чайнаго столика, и картинку изъ поѣздки въ Бѣлгородъ, и пр., и пр. Такъ много было такого, съ чѣмъ бы не разстался никогда,—и разстался... не безъ надеждъ, но могу-ли въ ихъ рядъ поставить и надежду—встрѣтить, возвратясь, все по прежнему, зажить, какъ жилось? Обстоятельства такъ быстро измѣняются!.. Измѣнятъ может быть и меня, сдѣлаютъ неспособнымъ сочувствовать тому, чему сочувствовать еще недавно такъ меня счастливило. О, не дай Боже! — Горькій глотокъ грусти заѣдаю конфетой душевной увѣренности, что я такъ жилъ, — и переворачиваю листокъ. Авось, говоря съ Вами о Петербургѣ, забуду горе хоть на минуту.

Начну съ того, что въ Петербургѣ менѣе нежели гдѣ имѣю право скучать... ревать. Я у родного, и часто вижусь съ старыми друзьями: этого уже слишкомъ

[1]) Приписки на поляхъ.

много для странника. Душа может говорить как хочетъ.—Брата я засталъ какимъ желалъ застать: каждый день и весь день онъ занимается—утромъ отъ 8 до 2 или отъ 9 до 3 часовъ въ Академіи, послѣ обѣда до 12, а иногда и до 2 дома; нѣтъ другихъ книгъ, ни другихъ мыслей, ни другихъ разговоровъ, кромѣ военно-ученыхъ; его познанія во многомъ такъ основательны, такъ велики, что иногда изумляешся—особенно, что для меня болѣе другаго понятно, въ Географіи Европы и Россіи, которую онъ изучилъ съ такой подробностію и съ такою сознательною отчетливостію, что дай Богъ и профессору Географіи знать не хуже его; желаніе и стараніе становиться все лучше, все благоразумнѣе и благороднѣе—занимаетъ его по прежнему; и—что-бы сказать обо всемъ—окопированъ онъ прекрасно, чисто, даже богато (не богатъ только бѣльемъ). Онъ ухаживаетъ за мною, какъ добрый братъ и другъ, и живемъ мы съ нимъ и съ его товарищемъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, Андр. Лавр. Барковскимъ, славно. Можетъ быть я имъ и наскучу, но они сами не захотѣли, что-бы я нанялъ квартиру отдѣльную, стѣна объ стѣну съ ихъ комнатами, когда былъ случай. Что до моихъ прежнихъ старинныхъ друзей, то я засталъ тутъ двухъ изъ нихъ—Шпигоцкаго и Джунковскаго [1]): одинъ—чиновникъ вполнѣ, работаетъ днемъ весь день, работаетъ часто и ночью, пріобрелъ о себѣ хорошее мнѣніе начальства, и скоро будетъ Надворнымъ, добръ, милъ, гостепріименъ, словомъ—какъ прежде; другой остается Коллежскимъ Секретаремъ, служитъ нерадиво, за то все читаетъ книги, учится, и пріобрелъ гигантское количество познаній, такъ что иногда странно становится, какъ можетъ голова его сдерживать такую массу фактовъ и не терять способности соображать, пользоваться фактами,—и добръ, благороденъ, чуденъ по прежнему. Я и забылъ было о Булычовѣ [2]): милый юноша, высшаго круга, служитъ по нѣскольку часовъ въ недѣлю въ Комитетѣ Министровъ, время проводитъ съ Министершами и т. п., добрый товарищъ по прежнему. Съ нимъ впрочемъ вижусь не часто; за то часто съ Шпигоцкимъ и Джунковскимъ, и время бѣжитъ.

Вотъ уже и три недѣли (безъ одного дня), какъ я живу въ Петербургѣ, а добраго сдѣлалъ мало. Обстоятельства заставляютъ остаться еще на недѣлю. 21-го ѣду непремѣнно. Иностранный пасспортъ уже получилъ, и билетъ на мѣсто въ дилижансѣ также взятъ, остается только получить подорожную; но обстоятельства заставляютъ остаться до 21, на 21-е взято и мѣсто въ дилижансѣ. Ѣду въ Ригу; оттуда не знаю куда—въ Варшаву, если можно будетъ ѣхать покойно, въ Кёнигсбергъ, если не найду попутчика въ

[1]) Іос. Абр. Джунковскій и Аѳ. Григ. Шпигоцкій—товарищи И. И. С—го по университету.

[2]) Ив. Демьян. Булычовъ—товарищъ И. И. Срезневск. по университету; впослѣдствіи дѣйств. членъ Имп. Географ. общ., путешественникъ по Сибири; имъ издано «Путешествіе по Восточн. Сибири»—роскошный сборникъ видовъ Сибири и бытовыхъ картинъ изъ жизни ея населенія.

Варшаву, и кажется всего вѣроятнѣе въ Кёнигсбергъ, что-бы оттуда въ Берлинъ и Прагу. Изъ Риги увѣдомлю.

Между тѣмъ нельзя же не сказать хоть нѣсколькихъ словъ о томъ, что былъ я и еще разъ въ театрѣ. Въ этотъ третій разъ былъ я въ Александринскомъ театрѣ, когда давали Велисарія, новую драму, передѣланную съ Нѣмецкаго Ободовскимъ, и имѣющую необыкновенный успѣхъ. При мнѣ давали ее уже разъ шесть, и театръ всегда полонъ, биткомъ набитъ. Велисарій возвращается побѣдителемъ изъ похода противъ Вандаловъ, когда составляется противъ него заговоръ. Лѣтъ за 20 у Велисарія родился первенецъ-сынъ, и Велисарій готовъ былъ любить его; но зловѣщій сонъ, представившій ему, что этотъ сынъ его вооружится противъ Имперіи и Императора, превращаетъ его любовь въ ненависть, и Велисарій поручаетъ вѣрному рабу своему утопить младенца. Воля его исполняется такъ, что никто, ни тѣмъ болѣе жена, этого не знаетъ. Знаетъ только рабъ, исполнявшій волю. Передъ возвратомъ Велисарія изъ Вандаліи рабъ заболѣлъ, почуялъ смерть, и покаялся женѣ Велисарія. Пылая мщеніемъ, жена принимаетъ участіе въ заговорѣ—на гибель Велисарія. Сегодня Юстиніанъ Императоръ награждаетъ его тріумфомъ и лавровымъ вѣнкомъ; завтра онъ подъ судомъ: призывается въ Сенатъ, обвиняется врагами и женою въ злоумышленіи противъ Сената и Императора, заключается въ тюрьму, осуждается на смерть Сенатомъ, осуждается на изгнаніе и ослѣпленіе Императоромъ. У Велисарія есть дочь: она, узнавши объ осужденіи отца на изгнаніе и ослѣпленіе, покидаетъ мать, и становится вожатаемъ слѣпаго отца, вожатаемъ, какимъ только можетъ быть дочь. Велисарій привезъ изъ Вандаліи между прочимъ одного плѣнника и усыновилъ его. Этотъ плѣнникъ, рѣшаясь мстить Имперіи за Велисарія, идетъ къ Аланамъ, вооружаетъ ихъ противъ Константинополя, ведетъ ихъ... Случайно встрѣчается этотъ юноша Аламиръ съ бродячимъ Велисаріемъ и обязывается покинуть свое намѣреніе; но Алане продолжаютъ путь къ Цареграду, разбиваютъ Императорское войско. Велисарій также идетъ въ Цареградъ, встрѣчается съ Греческимъ войскомъ, узнаетъ, что Аламиръ не кто иной какъ его сынъ первенецъ, случайно спасенный, принимаетъ начальство надъ войсками, разбиваетъ Алановъ, получаетъ рану... Жена Велисарія между тѣмъ покаялась, обезумѣла отъ горя. Понятна послѣдняя сцена: Велисарія вносятъ на носилкахъ, едва дышащаго, дѣти и Императоръ и войско плачетъ надъ нимъ, вбѣгаетъ жена, молитъ мужа о прощеніи, получаетъ его и умираетъ; потомъ умираетъ и Велисарій.—Драма сама по себѣ не высокаго смысла; но въ ней есть много положеній, много мыслей и чувствъ, понятныхъ для души Русскаго,—и публика хлопаетъ и топаетъ, плачетъ, забывается. Въ одномъ мѣстѣ Юстиніанъ говоритъ, что счастлива страна, гдѣ Царь говоритъ съ народомъ какъ съ дѣтьми отецъ: хлопанье,

топанье, крикъ радости продолжались минуту послѣ этихъ словъ, и гремѣли такъ, что страшно становилось. Не громче было бы ура народа, въ первый разъ встрѣчающаго Царя. Надобно сознаться, что и нѣкоторые изъ актеровъ, если не всегда, то во многихъ сценахъ, исполняли роли свои прекрасно. Каратыгинъ 1-й въ ролѣ Велисарія былъ почти всегда превосходенъ; Каратыгина, въ ролѣ жены, также; Брянскій—Юстиніанъ—также. Елену, дочь Велисарія, играла Асенкова, милочка собою и актриса съ высокимъ дарованіемъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ дочернему чувству,—и какая милочка... Не подумайте, Маменька, что я въ нее влюбился; но, право, она такъ мила—переодѣтая въ мальчика, такъ любитъ отца, такъ понимаетъ его, такъ угадываетъ всякое чувство его, всякое желаніе, что, взглянувши на нее, не хочешь вспомнить о Тальони, а все бы на нее смотрѣлъ. Вся душа моя наслаждалась чувствомъ изящнаго и высокаго, небеснаго. Не женщину видѣлъ я въ ней, а дочь, которой и въ раѣ не будетъ лучшей. Я плакалъ, я забывалъ и присутствіе толпы людей вокругъ меня, и содержаніе драмы, и игру Каратыгиной, Брянскаго и другихъ, и самаго себя наконецъ,—все глядѣлъ на отца и на дочь, на дочь и на отца. Мнѣ наконецъ совѣстно стало, что я сижу въ креслѣ между 500 подобныхъ и подъ 5-ю ярусами ложъ, будто у себя въ одиночку, и закрылъ глаза лорнетомъ; стало совѣстно, не надолго однако: скорѣе совѣститься долженъ тотъ, которому не понятно чувство, возбуждаемое этою драмою, кто можетъ смотрѣть на Асенкову какъ на красавицу, забывая, что она дочь Велисарія. Не могу пересказать всѣхъ сценъ, меня поражавшихъ, но вотъ нѣкоторыя:—Велисарія выводятъ за городъ, снимаютъ цѣпи съ него, говорятъ, что есть юноша, готовый быть его вожатаемъ; поотдаль стоитъ мальчикъ, сердце его сильно бьется, онъ жметъ его руками, и то молится, то глядитъ на старца—слѣпца, а слезы градомъ по лицу. Велисарій начинаетъ распрашивать юношу (онъ могъ не узнать голоса, потому что долго былъ въ походахъ и только вчера возвратился съ нихъ); юношѣ не хотѣлось бы раскрыть свою тайну, но чувство побѣждаетъ... Елена падаетъ къ ногамъ отца, цѣлуетъ полу его тоги, его сандалію, изъ глубины сердца восклицаетъ: «родитель!» Публика захлопала—я зарыдалъ.—Близь одного селенія, мужики собрались около Велисарія, не зная кто онъ, и поютъ о немъ пѣснь (Малютка, шлемъ нося, просилъ для Бога—пищи лишь дневныя слѣпцу, котораго водилъ, кѣмъ славны Римъ и Византія): малютка Елена прижалась къ отцу, ласкаетъ его, и въ ея движеніяхъ отражается смыслъ пѣсни—и совершенно естественно, и вполнѣ. Мнѣ опять захотѣлось плакать,—и я закрылъ глаза лорнетомъ.—Велисарій возвращается въ Константинополь, уже онъ близко, уже виденъ. Велисарій надѣется, съ нимъ надѣется и Елена; молится, съ нимъ молится и она: опять удивительная сцена, которой я не могъ

не сочувствовать... Впрочемъ довольно о Еленѣ и Велисаріи. Я уже говорилъ и о публикѣ. Скажу еще, что публика здѣшняя, сколько ни любитъ вызывать хорошихъ актеровъ, но хлопаетъ, топаетъ болѣе въ пользу автора, т. е. когда ей понравится та или другая сцена, та или другая мысль или выраженіе. Ей какъ будто не хочется отличать сцены отъ дѣйствительной жизни, хочется жить на сценѣ, по крайней мѣрѣ принимать участіе въ жизни [1]) живущихъ на ней.

Братъ воротился изъ академіи, и принесъ письмо отъ Васъ, душенька Маменька. Слава Богу, Вы здоровы, Вы не скучаете, Вы спокойны... [2]) И во весь вечеръ только и было нами сдѣлано, что написана эта страничка. Барковскаго не было дома; мы ждали его возвращенія и болтали. Между прочимъ, какъ люди, и о деньгахъ. Брату больно, что онъ долженъ отягощать Васъ своими просьбами, больно, что онъ до сихъ поръ не сладится такъ, что-бы пріобрѣтать по крайней мѣрѣ столько, чтобы жить безнуждно,—и онъ рѣшается отдѣлять часть времени что бы его посвящать на литературные подрядцы—для денегъ. Впрочемъ, что скрывать, занятій у него много, чѣмъ больше будетъ заниматься, тѣмъ для него-же лучше,—и безъ помощи Вашей ему не обойдтись. Я уже писалъ Вамъ объ этомъ въ прошломъ письмѣ, и повторяю: если не 200, то хоть 150 въ этотъ годъ ему необходимы въ добавокъ къ 200, уже полученнымъ. Я бы не поскупился ему оставить если не всѣ 200, то хоть 100, если-бы зналъ, что со мною не можетъ случиться ничего непріятнаго, что эта первая треть испытаній пройдетъ удачно, что деньги слѣдуемыя за слѣдующую треть получу акуратно; но теперь ничего не знаю, что будетъ со мною—и скуплюсь противъ желанія сердца. Я хоть и получилъ отъ Министерства за статью о Персидской и Египетской религіи [3]), но это мнѣ не станетъ и на проѣздъ отсюда до Риги, потому что только за мѣсто въ дилижансѣ я заплатилъ уже 100 (что получилъ), надо же прибавить на съѣстныя издержки и т. п.; за то казна мнѣ ничего не дала за проѣздъ изъ Харькова до сюда, а мнѣ еще жить два мѣсяца и пути около 2000 верстъ. Я не стану лѣниться, и надѣюсь получить что нибудь за статьи, но теперь все это еще будущее. Вы мнѣ напишите о Вашихъ финансахъ, а я Васъ увѣдомлю о моихъ—и Богъ дастъ, дѣло сладится. Что до банковыхъ билетовъ, я сдѣлалъ бы подло, если-бы сдѣлалъ иначе: протягивай ножку по одежкѣ, у меня же нога не длинна, не высокаго я росту,—собьюсь,—достанетъ на все и даже на то, что-бы посмотрѣть разъ-другой на какую-нибудь Асенкову. Лишь бы непредвидѣнности не сражали; а я для нихъ только и скуплюсь.

---

[1]) Въ подл.: въ жизнь.

[2]) Далѣе на томъ-же листкѣ слѣдуетъ письмо Ник. Иван. Срезневскаго; его мы опускаемъ.

[3]) Сближеніе религіи Персидской съ Египетской (Журн. Мин. Нар. Пр. 1839, ч. XXII, отд. II, стр. 188).

Сегодня, т. е. 11-го Ноября, я проснулся, Академиковъ уже нѣтъ: они съ 8-ми часовъ отправились. Я сѣлъ за письмо, написалъ страницу, перечелъ Ваше письмо, опять пишу,—и прежде всего извиняюсь, что дурно пишу. Что мнѣ дѣлать, душечка Маменька: и рука скользитъ, и хочется больше написать, вотъ и пишется дурно. Я и принуждаю себя, да проку нѣтъ. Когда я жилъ при Васъ, то иногда, и довольно часто, не находилъ, что новенькаго сказать Вамъ; а теперь все-бы, все-бы расказывалъ Вамъ, а въ то время, когда хочется мнѣ говорить, Вы знаете, я болтунъ, и іорза: отъ этого и лѣплю букву на букву, и спѣшу. Да что таить: и писать не умѣю. Простите меня, душенька Маменька.

Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе и душевную благодарность Марѳѣ Ивановнѣ[1]) она учила меня быть добрымъ сыномъ въ Харьковѣ,— и того я никогда не забуду; она и теперь заставляетъ меня благодарить Бога.— Обращаюсь къ Миссъ Фанни[2]): Если Вы не помните меня лихомъ, то будьте добры, поцѣлуйте за меня ручку у Марѳы Ивановны. Вы передадите мое почтеніе и благодарность и доброй Маменькѣ Вашей.

Поклонитесь, Маменька, Ивану Петровичу и его супругѣ, и всѣмъ, кто меня не забылъ и кто забылъ.

Вамъ, добрые незабвенные друзья мои, общій поклонъ. Да извинитъ меня тотъ изъ Васъ, передъ кѣмъ я виноватъ. Тебѣ, frate Ambrosio[3]), спасибо за второе письмо: оно хоть и сильно огорчило меня, за то и утѣшило. Слава Богу, слава Богу, и да расточатся врази. Отвѣтъ на него начатъ, но дописать не успѣю. Посылаю листокъ только Александру Петровичу[4]) съ Семеномъ Семеновичемъ[5]). Прощайте! Цѣлую Васъ.

По моему расчету, я напишу еще два письма изъ Россіи: одно отсюда, другое изъ Риги... и потомъ.

Цѣлую ручки ваши, душенька Маменька. Прощайте... Да подкрѣпитъ Господь Ваше здоровье.

Вашъ поганый, но крѣпко любящій Васъ сынъ И. Срезневскій.

XI.

№ 10. С.П.бургъ. 1839. Ноября 14. Вторникъ.

Вамъ не вѣрится, милая Маменька, что я до сихъ поръ въ Пбургѣ. Не вѣрится и мнѣ самому,—и между тѣмъ еще недѣлю, ровно недѣлю я

[1]) Фидлеръ.

[2]) Сестра проф. А. С. Питры, бывшаго впосл. проф. и ректоромъ Харьк. унив.

[3]) Амвросій Лук. Метлинскій.

[4]) Рославскій-Петровскій.

[5]) Лукьяновичъ.

буду въ Петербургѣ. Выѣзжаю только 21-го: на это число взятъ и билетъ въ дилижансѣ. Одна изъ главныхъ причинъ такого замедленія вотъ какая: дилижансъ въ Ригу ходитъ только по вторникамъ; думая выѣхать въ прошедшій еще вторникъ, я зашелъ въ контору съ тѣмъ что-бы записаться дни за три,—и что же—всѣ мѣста не только на тотъ вторникъ, но и на сегодняшній, были заняты. Что было дѣлать? Я было хотѣлъ искать другихъ средствъ для выѣзда въ Ригу, но когда въ теченіи нѣсколькихъ дней ничто не подавало надежды, я побоялся потерять мѣсто въ дилижансѣ и на 21 число, и рѣшился записаться не медля. Теперь живу въ СПбургѣ и жду 21. Уже и казенная подорожная до Таурогена взята, и все готово: остается только выѣхать. Вы думали, душенька Маменька, что я посуплюсь взять шубу? Нѣтъ, сотню разъ благодарилъ я Васъ за то, что Вы велѣли мнѣ взять ее съ собою. Не знаю, какъ-бы и быть мнѣ въ поѣздкѣ изъ Москвы сюда, если-бы не было со мною шубы; не зналъ-бы и тутъ, что дѣлать безъ нея. Я ни шагу безъ нея, и въ Ригу и далѣе поѣду не иначе какъ въ ней. Воротника отпарывать не буду, потому что не стоитъ покупать другаго, да и не хочется тратить денегъ на эту покупку. И такъ шубу я беру съ собою. За то многое другое, многое оставляю. Угадайте, Маменька, что?—большой чамайданъ съ книгами, или, лучше сказать, все, кромѣ Берлинскаго чамайдана, наполнивши его сколько можно болѣе. Не дорого было-бы переслать большой чамайданъ пароходомъ въ Любекъ и оттуда въ Прагу; но пароходы уже не ходятъ, а пересылать транспортомъ дорого. По этому пусть остается онъ до времени у брата. Пріѣхавши въ Прагу и разузнавши обстоятельнѣе, какъ сдѣлать, я напишу къ брату, а онъ обѣщается распорядиться какъ слѣдуетъ. Если-же найду ненужнымъ пересылку [1]), то братъ привезетъ его къ Вамъ... А между тѣмъ собираюсь, собираюсь—и вотъ уже скоро...

Сегодня я бродилъ по Петербургу. Вышелъ въ 10, воротился къ 4-мъ, былъ только у Сербиновича, въ Редакціи Ж. М. Н. П., на почтѣ (относилъ письмо къ издателю Галатеи) [2]), у Гординскаго (издателя Очерковъ Россіи) и въ Канцеляріи г. Губернатора,—все остальное время бродилъ. Началось Англійскою набережною: я ходилъ на нее къ Анастасевичу, не засталъ, и отъ Румянцевскаго Музеума (гдѣ онъ живетъ) шелъ тихо. Время было только что за полдень, солнце свѣтило роскошно, легенькій туманъ поднимался и опускался серебренною пылью; высокопраздный народъ высыпалъ отовсюду на гулянье. Я шелъ и встрѣчался... Прекрасно ходить между людьми, которыхъ не знаешь, сколько и имъ неизвѣстенъ. Вотъ идетъ парочка: розовый капотъ съ длиннымъ розовымъ мантеле, обшитымъ блондой, то-же розо-

---

[1]) Въ подл. «пересылки».
[2]) Раичу.

вой, розовая шляпка съ розовымъ перомъ, и все это розовое оттѣнено только чернымъ собольимъ хвостомъ, обвившимъ шейку, да чернобурой муфтой, да черненькими крошечными сапожками, да черненькими.... т. е... глазками;— такова одна дама; другая—удобопочтенная старушка вся въ коричневомъ, вся коричневая, не исключая и лица. Парочка эта идетъ, за нею идетъ ливрейный лакей. Идутъ онѣ ко мнѣ на встрѣчу. Я смотрю на нихъ, онѣ смотрятъ на меня; чѣмъ ближе, тѣмъ болѣе мы всматриваемся другъ въ друга,—и проходимъ мимо. Не прошедши трехъ шаговъ, я любопытствую посмотрѣть на моихъ незнакомыхъ сзади, оборачиваюсь, гляжу — онѣ смотрятъ на меня, также оборотившись задомъ къ своему переду. Это меня изумило и вмѣстѣ разсовѣстило: я притворяюсь, что смотрю не (на) нихъ, а на Неву. Она-же такъ прекрасна подъ ледяною корою, кое гдѣ гладкою какъ стекло, кое гдѣ бѣлою, будто вспѣненною, такъ прекрасна подъ дымкою полупрозрачнаго тумана. Я смотрю. на Неву, на людей, пробирающихся черезъ нее тамъ и здѣсь. Вдругъ подходитъ ко мнѣ ливрейный лакей моихъ незнакомокъ, и спрашиваетъ, какъ моя фамилія; а дамы между тѣмъ все смотрятъ на меня. Что мнѣ дѣлать? Свою фамилію пускать по вѣтру не захотѣлось; я вздумалъ притвориться иностранцемъ, и вновь изобрѣтаемыми словами, поясняя ихъ тѣлодвиженіями, даю знать, что я не понимаю, что ему нужно. Дамы прислушиваются, полуулыбаются,—я подхожу къ нимъ, и по французски, ломанымъ произношеніемъ, говорю, что я не Русскій: Мэ тамъ, ше не зви па Рюсь! Удобопочтенная старушка извиняется, спрашиваетъ, откуда я, кто я, а между тѣмъ оборачивается. идетъ и заставляетъ идти за собою. Вотъ еще новость! Но я иду за дамами, объясняя, что я Армянинъ изъ Вѣны, и пр. Дамы доходятъ до моста, что за Воен. Академіей, ворочаются... Я иду съ ними рядомъ, разговариваю о Вѣнѣ, о Германіи, о Петербургѣ, объ Араратѣ, какъ моей родинѣ... Между тѣмъ мимо насъ проходятъ дамы, дѣти, юноши въ 20, 30, 40 и далѣе лѣтъ, военные и статскіе, тутъ же и попъ, и салопница, и продавецъ винограда, и гризетка съ коробомъ изъ моднаго магазина, и т. д. Еще прошли мы не болѣе полуверсты, еще только что перебѣжали черезъ Исакіевскій мостъ, а уже были очень хорошо знакомы. Мы прошли на Адмиралтейскій бульваръ, обошли все Адмиралтейство, повернули на Дворцовую набережную, мимо Зимняго Дворца, любовались имъ, шли довольно далеко за него, повернули въ какую то улочку на право, подошли къ богатому подъѣзду. Лакей дернулъ звонокъ, дверь отворилась. Я сталъ раскланиваться; дамы попросили меня войдти съ ними... Но куда же я войду съ ними? Не произойдетъ ли со мною что-нибудь болѣе нежели занимательное? Да и что они скажутъ, увидя мои пуговицы съ орлами? Я извинился, попросилъ позволенья имѣть удовольствіе быть у нихъ въ домѣ въ другое время,—раскланялся, и пошелъ. Простившись съ дамами—кто

онѣ, я не знаю, какъ не знаю и того, зачѣмъ изволили онѣ обратить на меня свое милостивое вниманіе—я пошелъ назадъ, мимо Зимняго Дворца, мимо Александровской колоны, на которую скажу, мимоходомъ, надобно смотрѣть изблизи, что-бы любоваться ея величіемъ и громадностью, на Малую Морскую, на Невскій проспектъ... Смотрю кто-то идетъ знакомый, всматриваюсь—Роберти [1]) Мы поговорили съ нимъ нѣсколько секундъ, обѣщались видѣться, и простились. Тутъ проѣхала по Невскому Марія Николаевна [2]) съ супругомъ,—и я снялъ шляпу вмѣстѣ съ другими. Невскій былъ уже полонъ, полонъ какъ наша Никольская площадь во время ярмарки, только не возами, а экипажами и гуляющими. Тутъ я видѣлъ не одну Пбуржскую красавицу, и признаюсь, нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько хорошенькихъ. Въ одномъ мѣстѣ я ждалъ минутъ до пяти, что-бы перебѣжать черезъ Невскій: такъ много ѣхало. Я завернулъ въ Казанскій, оттуда въ лавки, книжныя, оттуда взялъ извозщика въ театръ, что-бы взять билетъ на Дѣву Дуная, и домой...... [3])

Посылаю Вамъ, маменька, видъ лагеря при Красномъ селѣ [4]) и три другихъ вида окрестностей Пбурга: очень рады будемъ, если онѣ понравятся Еще посылаемъ ноты. Вы, Маменька, не найдете между ними трудныхъ, но за то всѣ модныя.

Вчера я былъ у Роберти, просидѣлъ у него часа два, говорилъ съ нимъ объ Амвросіи Лукіановичѣ, объ Иванѣ Петровичѣ. Можно обоихъ поздравить,—и я съ наслажденіемъ представляю себѣ, что словесность отечественная будетъ въ нашихъ рукахъ, будетъ преподаваема двумя друзьями, которые будутъ совѣтываться, какъ что сдѣлать, какъ преподавать, какъ упражнять слушателей [5]). Объ обѣщаніи, данномъ Ив. Петр., я не забылъ, и исполню; впрочемъ теперь нѣкогда.

Мы собирались пить кофе, когда пришелъ Ив. Ѳедоровичъ [6]). Онъ просидѣлъ съ нами до тѣхъ поръ, пока мнѣ идти въ театръ, вышелъ вмѣстѣ со мною и проводилъ до театра. По дорогѣ, просилъ онъ у меня денегъ, рублей 50. Я извинился, что не могу дать,—и могъ-ли я иначе сдѣлать? Не нуждаюсь, но боюсь нуждаться, и мнѣ, страннику, нѣтъ ничего легче, Богъ знаетъ, что еще впереди.

Я вошелъ въ театръ, когда занавѣсъ былъ уже поднятъ, музыка гремѣла, со сцены раздавался хоръ. Давали Фрейщюца первое дѣйствіе. Жаль,

---

[1]) Александръ Адольф. де-Роберти, сынъ содержателя пансіона въ Харьковѣ, въ которомъ И. И. Ср—ій давалъ уроки.

[2]) Великая княгиня, герцогиня Лейхтенбергская.

[3]) Слѣдуетъ письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

[4]) Этими словами обрывается письмо Н. И. С—го; далѣе идетъ письмо И. И. Срезневскаго.

[5]) А. А. Метлинскій былъ избранъ словеснымъ факульт. Харьк. ун. въ адъюнкты (письмо его къ И. И. С—му 27 окт. 1839 г.). Въ декабрѣ 1839 г. это избраніе получило утвержденіе.

[6]) Леоновъ докторъ медицины, и хирургіи, адъюнктъ-профессоръ Виленской медико-хирург. акад.; впосл. былъ орд. проф. ун. св. Владиміра по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія.

что не удалось слышать увертюры. Впрочемъ я всетаки успѣлъ насладиться музыкою Вебера. Потомъ занавѣсъ опустился, долго не поднимался, поднялся наконецъ... Раскрылся видъ истоковъ Дуная, окруженный лѣсами, между которыми, коегдѣ мелькаютъ хижины поселянъ. Поселяне, дѣвушки... между ними одна, чарующая всѣхъ, это Цвѣтокъ Долины. Она найдена одною старушкою у истока Дуная, и воспитана ею какъ дочь; а кто она—никто не знаетъ. Былъ себѣ баронъ, богатый, знатный. Онъ имѣлъ брата, несчастнаго въ дѣлахъ супружества: три раза былъ онъ женатъ, и три раза новобрачная умирала на другой день брака; умеръ наконецъ и онъ самъ. Пошла молва, что такъ ужъ на роду написано этимъ баронамъ, что и брату не сдобровать. Братъ хотѣлъ доказать противное, и вмѣсто того чтобы выбирать супругу изъ баронессъ, вздумалъ искать невѣсту изъ поселянокъ—долины истоковъ Дуная. Черезъ герольда онъ далъ имъ знать объ этомъ, приглашая ихъ къ себѣ въ замокъ. Узналъ объ томъ и Цвѣтокъ долины, и мать ея, и ея милый Рудольфъ, оруженосецъ барона. Старушка въ радости, молодые въ горѣ. Надобно знать, что они уже сосватаны, а сосватала ихъ Наяда, въ то время когда онѣ отдыхали на берегу Дуная, надѣвши перстни на ихъ руки. Невинные, они проснулись, бросились другъ другу въ объятія... и теперь ихъ мучитъ мысль, что баронъ ихъ разлучитъ. Наконецъ они придумываютъ средство избавиться отъ барона: Цвѣтокъ Долины постарается представиться барону глупою, безобразною, неловкою мужичкою. Сцена перемѣняется, мы въ галлереѣ замка баронова, обращенной однимъ своимъ концомъ къ Дунаю, къ его глубинѣ. Являются воины, пажи, поселянки, поселяне, баронессы, бароны, самъ баронъ... тутъ и Рудольфъ, и Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ предлагаетъ барону и ту, и другую изъ поселянокъ,—не нравится барону ни одна. Онъ указываетъ на Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ, хочетъ обмануть, снова предлагаетъ другую; но баронъ требуетъ знаетъ чего. Мать велитъ Цвѣтку Долины выйдти къ барону, она не хочетъ, Рудольфъ мучится, она то-же, наконецъ повинуется, выходитъ мужичкой,—и всетаки нравится барону. Горе... Цвѣтокъ Долины не можетъ скрыть его, начинаетъ вмѣстѣ съ Рудольфомъ умолять мать, барона... все напрасно. Тогда Цвѣтокъ Долины взлетаетъ на перилы конца галереи, доказываетъ, что она не измѣнитъ Рудольфу,—и бросается въ Дунай. Утонула. Всѣ бѣгутъ туда... утонула. Когда поднялся занавѣсъ втораго акта, намъ представился берегъ Дуная, и на противоположной горѣ великолѣпный замокъ барона. Рудольфъ терзается, и бросается въ Дунай... Музыка вдругъ измѣняетъ тонъ и сцена вся медленно поднимается вверхъ съ Дунаемъ, съ замкомъ барона, словомъ—вся, поднимается все выше,—и потомъ раскрывается подземное-подводное царство Дуная, которому небо почва земли, переплетенная корнями, болотными травами... и чудное царство, влажное, туманное. И вонъ Рудольфъ,

падаетъ, вглубь упадаетъ на цвѣты. Являются ондины, волнуются, рѣзвятся исчезаютъ. Рудольфъ пробуждается, встаетъ, въ изумленіи осматривается, не понимаетъ ничего. Ондины снова волнуются вокругъ него, между ними и Цвѣтокъ Долины. Онъ ищетъ ее между ними, долго не можетъ найдти, потому что она хочетъ его испытать, наконецъ находитъ... Они супруги... Они будутъ жить на землѣ. И снова подводное царство опускается вглубь, снова прежній разливъ Дуная,—и на раковинѣ выплываетъ изъ водъ юная чета... Поселяне, поселянки, баронъ видятъ это, изумляются... Занавѣсъ опускается. Тальони была восхитительна. Жаль, что нѣгдѣ сказать болѣе.

Цѣлую ручку вашу, милая Маменька. Прощайте.

Из. Срезн.

XII.

№ 11. 19-е Ноября 1839. Спб.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночный орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Летай!... но въ вольномъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгульемъ вольности согрѣта,
Ты младшихъ братьевъ не забудь;
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись...
Ихъ много тамъ, гдѣ шумъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущеляхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья
Когда-то зовъ услышатъ твой,
Когда-то крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой!
О, вспомни ихъ, орелъ полночи,
Пошли имъ звонкій свой привѣтъ:
Пусть ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ.
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней!

И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!..
Ихъ часъ придетъ. Окрѣпнутъ крылья,
Младые когти отростутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.

Какъ-же Вамъ нравятся, милая Маменька, эти стихи? Не правда-ли, хороши? Они—Хомякова—и послѣдняя новость въ литературѣ, тѣмъ болѣе занимательная, что нигдѣ не напечатаны и не будутъ[1]). Царю не угодно было этого позволить. И къ чему? Кто захочетъ ихъ помнить, будетъ помнить; а иначе—вѣроломные Тевтоны и Богъ знаетъ что подумаютъ. Я было хотѣлъ Вамъ выписать и еще одни стихи Давыдова изъ Утренней Зари на 1840, но теперь этого альманаха у меня нѣтъ подъ рукою. Альманахъ этотъ только что изданъ и украшенъ великолѣпными картинками, изъ которыхъ на первой портреты Вел. Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. Другихъ литературныхъ новостей мало. Отечественныхъ Записокъ готовится 12-й номеръ, первые 11-ть у меня подъ руками, и я безпощадно рву изъ нихъ статьи, которыя могутъ быть особенно занимательны за-границей. Сына Отечества вышелъ только № 8-й, Библіотеки для чтенія не вышелъ еще 11-й за тѣмъ, что идетъ споръ между Сенковскимъ и Цензурой: выдетъ вѣроятно вмѣстѣ съ 12-мъ. Изъ книгъ нѣтъ ничего особенно важнаго. Что до зрѣлищъ, то во 1-хъ) въ Павловскъ пріѣхали плясать и пѣть Московскіе Цыганы, стоитъ взять мѣсто на паровозѣ—и въ 25 минутъ тамъ; но мнѣ не придется съѣздить;—во 2-хъ) въ Среду Тальони на сценѣ въ новомъ балетѣ «Тѣнь»,—и я опять не успѣю, потому что ѣду во Вторникъ. Можетъ быть есть и еще что нибудь новое, но не припомню, или не знаю.

Мои личныя новости, которыя, для Васъ, душенька Маменька, лучше всѣхъ новостей, вотъ какія: былъ два раза у графа Головкина [2]) и у Министра. Первый разъ былъ у Головкина съ визитомъ и обласканъ какъ не ожидалъ. Онъ распрашивалъ меня, что я сдѣлалъ уже, что готовлюсь дѣлать, вникалъ во всѣ подробности, и потомъ просилъ меня зайдти къ нему проститься. Сегодня я простился съ нимъ: онъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути, и велѣлъ относиться къ себѣ обо всемъ, что нужно будетъ. Добрый старикъ. Душевно благодаренъ ему. «Можетъ быть уже меня на свѣтѣ не будетъ, когда вы

---

[1]) Въ изданіи стихотвореній А. С. Хомякова эта пьеса, помѣщенная подъ назв. «Орелъ», подписана 1832 г. (издатель, впрочемъ, не увѣренъ въ правильности даты); кстати замѣтимъ, что списокъ приведенный здѣсь нѣсколько отличается отъ напечатаннаго въ собраніи стихотвореній А. С. Х. (М. 1861, М. 1881).

[2]) Попечитель Харьковскаго учебн. округа.

воротитесь!» сказалъ онъ мнѣ, пожимая мнѣ руку. «Позволяю себѣ надѣяться, что буду имѣть счастье поднести Вамъ отчетъ о моемъ путешествіи и посильно оправдать предъ Вами довѣріе Ваше!» Онъ пожалъ еще мнѣ руку, и прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ помните, что вы трудитесь для отечества, и все будетъ хорошо».—У Министра, т. е. у С. С. Уварова я былъ третьяго дни, только что воротившагося изъ Польши. Узнавши, что я здѣсь, онъ велѣлъ мнѣ сказать, что желаетъ меня видѣть, но что теперь очень занятъ, а свободнѣе будетъ на слѣдующей недѣлѣ. Я однако добился быть у него на этой недѣлѣ. И принятъ былъ прекрасно. Онъ распрашивалъ меня подробно, что̀ я уже успѣлъ сдѣлать касательно Южной Руси и Славянщины, что̀ намѣренъ дѣлать, какъ предполагаю заниматься, и т. п. Далъ нѣсколько совѣтовъ, кое-что замѣтилъ, какъ я долженъ вести себя передъ Нѣмцами, предложилъ рекомендательныя письма въ Прагу, велѣлъ относиться къ себѣ въ случаѣ нужды Замѣчательно для меня и начало нашего свиданія: когда я вошелъ въ кабинетъ и поклонился, онъ медленно подошелъ ко мнѣ, сталъ въ меня всматриваться и потомъ протяжно сказалъ: «Такъ это вы—г-нъ Срезневскій! Очень радъ, что вижу васъ наконецъ». Пока не дошло до «очень радъ», я ничего не понималъ, и чуть-чуть не струсилъ: онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ всего меня съѣсть или по крайней мѣрѣ высмотрѣть. Прощаясь, онъ положилъ обѣ свои руки на мою руку, и сказалъ «Работайте, молодой человѣкъ! Знайте, что каждый вашъ шагъ не только можетъ, но и долженъ имѣть вліяніе на будущее поколѣніе—вліяніе благодѣтельное и слѣдовательно производимое строго-совѣстливо».

Еще я былъ у Бенардаки, и везу отъ него въ Чехію тысячу рублей. Тутъ я видѣлся... съ милымъ существомъ—Вы не угадаете какимъ. Была когда-то въ пансіонѣ Нагель [1]) дѣвица Ваффей (Катинька). Она теперь замужемъ, и уже болѣе году въ Пбургѣ. Бывши въ первый разъ у Бенардаки (откупщика), я встрѣтился съ нею на порогѣ. Мы узнали другъ друга, но уже разминувшись. Бывши сегодня, я слышалъ отъ Бенардаки, что она узнала меня, каждый день спрашивала былъ ли я, буду ли я, просила послать за нею, лишь только я пріѣду,—и случаю угодно было, что-бы мы встрѣтились наконецъ. Не смотря на присутствіе чужихъ, мы не могли не обрадоваться этой встрѣчѣ. А потомъ—и простились, какъ слѣдуетъ прощаться учителю и ученицѣ, умѣющимъ уважать другъ друга взаимно. Она была прекрасная дѣвица,—теперь прекрасная женщина—жена и мать, предпочитающая домашній уголъ всему блеску свѣта. Да, она должна была быть такою.

[1]) И. И. С—ій былъ преподавателемъ въ пансіонѣ г-жи Нагель въ Харьковѣ; здѣсь онъ между прочимъ преподавалъ Географію, (изъ письма воспитанницъ этого пансіона, сохранившагося въ архивѣ И. И. С—го).

Однако я опять пишу дурно,—скоро и не разборчиво. Что будешь дѣлать! Вѣчно забуду. Впрочемъ уже и поздно: скоро 4 часа утра. Пора спать. Завтра допишу этотъ листокъ, послѣднiй изъ Петербурга. № 12-й будетъ уже изъ Риги или изъ Митавы. Покойная ночь.

20 Ноября 1839.

8-й часъ вечера. Пьемъ чай. Чамоданъ мой уже уложенъ; портфейль то-же. Остается немногое кончить—и баста. Что оставляю у брата, о томъ онъ самъ напишетъ. Многое бы надобно было еще сдѣлать въ Пбургѣ, но я не безъ надежды воротиться въ Пбургъ изъ-за границы, и слѣдовательно надѣюсь успѣть додѣлать черезъ два года, что не додѣлалъ теперь. Уѣду даже не простившись со всѣми. Впрочемъ завтра буду еще у Роберти проститься: многимъ я обязанъ ему, и грѣхъ мнѣ забыть его. Кстати: онъ скоро воротится въ Харьковъ—Предсѣдателемъ Казенной Палаты, вмѣсто Крылова [1]). Кое-когда напишу къ Вамъ письмо и черезъ него... Завтра еще прибавлю нѣсколько словъ, если успѣю. Ѣду завтра въ 10 часовъ утра.

21.

Прощайте, Маменька! Черезъ 50 минутъ ѣду [2]).

XIII [3]).

Янишекъ, въ 44 вер. отъ Митавы и въ 40 отъ Шавли.

Вторникъ, 28-е Нояб. 1839.

Вотъ гдѣ я теперь, милый братъ. Не спрашивай, что это такое: не скажу ничего, потому что ничего не знаю, потому что уже вечеръ, и такъ холодно, что я изъ коляски выпрыгнулъ въ комнату какъ бравое ядро. Скорѣе могу расказать, какъ я наконецъ добрался до сюда—съ надеждою послѣ завтра быть въ Тильзитѣ. Кое-что объ этомъ я писалъ Маменькѣ въ № 12-мъ [4]); кое-что могу написать и тебѣ съ прибавленіемъ того, о чемъ не могъ написать Маменькѣ: ты прочтешь это письмо, и, прибавя къ нему отъ себя еще полулистокъ, перешлешь къ Маменькѣ.

Путь мой отъ СПбурга до Риги былъ очень гладокъ, хотя и не такъ быстръ, какъ я ожидалъ, или какъ можно было ожидать судя по разстоянію. Въ 11-мъ часу утра 21-го числа, какъ ты знаешь, коробъ нашъ двинулся

---

[1]) Дмитр. Серг. Крыловъ.

[2]) Дальше на томъ же листкѣ идетъ письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

[3]) Письмо Николаю Ив. Срезневскому. Хотя это письмо адресовано не Еленѣ Ив. Срезневской, мы рѣшаемся включить его въ печатаемое собраніе писемъ; думаемъ, что оно не только не нарушитъ единства этого собранія, но, какъ предназначавшееся для пересылки Еленѣ Ив. Ср—ой, даже явится необходимымъ его дополненіемъ.

[4]) Письмо это не сохранилось.

съ мѣста и только въ 4-мъ часу по полудни 25-го числа вдвинулся въ лабиринтъ Рижскихъ канавокъ—я хотѣлъ сказать—улицъ: выходитъ, что онъ подвигался менѣе пяти верстъ въ часъ. Впрочемъ это зависѣло отчасти и отъ самихъ насъ, пассажировъ: кого холодъ, кого голодъ, кого скука неподвижности сидѣнія въ клѣткѣ заставлялъ выходить изъ нее при каждой перепряжкѣ лошадей, и выходили всѣ, и разбалтывались на станціи, и съ сожалѣніемъ выходили изъ комнаты и съ неудовольствіемъ садились въ клѣтку,—а время между тѣмъ уходило. Разумѣется этого-бы не могло быть, если бы мы не были довольны другъ другомъ. И вотъ кто были эти мы, кромѣ меня: моимъ сосѣдомъ былъ Поручикъ Артиллеріи (отставной), Николай Ивановичъ Соймоновъ, премилый и довольно образованный человѣкъ (онъ будетъ у тебя, и раскажетъ подробно о нашемъ странствіи, а ты, конечно, примешь его ласково, какъ онъ того стоитъ); № 3-й и 4-й Полковникъ отставной и молодой архитекторъ, Корсини [1]) (тотъ самый, который строилъ рѣшетку передъ домомъ Г. Шереметева, и украшалъ внутренность этого дома), отправляющійся теперь въ путешествіе за границу, и до сихъ поръ сопутствующій мнѣ; № 5 и 6—Рижскій купецъ съ женою—христіяне, но вѣроятно изъ Жидовъ; № 7 и 8 Майоръ отставной и актеръ СПбуржской Нѣмецкой труппы, переѣзжающій за славою и деньгами въ Ригу. Мы всѣ сблизились такъ хорошо, что составили изъ себя une vraie société de voyage: подробности разскажетъ тебѣ Соймоновъ.—Что до путевыхъ моихъ наблюденій, я ихъ сдѣлалъ очень-очень мало: едва-ли достанетъ и на полъ-страницы. Путь лежитъ между лѣсами, черезъ разные разливы водъ, и для проѣзжающаго лѣтомъ представляетъ, я думаю, много хорошихъ видовъ: лучшіе—у Финскаго залива, у Пейпуса, у рѣки Аа. Станціи почти всѣ устроены очень чопорно и содержатся Нѣмецкими хозяйками: на станціи находишь двѣ—три, а иногда и болѣе чистыхъ комнатъ, изрядно меблированныхъ, фортепьяно, двухъ—трехъ служанокъ съ прекрасными таліями, чисто поданное кушанье, прекрасно-приготовленный кофе, и т. п. Русскаго встрѣчаешь все меньше и меньше; вмѣсто Русскаго языка слышишь сначала Нѣмецкій и Чухонскій, потомъ Нѣмецкій и Латышскій,—даже Русскіе многіе говорятъ лучше по-Нѣмецки нежели по-Русски. Языки Чухонскій и Латышскій очень сладкозвучны. На самихъ Латышахъ я не замѣтилъ ничего особенно оригинальнаго; а Чухны очень милы въ своихъ полунѣмецкихъ курткахъ, съ длинными рыжими волосами, съ глупымъ своимъ, но очень добрымъ взглядомъ. Города по дорогѣ—Ямбургъ, Нарва, Дерптъ, Валкъ, Вольмаръ—промелькнули мимо, такъ что я объ нихъ сохранилъ самое темное, понятіе: Ямбургъ еще Русскій городъ; Нарва уже въ половину Нѣмецкій, всѣ другіе почти чисто Нѣмецкіе; болѣе всѣхъ Нѣмецъ—Дерптъ, и Нѣмецъ старый—

[1]) Іеронимъ Доминикъ Корсини (1811—1886), впослѣдствіи (1849) академикъ архитектуры.

улицы кривы, узки, кирка чисто Нѣмецкая съ башнею, домы высоки и покрыты черепицей и т. д. Рига есть не только Нѣмецкій, но и старый Нѣмецкій городъ: передъ нею Дерптъ франтъ, хоть и бѣднѣе ея въ 10 разъ: въ ней улицы уже Невскихъ тротуаровъ, домы иные пережили 3 или 4 вѣка и выдвигаются одинъ изъ за другаго мебелью въ мебельной лавкѣ, кирхи почернѣли и напоминаютъ своими шпицами 15-й вѣкъ. Что-же еще сказать... что-то ничего въ голову нейдетъ. Крѣпости въ Нарвѣ и Ригѣ могутъ быть крѣпостями, и Рижская даже обведена каналомъ, а Нарвская даже сохраняетъ обликъ старины. Двина въ Ригѣ лучше Невы, шире, величественнѣе. Въ Ригѣ я останавливался, вмѣстѣ съ Соймоновымъ и Корсини въ одной квартирѣ, въ Митавскомъ форштадтѣ, въ гостинницѣ Чернаго Орла,—и квартира была чисто-Нѣмецкая: дѣвушки прислуживали, кровати были покрыты свѣжимъ бѣльемъ, самъ хозяинъ топилъ печь и т. п. То-же было и въ Митавѣ, куда мы поѣхали въ прошлое воскресенье вечеромъ въ 5 часовъ, т. е. 26 числа (дилижансъ отъ Риги до Митавы идетъ два раза въ день—въ 8 и въ 5). Сегодня утромъ мы наняли съ Корсини коляску съ четверкой лошадей у Нѣмца фурмана за 28 цѣлковыхъ до Тильзита и, простившись съ добрымъ Соймоновымъ, поѣхали. Вотъ уже 44 версты проѣхали, и теперь ждемъ пока кормятъ лошадей и оба пишемъ письма. Фурмана нельзя было нанять дешевле, а почтовые для меня одного пришлись бы дороже 14 цѣлк. По крайней мѣрѣ теперь мы ѣдемъ покойно, и не будемъ хлопотать ни о чемъ до тѣхъ поръ пока опять будетъ возможность сѣсть въ дилижансъ. Съ Корсини мы ѣдемъ до Кёнигсберга: оттуда я въ Берлинъ, онъ въ Варшаву. Коляска у насъ большая, четвероместная, съ зонтикомъ: она напоминаетъ мнѣ своимъ устройствомъ одну, въ которой когда-то сидѣлъ и я вмѣстѣ съ другими, когда она ѣхала въ Бѣлгородъ и обратно въ Харьковъ. Давнопрошедшее! Теперь мы сидимъ вдвоемъ и ищемъ носами въ воздухѣ того фокуса, который можетъ насъ навести на сладкій сонъ.—Спать уже хочется. Завтра напишу еще что нибудь.

29-е Ноября. 3 часа утра. Въ пяти верстахъ
отъ Шавли; Жидовскій постоялый дворъ.

Нечистота, вонь, холодъ. Если бы не вѣтеръ, то лучше бы въ коляскѣ высидѣть эти два часа. Знать, что мы въ центрѣ Виленской губерніи. Вмѣсто Нѣмцевъ и Латышей тутъ Поляки и Литовцы, и Жидовъ пропасть. Корсини улался кое-какъ на кровати, а я развернулъ портфейль; впрочемъ не знаю буду-ли, т. е. будутъ-ли мои пальцы въ состояніи писать... Покамѣсть они еще коломъ стоятъ.

Таурогенъ. 30-е Ноября. 1839. 8 часовъ утра.

(7 верстъ отъ Рус. границы)

Мои пальцы не въ состоянiи были писать. Я усѣлся на чемъ-то, носящемъ названiе софы, укутался, и заснулъ. Потомъ поѣхали, потомъ ѣхали безъ малаго цѣлыя сутки, и еще ѣхали, и въ 5-мъ часу утра сегодня прiѣхали въ Таурогенъ, пограничное таможенное мѣстечко Русское. Напившись чаю, Корсини пошелъ визировать пасспорты наши, а я принялся за этотъ листокъ, что-бы написать хоть еще нѣсколько строчекъ изъ Россiи.

Что-же написать? На умѣ у меня теперь только одно, какъ-бы переѣхать черезъ границу... а что стараюсь забыть, и что впрочемъ до сихъ поръ напоминаетъ о себѣ, это—Виленская губернiя. Жалкая сторона! Мы ѣхали черезъ нее по прекрасному шоссе; но только въ ней это и хорошее. Простой народъ—Литвины—народъ полудикiй, грубый и невѣжественный; Жиды попадаются на каждомъ шагу—и Жиды факторы, и Жиды трактирщики, и Жиды купцы, и Жиды нищiе, и даже Жиды земледѣльцы,—а гдѣ они, тамъ нечистота, гадость, вонь, обманы и т. д.; Нѣмцы—не тѣ Нѣмцы, съ которыми весело встрѣтиться въ Лифляндiи или Курляндiи; Поляки наконецъ, занимая мѣсто высшаго сословiя, нерѣдко носятъ на себѣ отпечатокъ и Литвы, и Нѣмецiи Литовской, и Жидовiи вмѣстѣ, имѣя впрочемъ очень часто физiогномiю прекрасную, благородную или миловидную. Вчера послѣ обѣда мы останавливались въ Жидовскомъ городкѣ Кельмѣ,—и насмотрѣлись на всякаго рода здѣшнихъ людей. Городокъ не бѣдный, торговый, есть и порядочные домики, но грязь и нечистота ужасныя. Въ Таурогенѣ гостинницу содержитъ также Жидъ, и хоть въ комнатѣ полъ усыпанъ ельникомъ по Нѣмецкому обычаю, и все довольно чисто, но Жидовiя отзывается во всемъ, начиная съ чайника съ надбитымъ горлышкомъ до копѣечныхъ обчетовъ при размѣнѣ денегъ.

Перевертываю страницу только съ тѣмъ, что-бы сказать, что черезъ полчаса мы ѣдемъ въ Тильзитъ, до котораго отсюда 4 мили, т. е. 28 верстъ. Прощай, душа братъ! Прощай, будь счастливъ, не забывай чаще писать къ Маменькѣ. Поцалуй за меня добраго Андрея Лаврентьевича [1]), поблагодари его за вниманiе ко мнѣ. Не забудь также исполнить мои порученiя: отдать Аркадiю Ивановичу Мартынову письмо съ посылкой и попросить, что-бы онъ приказалъ послать деньги мои въ Прагу не позже Января 1840, послать ко мнѣ карту Россiи, спросивши прежде можно-ли переслать (деньги за карту и пересылку ея получишь отъ Маменьки).

Предоставляю тебѣ дополнить для Маменьки этотъ листокъ, и послать къ Маменькѣ.

---

[1]) Барковскiй—товарищъ Ник. Ив. Срезневскаго.

Еще разъ прощай! Прощайте и вы, Маменька, и вы, добрые мои знакомые и друзья! Черезъ $^1/_2$ часа въ путь, и черезъ часъ съ небольшимъ уже въ Пруссіи. Прощайте.

И. Срезневскій.

XIV.

№ 1. Берлинъ. 1839 Декабря $^{10}/_{22}$.

Вотъ уже 19 дней, какъ я не писалъ къ Вамъ ни строчки, милая Маменька, и мнѣ становится совѣстно, даже грустно. Хотѣлъ написать изъ Тильзита—не успѣлъ, хотѣлъ написать изъ Кёнигсберга—опять не успѣлъ... Изъ Берлина уже грѣхъ не написать—по крайней мѣрѣ одно письмо. И вчера я началъ писать, написалъ двѣ страницы, но такъ дурно, что тотчасъ же разорвалъ,—и вотъ теперь, вставши довольно рано, принимаюсь опять писать.

И такъ, Маменька, я за границей—за 750 верстъ отъ границы Русской, за 3000 верстъ слишкомъ отъ Харькова, если считать тою дорогой, по которой я ѣхалъ. И грустно, грустно было разставаться съ Россіей. Ѣхавши такъ долго,—и по времени—и по пространству—все по Россіи, я забывалъ, что ѣду изъ Россіи, что и для нея, безпредѣльной, есть предѣлы,—и вдругъ... коляска остановилась, Русскій чиновникъ вышелъ, записалъ наши пасспорты, велѣлъ поднять рогатку, фурманъ хлопнулъ по лошадямъ... я былъ уже внѣ Россіи. Вздрогнуло мое сердце; мнѣ хотѣлось заплакать; мнѣ хотѣлось, что-бы лошади поворотили назадъ—и прямо въ Харьковъ, гдѣ мнѣ было такъ хорошо, такъ уютно-покойно, такъ мирно-весело, такъ сѣмейно-счастливо. Нѣтъ! Прощай, Харьковъ! Прощайте, душенька Маменька! И вы, съ которыми связывало меня безкорыстное чувство взаимнаго уваженія, можетъ быть даже взаимной любви! И вы, которыхъ я не могъ не почитать, зная, что и самъ я, будучи вами понятъ, не буду по крайней мѣрѣ презираемъ. Всѣ—прощайте—на долго,—и по крайней мѣрѣ не забудьте помнящаго и часто о васъ вспоминающаго странника.

Я выѣхалъ за границу 30 ноября, въ Четвергъ, въ 11-мъ часу утра. Съ тѣхъ поръ прошло 10 дней. Перескажу Вамъ, милая Маменька, хоть кратко, какъ прошли эти 10 дней.

Въ первомъ часу по полудни мы пріѣхали въ Тильзитъ (мы, т. е. я да Корсини, съ которымъ мы ѣдемъ вмѣстѣ до Кёнигсберга). По дорогѣ до Тильзита (20 верстъ съ небольшимъ отъ Таурогена), я замѣтилъ только, что Прусское шоссе уже и хуже нашего, что тамъ, гдѣ оно поднято надъ низкими мѣстами, нѣтъ барьеръ, такъ что когда лошади взбѣсятся, можно будетъ

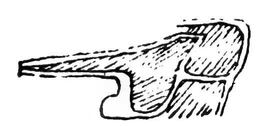
полетѣть кувыркомъ въ какое нибудь болото,—и болѣе ничего не замѣтилъ, все думалъ о томъ, что оставилъ въ Россіи и чего могу ожидать за границей, грустилъ, утѣшалъ себя, и опять тосковалъ....

Въ Тильзитѣ мы переѣзжали черезъ Мемель по льду, и остановились въ Hotel de SPburg, въ прекрасной холодной и сырой комнатѣ. Изъ оконъ можно было видѣть часть города, а походивши по городу ¹/₄ часа можно было познакомиться съ нимъ вполнѣ. Городъ небольшой, имѣющій 12,000 жителей, довольно старый, слѣдовательно довольно тѣсный, не то что Рига, гдѣ вмѣсто улицъ какія-то канавы, обшитыя шкафами, но что-то въ томъ-же родѣ, и улицы кривы и узки, и домы въ нѣсколько этажей, все каменныя, и все самыхъ дивныхъ формъ, напр:

и т. д. Нѣкоторые выстроены изъ кирпича, другіе изъ дерева и кирпича вмѣстѣ, такъ что что въ деревянныя перекладины вкладывается кирпичь, иные изъ дикаго необтесаннаго камня природныхъ формъ, такъ что кирпичемъ выложены только окна и двери и пр. Улицы сходятся напр.

вотъ этакъ:

или вотъ такъ:

или какъ нибудь еще затѣйливѣе. И таковы то всѣ старые Нѣмецкіе города и городки.

Взявши мѣсто въ Personen-Post, въ 6 часовъ вечера я выѣхалъ изъ Тильзита, а въ 6 часовъ слѣдующаго утра былъ уже въ Кёнигсбергѣ. Всю ночь я спалъ, слѣдовательно—ничего не видалъ. Знаю только, что передъ выѣздомъ изъ Тильзита, передъ каждой шоссейной заставой, передъ пріѣздомъ на станцію и передъ выѣздомъ изъ нее, почтальонъ трубилъ въ трубу, и что лошадей перемѣняли не болѣе какъ въ 5 минутъ. Кстати сказать, что и дилижансы, называемые Personen-Post, и другіе —Eil-Post содержатся въ Пруссіи отъ казны, и что вообще все почтовое вѣдомство устроено превосходно: экипажи хуже нашихъ дилижансовыхъ, но зато лошади гораздо лучше, и везутъ

акуратно ни болѣе, ни менѣе времени какъ опредѣлено. Personen-Post дешевле Eil-Post и ѣдетъ очень немногимъ медленнѣе.

Въ Кёнигсбергѣ я пробылъ 5 дней: нельзя было не познакомиться и съ городомъ, и съ учеными. Городъ старый, слѣдовательно, какъ Вамъ уже извѣстно, состоящій изъ канавъ, обставленныхъ шкафами, и не смотря на то, что имѣетъ 70,000 жителей, занимаетъ очень небольшое пространство, гораздо меньше нежели Харьковъ. Заблудившись разъ, я могъ ужè смѣло бродить по городу изъ конца въ конецъ, и потому нанималъ лондинера (за 2 рубля въ день) только на первый день, а объ извощикѣ (тутъ есть и сани, и дрожки) и не думалъ. Въ Кёнигсбергѣ я видѣлъ все, что стоитъ вниманія—и Соборъ, и Музеумъ, и Библіотеку, и Замокъ, и Университетъ, и домъ Канта, и театръ, и обсерваторію. Соборъ великъ, но хуже Рижскаго; въ Соборѣ погребены разные маркграфы и пр. Съ сѣверной его стороны есть галлерея, называемая Stoa Kantiana, и въ глубинѣ ея, въ чуланѣ, за желѣзной рѣшеткой гробница Канта, надъ которою на черной стѣнѣ какой-нибудь вѣрно студентъ написалъ «думай, дѣйствуй» (Denke, wirke!). Соборъ есть вмѣстѣ и Университетская церковь. Университетскія зданія тутъ-же подлѣ: старые, дрянные домы, грязные, по крайней мѣрѣ нечистые. На аудиторіи страхъ взглянуть: въ уѣздномъ училищѣ у насъ во 100 разъ лучше, даже въ приходской школѣ лучше, потому-что это нечистыя комнатки, уставленныя гадкими столами и скамьями, а кафедры, такія же гадкія, годились-бы развѣ для Миргородской базарной торговки, и самая лучшая аудиторія только-что поболѣе другихъ, впрочемъ то-же не велика, и самая наконецъ торжественная зала похожа скорѣе на корридоръ. Обсерваторія, гдѣ командиромъ Бессель, одинъ изъ первыхъ современныхъ астрономовъ, очень богата инструментами. Театръ порядочный, но актеры напоминаютъ труппу Млатковскаго. Замокъ—обширное зданіе съ большою площадью внутри и съ башнями. Главная башня очень высока и представляетъ съ себя прекрасную панораму разновидныхъ крышъ и канавъ города. Домъ Канта — вотъ онъ, сколько помню:

Надъ входомъ есть надпись, по черному полю золотыми буквами, что въ немъ жилъ и училъ Кантъ съ 1784 по 1804. Кажется я и еще что-то видѣлъ въ Кёнигсбергѣ, но теперь не припомню. Да! Въ Замкѣ я видѣлъ Московитеръ-зааль: большая, низкая, и никто не знаетъ, почему такъ названа. Еще видѣлъ старинную Польскую церковь: мрачная. Въ Кёнигсбергѣ многіе умѣютъ жить: прекрасная мёбель, чистота, хорошее кушанье, наряды и пр. это доказываютъ. И профессора живутъ очень хорошо. Даже моя комнатка въ Deutsches Haus была съ мебелью краснаго дерева, съ кисейною драпри, украшенною бронзой на окнахъ, съ голландскимъ бѣльемъ на постели, съ фарфоромъ въ умывальнѣ. Остается еще сказать о Профессорахъ:

я познакомился съ 5-ю и у двухъ былъ на лекціи. Первое мое знакомство было съ Шубертомъ, профессоромъ Политическихъ наукъ. Онъ полюбилъ меня, я его, и мы видались почти каждый день. Очень добрый, очень милый, хотя и честолюбивый человѣкъ. Жена его также очень добрая женщина, дѣти— милые нѣмчурки. Два раза я у него обѣдалъ и провелъ время до вечера. Я подарилъ Шуберту экземпляръ своей диссертаціи[1]), пересказалъ содержаніе,—и, вы повѣрите, Маменька, какъ обрадовался, когда узналъ, что Шубертъ не только одобряетъ мои мысли, но и почти вполнѣ согласенъ съ ними. Съ тѣхъ поръ предметомъ нашихъ разговоровъ большею частью была Статистика, и какъ можно ее усовершенствовать какъ науку. Мы разстались добрыми пріятелями, обѣщая другъ другу продолжать знакомство перепиской[2]). Розенкранцъ[3]), профессоръ философіи, пылкая, нѣжная, мечтательная душа, напомнившая мнѣ Вельтмана, былъ также въ моемъ вкусѣ: нѣсколько часовъ провелъ я съ нимъ въ разговорѣ о народной поэзіи, которую онъ страстно любитъ,—и этотъ разговоръ сблизилъ насъ какъ давно знакомыхъ[4]). У него и у Шуберта я былъ на лекціи: оба читаютъ прекрасно. Кромѣ того я познакомился съ Мозеромъ[5]) и Фохтомъ[6]) и наконецъ—съ кѣмъ-бы Вы думали?— съ Швейкартомъ. Добрый старикъ помнитъ папеньку, васъ, меня, Харьковъ и приказалъ передать Вамъ свой душевный поклонъ[7]). Сверхъ того я видался каждый день по нѣскольку разъ съ Прейсомъ, который посланъ путе-

---

[1]) Докторская диссертація И. И. Ср—скаго (Опытъ о предметѣ и элементахъ Статистики и Политической экономіи сравнительно. Харьковъ. 1839), не допущенная совѣтомъ Харьковскаго университета къ публичной защитѣ вслѣдствіе новизны взглядовъ, высказанныхъ въ ней авторомъ.

[2]) Считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько словъ о Шубертѣ изъ отрывочныхъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—скаго: «Шубертъ обязалъ меня сообщеніемъ статистико-топографическихъ свѣденій о Славянскомъ народонаселеніи не только Пруссіи, но и Австрійской Имперіи, и первый указалъ мнѣ на необходимость личныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи, основываясь на томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ отчасти и въ Австріи, многіе видятъ Славянъ только тамъ, гдѣ народъ остается чисто Славянскимъ безъ знанія Нѣмецкаго языка. Съ его помощію началъ я составленіе этнографической карты Славянской части Европы».

[3]) Karl Rosenkranz —извѣстный послѣдователь Гегеля, докторъ философіи; былъ профессоромъ сначала въ Галле потомъ Кёнигсбергѣ (1799—1868).

[4]) «Розенкранцъ, занимаясь народной поэзіей въ отношеніи эстетическомъ и миѳологическомъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ замѣчаній касательно народной поэзіи Германской, примѣняемыхъ къ міру Славянскому». (Изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—го).

[5]) Проф. физики въ Кёнигсбергскомъ университетѣ.

[6]) Johannes Voigt (1786—1863), проф. исторіи и директоръ Кёнигсбергскаго архива.

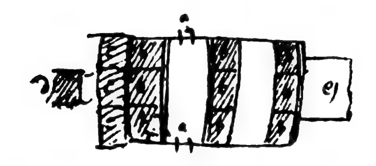
[7]) Ferdinand Karl Schweikart; въ 1813—1816 г. былъ профес. въ Харьковѣ. О его службѣ въ Харьковѣ есть нѣсколько словъ въ воспоминаніяхъ Роммеля (Пять лѣтъ изъ исторіи Харьк. унив.): «Украшеніемъ университета и юридико-политическаго факультета, пишетъ Роммель, былъ мой другъ благородный философъ Швейкартъ... Въ 1817 г. мнѣ посчастливилось перезвать его въ Марбургъ; оттуда съ титуломъ профессора и члена суда онъ перешелъ въ Кёнигсбергъ, а въ 1844 г. вызванъ былъ въ Берлинскій синодъ.

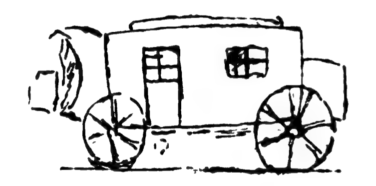
шествовать отъ Петерб. Университета, съ тою-же цѣлію какъ и я, и теперь живетъ въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка [1]).—Вообще я провелъ въ Кёнигсбергѣ время очень, очень пріятно: Дай Богъ, что-бы и всюду такъ. Кое-что успѣлъ я прочесть и даже досталъ одну старинную Слав. грамоту (отъ Фохта).

5-го числа декабря я выѣхалъ изъ Кёнигсберга въ $6^{1}/_{2}$ часовъ вечера, и 8-го въ 3-мъ часу послѣ обѣда былъ уже въ Берлинѣ. Скажу нѣсколько словъ о дорогѣ.—Мое мѣсто въ Personen-Post случилось угольное (это лучшія мѣста) и задомъ къ движенію экипажа: въ ногахъ бурка, подъ бокомъ подушка, на головѣ шапка, на мнѣ самомъ шуба и шинель, — мнѣ было тепло и покойно. Вотъ кстати и

расположеніе кареты:

a) входъ въ карету. b) мѣста: 9 мѣстъ въ каретѣ. c) три мѣста въ кабріолетѣ, изъ нихъ одно для кондуктора. Что-бы пройдти въ заднія мѣста, надобно перелѣзать черезъ подушку средняго ряда. Мое мѣсто означено крѣстикомъ. Первый рядъ и средній рядъ сидитъ ногами другъ къ другу. d) мѣсто для почтальона. e) ящикъ для багажа. Сверху кареты другой.—На каждой станціи останавливались не болѣе 5 минутъ, исключая завтрака, обѣда и ужина, на что употреблялось по 20 или по 30 минутъ. Пріѣзжая на станцію, гдѣ можно кушать, все находишь готовымъ, и плата очень недорогая. Пассажиры измѣнялись безпрерывно одни другими, и только четверо доѣхало изъ Кёнигсберга до Берлина, другіе пристали или отстали на полудорогѣ. Люди были большею частію не занимательные. — Дорога отъ К. до Б. лѣтомъ должна быть во многихъ мѣстахъ прелестна: почти безпрерывно тянется аллея раинъ, осинъ, липъ; часто идетъ боромъ или березовой рощей, и дорога вьется, и то поднимается, то спускается внизъ; часто видишь прекрасные сельскіе домики, рѣдко лачужки. Прелестно. Фрауенбургъ мы проѣхали ночью: жаль, потому

[1]) Въ одной изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—ій такъ пишетъ объ этомъ первомъ личномъ знакомствѣ съ Петромъ Ив. Прейсомъ: «Первый мой визитъ былъ Петру Ивановичу Прейсу, какъ сотоварищу по пути, мною избранному. Онъ живетъ съ мѣсяцъ и пробудетъ еще съ мѣсяцъ въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка подъ руководствомъ профессора Резы. Милый молодой человѣкъ, отъ котораго многаго можно надѣяться. Съ нимъ я провелъ очень весело почти все утро и до 4-хъ часовъ пополудни. Онъ проводилъ меня къ квартирѣ профессора Шуберта»... (Кёнигсбергъ. 1839. Дек. 1).

что здѣсь погребенъ Коперникъ, а гробу этого Славянина нужно было бы поклониться. Эльбингъ—миленькій городъ съ 25,000 жителей, и довольно новый, слѣдовательно не богатый старонѣмецкими вычурами: его мы тоже проѣзжали ночью, но луна свѣтила и наружность города можно было хорошо видѣть. Въ Маріенбургѣ останавливались на 20 минутъ. Это время я употребилъ, что-бы обѣгать замокъ. Огромное и великолѣпное зданіе. Не знаю впрочемъ жалѣть-ли или радоваться, что и наружность и внутренность его подновлены. Я бѣгалъ по корридорамъ, лѣстницамъ и заламъ, представляя себя жильцемъ 15-го вѣка: чудное состояніе. Стоило бы остановиться во многихъ мѣстахъ, но время не позволяло. Стрѣльчатые своды, разноцвѣтныя окна, мозаиковые полы, корридоры кольцами, витыя лѣстницы, статуи, образа гигантскаго размѣра, и всего много: живешь въ четверо тише, потому что впечатлѣній вчетверо больше. Передъ Диршау переѣзжалъ черезъ Вислу: прекрасная рѣка. Штаргардъ хорошенькій городъ съ прекрасною площадью, что въ городахъ Германскихъ очень рѣдко, такъ что въ Кенигсбергѣ есть нѣсколько площадей величиною не болѣе и даже менѣе перекрестка передъ домомъ Генріэты Ѳедоровны [1]), и называются торжественно площадями. Кюстринъ городъ съ 5,000 жителей на стрѣлкѣ соединенія Варты съ Одеромъ и вооруженъ большою крѣпостію, о которой я бы разсказалъ многое, если-бы пожилъ съ братомъ въ Пбургѣ по болѣе. Отъ Кюстрина до Берлина только $11^1/_2$ миль.—Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Берлину, тѣмъ жизни болѣе, и болѣе населенія, и болѣе движенія странниковъ пѣшихъ и въ экипажахъ,—и за $2^1/_2$ мили показался Берлинъ. А вотъ ѣдутъ и фуры длиною и вышиною аршинъ по 5, вотъ и молочницы идутъ съ тѣлежками, въ которыя запряжены собаки, вотъ и почты обгоняютъ одна другую, вонъ дымятся и высокія трубы фабрикъ, вонъ и ворота Берлина. Я и забылъ сказать, что еще вечеромъ накануне пересѣлъ я съ своего мѣста въ кабріолетъ, уступивши мѣсто мое одной больной дамѣ, которую беспокоилъ вѣтеръ: ночью было холодно, за то, въѣзжая въ Берлинъ, я видѣлъ его очень хорошо. Пріятно было въѣхать въ широкую, прямую, прекрасно обстроенную улицу, въ городъ, на которомъ всюду отпечатокъ нашего вѣка: невольно веселѣе становится сердцу, будто принимаешь участіе, будто становишься членомъ въ этой кипучей дѣятельности. Полмили ($3^1/_2$ версты) ѣхали мы по улицамъ Берлина до Почтоваго двора. Пріѣхали наконецъ; всякій отобралъ свои вещи и отправился съ ними въ свою сторону. Я, по совѣту Шуберта, отправился въ Hotel de Brandenburg на Площадь Жандармовъ. Тутъ отвели мнѣ въ верхнемъ этажѣ маленькую комнату по 15 серебр. грошей въ день (по 1,80 коп.),—и я зажилъ.

[1]) Г. Ѳ. Юнкертъ; въ ея домѣ, въ Харьковѣ, жили Е. И. и И. И. Срезневскіе.

Впрочемъ остаюсь въ моемъ отелѣ не на долго. Найму мѣсячную квартиру: это будетъ дешевле и даже выгоднѣе. Предполагаю остаться въ Берлинѣ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, потому что считаю необходимымъ послушать лекціи Боппа [1]) и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Не могу жить долго, потому что у меня только 125 талеровъ (около 400 рублей); поживу сколько можно.

23 Декабря, по нашему 11-е.—Вотъ уже скоро трое сутокъ какъ я живу въ Берлинѣ и до сихъ поръ не устроился. За то время летитъ. Первый вечеръ я провелъ въ театрѣ: виртуозъ-скрыпачь Прюмъ давалъ концертъ, дѣвица Шульце пѣла, и потомъ былъ данъ балетъ „Морской Разбойникъ". Прюмъ играетъ превосходно, Шульце поетъ громко, балетъ поставленъ хоть и хуже Петербургскаго, но все хорошо. На другой день, побродивши утромъ по городу, я нашелъ квартиру нашего священника Доримедонта Васильевича Соколова, попалъ какъ разъ на имянины его жены Анны Сергѣевны, и воротился отъ него во 2-мъ часу ночи. Тутъ были почти все Русскіе: Полковникъ Юни съ женою и 2 дочерьми, два брата Джонсены, два брата Маленины [2]), сѣмейство полунѣмца Барту [3]), Нѣмецкій купецъ съ женою, и еще кто-то. Танцовали подъ фортопіано, пѣли, веселились отъ души, — просто, какъ у насъ. Юни просилъ меня на другой день къ себѣ, и я вчера опять воротился во 2-мъ часу: было тоже, и кромѣ прежнихъ я познакомился съ Свиридовымъ [4]), Калиновскимъ [5]), Адъютантомъ Принца Ольберхомъ [6]), двумя

---

[1]) Подъ руководствомъ Боппа И. И. С—кій занимался Санскритскимъ языкомъ; вотъ что онъ пишетъ объ этихъ занятіяхъ (2 янв. 1840 г.) своему брату: «Познакомился и сошелся съ Боппомъ, у котораго слушаю Санскр. грамматику: выучу этимологію, да и поѣду изъ Берлина. Боппъ помогаетъ мнѣ отъ души и на лекціяхъ, гдѣ бываетъ не болѣе 4-хъ человѣкъ, особенное вниманіе обращаетъ на меня, стараясь передать мнѣ и то, что говорилъ онъ на прежнихъ лекціяхъ». Ниже въ томъ же письмѣ читаемъ: «Остаюсь въ Берлинѣ еще на 3 недѣли. Надобно доучить Санскр. склоненія, выучить спряженія и лучше понять формы произведенія словъ. Боппъ мнѣ сказалъ, что въ полгода можно отлично узнать Санскр. языкъ, занимаясь по 3 часа въ день; но полгода я не могу посвятить на это, да мнѣ и не нужно отлично знать Санскр. языкъ: хочу только понять его и, что еще важнѣе для меня, понять, какъ понимаютъ Герм. ученые сравнительность языковъ».

[2]) Маленины, Александръ и Василій, окончившіе юрид. фак. Спб. ун. въ 1839 г.

[3]) Семейство живописца Барду, какъ видимъ изъ слѣдующаго письма; вѣроятно это отецъ и сынъ—Карлъ и Алекс. Барду (Bardou), картины которыхъ бывали на Берлинскихъ выставкахъ конца 1830-хъ и начала 1840-хъ гг. (см. Verzeichniss der Werke lebender Künstler, welche in den Sälen des Akademie-Gebäudes... öffentlich ausgestellt sind. 1839. XXX. Kunstausstellung der Königl. Ak. d. Künst.; также Verzeichniss 1840, 1842 и др.)

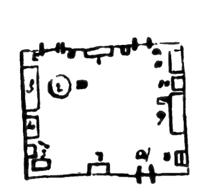
[4]) Ив. Алекс. Свиридовъ, въ это время лекарь, впослѣдствіи ордин. проф. Суд. Медицины и Медицинской полиціи въ Харьк. унив.: посланный Харьковскимъ ун. для усовершенствованія въ исторіи медицины, въ 1839 г. онъ уже былъ на обратномъ пути въ Россію. (Изъ пут. зам. И. И. С—го).

[5]) Як. Ник. Калиновскій, впосл. проф. Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Московскомъ университетѣ.

[6]) Ольбергъ, адъютантъ принца Карла; въ письмѣ къ И. И. Срезневскому И. И. С—ій говоритъ, что Ольбергъ готовитъ переводъ на Нѣм. яз. нѣкоторыхъ [illegible] Пушкина (Письмо изъ Берлина, 2 янв. 1840 г.). [illegible] Gedichte von Al. Puschkin übersetzt von. E. v. Olberg. Berlin 18[illegible] [illegible] 214). Вѣроятно Ольбергу же принадлежитъ [illegible] Ихъ Имп. Величествамъ, изд. въ 1840 г.: Gedichte von Alexander P[illegible] Russischen übersetzt von E. von O. Berlin. 1840 [illegible] 210.

Русскими офицерами. Русскій этотъ кружокъ мнѣ очень нравится, и Богъ дастъ я съ нимъ сживусь. Поминали не разъ объ Александрѣ Ивановичѣ [1]), о Семенѣ Семеновичѣ [2]), о Мишинкѣ Касторскомъ [3]), и т. д. Русскіе тутъ любятъ другъ друга, и сживаются хорошо. Свиридовъ предлагаетъ мнѣ свои услуги для квартиры и портнаго, даже деньги: спасибо ему: онъ придетъ ко мнѣ въ 10 часовъ, и пойдемъ по Берлину. Священникъ—превосходный человѣкъ. Да и мало ли хорошихъ людей въ этомъ небольшомъ кругу. И всѣхъ Русскихъ въ Берлинѣ до 60 человѣкъ. — Послѣднюю страницу напишу уже на новой квартирѣ.

10 часовъ вечера.—Наконецъ я переселился на постоянное жительство. Вотъ мое жилище:

1) комодъ, на(дъ) нимъ большое зеркало, а на немъ часы, лампа и экранъ; 2) столъ передъ софою, за которымъ на креслѣ я сижу теперь и пишу; 3) софа; 4) шкафъ для платья; 5) умывальный столикъ; 6) печь; 7) другой комодъ; 8) чамоданъ; 9) постель, передъ которой стоитъ маленькій столикъ; 10) столъ для книгъ; 11) секретеръ. На приличныхъ мѣстахъ стулья. Мебель почти вся краснаго дерева. На окнахъ (b) кисейное драппри.

Жилище мое—Подъ Липами, т. е. въ лучшей части города и на лучшей улицѣ, № 69. Подниматься надобно на четвертый этажъ, 52 ступени. Плачу̀ 7 талеровъ въ мѣсяцъ; на отопку выдетъ талера два. Я нахожу мою квартиру выгодною. Обѣдать буду въ одномъ съѣстномъ домѣ и уже абонировался на полмѣсяца за 3 талера. Чай и кофе дома. Такъ что всего выдетъ на квартиру и пищу талеровъ 20 въ мѣсяцъ.

Я заказалъ себѣ и платье: пару фрачную, сюртукъ и жилетъ за 53 талера. Пара завтра будетъ готова. Сегодня я былъ въ театрѣ, и видѣлъ лучшихъ комиковъ Берлина за 15 серебр. грошей (т. е. 1, 60 к.).

Завтра отправлю письмо, буду у Посланника, и еще у кого нибудь.

Прощайте, Маменька. Никому не пишу, потому что спать хочется: да извинятъ. Прощайте.

Вашъ люб. сынъ Из. Срез.

Поздравляю Васъ и всѣхъ съ наступающимъ Новымъ годомъ.

---

[1]) Покорскій (?).

[2]) Лукьяновичъ.

[3]) Мих. Ив. Касторскій, впослѣдствіи докторъ философіи и проф. С.-П.-Б. унив.; во время заграничнаго путешествія онъ (1836—1837) долго жилъ въ Берлинѣ. (В. В. Григорьевъ. Имп. С.-П.-Б. Ун.).

XV.

№ 3. Берлинъ, 1840. Янв. 1 / 1840. Янв. 13.

Цѣлую Вашу ручку, милая Маменька, и поздравляю съ Новымъ годомъ.

Сегодня я всталъ поздно, и только нѣсколько строчекъ успѣю написать до обѣдни, можетъ быть — только о томъ почему всталъ поздно и почему напишу только нѣсколько строкъ. Вотъ почему:—вчера я приглашенъ былъ на вечеръ къ Полковнику Юни, и пробылъ тамъ до 3-го часу утра. Общество было обыкновенное: хозяева—Полковникъ съ женой и двумя дочерьми—дѣвушками; священникъ нашъ съ женой; живописецъ Барду съ женой, сыномъ и дочерью; Нѣмецкій книгопродавецъ съ женой; наконецъ одинъ, два, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро молодыхъ людей. Это общество помѣщалось въ двухъ небольшихъ комнатахъ: въ одной играли въ бостонъ или въ вистъ—не знаю; въ другой танцовали подъ фортопьяно, и должность музыканта исполняла или одна изъ дѣвушекъ, или хозяйка. Я... я... танцовалъ! Приказали, потянули, стали учить: повиновался. Потомъ разохотился,—и весь вечеръ проплясалъ. Изъ того, что танцовалъ и я можете судить, Маменька, что дѣло обходилось безъ претензій. Напротивъ того, всякій изобрѣталъ разныя штуки, что-бы заставить хохотать, и хохотали у кого сколько силъ доставало. Играли немного и въ фанты, лили и свинецъ. И я, грѣшникъ, во весь вечеръ не вспоминалъ о Васъ; за то когда стукнуло 12-ть, когда стали поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ и пить шампанское, мнѣ стало вдругъ такъ грустно, что я отказался и отъ вина, и отъ ужина, и готовъ былъ хоть плакать. За однимъ туромъ вальса послѣ ужина мнѣ стало легче, но только на минуту. Оставался до самаго конца только потому, что неловко было уйдти прежде. Мнѣ все думалось о васъ, хотѣлось узнать, гдѣ Вы, что Вы дѣлаете, веселы-ли Вы, и представлялось, что Вы однѣ, скучаете, грустите, и не съ кѣмъ Вамъ слова сказать. Не льзя было не вспомнить и о томъ, что вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я не знаю, что съ вами, не имѣю ни строчки отъ Васъ. Мнѣ объ этомъ и думалось, мнѣ это и снилось,—и сегодня, вставши, я взялся прежде всего за письмо къ Вамъ. Напишу листокъ къ Вамъ, листокъ къ брату и къ кому-нибудь еще изъ Петербургскихъ знакомыхъ и постараюсь отправить завтра. Братъ успѣетъ мнѣ отвѣчать, и увѣдомить меня, что съ Вами.—Нѣтъ, я не привыкъ странствовать: все болѣе и болѣе вижу, что дома лучше, гораздо лучше.

Теперь пора собираться къ обѣдни. Помолюсь Богу, помолюсь и за Васъ, можетъ быть въ одно время съ Вами, когда Вы будете молиться о насъ съ братомъ.

Помолился и воротился. Въ обѣдни было человѣкъ до 40, можетъ и болѣе. Вмѣсто пѣвчихъ пѣли Потсдамскіе солдаты. Былъ и посланникъ, было и болѣе 10 дамъ. Доримедонтъ Васильевичъ служитъ обѣдню прекрасно: время это проходитъ незамѣтно и пріятно. Въ часъ обѣдня окончилась. Шедши домой вмѣстѣ съ старухой Барду и дочерью, я зазванъ былъ къ нимъ вмѣстѣ съ Калиновскимъ, оттуда пошли въ нашу ресторацію къ Чеху, оттуда кофе пить къ Свиридову, оттуда домой, велѣлъ топить печь, и сѣлъ писать письмо.

Печь! Это слово подираетъ меня морозомъ по кожѣ. Слава Богу, сегодня теплѣе. Вчера-же, третьяго дня и четвертаго дня было нестерпимо холодно: болѣе 15 градусовъ! Вы смѣетесь, Маменька; а я право не шучу. До сихъ поръ съ самаго пріѣзда въ Германію я еще не согрѣлся. Очень пріятенъ морозъ на воздухѣ, но въ комнатѣ—это другое дѣло. Представьте же себѣ, что у меня въ комнатѣ никогда не было теплѣе, какъ бывало въ дѣвичьей нашей въ домѣ Юнкертъ. Истопятъ печьку, не льзя къ ней притронуться; отойдешь шагъ отъ нея—паръ изо рта, еще шагъ—трясешься какъ рыба, а за письменнымъ столомъ сижу я не иначе какъ въ шубѣ, и то холодно. Топится же у меня два раза въ день. Запляшешь иногда по неволѣ. И это не у одного меня, а всюду: потому что и двойныхъ оконъ нѣтъ, и дѣвушка, прибирая комнату, всегда растворяетъ окошко, потому что и печи прегадко устроены. Развѣ лѣтомъ хорошо въ этой хваленой Германіи, а зимою — мерзко, несносно. И что же думать объ этихъ Нѣмцахъ, которыхъ ужасаютъ наши зимы: почти ни у одной дамы нѣтъ манто съ мѣховымъ воротникомъ, не говоря уже о пòлахъ, а молодые люди, напримѣръ студенты, бѣгаютъ въ однихъ сертучкахъ, и нѣкоторые — безъ галстуховъ, раскрывши шею и грудь. Нечистый ихъ знаетъ, гдѣ они набираютъ тепла, гдѣ отогрѣваются.

Теперь надобно отдохнуть—руки отогрѣть: окоченѣли. Закурю трубку и сяду подлѣ печки, т. е. подлѣ небольшаго кафельнаго шкафика, называемаго тутъ печкой.

Вотъ и въ третій разъ принимаюсь за письмо. Теперь уже 12-й часъ.

Сѣвши подлѣ печки за Санскритскую грамматику, я вспомнилъ о самоварѣ своемъ, котораго до сихъ поръ не пробовалъ. Развернуть его не долго, угли есть; вздумано и сдѣлано. Черезъ двѣ минуты самоваръ былъ поставленъ, и я, въ ожиданіи пока онъ будетъ готовъ, продолжалъ твердить склоненія. Пришелъ Калиновскій: «Пойдемъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ» (священницѣ нашей).—«Пойдемъ, а прежде напьемся чаю».—Приготовили чай, напились, пошли. Тамъ застали, что Анна Сергѣевна съ Mlle Барду и меньшимъ Малеинымъ играютъ въ дураки: пристали и стали играть въ пятерыхъ. Пришла

мать Барду: играли въ шестерыхъ. Анна Сергѣевна послала за дочерьми Юнии,—и когда онѣ пришли, пошли къ фортепьяно, и давай плясать: три пары танцовали, а четвертая дама играла. Не танцовали, а дурачились. Такъ да сякъ прошло до 11-го часу. Воротившись домой я зашелъ къ хозяйкѣ своей, поболталъ съ нею; а теперь къ столу, да за письмо.

И спать уже хочется: вчера мало спалъ. Покойную ночь!

2-е января.

О чемъ же написать на этой остальной полустраницѣ? Право не придумаю.

Развѣ написать о томъ, что можетъ молодой человѣкъ проживать въ Берлинѣ въ мѣсяцъ, думая беречь деньги:

За квартиру довольно порядочную около 8 талер. (я плачу 7); на дрова не менѣе 3 талер.; мѣсячный абониманъ на обѣдъ—6 талер. да прибавка къ этому 2 талера; на кофе и чай съ сахаромъ, хлѣбомъ и сливками 5 талеровъ, можетъ быть и менѣе; за чистку платья и сапогъ 1 талеръ; на театръ, гулянья и пр.—вдоволь—3 талера; на раз. мелочи 3 талера. Итого 30 талеровъ—около 100 рублей. Впрочемъ я уже издержалъ въ Берлинѣ по сей день—104 талера: изъ этихъ денегъ 54 пошло на платье, болѣе 15 на книги, около 5 на раз. разности, напр. на бумагу, перья. Слѣдовательно издержалъ 30 на кушанье и гулянья: плохо, да вѣдь это первое время.

Прощайте, душенька Маменька.

И. Срезневскій.

XVI [1]).

Галле. 1840. 29 Янв./10 Февр. Понедѣльникъ.

Пора идти за билетомъ для отъѣзда въ Лейпцигъ; а между тѣмъ надобно написать нѣсколько строкъ на память о Галле. 7-го февраля по 2-мъ часу по полудни пріѣхалъ я въ Галле. За двѣ станціи до Галле въ Биттерфельдѣ я разстался съ моими спутниками изъ Потсдама, и поѣхалъ въ небольшой коляскѣ съ однимъ Потсдамскимъ купцомъ. Добрый человѣкъ, онъ ѣхалъ въ Галле только для того, чтобы навѣстить одного своего друга, который просилъ его осмотрѣть его заведенія. Подъѣзжая къ Галле, начинаешь чувствовать близость Саксоніи: ѣдешь уже между холмами и по холмамъ, ви-

[1]) Это письмо осталось недописаннымъ и, вѣроятно, не было послано по назначенію.

дишь вдали передъ собою чуть не горы. Вправо отъ Галле возвышается Petersberg съ развалинами стариннаго замка на вершинѣ; влѣво вскрывается кое гдѣ Сала съ побережными скалами [1]).

Лейпцигъ, 1840. 30 янв. / 11 февр.

Занявши вчера мѣсто въ Personenpost съ тѣмъ, что-бы въ 12-ть часовъ ночи ѣхать въ Лейпцигъ, заблаговременно пришелъ я въ Passagier Zimmer, и ожидалъ пріѣзда дилижанса. Около полуночи пріѣзжаютъ въ Галле два дилижанса: одинъ изъ Лейпцига въ Магдебургъ, другой изъ Магдебурга въ Лейпцигъ. Съ послѣднимъ долженъ былъ я отправиться. Ровно въ 12 часовъ пріѣхалъ Лейпцигскій дилижансъ, немного позже Магдебургскій. Пока отправили далѣе первый и приготовили лошадей для втораго, прошелъ часъ, такъ что мы, пассажиры въ Лейпцигъ могли выѣхать изъ Галле только во 2-мъ часу. Отъ Галле до Лейпцига только [2]) миль, одна перепряжка. Вовсе не занимательная болтовня моихъ сосѣдей—двухъ Жидовъ, Гамбургскаго приказщика и двухъ торговокъ изъ Хемница (станція между Галле и Лейпцигомъ) усыпила меня, такъ что я проснулся только тогда, когда у въѣзда въ Лейпцигъ таможенный чиновникъ отворилъ двери и потребовалъ паспорты. Вмѣсто паспорта мнѣ дали бумажку съ тѣмъ, что-бы я написалъ на ней фа-

---

[1]) Слѣдуютъ 1½ бѣлыхъ страницы. Такъ какъ о посѣщеніи И. И. С—го Галле не сохранилось ни замѣтокъ, ни писемъ, рѣшаемся восполнить этотъ пробѣлъ сообщеніемъ г. Любовича о встрѣчѣ И. И. С—го въ Галле съ извѣстн. впослѣдствіи историкомъ проф. Реппелемъ (Р. Стар. 1882. Іюль). Г. Любовичъ посѣтилъ Реппеля въ Бреславлѣ въ 1880 г. «Зашла рѣчь о нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, и г. Реппель сталъ вспоминать тѣхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Между прочимъ, онъ освѣдомился у меня о Измаилѣ Ивановичѣ Срезневскомъ. Извѣстіе о смерти И. И. было новостью для г. Реппеля. На мой вопросъ, гдѣ онъ познакомился съ И. И., г. Реппель разсказалъ мнѣ объ ихъ встрѣчѣ слѣдующее. Въ 1840 году пріѣхалъ покойный Срезневскій въ Галле, гдѣ находился Реппель, бывшій въ то время приватъ-доцентомъ. Тутъ-то они познакомились и, повидимому, подружились. Съ тѣхъ поръ, однако, они болѣе не встрѣчались. Не смотря на то, что со времени этого знакомства протекло такъ много времени, г. Реппель живо помнитъ И. И., произведшаго на него сильное впечатлѣніе своимъ умомъ, энергіею и живостью характера. Уѣзжая изъ Галле, И. И. оставилъ на память г. Реппелю на клочкѣ сѣрой бумаги, трехстишіе, которое онъ сохраняетъ до сихъ поръ. Вотъ это трехстишіе:

Ой пішовъ козакъ межъ чужіи люди,
Чи не лучше на чужини якъ межъ своими буде.
Ой що буде, то и буде, козакъ добра не забуде.

И. Срезневскій.

1840. Февраля 10».

Кромѣ Реппеля въ Галле И. И. С—кій познакомился съ Поттомъ и М. Дункеромъ; замѣтки ихъ, данныя ими на память И. И. С—му сохранились въ собраніи автографовъ архива И. И. Ср—го.

[2]) Цифра пропущена.

милію, чинъ, мѣсто и цѣль странствія, и т. п. По этой бумажкѣ, сказалъ мнѣ чиновникъ, могу я получить обратно мой паспортъ. Другіе не дали паспортовъ: одни сказали, что они жители Лейпцига, другіе, что они изъ Хемница и завтра поѣдутъ обратно, и т. д. впрочемъ изъ словъ ихъ видно было, что они врали. Такъ одинъ жидъ на вопросъ чиновника отвѣчалъ, что онъ житель Лейпцига. «Какъ прозываетесь?» Шульце. «Купецъ?» Да! «Аа!»—и чиновникъ затворилъ дверцы, а жидъ захохоталъ. Било 6 часовъ, когда мы ѣхали по Лейпцигу. Почтовый дворъ, въ которомъ остановился дилижансъ—прекрасное, богатое строеніе. Одинъ изъ служителей предложилъ мнѣ услуги, и за 4 гут. снесъ мои вещи въ Hotel de Robière, гдѣ мнѣ совѣтовали остановиться. Комнатка, которую мнѣ отвели, довольно мала, но кажется будетъ покойна. Вмѣстѣ съ кофе мнѣ принесли Fremde Buch, въ которомъ я долженъ былъ написать отвѣты на тѣже вопросы, какъ въ тамож. бумажкѣ. Кофе прекрасный, служители вѣжливые. — Пора выйдти смотрѣть на городъ.

Wam is dann dar Hund do?—Ha?—Wam dar Hund do is?—Wos?—Nu, wam dar Hund do is?—War?—Nu, dar Hund do?—Dar Hund do? Dos is main Hund.—Ah so!.

Worüm sieht dann dar Hund so treech aus?—Ha?—Worüm dar Hund so treech aussitt?—War?—Dar Hund do!—Dar Hund do? nu dar sieht nischt!

Worüm frisst dann dar Hund nischt?—Ha? Worüm dar Hund nischt frisst?—War?—Nu dar Hund do!—Nu mer gä'n'n nischt.—Worüm gä'tt er dann dam Hund nischt?—Ha?—Worüm gä'tt er dam Hunde nischt?—Wos?—Worüm er dam Hunde nischt gät? —Wam?—Nu dam Hunde do.—Nu, mer hann nischt.—A, su!—

Сцена: Zwei Bauern sitzen in der Schenke, der eine den Kopf auf den Arm gestützt, in Gedanken versunken, der Andre unruhig, begierig ein Gespräch anzuknüpfen.

1. —Ist er verheirathet (женатъ)? 2. —Wer (кто)? 1. —Er (онъ). 2. —Wer (кто же)? 1. — Er (ну онъ). 2. — As wie ichi (я напримѣръ)? Ja (да). 2. — Ne (нѣтъ). 1. — Eh (гмъ)! 2. — Aber er (а онъ)? 1. — Wer (кто)? 2. — Er (онъ). 1. — Wer (кто)? 2. — Er (ну да онъ). 1.—Als wie ichi (я что-ли)? 2.—Ja (да). 1. —Ja (да). 2. —Ah (ахъ)! [1])

[1]) Эти разговоры, вѣроятно слышанные во время пути, записаны на отдѣльный листокъ, вложенный въ письмо.

XVII.

№ 5. Прага. 1840 $\frac{4}{16}$ Февр. Воскресенье.

Наконецъ, душенька Маменька, я въ Прагѣ.—Напишу Вамъ хоть нѣсколько строчекъ, пока мнѣ вычистятъ платье. Вечеромъ буду имѣть, вѣроятно, болѣе времени; а теперь—хоть нѣсколько строкъ.

Вчера въ 11 часовъ утра я оставилъ Дрезденъ. Мнѣ расхвалили его до того, что онъ мнѣ во все не понравился. Притомъ-же всѣ драгоцѣнныя собранія открыты бываютъ только лѣтомъ; слѣдовательно не многимъ было и любоваться. Я обѣгалъ городъ, осмотрѣлъ главныя церкви, посѣтилъ театръ; два Kafe-haus'а, пересчиталъ до сотни сапожныхъ лавокъ, полюбовался Эльбою и окрестностями города съ Эльбскаго моста,—и въ дорогу. Когда буду въ Дрезденѣ въ другой разъ, тогда осмотрю и собранія, и Саксонскую Швейцарію; а теперь лучше всего было ѣхать скорѣе въ Прагу.

Дорога отъ Дрездена до Праги очаровательна. Идетъ между горъ и по горамъ, и безпрестанно раскрываетъ новые очаровательные виды. Чѣмъ ближе къ Австрійской границѣ, чѣмъ высота горъ чувствительнѣе, виды красивѣе. Въ Петерсвальдѣ—на границѣ—снѣгъ и холодъ, точно зима, между тѣмъ какъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ я гулялъ во одномъ сюртукѣ и вокругъ все уже начинаетъ зеленѣть. Точно зима,—и какъ хороши эти горы и ели, покрытыя густымъ пластомъ инея, какъ пріятно глядѣть на нихъ изъ долины. Въ Петерсвальдѣ Австрійская таможня: записали наши паспорты, и осмотрѣли вещи. Мнѣ говорили, что этотъ осмотръ бываетъ не безъ непріятностей для проѣзжихъ; кажется, это неправда: всѣ мои вещи были уложенны въ 2-хъ Reisesack'ахъ, и если-бы захотѣли осмотрѣть ихъ подробно и проворно, то бѣднымъ книгамъ навѣрно-бы досталось, да и платье могли порвать. Ничего этого не было: на вопросъ чиновника, что я везу съ собою, я отвѣчалъ: «Платье, бѣлье, книги, тетради,—и если вамъ угодно осмотрѣть, то я выну все,—мнѣ бы только желалось, что-бы я вынималъ самъ, потому что незнающій можетъ что-нибудь испортить.—«Вы путешествуете»? спросилъ меня чиновникъ. «Да». «Писемъ у васъ нѣтъ»?—«Есть письма, которыя я получалъ отъ знакомыхъ и родныхъ». —«А запечатанныхъ писемъ къ кому-нибудь нѣтъ»?—«Нѣтъ».—«Ну, я не буду трогать Вашихъ вещей: увѣренъ, что Вы говорите правду». Я поблагодарилъ чиновника словами, —и оставивши свои вещи на произволъ кондуктора, побѣжалъ обѣдать, потому что очень проголодался. Къ 5-ти часамъ все было готово къ отъѣзду,—и по звуку трубы мы усѣлись въ карету. Карета была уже не Саксонская, а Австрійская, порядочная, но не столько покойная. То-ли дѣло наши Русскіе дилижансы! Впрочемъ и Австрійскіе имѣютъ свое доброе: несмотря на гористую дорогу, мы

ѣхали очень скоро, по Русски, не такъ какъ въ Пруссіи, гдѣ иногда не знаешь, за что и считать себя—за гуся ли, котораго везутъ въ городъ на продажу, или за какой другой товаръ. Мало-по-малу стемнѣло, и мѣсяца было не видно за туманомъ; но я не переставалъ глядѣть и смотрѣть. Я былъ въ Богеміи: могъ ли я спать? Подлѣ Кульма, я выскакивалъ изъ дилижанса, что-бы лучше видѣть поле сраженія и три памятника въ память этого сраженія. Далѣе любовался Тёплицемъ, еще далѣе Лауномъ; еще далѣе всякой деревушкой, потому что всякая хатка напоминала мнѣ Русь. Въ 7-мъ часу утра мы подъѣхали къ горамъ, окружающимъ Прагу, въ 8-мъ были въ Прагѣ. Когда-то сердце мое трепетало, когда я подъѣзжалъ къ Москвѣ: теперь оно также трепетало. И въ самомъ дѣлѣ, Прага имѣетъ сходство съ Москвою. Чудный городъ! Не знаю, какимъ я найду его, когда осмотрю лучше; а теперь онъ для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самаго Берлина. А чего стоитъ одно то, что, проходя по улицѣ, слышишь Славянскіе звуки и даже Московскій напѣвъ.

$\frac{5}{17}$ [1]) Февр. Понедѣльникъ.

Не спавши поза-прошедшую ночь въ дорогѣ, я не могъ не хотѣть спать, и воротившись домой (въ Гостинницу Голубой Звѣзды, гдѣ я остановился), легъ. За то всталъ сегодня рано и здоровый, хоть опять не спать цѣлую ночь. Вотъ какъ провелъ я вчерашній день: одѣвшись, я поѣхалъ къ Шафарику, былъ имъ обласканъ, и проговорилъ съ нимъ часа два. Я понимаю, когда онъ говоритъ по Чешски; онъ понимаетъ, когда я говорю по Русски; слѣдовательно можемъ разговаривать безъ труда. Отъ него я получилъ письмо, писанное Вами 31 Декабря (1 Января): прежняго онъ не получалъ. Сказавши, что-бы я приходилъ къ нему въ 3 часа, что-бы вмѣстѣ идти въ Чешскій театръ, онъ далъ мнѣ своего сынка, что-бы онъ проводилъ меня домой. Дома я пообѣдалъ, потомъ пошелъ бродить, зашелъ въ кофейню и выпилъ чашку шоколаду, и къ 3 часамъ поспѣлъ къ Шафарику. Онъ видѣлъ меня изъ окна, и вышелъ на встрѣчу: добрѣйшій человѣкъ, онъ обращается со мною какъ родной. Вышла потомъ жена съ дочушкою, и въ 4-хъ мы пошли въ театръ. Чешскій театръ бываетъ только по воскресеньямъ и то отъ 4 до 6 часовъ, потому что въ 6 начинается Нѣмецкій. На этотъ разъ былъ данъ Quodlibet: пѣли куски изъ оперъ, кое-что танцовали и пр. Стракатый, Подгорска, Гесмерова и Бекъ поютъ прекрасно; танцовщицы плохи. Театръ былъ биткомъ набитъ. Изъ театра пошли опять къ Шафарику, и пили чай, приготовленный по Русски. Пришелъ Докторъ Станекъ [2]). Говорили о квартирѣ для меня: изъ разговора я увидѣлъ, что Шафарикъ былъ у Станка утромъ, и что Ста-

[1]) Въ подл. 5/7.

[2]) Vóclav Staněc—врачъ по спеціальности, въ тоже время литераторъ.

некъ пріискалъ уже для меня комнату. Теперь я жду его, и пойдемъ смотрѣть. Я просидѣлъ у Шафарика до 8 часовъ, и, воротившись домой, легъ спать. Многое снилось и многое бы хотѣлъ я пересказать Вамъ; но словъ нѣтъ...

О вьюгахъ Харьковскихъ я читалъ еще въ Берлинѣ, и добрая Анна Сергѣевна [1]) утѣшала меня.—О недостаткѣ денегъ, душенька Маменька, не беспокойтесь: еще учусь экономничать; но и, учившись, не имѣлъ недостатка. Денегъ, которыя повезъ изъ Харькова, еще остается можетъ быть мѣсяца на два... а вотъ позвольте перечту... Безъ малаго 200 рублей. Кажется на два мѣсяца не должно стать. [Впрочемъ не беспокойтесь: деньги будутъ у меня. Можетъ быть уже и лежатъ на почтѣ] [2]).—За письма ко мнѣ платите только до границы; а за мои письма Вамъ придется платить не болѣе 2-хъ рублей асс. даже менѣе. Для полученія процентовъ точно надобно посылать въ банкъ самый вексель. На всякій случай не мѣшаетъ написать письмо къ Андрею Львовичу Цвѣтаеву (въ Москвѣ, въ приходѣ Николы на Драчахъ, въ собств. домѣ): онъ служитъ по этой части, и помогалъ мнѣ получить вексель.—Ивану Петровичу напишу можетъ быть съ этимъ письмомъ, а если не этимъ, то съ слѣдующимъ.—

Цѣлую ручки Ваши, милая Маменька. Прощайте до слѣдующаго письма.

— Вотъ я и съ квартирой. Станекъ пришелъ ко мнѣ; съ нимъ пошли мы на квартиру,—и кончили. За большую комнату съ отопленіемъ, прислугой и мытьемъ бѣлья плачу—12 гульденовъ, т. е. около 24 рубл. И адресъ мой: In Prag. Roszmarkt. № 834, Chahrhaus. 3 Treppen hoch. bey dem Kaufmann Klinkaček.—Оттуда ходили въ Полицію, и взяли Aufenhaltsschein на 3 мѣсяца. Завтра переѣду на квартиру,—и стану заниматься. Благословите, Маменька!

Пожалуйста номеруйте, Маменька, Ваши письма, что-бы я зналъ, буду ли все получать: полученное мною буду считать № 1-мъ [3]).

При въѣздѣ въ Прагу взяли у насъ паспорты, и дали такую бумажку.

N-ro. 114 Pasz-Rezepisse für Eilwagen. Angekommen den $^{16}|_{2}$ 1840.

Jedermann hat nicht nur sogleich bei der Ankunft an dem Stadtthore seinen Pasz abzugeben, sondern auch binnen 24 Stunden wegen des vorgeschriebenen Aufenthaltscheines sich bei der k. k. Stadthuptmannschaft ganz unfehlbar gegen Vorweisung dieses Zettels, unter der dieszfalls bestehenden Ahndung zu melden.

(Тоже по Чешски, Франц. и Итальян.)

---

[1]) Соколова, жена Берлинск. свящ. Д. В. Соколова.

[2]) Помѣщенное въ скобкахъ [ ]—приписка на полѣ.

[3]) Приписка на полѣ. Слѣдующее послѣ этого записано на отдѣльномъ листкѣ, вложенномъ въ письмо.

(На другой сторонѣ)

Aufenthaltsschein

für

Ismail Sreznewski

gebürtig aus Iaroslaw im Russland

versetzen mit Pasz von

wohnhaft in

gültig auf

Bei jeder Veränderung der Wohnung, wie auch bei Ausgang der Aufenthaltsfrist, ist dies hierorts zu melden

Von der k. k. Stadthauptmannschaft

Prag den 1840

По пріѣздѣ въ Почтов. двору, вновь осмотрѣли наши вещи.

Остановившись въ Гастгаузѣ подъ вывѣскою blauen Stern отъ меня потребовали отвѣтъ на записку слѣд:

Meldzettel Billet d'Annonce

(на Фр. и Нѣм. яз.)

Bei mir Gestadverlasser (?) ist heute eingekehrt:

Stadtviertel Haus N ro Hausschild

Nennet sich Ismail Sreznewski.

Charakter oder Nährung Adjunctprofessor

Geburtsort und Vaterland Iaroslaw in Russland

Alt 27

Religion Griec.—Catholique

Stand (ledig, verheirathet, verwittwet) ledig.

Kommt von Dresden

Gedenket hier zu bleiben 1 Monath

Allein oder mit Allein

Hat Pasz oder Urkunde von Hat Pasz

Reiset von hier nach Wien.

Prag den 1840.

XVIII.

№ 6. Прага, 1840. [illegible]

Вотъ и недѣля какъ я въ Прагѣ, и [illegible] пропали въ ней для меня такъ, какъ [illegible], [illegible] [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], и [illegible] недоволенъ, [illegible].

Встаю рано—въ 7-омъ часу. По голосу моего звонка дѣвушка приходитъ топить печь (топится въ моей комнатѣ по 2 раза въ день по немного, потому что очень холодно—доходитъ, можетъ быть до 10°, такъ холодно, что Молдава, передъ моимъ пріѣздомъ совершенно растаявши, опять покрылась по берегамъ довольно толстою корою льда; время впрочемъ стоитъ ясное). Между тѣмъ какъ я умываюсь, мнѣ готовятъ кофе, и черезъ пять минутъ приходитъ старушка няня, точный портретъ нашихъ русскихъ нянь, съ кофе, а съ нею приходятъ и два милыхъ мальчика, сыновья моего хозяина, поздороваться со мною. Потомъ я остаюсь одинъ и занимаюсь. Почти всегда до самаго обѣда я дома. Обѣдать мнѣ ходить недалеко: стоитъ спуститься по тремъ лестницамъ внизъ: тутъ за очень умѣренную плату имѣю три кушанья, довольно чисто приготовленныхъ. Послѣ обѣда или иду домой спать или изъ дому гулять. Въ три часа приходитъ ко мнѣ І. Франта Шумавскій [1]), съ которымъ занимаемся мы по Чешски и по Русски. Вечеромъ рѣдко остаюсь дома; иду или къ Шафарику или къ Станьку или куда нибудь со Станькомъ. Въ половинѣ 9-го я опять дома, и прямо къ хозяину, болтаю съ нимъ и его женою, играю съ дѣтьми. Потомъ, въ половинѣ 10-го, отправляюсь въ свою комнату заниматься—и въ 12-мъ часу гашу свѣчку. Изъ Чеховъ ученыхъ болѣе всего сошелся я съ докторомъ Станькомъ: хоть на короткое время, а непремѣнно видимся съ нимъ каждый день, никакъ не думая считаться визитами. Дома я—точно дома: дверь изъ моей комнаты въ хозяйскую не запирается, а выходя изъ дому запираю только дверь въ переднюю; хозяйка сама смотритъ за чистотою въ моей комнатѣ; вечеромъ иногда безъ церемоніи и ужинаю съ ними или пью пиво, впрочемъ пиво мнѣ не нравится, а ужинать я совершенно отвыкъ; когда въ это время я сижу въ хозяйской комнатѣ, то маленькую дочьку хозяйскую убаюкиваютъ въ моей комнатѣ, и т. д. Если что мнѣ нужно, стоитъ только слово сказать хозяину или Станьку, какъ все готово.

Вчера вечеромъ я былъ у Станька. Чтобы познакомить меня съ молодыми Чешскими литераторами, онъ созывалъ ихъ всѣхъ къ себѣ. Пили чай по Русски. Сестра жены Станька, миленькая дѣвушка, прекрасно играющая на фортепіано и прекрасно поющая, пѣла старинныя Чешскія пѣсни, потомъ Соловья Дельвига и «Сладко пѣлъ душа соловушко» Лажечникова (видите, я не напрасно повезъ съ собою ноты). Послѣ сѣлъ за фортепіано одинъ изъ литераторовъ и подъ его акомпанеманъ все общество стало пѣть народныя Чешскія пѣсни: чудный хоръ, человѣкъ 12 басовъ и теноровъ. И такъ далѣе,

---

[1]) Іос. Фр. Шумавскій (1796—1857) — филологъ и литераторъ; имъ составленъ Deutsch-böhmisches Wörterbuch (1843) и начато изданіе большого словаря Славянскихъ нарѣчій «Wörterbuch der Slawisch. Sprach. in den sechs Hauptdialekten.»

и такъ далѣе. Всѣ рады были знакомиться со мной, всѣ говорили отъ души. Литературное братство Славянъ могущественное братство: я это испытываю на себѣ, и душевно благодарю ихъ за пріязнь. Особенно нравится Чехамъ моя терпимость, мое правило «почитать и власть политическую, оставаясь вѣрными подданными отечества, почитать и народность». Въ политическомъ отношеніи мы всѣ Европейцы, въ народномъ—Славяне. Въ обществѣ нашемъ есть и Поляки,—и, повѣрите ли, Маменька, рука въ руку съ каждымъ изъ нихъ, я остаюсь Русскимъ, онъ Полякомъ, и дружны. «Мы Славяне»: это слово примиряетъ враговъ... я это испытываю уже не первый разъ: въ Лейпцигѣ сошелся я такъ же съ Поляками, и мы были друзьями, разстались друзьями... Германцы не составляютъ вѣдь одного государства, а могутъ быть Германцами-братьями одной крови: такъ могутъ быть братьями и Славяне; а что до Поляковъ, то, Богъ дастъ, они будутъ со временемъ и болѣе нежели братьями Русскихъ.

11/24 Февраля.

Вчера вечеромъ... опять вечеромъ! Нѣтъ лучше начну съ утра. Вчера утромъ я отправился съ хозяиномъ бродить по церквамъ. Заходили во многія, пока дошли до собора св. Вита. Церквей въ Прагѣ еще много. Прежде было еще больше, и почти столько же монастырей; но уничтожены, и превращены въ казармы или въ больницы, или въ присутственныя мѣста, или во что нибудь подобное. Многія изъ церквей очень велики и хорошо украшены. Впрочемъ ни одна изъ нихъ не можетъ быть сравнена съ соборомъ св. Вита. Подобнаго храма за границей я еще не видалъ. Онъ построенъ въ готическомъ вкусѣ, и изумителенъ смѣлостью и легкостью архитектуры и богатствомъ украшеній. Вотъ его форма... [1]).

Колонны какъ будто изъ гигантскихъ тростниковъ поддерживаютъ середину храма и второй этажъ, опирающійся на этихъ колоннахъ весь прозраченъ и отдѣланъ какъ игрушка. За колоннами ходъ довольно широкій и вдоль по всему ходу кругомъ множество капеллъ, посвященныхъ разнымъ святымъ. Во время проповѣди мы ходили по церкви и осматривали ее. Потомъ началась обѣдня, и мы заняли мѣсто на первой лавкѣ. Я молился съ благоговѣніемъ, величественные звуки огромнаго органа, сопровождаемые прекраснымъ оркестромъ и хоромъ, не могутъ не внушать благоговѣнія. Постараюсь посѣщать св. Вита довольно часто. Жаль только, что далеко: отъ Конскаго торга, гдѣ я живу, надобно идти различными улицами и уличками довольно далеко до мосту, потомъ длиннымъ, длиннымъ мостомъ (что на картинѣ у Ив. Петр.), потомъ улицами

[1]) Въ подлинникѣ слѣдуетъ рисунокъ.

до горы, гдѣ замокъ, сходцами въ 220 ступеней на гору и по горѣ различными изворотами. За мостъ, т. е. на малую страну, я хожу очень рѣдко. Видъ съ замковой горы на городъ превосходенъ; видъ съ моста на гору таковъ же. — Послѣ обѣда я былъ въ Чешскомъ театрѣ: давали мелодраму «Саломоновъ судъ»; музыка очень хороша, но пьеса и игра актеровъ прежалкая, такъ, въ родѣ Харьковской. Изъ театра пошелъ къ Шафарику. Потомъ домой, прежде къ хозяину потомъ къ себѣ, и довольно рано легъ спать. За то сегодня рано всталъ...

Пожалуйста, милая Маменька, пришлите мнѣ слова «Сладко пѣлъ душа соловушко»: я не взялъ съ собою Новика, жалѣю, да нечего дѣлать, а теперь эта пѣсенька нужна. Кто нибудь изъ нашихъ знакомыхъ перепишетъ ее.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ. Цѣлую ручку вашу.

Из. Срезневскій.

XIX.

№ 6. Прага, 23 Февр./7 Марта 1840.

Живется кое-какъ, мало-по-малу; день за днемъ, недѣля за недѣлей идутъ, пройдутъ и мѣсяцы. Не бываетъ очень весело, не бываетъ и скучно. Утро безвыходно дома; послѣ обѣда хожу гулять по стѣнамъ города, потомъ опять домой, и вечеромъ, если не у Шафарика или Станька, то всетаки дома: большею частію дома. Многое, многое надобно перечесть, многое записать; да и безъ того нѣтъ охоты шляться.

Не безъ исключеній впрочемъ. За недѣлю былъ я на одномъ масличномъ вечерѣ. Масленица или мясопустъ католическій продолжался до прошлой середы, чуть-ли не семь недѣль, и въ послѣдніе дни заставилъ по обычаю шумѣть, пѣть, плясать, всячески веселиться, и особенно плясать, всю Прагу. Съ пяти, даже съ 4-хъ часовъ по полудни начинались эти танцы, и продолжались—безпрестанно—вы не угадаете, милая Маменька, до какихъ поръ... до ночи? нѣтъ; до утра? чуть-чуть не до полудня. Въ улицахъ тихо, души не видно и не слышно; а пройдите по этой заглохшей улицѣ и изо всякаго дому услышите музыку или пѣсни. Неутомимость здѣшнихъ плясуновъ и плясуней невѣроятна всякому, кто не изъ ихъ числа. Такъ и я былъ приглашенъ на одинъ изъ такихъ вечеровъ-сутокъ. Гдѣ-то въ концѣ города подъ Вышеградской скалою живетъ тотъ мѣщанинъ, у котораго собралось это общество: въ комнатѣ верхняго этажа плясали, въ комнатѣ нижняго этажа курили, пили пиво, пѣли. Общество было незавидное, хоть отчасти и изъ литераторовъ здѣшнихъ; но для меня любопытное. Пѣли большею частію пѣсни народныя, нерѣдко глупыя по содержанію, но вообще прекраснаго напѣва: сходство съ Малороссійскими удивительное, и напѣвы еще музыкальнѣе. И танцовали

большею частію народные танцы—разнаго рода вальсы въ$^{2}/_{4}$, напр. польку, рейдовакъ, рейдовачку, фуріантъ и т. п. Дамы всѣ вообще ловки, и слѣдовательно смотрѣть было весело. Въ антрактахъ подавали кофе, чай, коблячи или крапфены (что-то въ родѣ аладій съ вареньемъ, обыкновенное здѣшнее пирожное или какъ тутъ называютъ мучное кушанье мэльшпеизе) и т. д. Гостепріимство истинно Славянское; простота и безцеремонность даже болѣе нежели Славянская, мѣщанская. И я пробылъ тамъ, хоть и не танцовалъ, до... до 4-хъ часовъ утра, пока нашелъ себѣ провожатаго домой, потому что самъ не съумѣлъ бы найдти путь домой. Мнѣ бы и веселѣе было, если бы я лучше могъ заставлять себя понимать; а то ломаю, ломаю языкъ, мѣшаю слова и грамматическія формы всѣхъ возможныхъ нарѣчій, а на Чешскій ладъ попадаю развѣ случайно или въ веселую минуту. Впрочемъ я не могу бранить Чешскаго языка только потому что еще не могу выражаться на немъ сколько нибудь прилично: это языкъ очень нѣжный, очень музыкальный.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ былъ на Чешскомъ дивадлѣ, т. е. театрѣ; на другой день то-же. Теперь во весь великій постъ Чешскаго дивадла не будетъ, потому что съ 7-ми часовъ Нѣмецкій театръ, а до 7-ми по костёламъ читаются кázани, т. е. проповѣди.

Третьяго дня ходилъ въ Замокъ и осматривалъ залы сейма, королевскія—императорскія комнаты, комнаты, гдѣ жилъ Король Французскій Карлъ 10-й, и пр. Порядочно; но великолѣпнаго почти ничего нѣтъ. Коронаціонная зало съ готическимъ сводомъ и убранная народнымъ Чешскимъ цвѣтомъ краснымъ + бѣлымъ, хороша, только узка; Испанская зала съ 35 люстрами также хороша; впрочемъ наши Харьковскія залы (Университетская и Дворянская) гораздо лучше: больше, красивѣе, правильнѣе, проще, благороднѣе. Изъ Замка пошелъ въ Страховъ монастырь. Монастырей въ Прагѣ много; было въ четверо больше, но уничтожены и обращены въ разныя заведенія. Страховъ имѣетъ богатую библіотеку и картинную галерею. Осмотрѣлъ картины, кое-что изъ книгъ, записалъ имя свое по Русски и получилъ надежду бывать лѣтомъ: теперь еще холодно. Кстати: и въ самомъ дѣлѣ холодно, такъ что Молдава кое-гдѣ покрыта еще льдомъ,— и утромъ и вечеромъ бываетъ градусовъ до 8-ми. Въ серединѣ дня тепло, такъ что окно у меня теперь отворено. Дни чудесные: солнце и тихо; франтики гуляютъ въ легенькихъ сюртучкахъ съ открытыми шеями; франтихи въ платьицахъ, впрочемъ съ муфтами на рукахъ. А ужъ франтихъ тутъ, франтихъ! Живучи на конскомъ рынкѣ, лучшей площади въ Прагѣ, по которой ежедневно гуляютъ толпы ихъ около полудня я любуюсь и дивлюсь: если бы прямо изъ Харькова въ Прагу, такъ не зналъ бы, что и подумать объ этомъ множествѣ дамъ, изящно, богато одѣтыхъ. Славянки,

домовой-бы ихъ не взялъ, все Славянки: знать и по поступи, знать и по взгляду, и по вкусу. Это уже не чета Берлину, гдѣ всѣ хотятъ быть радугами: тутъ всѣ вмѣстѣ — одна радуга.

Пора однако закрыть окно (уже 5 часовъ), и перейдти къ другому предмету. Въ Берлинѣ слышалъ я Дрейшока, родомъ Чеха, и считающагося теперь членомъ тріумвирата, гдѣ два другіе члена—Тальбергъ и Листъ. И этого Листа, Юлія Цезаря въ этомъ тріумвиратѣ, я слышалъ въ то-же утро. Дайте, раскажу порядочно. Недѣли за полторы объявили, что будетъ концертъ имѣющаго пріѣхать Листа, и что желающіе имѣть билетъ на 1-е мѣсто за 2 гульдена и на 2-е мѣсто (въ галереѣ) за 1 гульденъ могутъ получить въ музыкальномъ магазинѣ—забылъ чьемъ. По всѣмъ угламъ, по обычаю, прибито было это объявленіе, гдѣ Листъ написанъ былъ буквами вышиною вершковъ въ 5. Я прочелъ, я побѣжалъ въ магазинъ; я записался на 1-е мѣсто съ правомъ получить билетъ, когда пріѣдетъ Листъ, я ждалъ съ нетерпѣніемъ— и дождался. Къ несчастію, я не привыкъ еще помнить, что тутъ нѣтъ нумераціи мѣстъ, и что надобно за нѣсколько часовъ ранѣе приходить, чтобы занять порядочное мѣсто; забылъ, пришелъ тогда, когда зала была уже биткомъ набита. Я догадался однако, пошелъ на 2-е мѣсто, на галерею, добылъ, яко иностранецъ, стулъ, всталъ на него—и увидѣлъ не только все общество нижнее и верхнее, но и самого себя—въ зеркало, висящее на противоположномъ концѣ залы. Зала небольшая, кругомъ ея галерея: пестрядь людей—сельдей такая, что иной бы и вздвигнулъ плечами, да сосѣдъ мѣшаетъ. Ждали, ждали: пришелъ блѣдный, худой, довольно высокій полу-молодой человѣкъ, 2-й экземпляръ Вас. Ник. Гана [1]), раскланялся подъ прямымъ угломъ— и я началъ слушать. Листъ игралъ увертюру Бетховена, свои варіяціи на пѣсню Шуберта (они у васъ есть) и еще что-то. Я слушалъ. Емда! чортъ возьми! лучше меня. Такъ мягко дьяволъ играетъ, что когда уже слухъ отказывается слушать, все еще есть что слышать; такое molle, такое piano, такое sotto voce, и тутъ же такіе пассажи и лѣвой и правой, такое выраженіе, что мнѣ—даже стало завидно, даже перестало быть завидно. Хлопали ему такъ что ушамъ больно было. За то онъ сыгралъ еще двѣ пьесы на прибавокъ, и сыгралъ лучше, нежели то, что сыгралъ по обѣщанію. Съ нимъ пѣла Пани Подгорска и Панъ Стракаты, хорошо, мило; но не то ужъ.—Ну Листъ!—

Цѣлую Вашу ручку, душенька Маменька. Дай Богъ Вамъ здоровья и покою.

Из. Срезневскій.

---

[1]) В. Н. Ганъ—одинъ изъ учениковъ пансіона Роберти (?) или Зимницкаго (?), гдѣ преподавалъ И. И. Срезневскій.

Троичина,

Кадниковскаго уѣзда.

Бытовой очеркъ.

Подъ именемъ «Троичина» извѣстна мѣстность въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, заключающая въ себѣ слѣдующія волости: Давыдовскую, Кремлевскую, Кумзерскую, Азлецкую, Зубовскую, Троицко-Епальскую, Ухтомскую, Вотчинскую, Нижеслободскую, Ембскую, Митюковскую и Вальгскую, составляющихъ сѣверную часть уѣзда. Объ этой мѣстности мы и намѣрены говорить въ настоящемъ очеркѣ.

Начнемъ съ климата. Климатъ въ данной мѣстности, впрочемъ, какъ и во всей Вологодской губерніи, очень суровый. Разливъ рѣкъ у насъ бываетъ въ концѣ Апрѣля или даже въ началѣ Мая мѣсяцевъ, но и послѣ этого иногда морозъ стоитъ вплоть до Іюня, и за это время нерѣдко выпадаетъ снѣгъ. Въ концѣ Іюля уже пахнетъ осенью: ночи становятся темныя и холодныя, листъ на деревьяхъ начинаетъ желтѣть и падать, все указываетъ на приближеніе осени, когда въ другихъ мѣстахъ Россіи лѣто еще въ полномъ, такъ сказать разгарѣ. Зимою же температура доходитъ до 40°, а 20° считается обыкновенною погодою, «морозцомъ» — и только.

Обратимся къ статистикѣ: къ числу жителей, населяющихъ эту мѣстность, числу селеній, дворовъ и земель, какъ надѣльныхъ, такъ и крѣпостныхъ, находящихся во владѣніи крестьянъ.

По свѣдѣніямъ г. Шляпина [1]), составленнымъ по оффиціальнымъ даннымъ, какъ свидѣтельствуется имъ, видно, что во всѣхъ этихъ 12-ти волостяхъ находится ревизскихъ м. п. душъ 12781.

Наличныхъ муж. п.		14859
» жен. »		15896
» *обоего* »		30755

---

[1]) 3-й т. Вологодскаго *Статистическаго Сборника*, статьи В. Н. Шляпина: «*Статистическія свѣдѣнія о составѣ волостей Вологодской губерніи*».

Селеній	394
Дворовъ	5383
Число надѣльной земли . . .	95160 дес.
Крѣпостной земли	138028 »
А всего »	233188 »

Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что число владѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 25 дес. крѣпостной земли, въ данной мѣстности 411 человѣкъ. Но мы увѣрены, что въ дѣйствительности крѣпостной земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, гораздо болѣе 138 тыс. десятинъ, что же касается цифры (411) числа владѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 25-ти дес., то она поразительно мала. Впрочемъ тутъ статистика не виновата. Крестьяне вообще покупаютъ по-занадѣльную землю цѣлымъ селеніемъ или обществомъ, но совершаютъ купчую, во избѣжаніе лишнихъ нотаріальныхъ расходовъ, на 2—3-хъ лицъ своего селенія или общества. Такъ напр. въ томъ обществѣ, къ числу котораго принадлежитъ пишущій эти строки, куплено крестьянами по-занадѣльной земли отъ одного помѣщика 1725 дес., да и отъ другаго еще около 1000 дес., но купчія совершены только на 4-хъ человѣкъ. Понятно, статистики и берутъ только цифру 4, а на самомъ дѣлѣ владѣльцевъ здѣсь 65, и каждый имѣетъ болѣе 25 дес. этой земли. Это фактъ повсемѣстный.

1. Средства къ жизни населенія.

Главнѣйшими изъ средствъ къ жизни и уплатѣ повинностей мѣстнаго населенія являются: хлѣбопашество, подсѣчное хозяйство, рубка и возка лѣса, дегтекуреніе и смолокуреніе, льноводство, скотоводство, огородничество, луговодство, охота, рыболовсгво, заводская промышленность и отхожіе промыслы.

а) Хлѣбопашество. Хлѣбопашество занимаетъ первое мѣсто въ ряду промысловъ всего мѣстнаго крестьянскаго населенія. Сѣется рожь, овесъ, ячмень, частью горохъ и пшеница. Рожь и овесъ въ совокупности занимаютъ $^{8}/_{10}$ всего посѣва. Почва въ данной мѣстности дурная, требующая хорошаго удобренія, безъ чего хлѣбъ или вовсе не родится, или родится самъ 3 — 4-й, а на хорошо удобренной землѣ онъ бываетъ самъ 7—8-й, нерѣдко и самъ десятый. Посѣвъ яроваго происходитъ съ 20-го Апрѣля по 10-е Мая, озимаго — съ 10-го по 20-е Іюля, а иногда и позже, до 1-го Августа. Жатва хлѣба бываетъ съ 1-го по 20—25-е Августа. Уборка хлѣба начинается съ самаго начала жатвы и оканчивается въ первыхъ числахъ Сентября. Молоченье производится въ разное время: кто смолачиваетъ весь свой хлѣбъ еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ, а кто уже зимою, бываетъ даже и весною, особенно рожь съ новинъ, которую раньше зимы иногда нельзя и достать оттуда.

Мелютъ муку тотчасъ же, по окончаніи молоченья и притомъ на ближайшихъ водяныхъ мельницахъ, въ которыхъ недостатка здѣсь не ощущается. Система хозяйства, какъ и всюду на сѣверѣ, трехпольная, иныхъ системъ веденія сельскаго хозяйства крестьяне не знаютъ. Обработка земли производится сохами чуть-ли не допотопной конструкціи, въ боронахъ же въ послѣднее время замѣчается прогрессъ: зубья стали дѣлать желѣзныя. Были попытки единичныхъ личностей изъ мѣстной интелигенціи ввести въ употребленіе маленькіе плужки производства фирмы «Работникъ» и для новей — шведскіе № 29-й по пропагандѣ г. Энгельгарда, но, по неумѣнію крестьянъ обращаться съ ними, пришлось отказаться предпринимателямъ отъ осуществленія своей мысли.

Вообще можно сказать, что Троичина хлѣбомъ не изобилуетъ, и почти весь урожай его уходитъ для своего пропитанія, нерѣдко бываетъ и недостатокъ, кромѣ овса, излишекъ котораго ежегодно продается мѣстнымъ скупщикамъ, а послѣдними отправляется по веснамъ на судахъ въ Петербургъ.

б) Кромѣ того здѣсь громадное значеніе имѣетъ подсѣчное хозяйство, или новины по мѣстному выраженію, и мы были бы не точны, не сказавши объ этомъ.

Новины служатъ настолько важнымъ подспорьемъ къ сельскому хозяйству, что мы здѣсь считаемъ нужнымъ остановиться подольше. Прежде въ новинахъ сѣялась только одна рожь, въ послѣднее же время въ этомъ дѣлѣ замѣчается прогрессъ — новины стали засѣваться, рожью съ тимоѳеевкой и культура сѣмянъ послѣдней настолько выгодна для крестьянъ, и такъ быстро развивается на всемъ сѣверѣ, что мы не лишнимъ считаемъ привести здѣсь цѣликомъ нашу статью: «Культура сѣмянъ тимоѳеевой травы съ коммерческими цѣлями въ Кадниковскомъ уѣздѣ», помѣщенную въ № 17-мъ «Сельскаго Хозяина» за 1889 годъ.

«Когда и кѣмъ впервые былъ введенъ въ нашемъ (Кадниковскомъ) уѣздѣ посѣвъ тимоѳеевой травы—неизвѣстно, но это введеніе очень недавняго происхожденія, не болѣе 15—20 лѣтъ. Еще десять лѣтъ тому назадъ тимоѳеевка неизвѣстна была значительному большинству населенія, и воздѣлываніемъ ея занимались лишь одинокія личности. Въ настоящее время рѣдко встрѣтить у насъ деревню, въ которой бы неизвѣстно было о «сіянкѣ», помѣстному названію. Если еще не всюду занимаются посѣвомъ тимоѳеевки, то лишь по неимѣнію вблизи удобныхъ лѣсныхъ участковъ земли, или же вслѣдствіе того, что такіе участки принадлежатъ казенному вѣдомству, гдѣ рубка подсѣкъ не дозволяется ни за какія деньги. Особенно распространенъ посѣвъ тимоѳеевки въ сѣверной части уѣзда, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «Троичина». Здѣсь занимаются этимъ дѣломъ цѣлыя деревни, даже волости, потому что трудъ по воздѣлыванію сѣмянъ тимоѳеевки вознаграждается на-

столько, что даетъ хорошій доходъ и землевладѣльцу, еще лучшій заработокъ крестьянамъ. Воздѣлываніе здѣсь тимоѳеевки производится исключительно для сѣмянъ, съ промышленною цѣлью. По обилію лѣсовъ, по сравнительной дешевизнѣ арендной платы за пользованіе чащами (лѣсныя поросли), подобный промыселъ является весьма полезнымъ и какъ бы естественнымъ. Крупный лѣсъ всегда находилъ и находитъ сбытъ за приличное вознагражденіе для землевладѣльца; на вырубленыхъ же мѣстахъ оставалось мелколѣсье, не дававшее прежде никакого доходу владѣльцу. Но вотъ является новый промыселъ— тимоѳеевка, и мелколѣсье дѣлается источникомъ хорошаго дохода и такого же заработка для крестьянъ. Неудивительно послѣ этого, что воздѣлываніе сѣмянъ тимоѳеевки годъ отъ году захватываетъ все большій и большій районъ мѣстности. Сѣется тимоѳеевка непремѣнно на новинахъ, т. е. на вырубленныхъ и выжженныхъ лѣсныхъ поросляхъ, посѣвъ же на пашнѣ для насъ неизвѣстенъ. Лучшимъ мѣстомъ для посѣва служитъ мягкая съ перегноемъ земля, густо поросшая еловымъ, березовымъ и осиновымъ лѣсомъ. На такихъ мѣстахъ тимоѳеевка даетъ хорошій урожай сѣмянъ въ продолженіи 5-ти лѣтъ.

Облюбованное крестьяниномъ-тимоѳеечникомъ мѣсто, прежде всего, вырубается, что̀ бываетъ въ Маѣ мѣсяцѣ, затѣмъ, на слѣдующій годъ, приблизительно около 1-го Іюля, такая новина выжигается и тщательно очищается, т. е. весь несгорѣвшій лѣсъ убирается частью на изгородь, частью въ отдѣльную кучу. Когда все это бываетъ готово, новину сначала проборонуютъ особо для того сдѣланными узкими деревянными боронами («смыками») и засѣваютъ рожью съ тимоѳеевкой. Наиболѣе разсчетливые крестьяне сѣютъ иногда сѣмена тимоѳеевки не вмѣстѣ съ рожью, а по озими, въ Мартѣ, прямо на снѣгъ, съ тою цѣлію, чтобъ она въ первый годъ, во ржи, только бы успѣла отродиться и не препятствовала бы росту послѣдней. Посѣвъ производятъ въ такой пропорціи, что на каждый пудъ высѣянной ржи кладется отъ $^1/_2$ до 1 ф. тимоѳеевки, такъ что на десятину придется отъ $4^1/_2$ до 9 фунтовъ. Количество сѣмянъ, впрочемъ, зависитъ отъ мѣста; если оно очень удобное, то сѣмянъ выбрасывается очень, очень мало, такъ какъ здѣсь тимоѳеевка разрастается удивительно, и потому лишній фунтъ сѣмянъ, высѣянный на десятину, можетъ совсѣмъ испортить урожай — тимоѳеевка будетъ мелка, поляжетъ и не созрѣетъ во-время (не говоря уже о ржи, которая еще болѣе боится густоты посѣва). На худыхъ мѣстахъ сѣмянъ требуется, наоборотъ, нѣсколько болѣе, но и то ни какъ не болѣе 9 фунт. на десятину, такъ-что общепринятое для другихъ мѣстностей Россіи положеніе высѣвать на десятину отъ 30 до 50 фунт., для насъ кажется крайне преувеличеннымъ. По окончаніи посѣва, новина снова боронуется.

Въ первый годъ съ такой новины получаютъ одну лишь рожь, такъ

какъ тимоѳеевка во ржи бываетъ очень мелка и идетъ вмѣстѣ со ржаною соломою коровамъ на подстилку (впрочемъ, бываютъ исключенія: если посѣвъ во ржи этой самой тимоѳеевки «загустятъ», то она «заѣдаетъ», такъ сказать, рожь, и родится ея болѣе, нежели ржи; тогда, конечно, выдѣляютъ ее изо ржи). Въ послѣдующіе года ее жнутъ уже одну, что̀ бываетъ около «Успенія», т. е. 15 Августа. Жнутъ и молотятъ тѣми же орудіями, какъ и хлѣбныя растенія. Вѣютъ тимоѳеевку на тихомъ вѣтрѣ, потомъ просѣваютъ сквозь рѣшето, а затѣмъ еще разъ или два — сквозь мелкое сито, послѣ чего сѣмена дѣлаются уже чистыми и въ такомъ видѣ поступаютъ въ продажу. Въ первые два года, при благопріятной для роста погодѣ, получается тимоѳеевки отъ 10 до 20 пудовъ съ десятины, а затѣмъ еще въ теченіи 2 — 3 лѣтъ нѣсколько меньше. Такимъ образомъ съ одной десятины, въ теченіи 5 лѣтъ, снимается иногда отъ 30 до 50 пудовъ сѣмянъ. Переведя это на деньги, по мѣстнымъ цѣнамъ — 2 руб. за пудъ—доходъ составитъ 60 — 100 руб. Ну, какая засѣянная чѣмъ-либо другимъ десятина земли дастъ такой доходъ, особенно у насъ, на сѣверѣ? Положимъ, мною принятъ въ разсчетъ такой участокъ земли, который считается наиболѣе пригоднымъ для посѣва этого растенія, и урожай показанъ въ благопріятный годъ, что̀ не всегда, конечно, бываетъ. Въ сухое, напр., лѣто урожай бываетъ гораздо меньше. Но и въ этомъ случаѣ доходность мало понижается по той причинѣ, что при маломъ количественно урожаѣ, сѣмена возвышаются въ цѣнѣ и доходятъ до 3 р. 50 к. за пудъ, вмѣсто обычныхъ 2 р. Если же принять еще во вниманіе, что арендная плата за землю у насъ пока не высока, не дороже 5 р. за десятину, и что въ первый годъ получается недурной урожай ржи, нерѣдко окупающій трудъ и самую аренду, то такое новшество въ сельскомъ хозяйствѣ нашего сѣвера является чистымъ благодѣяніемъ и неудивительно, поэтому, что развитіе его идетъ у насъ гигантскими шагами. И дай Богъ!

Всѣ собираемыя здѣсь сѣмена скупаются мѣстными купцами и отправляются частію гужомъ, въ Москву, частію на судахъ—въ Петербургъ, гдѣ и продаются по весьма выгоднымъ цѣнамъ. Насколько намъ извѣстно, въ Кадниковскомъ уѣздѣ (преимущественно въ данной мѣстности) собирается ежегодно сѣмянъ тимоѳеевки до 20 тыс. пудовъ, что̀ приноситъ почтенную цифру рублей. Въ прошломъ (въ 1888 году), урожай тимоѳеевки былъ блестящій и, по всей вѣроятности, количество сѣмянъ по всему уѣзду значительно увеличилось, если не удвоилось. Намъ могутъ замѣтить нѣкоторые читатели, незнакомые съ нашимъ сѣверомъ, что такая система хозяйства, какъ подсѣчная, хищническая, грозящая обезлѣсеніемъ мѣстности. На это я могу отвѣтить отрицательно. Хотя лѣсу вырубается при этомъ дѣйствительно много, но это не грозитъ лѣсонстребленіемъ, и вотъ почему: во 1-хъ, потому, что весьма незна-

чительная площадь вырубается ежегодно подсѣками, сравнительно со всею площадью, занятою лѣсами; во 2-хъ, потому, что вырубленныя и выжженныя мѣста быстро заростаютъ лѣсомъ снова и черезъ 15 лѣтъ опять бываютъ годны для подсѣкъ. Быстрое заростаніе новымъ лѣсомъ и служитъ главною причиною того, что тимоѳеевка вся идетъ на сѣмена, Даже на 4—5-й годъ послѣ посѣва ея, выгоднѣе бы было уже косить на траву, потому что сѣмянъ въ эти годы получается мало. Но если ея не косятъ, то потому что нельзя, ибо на новинѣ выростаетъ уже большой лѣсъ, и тогда косою тутъ ничего уже не подѣлаешь».

в) Рубка и возка лѣса. Благодаря изобилію лѣсовъ, лѣсной заработокъ относится здѣсь къ числу тоже главныхъ, дающій почти всему населенію средства къ жизни и уплатѣ повинностей. Рубка лѣса и вывозка его на берега рѣкъ начинается съ Ноября и оканчивается въ началѣ Апрѣля мѣсяца. Мелкіе землевладѣльцы-крестьяне вырубленный изъ своихъ дачъ лѣсъ обыкновенно продаютъ мѣстнымъ лѣсоторговцамъ на мѣстахъ свалки (склада бревенъ), на берегу какой нибудь рѣки или рѣчки, рѣдко съ доставкою куда либо въ иное мѣсто. Нѣкоторые изъ крестьянъ, наиболѣе зажиточные, сами сплавляютъ свой лѣсъ въ Ананинскую лѣсную ярмарку, что̀ при устьѣ рѣки Кубены, гдѣ тотъ лѣсъ и продаютъ приходящимъ туда за покупкою лѣсовъ и лѣсныхъ матеріаловъ крестьянамъ Вологодскаго уѣзда, какъ ближайшей безлѣсной мѣстности, но такихъ крестьянъ — продавцевъ лѣса, очень немного.

Самый главный способъ рубки и возки лѣса, это—по условіямъ на гг. лѣсоторговцевъ, какъ изъ своей среды, такъ на Петербургскихъ и Московскихъ, послѣдніе, нужно еще сказать, имѣютъ при устьѣ р. Кубены свои лѣсопильные заводы громадныхъ размѣровъ, отправляющіе всѣ эти лѣса, въ видѣ досокъ, черезъ Кронштадтъ въ Англію. Рубка лѣса въ этомъ случаѣ производится большею частію изъ дачъ, принадлежащихъ самимъ лѣсоторговцамъ, или взятыхъ ими въ арендное содержаніе—на срубъ.

Подряды, обыкновенно, происходятъ такъ: въ началѣ Ноября пріѣзжаетъ въ какую нибудь деревню лѣсоторговецъ или довѣренный его, собираетъ крестьянъ и объявляетъ имъ свое желаніе подрядить ихъ вырубить изъ такой-то дачи, столько-то деревъ и такихъ-то размѣровъ лѣсу, съ вывозкою ихъ на такое-то мѣсто. Тѣ конечно изъявляютъ свое желаніе работать и освѣдомляются о цѣнѣ за трудъ. Начинается торгъ. (Цѣна бываетъ различная, смотря по расширенію возки, объему, длинѣ самаго дерева, т. е. бревна). Сторговавшись цѣною, крестьяне отправляются всѣ, гурьбой, осматривать ту дачу, въ которой назначена рубка — много ли лѣса (чѣмъ болѣе въ дачѣ лѣса, тѣмъ удобнѣе для вывозки его оттуда), и такое ли дѣйствительно разстояніе до мѣста свалки, какъ говорилъ имъ подрядчикъ? Если все это

окажется вѣрнымъ (въ противномъ случаѣ бываетъ переторжка) и подходящимъ по цѣнѣ, то они отправляются къ подрядчику для заключенія условія за общею круговою порукою и получаютъ задатки (условленную сумму денегъ). Заключивши условіе, опять идутъ въ ту дачу, гдѣ пролагаютъ до мѣста свалки дороги, дѣлаютъ себѣ жилища—истопки (родъ шалаша) и затѣмъ уже приступаютъ къ работѣ. Работа эта между членами семьи распредѣляется такъ: болѣе мужественный рубитъ лѣсъ, а слабый или малолѣтній — возитъ его. Поэтому вощиками бываютъ большею частію дѣти—мальчики 10—12 лѣтъ, нерѣдко и женщины, рубщиками же—непремѣнно тѣ изъ семьи, которые физически сильнѣе. Одинокіе, т. е. неимѣющіе дѣтей, или имѣющіе, но не въ этомъ возрастѣ, а малолѣтнихъ, — приглашаютъ къ себѣ такого же, какъ и онъ, одинокого, и такимъ образомъ устраивается компанія. По окончаніи работы лѣсъ этотъ обмѣривается лѣсоторговцами, и крестьяне получаютъ окончательный расчетъ. Компаньоны дѣлятъ заработокъ по числу лошадей, участвовавшихъ въ работѣ, среднимъ числомъ приходится около 35 руб. на каждаго человѣка съ лошадью въ зиму. Такимъ образомъ, семейство имѣющее 2-хъ лошадей, зарабатываетъ 70 руб. Изъ этого числа нужно еще отбросить рублей 10 на покупку (т. е. стоимость) овса для лошадей, котораго безъ возки лѣса, при всякой другой работѣ, не принято давать лошадямъ, хотя бы иная работа была даже тяжелѣе для лошади этой. Кромѣ того надо упомянуть еще о томъ, что окончательный расчетъ крестьяне получаютъ не всегда и не отъ всѣхъ лѣсоторговцевъ наличными деньгами. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, за неимѣніемъ въ ту пору денегъ, выдаютъ только квитанціи, за полученіемъ денегъ, по которымъ нерѣдко крестьяне ходятъ въ ту контору или къ тому лицу, который выдалъ ихъ, цѣлый мѣсяцъ, да еще хорошо, если такое хожденіе увѣнчается успѣхомъ. Бываетъ и такъ, что кончается это хожденіе тѣмъ, что крестьяне вынуждены бываютъ продать такія квитанціи какому нибудь «богачу», съ уступкою, конечно, 10—20% съ рубля.

Но какъ бы то не было, а лѣсной заработокъ крестьянами считается здѣсь очень выгоднымъ. Лѣсоторговцы изъ своей среды лѣсъ свой продаютъ лѣсоторговцамъ—заводчикамъ, или сплавляютъ его въ Ананинскую ярмарку, или же въ г. Вологду. Вологда является большею частію конечнымъ пунктомъ сбыта. Правда, въ послѣднее время, благодаря высокой таксѣ на казенные лѣса въ Архангельской губерніи, часть лѣса пошла отсюда въ Архангельскъ, но въ этомъ случаѣ доставку до Архангельска принимаютъ уже архангельскія конторы на свой счетъ.

Лѣса сплавляютъ заводчики по р. Кубенѣ молѣмъ, т. е. розсыпью, а мѣстные лѣсоторговцы—въ плотахъ, 25—100 шт. въ каждомъ. Сплавщиками бываютъ у мѣстныхъ лѣсоторговцевъ — крестьяне данной мѣстности, а

у заводчиковъ частію тоже, частію крестьяне Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Труды онежанъ, какъ болѣе спеціальныхъ по лѣсо-сплавной части, оплачиваются дороже: онежанину платится отъ 20 до 25 руб. въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ, конечно, харчахъ; мѣстнымъ же крестьянамъ только 10—15 руб. Сплавъ лѣса молёмъ продолжается отъ 1 до 2-хъ мѣсяцевъ, а въ плотахъ не болѣе 5—7 дней, и не смотря на это, послѣдній способъ сплава стòитъ гораздо дороже перваго. Плата за сплавъ лѣса до устья р. Кубены въ плотахъ, въ плёнкахъ [1]), съ вязкою его въ плоты и плёнки, бываетъ отъ 10 до 20 коп. за каждое бревно, смотря по толщинѣ и длинѣ послѣдняго, тогда какъ заводчику, сплавляющему лѣсъ молёмъ, при многотысячномъ количествѣ его, обходится не дороже 7 коп. за то-же бревно въ сложности. Общее количество ежегодно вырубленнаго въ данной мѣстности лѣса достигаетъ громадной цифры — около 500 тыс. бревенъ, чтò даетъ возможность заработывать до 100 тыс. рублей однимъ мѣстнымъ крестьянамъ, (не говоря о тѣхъ, которые пріѣзжаютъ сюда на заработки извнѣ, напримѣръ съ Ваги).

Изъ лѣса дѣлаются еще суда—барки и каюки. Суда эти идутъ подъ нагрузъ дегтя, смолы, тесу, полѣнныхъ дровъ, овса, костей, тряпки, скипидару, сажи и проч. товаровъ. Всѣ эти товары отправляются, большею частію, въ Петербургъ. Строится ежегодно въ данной только мѣстности такихъ судовъ до 100 шт., что даетъ ежегодно заработка мѣстному населенію до 20 тыс. руб.

Мастерами судовъ бываютъ мѣстные крестьяне. Какъ по количеству, такъ и по искусству строенія судовъ, первое мѣсто принадлежитъ Ембской волости: въ ней ежегодно строится до 70 шт., чтò и даетъ ей пальму первенства, остальныя же 30 шт. выстраиваются частью на пристани при дер. Хмѣлевской (Бережокъ тожъ), Нижеслободской волости, частію на пристаняхъ Троицко-Енальской и Зубовской волостей. Суда сплавляются по р. Кубенѣ, а изъ Ембской волости сначала по р. Ембѣ, потомъ также по р. Кубенѣ, къ Кубенскому озеру, гдѣ простоявъ нѣсколько дней, плавятся далѣе. — Близь Кубенскаго озера, при сс. Чирковѣ и Устьѣ, товары, нагруженные въ суда, повѣряются полиціею, а такъ-же догружаются, почему и останавливаются тутъ на нѣсколько дней, а иногда и недѣль.

Благодѣяніе для населенія отъ изобилія лѣсовъ простирается еще далѣе—изъ лѣсныхъ матеріаловъ выкуривается деготь и смола, рубятся дрова, жерди и т. п.

---

[1]) Пленки—тѣ же плоты, только въ нихъ связываются бревна въ одинъ рядъ, а не плотятся въ нѣсколько рядовъ, какъ въ плотахъ.

Ежегодно вырубается дровъ и жердей до 6 тыс. куб. саженъ, что даетъ населенію возможность заработать до 15 тыс. рублей. Дрова и жерди эти сплавляются въ плотахъ и баркахъ въ Ананинскую ярмарку и въ Вологду. А всего, эксплуатируя лѣса, населеніе ежегодно получаетъ до 135 тыс. руб., исключая дегтекуренія и смолокуренія, равно и новинъ.

г) Дегтекуреніе и смолокуреніе. Промышленность эта годъ отъ году все болѣе падаетъ, какъ въ количествѣ выдѣлываемыхъ продуктовъ, такъ и въ ихъ цѣнности. Лѣтъ 10—12 тому назадъ, дегтя и смолы ежегодно выкуривалось въ Троичинѣ, до 200 тыс. пудовъ, что давало населенію дохода до 40 тыс. руб. въ годъ, или, вѣрнѣе, въ зиму, такъ какъ эта работа, т. е. выкурка дегтя и смолы, производится только въ зимнее время. Теперь же выкуривается дегтя и смолы не болѣе 80 тыс. пудовъ, а доходъ населенія не превышаетъ 10-ти тыс. рублей. Такой быстрый упадокъ этого рода промышленности объясняется тѣмъ во 1-хъ, что въ настоящее время всюду въ Россіи проведены желѣзныя дороги и слѣдовательно на смазку колесъ, по упадку извощичьяго промысла, дегтя и смолы требоваться не стало, а во 2-хъ—открытіе на Кавказѣ громаднаго количества нефти, замѣнившей собою нашъ деготь. До этого же времени нашъ деготь, какъ наилучшій, шелъ исключительно на Кавказъ, откуда для закупки его ежегодно пріѣзжали покупщики изъ Царицына (Саратовской губ.) и Ставрополя — Кавказскаго.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о способѣ производства этой промышленности, пока еще существующей. Деготь добывается изъ березовой коры, называемой просто «берёсто», а смола изъ сосновыхъ осмольныхъ пней. Сдирка береста происходитъ съ 10-го по 30-е Іюня, но большею частію берёста привозятся сюда изъ Вельскаго уѣзда, каковыя мѣстными крестьянами и покупаются. Корченіе пней происходитъ весною, какъ только оттаетъ земля, выкорченные пни въ то время складываются въ кучу, гдѣ нибудь вблизи дороги, увозятся же эти пни на заводы уже осенью, когда выпадетъ снѣгъ, и когда слѣдовательно явится возможность ѣздить на саняхъ, какъ наиболѣе годномъ экипажѣ для ѣзды по узкимъ и кочковатымъ лѣснымъ дорожкамъ.

Устройство завода очень несложное, не требующее большаго труда и большихъ затратъ и потому для каждаго доступное. Устраивается родъ сарая, изъ какого нибудь стараго или новаго тонкаго лѣса, затѣмъ въ этомъ сараѣ сбиваются изъ глины печи, на верхъ каждой печи вдѣлываются 4 глиняныхъ куба, выдѣлываемые преимущественно въ Маныловской волости, изъ находимой тамъ огнеупорной глины, въ одинъ конецъ такого куба вдѣлываются трубы, для дегтя—изъ листоваго желѣза, а для смолы—изъ осиноваго дерева. Трубы изъ кубовъ проходятъ черезъ холодильникъ (чанъ на-

полненный льдомъ или снѣгомъ) въ ушаты. Въ каждомъ заводѣ находится 2—3 и даже 4 печи, съ 4-мя кубами на каждой. Вотъ и все устройство завода.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о процессѣ превращенія берёста въ деготь, а сосновыхъ пней въ смолу. Прежде всего кладется въ кубъ, если желаютъ получить деготь, — около 3-хъ пудовъ берёста, — если смолу — около 1/50 части куб. сажени сосновыхъ пней, расколотыхъ на мелкія полѣнья, затѣмъ кубы наглухо закупориваются и обмазываются глиной. Печи, конечно, топятся. Отъ дѣйствія огня, матеріалы, закупоренные въ кубахъ, разлагаются, смола или деготь, выдѣляясь въ видѣ паровъ, идутъ по трубамъ чрезъ холодильникъ, гдѣ охлаждаются и стекаютъ уже въ жидкомъ состояніи въ ушаты. Ушаты подъ деготь становятся тутъ же, за печками, а подъ смолу — въ особо устраиваемомъ, для устраненія той горечи, которою сопровождается ходъ смолы, пріямкѣ, онъ выстраивается всегда рядомъ съ заводомъ.

Всѣ полученные за сутки продукты сливаются въ бочки, а смола, для отдѣленія находящагося въ ней нѣкотораго количества воды, предварительно еще нагрѣвается раскаленными каменьями и затѣмъ уже сливается тоже въ бочки. Бочки подъ наливъ этихъ продуктовъ дѣлаются крестьянами дер. Игнатовой, Нижеслободской волости, и деревень Даниловской и Блиновской, Ембской волости, въ Кремлевской же волости бочки подъ наливъ оказанныхъ продуктовъ, по отдаленности растоянія отъ этихъ деревень,—дѣлаютъ сами, но гораздо меньшей вмѣстимости и худшаго качества.

Изъ каждаго куба, наполненнаго достаточнымъ количествомъ матеріаловъ, получается въ сутки чистой смолы около 1 пуда, а дегтя около 30 фун. Процессъ добыванія дегтя, съ укладкою берёста въ кубы и съ укупоркою ихъ, продолжается менѣе 20-ти часовъ, а смола около 15-ти час.

Хотя мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ о числѣ дегтярныхъ и смоляныхъ заводовъ въ данной мѣстности, но едва-ли мы ошибемся сказавъ, что ихъ не менѣе 200, и всѣ они принадлежатъ крестьянамъ дегте-и смолокурамъ.

д) Льноводство. Добываніе льна производится здѣсь большею частію также посредствомъ эксплуатаціи лѣса. Разводится онъ, какъ и всюду на Сѣверѣ, новинной каткой. (Ленъ, впрочемъ, сѣется и въ поляхъ, вмѣстѣ съ яровымъ, но очень рѣдко). Льноводство въ данной мѣстности пока еще не имѣетъ промышленнаго характера, въ полномъ смыслѣ этого слова. Каждый домъ успѣваетъ изготовить никакъ не болѣе 5-ти пудовъ чистаго льна въ годъ; продается же изъ этого числа 1 — 2 пуда не болѣе, а остальное количество его идетъ для себя, на изготовленіе одежды и проч. Родится ленъ плохаго качества, а потому и цѣна на него бываетъ не высокая —

3—4 руб. за пудъ. Деньги, вырученныя продажею льна, большею частію, идутъ на наряды женщинамъ, на покупку «приданнаго» дочерямъ и т. п. такъ какъ и вся работа разведенія льна совершается болѣе женщинами, нежели мужчинами: мужчины вырубятъ новинку, обнесутъ ее изгородью, вотъ и все, и дальнѣйшее, какъ-то жженіе дровъ, посѣвъ, уборка и очистка льна—дѣло рукъ женщинъ.

Не смотря на малодоходность этого промысла въ настоящее время, думается, въ недалекомъ будущемъ, когда вырубятся крупные сорта лѣса, (а это, вѣроятно, будетъ скоро) льноводство займетъ такое же мѣсто въ ряду промысловъ мѣстнаго населенія, какъ и тимоѳеевка.

е) Скотоводство. Разводятся здѣсь лошади, коровы, овцы и частью свиньи. Количество лошадей и коровъ — мѣрило крестьянскаго благосостоянія мѣстности: чѣмъ болѣе у крестьянина лошадей, тѣмъ, значитъ, онъ болѣе можетъ заработывать денегъ лѣснымъ промысломъ, чѣмъ болѣе у него коровъ, тѣмъ лучше у него удабривается пахотная земля, а слѣдовательно и болѣе родится хлѣба. Но вслѣдствіе-ли плохихъ сѣнныхъ покосовъ или вслѣдствіе другихъ причинъ, скотъ здѣсь очень плохъ, лѣтомъ еще туда-сюда, а зимою, живя почти исключительно на одной соломѣ, въ плохонькомъ хлѣвишкѣ, коровенки доходятъ до того, что буквально еле ноги передвигаютъ. Молока отъ такого скота, разумѣется, много ждать нечего, а слѣдовательно и масла (отъ 10—15 коровъ масла получается въ годъ всего 3—4 пуда, изъ этого числа продается 1—2 пуда, на сумму 8—16 руб. самое большее, остальное же количество потребляется самими хозяевами), Овецъ стригутъ два раза въ годъ, шерсть съ нихъ идетъ только для себя на «катаники» (зимняя обувь, извѣстная подъ именемъ валенокъ), на сарафаны и юбки женщинамъ и понитки мужчинамъ. Овецъ у каждаго домохозяина имѣется отъ 5 до 15 штукъ. Свиней очень мало, — по 1 шт. и то у рѣдкаго крестьянина, а лошадей держатъ по числу работниковъ въ семьѣ и по ея средствамъ, примѣрно отъ 1 до 5 шт., коровъ же отъ 3 до 15 шт. Средняя стоимость лошади 40 руб., коровы 15 руб., овцы 4 руб. и свиньи 6 руб. Скотъ здѣсь чрезвычайно тощій и мелкорослый, впрочемъ и держатъ его здѣсь главнымъ образомъ (коровъ) для удобренія, быть можетъ исторически выработался и самый типъ такого рода скота.

ж) Огородничество. Огородъ, или «садъ» по мѣстному выраженію, имѣетъ здѣсь каждый для себя, около своего дома и садятъ въ немъ преимущественно картофель, капусту и лукъ, а иногда голландку (брюкву) и рѣпу, (послѣдняя, впрочемъ, сѣется большею частію въ полѣ, въ озими), огурцовъ же и проч. овощей не садятъ вовсе, да пожалуй, немногіе и слы-

хали объ нихъ. Первое мѣсто изъ овощей принадлежитъ картофелю, его больше и садится, да и родится онъ лучше, прибыльнѣе и вкуснѣе, по мнѣнію крестьянъ, къ тому же онъ—и «замѣна хлѣбу».

Вообще, надо сказать, огородничество здѣсь, вслѣдствіи суровыхъ климатическихъ условій, находится въ очень плачевномъ состояніи, да и огороды малы: 5 — 6 грядъ, не болѣе 1 саж. ширины, 4-хъ саж. длины, — вотъ наилучшій и наибольшій огородъ.

з) Луговодство. Безъ луговъ или поженъ — не мыслимо хозяйство, въ особенности по отношенію къ данной мѣстности, гдѣ урожай хлѣба всецѣло зависитъ отъ удобренія почвы (за исключеніемъ, конечно, климатическихъ условій), а безъ сѣна нельзя имѣть скота, слѣдовательно нельзя имѣть и удобренія, такъ какъ другаго рода удобреній, кромѣ навознаго, не существуетъ здѣсь. Луга, или пожни, по мѣстному нарѣчію, здѣсь большею частію естественныя—травосѣянія не существуетъ. Правда, сѣется тимоѳеевка, но не для полученія сѣна, а исключительно для сѣмянъ, какъ мы уже говорили объ этомъ ранѣе.

Всякій, мало-мальски зажиточный крестьянинъ, старается всѣми возможными мѣрами пріобрѣсти какъ можно больше сѣнокосной земли въ свою собственность, зная хорошо, что безъ этого нельзя вести хозяйства въ исправности. Поэтому и цѣна на сѣнокосную землю стоитъ здѣсь очень высокою, сравнительно съ землями другаго качества. Напримѣръ, земля со строевымъ лѣсомъ цѣнится отъ 5 до 10 руб. за десятину, съ дровяннымъ отъ 2 до 3-хъ руб., съ кустарникомъ или болотами отъ 50 к. до 1 руб. за дес., да и то послѣдняя покупается только для служебнаго цензу кѣмъ либо, тогда какъ за пожню плотится отъ 25 до 150 руб. за десятину!... Пріобрѣвши какую либо пожню въ собственность крестьянинъ всѣми силами старается ее во 1-хъ расчистить, т. е. убрать съ нея кусты, во 2-хъ прорыть на сырыхъ мѣстахъ канавы, въ 3-хъ устроитъ сараи для сѣна, называемые «сѣновалами». Трудъ въ данномъ случаѣ такого крестьянина-рачителя вознаграждается сторицею: сѣна на расчищенныхъ и устроенныхъ пожняхъ родится не только вдвое, а втрое и вчетверо противъ прежняго.

и) Охота. На югѣ и въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, охота, какъ извѣстно, служитъ только развлеченіемъ, не тѣмъ является она у насъ на Сѣверѣ. У насъ охота такой же промыселъ, какъ дегтекуреніе, какъ льноводство и т. п., и промыселъ этотъ, надо сказать, довольно выгодный.

Самое слово «охота» рѣдко употребляется крестьянами, оно замѣняется словомъ «лѣсованіе», «лѣшня». Если приходится встрѣтить у насъ мужика съ ружьемъ и спросить: куда и зачѣмъ онъ пошелъ или ходилъ?, то получите отвѣтъ: «въ лѣсъ полѣсовать», или «за лѣшней», что будетъ равно-

значуще: «на охоту поохотится». Лѣсуютъ большею частію въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ года — Сентябрь, Октябрь и Ноябрь, — но нѣкоторыми видами лѣсованія въ Кадниковскомъ уѣздѣ занимаются и цѣлый годъ. Предметы лѣсованія: бѣлка (векша тожъ) [1]), рябчикъ, поленикъ (тетеревъ), утка, лебедь, заяцъ, лисица, куница, медвѣдь, волкъ, олень, выдра, рысь и норка. За болотной дичью, какъ-то: куликами, бекасами, вальдшнепами, дупелями и т. п. не лѣсуютъ во 1-хъ потому, что нѣтъ такихъ собакъ, которая бы шла за этой дичью, а во 2-хъ по неумѣнію стрѣлять въ-лётъ.

Разсмотримъ прежде всего всѣ способы добыванія лѣсникомъ каждаго звѣря и птицы въ отдѣльности, — и начнемъ съ лѣсованія на бѣлку. Этого маленькаго и красиваго звѣрька водится у насъ во всякое время много, въ особенности же въ августѣ мѣсяцѣ, такъ какъ къ этому времени наростаетъ уже новое поколѣніе. У крестьянъ, между прочимъ, существуетъ повѣрье, что если много въ лѣсахъ бѣлки, то значитъ: нашъ лѣшій выигралъ ее у другаго, если же мало,—проигралъ-де.

Лѣсованіе на бѣлку производится всегда съ собаками мѣстной волчьей породы. Безъ этихъ собакъ, лѣсованіе на бѣлку считается совершенно безполезнымъ. И дѣйствительно порода эта замѣчательно приноровилась къ розысканію бѣлки и чутье свое довела до совершенства. Нерѣдко бываетъ, что лѣсникъ едва выйдетъ изъ деревни, какъ его «сѣрко» летитъ, поднявши хвостъ и рыло, къ тому дереву, гдѣ сидитъ бѣлка и начинаетъ лаять—значитъ бѣлка тутъ, это называется «верховую взялъ», т. е. безъ справокъ о слѣдѣ, прямо чутьемъ дошелъ до бѣлки. Заслышавъ лай своего сѣрка, лѣсникъ идетъ къ дереву, тщательно осматриваетъ его и если бѣлки не видать, то колотитъ топоромъ по дереву. Если бѣлка тутъ, то она какимъ нибудь движеніемъ непремѣнно дастъ знать о своемъ присутствіи, что̀, конечно, не ускользнетъ отъ опытныхъ глазъ лѣсника. Замѣтивъ движеніе бѣлки или увидавъ ее, лѣсникъ стрѣляетъ, предварительно положивъ дуло ружья на вѣтку какого нибудь ближайшаго дерева, чтобы «не стряхнуться». Хорошій лѣсникъ рѣдко дѣлаетъ по бѣлкѣ нѣсколько выстрѣловъ, а всегда бьетъ ее съ одного, не смотря на плохія ружья, какими обладаютъ мѣстные охотники. Кромѣ экономическаго разсчета дѣлать меньше промаховъ, есть и другая причина: «товарищи, молъ, засмѣютъ», вотъ почему и стрѣляютъ бѣлку «съ прикладу», а не «съ руки». Когда бѣлка упала, лѣсникъ отрѣзаетъ отъ нея лапки и отдаетъ ихъ своему сѣркѣ въ видѣ поощренія. Возвратясь домой, лѣсникъ сдираетъ съ убитыхъ бѣлокъ шкурки и просушиваетъ ихъ на особо-приспо-

[1]) Векша у насъ имѣетъ двоякое названіе: лѣтомъ, когда на ней шерсть бываетъ желтою, называютъ векшей, а осенью, когда шерсть сѣрая, а кожа, напротивъ, бѣлая,— бѣлкою. Начинаютъ охотиться, когда она бываетъ въ послѣднемъ видѣ.

собленныхъ для того пяльцахъ, а мясо поступаетъ опять «сѣркѣ». Просушенныя шкурки поступаютъ въ продажу безъ дальнѣйшей обработки. Охота на бѣлку считается наиболѣе выгодною, а потому этотъ родъ лѣсованія наиболѣе распространенъ между мѣстными крестьянами.

Лѣсованіе на рябчика и поленика хотя и начинается съ іюля мѣсяца, но въ началѣ ловятъ и бьютъ эту дичь только, такъ сказать, мимо идучи, потому что въ это время она идетъ лишь на собственную потребу. Какъ промыселъ, лѣсованіе начинается съ сентября, т. е. съ наступленія морозовъ, когда лѣсникъ уже имѣетъ возможность сохранить дичь до прихода скупщиковъ, что̀ бываетъ въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ.

Добываніе этой дичи производится нѣсколькими способами. Наиболѣе распространены слѣдующіе: ловля въ силышка (сило), приманка на пищикъ, на тока и на чучела.

Каждый лѣсникъ имѣетъ свою тропу, на которой и выставляетъ до 200 силковъ. Силки большею частію ставятся на землѣ (хотя ставятся также они и на деревьяхъ съ ягодами, напримѣръ, на рябинѣ) въ томъ мѣстѣ, гдѣ болѣе водится птицы. Опытному лѣснику это, конечно, извѣстно. Въ ясную и теплую погоду рябчикъ любитъ мелкій березовый лѣсъ съ примѣсью сосны, а подъ зиму улетаетъ въ большіе еловые лѣса; поленикъ же въ началѣ осени водится въ сыромъ съ густою травою мѣстѣ, въ концѣ осени въ пенникахъ, поросшихъ мелкой елкою и вересомъ. Вотъ на такихъ-то мѣстахъ и ставятся силышки, устройство которыхъ очень не хитро: лѣсникъ дѣлаетъ отъ одного дерева до другаго на двухъ-саженномъ разстояніи засѣку, т. е. нѣчто въ родѣ изгороди, по срединѣ которой оставляется маленькое отверстіе, куда и ставится петля, конецъ которой прикрѣпляется къ вѣткѣ какого нибудь деревца. Птица, объѣвши ягоды (вереса и др.) по одну сторону засѣки и видя ихъ по другую, лѣзетъ въ отверстіе и затягивается петлей. Охота на пищикъ бываетъ только на рябчиковъ. При этомъ родѣ лѣсованія требуется отъ охотника главнымъ образомъ поддѣлываться подъ голосъ рябца. Коль скоро лѣсникъ въ этомъ силенъ, то убить рябчика уже не трудно:—онъ подлетитъ и сядетъ на дерево чуть не рядомъ съ охотникомъ.

Способы лѣсованія на тока и чучела общеизвѣстны, поэтому мы и не будемъ объ нихъ говорить.

Изъ всѣхъ видовъ лѣсованія по разнообразію способовъ первое мѣсто занимаетъ охота на зайца. Бьютъ ихъ, бѣдныхъ, изъ ружья, ловятъ въ нитки, клепцы (капканы) и кряжи. Лѣсуютъ на него лѣтомъ, осенью и зимою. Изъ ружей бьютъ только лѣтомъ и осенью, когда зайцы по вечерамъ выбѣгаютъ на гладкія мѣста: пенники, пожни и новины съ озимью. Въ нитки ловятъ такъ: замѣтитъ лѣсникъ, что въ какую либо новину ходитъ заяцъ и, найдя

его лазъ, т. е. то мѣсто въ изгороди, гдѣ онъ пролѣзаетъ, ставитъ нитку, т. е. петлю, прикрѣпленную къ длинной жерди, имѣющей положеніе и видъ баланса у десятичныхъ вѣсовъ; какъ только заяцъ попадаетъ въ петлю, жердь своимъ длиннымъ концемъ опускается на землю, а короткій съ прикрѣпленной къ нему петлей, поднимаясь къ верху на цѣлую сажень, затягиваетъ свою жертву.—Заяцъ поздней осенью и зимою бѣгаетъ за ѣдой или за питьемъ въ одно и то же излюбленное имъ мѣсто и всегда по одной тропѣ, и если лѣсникъ замѣтитъ заячью тропу, то ставитъ на ней нитки. Зимою же на такихъ тропахъ ставятся клепцы и чтобы заяцъ не замѣтилъ клепца, лѣсникъ засыпаетъ его снѣгомъ и на поверхности снѣга поддѣлываетъ особой лопаткой заячьи слѣды. Зимою заяцъ питается большею частью осиновой корой съ молодыхъ вѣтокъ осины. По оглоданнымъ осинамъ, конечно, не трудно замѣтить постоянное мѣстопребываніе зайца. Замѣтивъ его, лѣсникъ срубаетъ два не очень толстыхъ дерева, сажени $1^1/_2$ длиною, называемыхъ кряжами. Одинъ изъ такихъ кряжей кладется на землю, а другой, конецъ котораго приподнимается на $1—1^1/_2$ аршина, кладется вдоль перваго; подъ него подставляется нѣсколько молодыхъ осиновыхъ вѣтокъ и съ такимъ разсчетомъ, чтобы при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи кряжъ падалъ и своею тяжестью придавилъ бы зайца. Такой способъ ловли зайца называется «ловлей въ кряжи».

Лисицу ловятъ только зимою—въ клепцы, которые ставятся на такія же тропки, какъ и заячьи. Но, лисицъ, вообще ловятъ очень не много, такъ это животное настолько хитро, что нерѣдко подойдя къ самому клепцу, на которомъ лежитъ слой снѣга въ 10 вершковъ,—заслышитъ запахъ желѣза—вернется и обойдетъ клепецъ.

Лѣсованіе на куницу бываетъ случайное, тогда, когда лѣсникъ случайно наткнется на ея слѣды или узнаетъ о томъ у людей. Тогда лѣсникъ съ ружьемъ и съ собакою отправляется по слѣдамъ куницы и гонится за нею по два, по три дня, пока куница не пристанетъ и не засядетъ на какомъ нибудь деревѣ.

Лѣсованіе на медвѣдя производится только спеціалистами-лѣсниками. Кромѣ умѣнія стрѣлять, при этой охотѣ нужна еще значительная доля храбрости, а главное самообладанія, безъ чего и лучшій стрѣлокъ не попадетъ въ цѣль. Лѣсованіе это начинается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: узнаетъ лѣсникъ, что у кого либо изъ крестьянъ не вернулась съ пастьбы корова, идетъ на поиски и затѣмъ, если окажется, что корова зашиблена медвѣдемъ, то лѣсникъ близъ ушибы дѣлаетъ лабазъ [1]), и къ вечеру садится на него, въ ожиданіи

---

[1]) Лабазъ дѣлается такъ: между двумя деревьями кладутся на вѣтки ихъ двѣ жерди и скрѣпляются веревкой, или прутьями березы. Высота лабаза около 1 сажени.

медвѣдя, притаивъ дыханіе и взявъ ружье на прицѣлъ. Мѣткій выстрѣлъ кладетъ большею частью звѣря на мѣстѣ. Подкарауливаютъ медвѣдя и на овсяныхъ полянкахъ, куда онъ ходитъ по ночамъ ѣсть овесъ. Въ такихъ случаяхъ лѣсникъ тоже дѣлаетъ лабазъ, хотя есть смѣльчаки, что садятся и прямо на землю. Кромѣ этого, медвѣдей ловятъ въ клепцы и кряжи. Клепцы ставятъ около убитаго медвѣдемъ животнаго. Этотъ способъ практикуется во время полевыхъ работъ, когда лѣсникъ не имѣетъ свободнаго времени для караулки съ лабаза. Кряжи ставятся весною, и между ними кладется часть трупа какого нибудь павшаго животнаго, верхній кряжъ въ данномъ случаѣ держится надъ подставленныхъ подъ него жердочкахъ, которыя при прикосновеніи падаютъ. Кряжъ дѣлается изъ трехъ сплоченныхъ между собою бревенъ, какъ въ низу, такъ и въ верху. Въ берлогахъ бьютъ медвѣдей въ мартѣ мѣсяцѣ, но отправляются на эту лѣшню всегда по нѣскольку человѣкъ, предварительно запасшись ружьями, топорами и рогатинами, въ виду рискованнаго положенія при этого рода лѣсованіи.

Волковъ бьютъ изъ ружей, разъѣзжая по ночамъ съ собакой, которая служитъ приманкой. Ловятъ ихъ и въ клепцы, какъ медвѣдя, а также и въ ямы. Ямы устраиваются такъ: выкапывается гдѣ нибудь въ лѣсу большая яма, шириною до 3-хъ саженъ и на столько глубокая, чтобы попавшій туда волкъ не могъ выпрыгнуть; по срединѣ ямы ставится довольно высокій столбъ, и къ нему придѣлываются примостки. Отъ примостокъ къ краямъ ямы параллельно кладутъ жерди, но рѣдко, и сверху настилается солома. Къ ночи на примосткахъ привязываютъ къ столбу собаку, которая, конечно, по уходѣ хозяина подымаетъ невыносимый вой и лай. Волки, заслышавъ лай собаки, прибѣгаютъ, бросаются къ ней, желая растерзать, но не доскочивъ до примостковъ проваливаются въ яму, гдѣ на-утро и доколачиваютъ ихъ. Нерѣдко такимъ образомъ попадаетъ цѣлая стая волковъ.

Въ послѣднее время истребляютъ волковъ посредствомъ отравы. Этотъ способъ истребленія вреднаго звѣря поощряется земскими субсидіями.

Оленей бьютъ изъ ружей и ловятъ въ нитки, устраиваемыя нѣсколько иначе, чѣмъ подъ зайца. Лѣсуютъ за ними всегда зимою, по снѣгу и чѣмъ глубже послѣдній, тѣмъ лучше для охотника. Лѣсникъ узнавъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ (всегда въ болотѣ) появились олени, отправляется туда и преслѣдуетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока олени, вслѣдствіе изнеможенія, не допустятъ его на выстрѣлъ. Нерѣдко при этомъ лѣсникъ не выходитъ изъ лѣсу по нѣскольку дней, ночуя тамъ подъ елкой или въ лучшемъ случаѣ подъ зародомъ сѣна, при морозѣ иногда 30—40°.

Лѣсованіе на выдру, рысь и норку бываетъ также случайное, какъ и

на куницу. Бьютъ ихъ изъ ружей и не въ какія ловушки не ловятъ. Водится ихъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, надо сказать, вообще немного.

Для выясненія ежегодной прибыли, получаемой лѣсникомъ отъ своего промысла, мы приводимъ свѣдѣнія о количествѣ убитыхъ и изловленныхъ предметовъ лѣшни, однимъ изъ знакомыхъ намъ лѣсниковъ, въ теченіи прошлаго года (это было писано нами въ 1887 г.), равно приводимъ и мѣстныя продажныя цѣны:

Бѣлокъ . .	200 штукъ	по — р.	10 к.	20 р.	— к.
Рябчиковъ. .	110 паръ	» — »	22 »	24 »	20 »
Тетеревей . .	12 »	» — »	30 »	3 »	60 »
Зайцевъ . .	36 штукъ	» — »	10 »	8 »	10 »
Куницъ . .	2 штуки	» 4 »	— »	8 »	— »
Лисицъ . .	2 »	» 3 »	— »	6 »	— »
Медвѣдей . .	1			20 »	— »
Оленей. . .	1			2 »	— »
		Итого. . .		87 р.	40 к.

Исключивъ изъ того числа расходъ:

Пороху. . . .	6 фунт.	по 80 коп.	4 р.	80 к.
Дроби	1 пудъ	» 12 » ф.	4 »	80 »
Пистоновъ. . .	2 кор.	» 30 »	— »	60 »
Содержаніе собаки въ годъ			5 »	— »
		Итого . .	15 р.	20 к.

Получилось чистой прибыли за годъ 72 руб. 20 к.

Правда, этотъ лѣсникъ «настоящій», т. е. занимающійся спеціально охотничьимъ промысломъ въ круглый годъ, какихъ немного.—Въ большинствѣ случаевъ охотятся, какъ выше было уже замѣчено, только въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ года и зарабатываютъ въ послѣднемъ случаѣ отъ 15 до 45 руб. Но какъ бы то ни было, а все-таки прибыль отъ лѣсованія является для мѣстныхъ крестьянъ весьма значительной.

Къ сожалѣнію охотничій промыселъ годъ отъ году падаетъ, такъ какъ по случаю истребленія крупныхъ лѣсовъ, дичи и звѣря становится все меньше и меньше.

i) Рыболовство. Рыболовство въ данной мѣстности не составляетъ промысла въ буквальномъ смыслѣ этого слова; здѣсь каждый ловитъ рыбу для себя и продаетъ только излишекъ отъ своей потребы.

Ловятъ большею частію слѣдующую рыбу, водящуюся въ р. Кубенѣ и ея притокахъ: щуку, окуня, налима, нельму, сига, язя, сорогу, ельца и ерша. Ловушками общепринятыя слѣдующія: морды, мерёжи (сѣти), неводъ, уда, ко-

лотье «съ лучемъ», бредникъ и крюки. Невода принадлежатъ всегда артели изъ 10—15 человѣкъ, такъ какъ они во 1-хъ дороги для одного крестьянина, а во 2-хъ одному, хотя бы и съ семьею, тутъ ничего не подѣлать: при этой ловлѣ нужно 10—15 человѣкъ совершенно взрослыхъ да штукъ 5 лодокъ. Остальныя же ловушки имѣютъ каждый отдѣльно. Мерёжи или сѣти, колотье рыбы съ лучемъ, равно уженіе и крюки—общеизвѣстныя ловушки, а потому объ нихъ нечего и говорить. Относительно же ловли въ морды, въ бредникъ, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ.

Ловля въ морды бываетъ такъ: замѣтитъ крестьянинъ, что около такого-то мѣста въ рѣкѣ или рѣчкѣ бываетъ въ извѣстное время переходъ рыбы, дѣлаетъ тутъ «заѣзокъ», т. е. нѣчто въ родѣ плотины (вбиваются поперекъ рѣки колья, межъ ними кладутся еловые и сосновые прутья, которые заваливаются камнями), устраиваетъ въ этомъ заѣзкѣ одни или двои ворота, т. е. проходъ для воды, гдѣ и ставитъ морды (верши). Рыба, желая пройти внизъ по теченію рѣки, не находя другаго перехода, идетъ въ эти ворота и попадаетъ въ морды, откуда выходъ уже невозможенъ. Морды дѣлаются изъ ивовыхъ прутьевъ и имѣютъ форму конуса. Въ такія морды особенно много попадаетъ налимовъ въ зимнее время.

Бредникъ или бредень шьется изъ холста, но такого, что бы вода въ немъ не держалась, а удерживалась бы и самая маленькая рыбка, и имѣетъ этотъ бредникъ форму тоже конуса, когда раздуется водою, къ широкой сторонѣ котораго, по бокамъ, прикрѣпляются шесты, (жерди или колья, смотря по глубинѣ рѣки или рѣчки), и отъ нихъ идутъ веревки. Сдѣлавши такой бредникъ, семья изъ 5—7 человѣкъ, отправляется на то мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ предполагается быть рыбѣ, распускаютъ тамъ бредникъ и бредутъ рѣкою (отчего получила, вѣроятно, и самое названіе эта ловушка). Взрослые идутъ стороною къ рѣкѣ, а женщины и дѣти—къ берегу, и тянутъ этотъ бредникъ внизъ по теченію рѣки. Идущіе стороною къ рѣкѣ, какъ наиглубокою, запасаются шестами, что̀ дѣлается для того, чтобы, зайдя въ такое мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ не встанутъ ноги, т. е. не будетъ возможности идти по землѣ ногами, можно было продолжать этотъ путь на шестахъ и тянуть за собою бредникъ. Хожденіе на шестахъ здѣсь такъ развито, что хорошему ходоку ничего не стоитъ пройти по водѣ какое угодное разстояніе, лишь шестъ его касался бы до земли, т. е. до дна рѣки или рѣчки. Пройдя такимъ образомъ извѣстное мѣсто въ рѣкѣ, ловцы начинаютъ «сгруживать» рыбу, т. е. этотъ бредникъ направляютъ къ берегу и, ежеминутно болтая ногами и руками, по обѣимъ сторонамъ бредника, воду, вытаскиваютъ его на берегъ, гдѣ и вынимаютъ изъ него попавшуюся рыбу. Бываетъ, что такимъ образомъ добываютъ 2—3 пуда рыбы въ одинъ день, даже въ 2—3 часа.

Почему рыболовство въ данной мѣстности не развилось до того, чтобы стать промысломъ,—рѣшить трудно, но во всякомъ случаѣ не потому, чтобы не было въ рѣкѣ Кубенѣ рыбы, напротивъ ея очень довольно, при устьи рѣки цѣлая мѣстность занимается этимъ дѣломъ, какъ промысломъ. Вѣроятнѣе всего объясняется это тѣмъ, что по отдаленности города некуда сбыть ее...

к) Заводская промышленность. Заводская промышленность въ данной мѣстности гораздо болѣе развита, нежели въ другихъ частяхъ уѣзда, за исключеніемъ с. Устья. Заводы имѣются здѣсь слѣдующіе: дегтекурные, смолокурные, кожевенные, сыроваренные и одинъ стеклянный. О дегтекурныхъ и смолокурныхъ мы уже говорили, а потому начнемъ съ кожевенныхъ. Кожевенные заводы имѣются здѣсь почти въ каждой волости, даже по нѣскольку, и носятъ характеръ кустарныхъ промысловъ, такъ какъ все дѣло по выдѣлкѣ кожъ исполняется одной своею семьею кожевника.

Устройство завода тоже несложное, какъ и дегтекурныхъ заводовъ: устраивается тоже плохонькій сарайчикъ, ставится печка, 2—3 чана и нѣкоторыя орудія для выдѣлки кожъ—вотъ и все. Выдѣлывается на такихъ заводахъ кожъ за одинъ разъ около 100 шт., а въ годъ 200 шт., такъ какъ въ теченіи года бываютъ два «передѣла». Кожи обыкновенно берутся заводчиками «на выдѣлку», т. е. приноситъ крестьянинъ къ заводчику одну или двѣ кожи и проситъ его выдѣлать ихъ; тотъ конечно съ удовольствіемъ соглашается (для полученія кожъ на выдѣлку даже нарочно ѣздятъ передъ передѣломъ по деревнямъ), принимаетъ кожи и дѣлаетъ значки изъ дерева, называемые «жеребьями», половину которыхъ отдаетъ заказчику, другую привѣшиваетъ къ кожѣ. По выходѣ кожъ изъ передѣла готовыми къ употребленію, такой заводчикъ по жеребьямъ выдаетъ ихъ заказчикамъ, получая при этомъ отъ 80 к. до 1 руб. за каждую выдѣланную имъ кожу.

Наиболѣе состоятельные изъ кожевниковъ пріобрѣтаютъ отъ 50 до 100 шт. кожъ въ собственность и, по выдѣлкѣ ихъ, продаютъ на мѣстныхъ торжкахъ и ярмаркахъ, а также и въ Евдокіевской ярмаркѣ (1 марта), въ Архангельской губерніи, что̀ кажется при селѣ Преображенскомъ. Продажа бываетъ на наличныя деньги и на мѣну (въ большинствѣ случаевъ на мѣну) выдѣланныхъ кожъ на сырыя. Заработокъ такого крестьянина—кожевника бываетъ отъ 100 до 150 руб. въ годъ, а тѣхъ же, которые выдѣлываютъ исключительно одни заказы, на половину менѣе.

Сыроваренныхъ заводовъ въ мѣстности—3, и всѣ они принадлежатъ ученику извѣстнаго г. Верещагина И. М. Розсыпному. Сыра выдѣлывается на всѣхъ этихъ заводахъ до 2 тыс. пудовъ ежегодно. Сыры дѣлаются подъ названіемъ: «честеръ» и «голландскій», и сбываются въ Москву, въ извѣстный торговый домъ братьевъ Бландовыхъ. Молоко же покупается у мѣстныхъ

крестьянъ и цѣною по 30—33 коп. за пудъ, но и по такой цѣнѣ крестьяне считаютъ гораздо выгоднѣе для себя продавать молокомъ, нежели масломъ, такъ какъ изъ опыта убѣдились, что изъ пуда молока выходитъ не болѣе 1 фунта масла, цѣна которому всего 15—20 копѣекъ; тогда какъ продавши молокомъ, они получаютъ, какъ сказано, 30—33 копѣйки! Понятно, каждый здравомыслящій крестьянинъ постарается продать произведеніе своихъ коровъ молокомъ, а не масломъ.

Стеклянный заводъ находится въ Митюковской волости и существуетъ онъ уже болѣе 30-ти лѣтъ. Сначала былъ построенъ и открытъ онъ извѣстнымъ московскимъ купцомъ А. И. Поповымъ и затѣмъ часто переходилъ изъ рукъ въ руки разнымъ лицамъ, но всѣ владѣльцы этого завода или раззорялись или, по бездоходности, продавали его другимъ, которые тоже въ свою очередь раззорялись. Въ послѣднее время этотъ заводъ уже лѣтъ 5 стоялъ совершенно въ бездѣйствіи и строенія начали рушиться. Наконецъ достался онъ крестьянину с. Устья И. Н. Никуличеву (нынѣшнему владѣльцу), человѣку очень энергическому и богатому, который сразу поставилъ это дѣло на ноги, и заводъ пошелъ блистательно: стекла не могутъ наработаться, до того сильно требованіе на него. Заводъ имѣетъ два громадныя зданія (гута и разводная), припасные, гончарные и т. п. зданія. Кромѣ того находится 12 домовъ для рабочихъ, въ которыхъ обыкновенно живутъ по двѣ семьи мастеровыхъ, контора, домъ управляющаго, такъ-что въ общемъ заводъ выглядываетъ хорошимъ сельцомъ. Ежегодно вырабатывается на немъ стекла до 2-хъ тыс. ящиковъ, исключая посуды.

Мастеровъ 10 человѣкъ, получающихъ отъ 35 до 50 руб. въ мѣсяцъ жалованья при готовой квартирѣ. Баночниковъ [1])—тоже 10, получающихъ жалованья 15 руб. въ мѣсяцъ. Разводчиковъ 6 чел., подкладчиковъ 1 и составщиковъ 1, получающихъ 30—40 руб. въ мѣсяцъ.

Всѣ эти люди, впрочемъ, пришлые, большею частію беземельные крестьяне Новгородской и Тверской губерніи, искони занимающіеся этимъ ремесломъ. Баночниками же бываютъ большею частію ихъ дѣти, которые въ послѣдствіи то же поступаютъ въ мастера. Есть семейства, имѣющія 2-хъ мастеровъ и одного баночника и слѣдовательно имѣющихъ возможность зарабатывать до 100 руб. въ мѣсяцъ.

Этотъ заводъ оказываетъ благодѣяніе не однимъ только «фабричнымъ», какъ называетъ ихъ народъ, но и мѣстнымъ жителямъ. Мѣстные жители нарубаютъ ежегодно для завода $1^1/_2$ тыс. куб. саженъ дровъ, подвозятъ ихъ къ заводу, что даетъ изрядный заработокъ; кромѣ того перевозятъ въ с. Устье и въ Вологду, а равно и обратно разнаго товару, въ томъ числѣ и стекла,

[1]) Баночникъ—подмасторье.

до 50 тыс. пудовъ, подвозятъ стекло съ завода на пристань близъ дер. Хмѣлевской (Бережокъ—тожь), тоже до 30 тыс. пудовъ, продаютъ песку до 20 тыс. пуд., выпиливаютъ до 20 тыс. досокъ тесу для устройства ящиковъ подъ стекло, выдѣлываютъ кирпичь и т. п. Все это вмѣстѣ взятое, даетъ такой заработокъ крестьянамъ, что вся Митюковская волость живетъ почти исключительно заводомъ, да множество крестьянъ работаетъ тутъ извнѣ, изъ другихъ волостей, даже и другаго уѣзда.

л) Отхожіе промыслы. Отхожіе промыслы въ данной мѣстности не играютъ особоважной роли въ дѣлѣ пріобрѣтенія средствъ къ существованію, сравнительно съ другими мѣстностями Россіи, но все-же они существуютъ. Главнымъ изъ нихъ является по обыкновенію опять лѣсной заработокъ—это нутка и разборка ихъ въ запани, при устьи Кубены, бревенъ лѣсоторговцовъ-заводчиковъ. Подряжаются на эту работу съ самой весны, мѣсяца на 2—3, получая отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ. Затѣмъ слѣдуетъ промыселъ — плотничество, практикуемый въ Кумзерской и Азлецкой волостяхъ. Здѣсь почти $^2/_3$ всего взрослаго населенія идутъ на заработки. Обыкновенно идутъ по подрядамъ кого либо изъ своей среды, наиболѣе зажиточнаго крестьянина. Подрядчикъ набираетъ 20—30 человѣкъ артель плотниковъ и отправляется съ ними въ Петербургъ, Ладогу и др. города, предварительно условившись съ ними въ цѣнѣ, выдавши задатки и заключивъ условія. Цѣна бываетъ смотря по искусству и трудолюбію подряжающагося, примѣрно отъ 60 до 20 руб., за время съ 25-го марта по 1-е ноября, на харчахъ хозяйскихъ. Инструменты же, какъ-то: топоръ, пила, стамеска, долото и т. п. дожны быть у каждаго рабочаго свои, за неимѣніемъ чего либо изъ упомянутыхъ вещей, подрядчикъ, въ силу договора, имѣетъ право купить ихъ за счетъ рабочаго. Прогульные дни рабочаго высчитываются въ двойной суммѣ противъ условленной платы, но за болѣзнію, — рабочій не получаетъ только своего жалованія за время болѣзни. Есть въ этихъ волостяхъ и такіе плотники, которые ходятъ на заработки компаніями, артельно; въ этомъ случаѣ деньги, заработанныя ими, дѣлятся по-ровну. Изъ своей среды такая артель выбираетъ «старшаго» (подрядчика), который и подряжается по своему уму-разуму сдѣлать у кого либо то или иное дѣло за условленную плату, и дешево или дорого рядилъ такой старшій,—остальные должны безпрекословно выполнять подрядъ. Деньги же, по окончаніи подряда, дѣлятся по-ровну, какъ уже нами сказано выше; старшему кромѣ почета, власти брать подряды и заключать отъ имени артели договоры, да еще развѣ угощенія отъ своихъ компаніоновъ за удачный подрядъ,—ничего «сверхшонка» не полагается.

А. Шустиковъ.

(Оконч. слѣд.).

ОТДѢЛЪ II.

Остяцкая былина про богатырей города Эмдера.

(Записана и переведена въ Шумиловскихъ юртахъ М. Кондинской волости Тоб. окр. и губ.)

На незамерзающихъ берегахъ пнейнаго Эмдера, въ богатырскомъ городѣ [1]), мы проживали.

Какой мужъ съ крѣпкими колѣнями въ ногахъ родился у меня на краю того города?

Хў-сасылтем тав-данчем јўтмай ўрт [2]), мой братъ, (здѣсь) родился.

Имя носящій богатырь, какъ онъ добылъ себѣ славное имя?

Когда на полномъ собраніи князей, вслѣдствіе ихъ хвастовства, возникъ великій споръ, (что,)

Если бы какого-нибудь мужа сынъ, хотя бы и полный мужчина, и положилъ на свои два колѣна (конское бедро),

То гдѣ бы ему удалось разломать его быстро на 7 частей?

Хў-сасылтем тав-данчем јўтмай ўрт, мой братъ,

Свирѣпыхъ рукъ [и ногъ] суставами онъ его схватилъ,

Въ середину хорошаго обхвата своихъ обѣихъ рукъ онъ его взялъ

И быстро раздробилъ на семь кусковъ.

Подобно дятламъ и щелкуньямъ они разлетѣлись на (цѣлый) день въ четыре угла дома.

Черезъ это мой братъ, имя носящій богатырь, пріобрѣлъ свое славное имя.

Послѣ него, какой мужъ съ крѣпкими колѣнями ногъ родился у меня на другомъ концѣ города?

Ойет сôт негеп тêт âтта ўрт [3]), мой братъ, (здѣсь) родился:

Послѣ него, кто у меня родился?

Н'ілек туі кôвлай тêт âтта ўрт [4]), мой братъ, (здѣсь) родился.

Послѣ него, кто у меня родился?

Пус-теіпе нâреп тонх [5]), мой братъ, здѣсь родился.

Послѣ него разносится мое имя:

Хôрум курпе ніт-сôт ўрт кудіва пірijідем, сêвет пâтйем сêвей Jâг [6]).

---

[1]) Слѣды городка Эмдера находятся на берегу рѣчки Эмдеръ, въ юго-западн. части Березовск. округа.

[2]) Переводъ прозвища: «Долго сушеное конское бедро раздробившій богатырь».

[3]) Переводъ: «Кольчугу съ сотней торчащихъ рожковъ носящій богатырь».

[4]) Пер.: «Звенящую кольчугу изъ блестящихъ колецъ носящій богатырь».

[5]) Пер.: «Богатырь съ остроконечнымъ мечемъ».

[6]) Пер.: «Изъ среды 80 богатырей съ оле081ими ногами избранный, съ опущенными косами, косатый Ягъ».

Едва свѣтаетъ утро [1]), какъ встаютъ незамужнія дѣвицы; такъ (рано) и я встаю [2]).
Когда ночь, располагающая къ бесѣдамъ и разговорамъ, затмила свѣтъ,
Подъ вліяніемъ быстрой потребности крѣпкаго желудка я вышелъ на улицу.
Къ сѣверной сторонѣ, къ славному краю, я прислушался.
Съ сѣверной стороны звенящій голосъ я слышу.
Это приближается филинъ съ человѣческимъ ликомъ [3]), я знаю.
Посреди города стоитъ обломанная вѣтромъ кожуристая лиственница съ толстымъ стволомъ.
На ея славной вершинѣ едва уцѣлѣлъ сукъ толщиной въ ручку скобеля.
Сѣвъ на эту вѣтвь, онъ повернулся къ сѣверу и, какъ будто бы онъ собирался съѣсть человѣка, такъ онъ здѣсь раздулъ свое горло.
Обратившись ко мнѣ, онъ такъ сталъ говорить:
«Сѐвет пâтнем сѐвей Jаг!
До какихъ поръ ты будешь такъ (рано) вставать, какъ встаютъ незамужнія дѣвицы?».
— «Красавица [4]), дѣвица, которую бы я выбралъ, еще не родилась!».
Но филинъ сказалъ: «про красавицу по твоему выбору я своимъ долгимъ ухомъ хорошую вѣсть слышалъ».
Я сказалъ: «Гдѣ же ты слышалъ про красавицу по моему выбору?».
Онъ отвѣчалъ: «Потекли впередъ богатырскія воды инейнаго Эмдер'а съ незамерзающими берегами [5]).
«Въ усѣянной мелкой галькой чистой Оби обширныя воды [6]) онѣ пали.
«Усѣянной мелкой галькой чистой Оби обширныя воды впередъ потекли.
«Въ священныя воды потока, раздвоеннаго на подобіе разбѣгающихся песцовъ [7]), онѣ пали.
«Раздвоеннаго потока священныя воды впередъ потекли.
«Въ красноводныя богатырскія воды мужа Кêвер-хуш'а [8]) онѣ пали.
«Красноводныя богатырскія воды мужа Кêвер-хуш'а впередъ потекли.
«Въ священный соръ, на который опускается божественный туманъ, [9]) онѣ пали.
«Священный соръ, на который опускается божественный туманъ, простирается къ югу, къ славной сторонѣ.
«Кары поспат'у, богатырскому городу [10]), здѣсь принадлежитъ господство.
«Старый князь Хўдем сôт ôт тетідем лулей-мох, тохтей-мох кыней ўрт-іга [11]) строгаетъ (здѣсь) черенъ стрѣлы.

---

[1]) Здѣсь пропущено неясное выраженіе: н'от порай јôгот хар. Изъ этихъ 4 словъ мнѣ непонятно лишь слово порай.

[2]) Эта фраза должна показывать, что упомянутый богатырь и авторъ былины былъ холостъ.

[3]) Видъ филина здѣсь приняла остяцкая княжна изъ города Карыпоспат'а.

[4]) Эпитетъ красавицы ўдот ўх сіводым наі не вполнѣ понятенъ, почему и выпущенъ

[5]) Каждая значительная рѣка имѣетъ свой постоянный эпитетъ. Приведенный здѣсь эпитетъ р. Эмдера будетъ: Пŏг'от поттаі пожый Эмдер ўрдат јінк.

[6]) Эпитетъ Оби: Сат'-коу підом тері Ас хумыт јінк.

[7]) Эпитетъ Иртыша Кан' вâн'ем сâгыттаі лопый сâп-хоі јомый јінк.

[8]) Эпитетъ Конды: Вырдем јінкпе Кêвер-хуш-хоі ўрдай јінк.

[9]) Эпитетъ: Тонх чів підом јемый тôр. Слово: тôр, по русски «соръ», означаетъ на сѣверѣ Тобольской губ. плоскія озера, а также низменныя мѣста по берегамъ рѣкъ, которыя весной затопляются, а лѣтомъ служатъ лугами. Здѣсь подъ словомъ «тôр» подразумѣвается Б. Кондинскій соръ («Ж. С.» 1891, вып. IV, стр. 91, прим. 4).

[10]) Кары поспат ўрдат вош.

[11]) Переводъ см. Ж. С. 1891 III вып. на стр. 95.

«Въ пѣсенномъ домѣ семь сыновей тутъ укачивали.
«Главы дома—старшіе три сына, имя имъ дано:
«Jінка вêгеттаі jінк-хут' тâхпей ўрт'а [1]) три сына.
«Среднему сыну имя дано:
«Jден jôготтаі іт моjе сімет тубаі кêg'ей нâр пуйдеп тонх. [2]).
«Послѣ семи сыновей въ берестяной зыбкѣ съ красивой спинкой, кого пинали [3])?
«Златоглазую бровастую красавицу полуденной страны [4]), ее (здѣсь) пинали.
«Здѣсь я своимъ долгимъ ухомъ слышалъ про красавицу по твоему выбору хорошій слухъ.
«Отправляйтесь (туда), если у васъ есть намѣреніе.
«На военную ногу, на сватовскую ногу снаряжайся»!
Старый филинъ повернулся къ полудню, къ славной сторонѣ,
Взмахнулъ три раза своими дорогими крыльями, только его и видѣли.
Когда сталъ свѣтать слѣдующій день,
На военную ногу, на сватовскую ногу мы снарядились.
Мы все ѣхали, ѣхали. Когда мы достигли священнаго сора, на который опускается божественный туманъ,
— Подъ помостками, поперекъ сора, былъ протянутъ золотой шнуръ [5]) толщиной въ мясистый палецъ—
Мой братъ быстро разсѣкъ золотой шнуръ на семь частей.
Тутъ Хўсасылтем тав-данчем jўтмай ўрт палъ въ сани
И пестрое одѣяло, узорчатый коврикъ, набросилъ на себя.
Какъ мы только добрались до воротъ города,
Іден jôготтаі [6]) спустился изъ за (вала) города.
Хотя онъ и взмахнулъ мечемъ на оленей,
Олени рванулись впередъ,
И только привязанные къ животнымъ заиндевѣлые ремни онъ разсѣкъ.
Назадъ онъ обернулся.
Хўсасылтем, мой братъ, (тутъ) вскочилъ,
Схватилъ мечъ, взмахнулъ,
Подобно двумъ чашамъ съ пѣнящимся отверстіемъ онъ распался на двѣ части.
Послѣ этого насъ впустили въ городъ.
Мой братъ выставилъ трехъ пословъ съ посохами въ рукѣ.
Когда пришелъ первый посолъ,
Тесть, (сидя) за занавѣсомъ, не открылъ своего полаго рта съ 20 зубами.
Хоть и пришелъ второй посолъ,
Тесть, (сидя) за занавѣсомъ, не открылъ своего полаго рта съ 20 зубами.
Когда прибылъ третій посолъ,
Онъ спросилъ цѣну 100 рабовъ, 100 рабынь,
Онъ спросилъ цѣну 100 кольчугъ и 100 мечей,
Онъ спросилъ цѣну 100 сѣкиръ и 100 котловъ.
Въ видѣ платы за 100 рабовъ и 100 рабынь,
Хорошій калымъ, состоящій изъ массы товара, ему выложили.

---

1) Перев.: «Въ воду входящіе и рыбу крючащіе богатыри».
2) Въ этомъ эпитетѣ слова іт моjе сімет тубаі не понятны; іден jôготтаі значитъ «поздно приходящій»; кêg'ей нâр пуйдеп тонх означаетъ: «богатырь съ мечемъ на боку».
3) Слово «пинать» означаетъ въ Сибири качать люльку ногой.
4) Эпитетъ красавицы: Морда-мыг-хоі сорн'і сêм хут'мет (или хут'май) наі. Слово хоі въ выраженіи Морда-мыгхоі и въ нѣкоторыхъ др. мы пропустили въ переводѣ, потому что оно затемняетъ смыслъ.
5) О подобныхъ же сигнальныхъ «струнахъ» упоминается и въ русскихъ сказкахъ.
6) Здѣсь и ниже мы приводимъ ради краткости лишь начало прозвища.

Въ видѣ платы за 100 кольчугъ и 100 мечей,
Хорошій калымъ изъ большой суммы денегъ ему выложили.
Въ видѣ платы за 100 сѣкиръ и 100 котловъ,
Хорошій калымъ изъ массы товара ему выложили.
Сватъ сталъ ликовать радостнымъ горломъ.
Послѣ этого жениха отвели къ невѣстѣ [1]).
Трехъ мужей Jінка вёгеттаі дома не было.
Въ полуденныя страны, ко славнымъ водамъ, они отправились.
Когда они вернулись съ южной стороны, со славныхъ водъ,
Они привезли съ собою славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны.
Трехъ златоглазыхъ, бровастыхъ красавицъ полуденной страны они привезли.
(Мои) три брата стали на этихъ трехъ дѣвицъ зариться.
— (Когда) женщина плохо шила, неплотный шовъ изъ пряжи распарывается.
(Такъ) возгорѣлась [2]) у насъ двойственная Тâрнъ съ однимъ лицомъ [3]).
Когда мы такъ воевали,
Моего брата Пус-теіпе нâреп тонх'а
Одинъ мужъ сразилъ,
И, подобно крышкѣ лукошка или кузова,
На томъ же мѣстѣ его совершенно растоптали.
Напрасно онъ, мужъ съ силой въ славныхъ суставахъ рукъ, (только) родился!
Послѣ этого мы четверо богатырей, четверо братьевъ, въ своемъ бѣгствѣ заняли болотливую дорогу.
Когда мы добрались до высокаго мыса Самарской горы [4])
И моего брата Хў-сасылтем'а
Два оленя, подобно тому, какъ карабкаются лѣтнія бѣлки, взбирались вверхъ,
(Богатыри), догнавъ (насъ) на славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны,
Окровавленнаго мужа двѣ половины тутъ положили.
Когда мы достигли высокаго мыса Сарайской горы
И Ôнет сôт'а, моего брата,
Два оленя, подобно тому, какъ карабкаются лѣтнія бѣлки, взбирались вверхъ,
(Они), подоспѣвъ на славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны,
Окровавленнаго мужа двѣ части тамъ положили.
Когда мы добрались до высокаго мыса горы Т'унка,
И моего брата Н'ілек туі'а
Два оленя взбирались вверхъ, подобно тому, какъ карабкаются лѣтнія бѣлки,
Они, подоспѣвъ на славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны,
Окровавленнаго мужа двѣ половины тамъ положили.
Чтобы мой городъ не остался безъ отцовскаго имени, безъ главы, меня оставили.
Я все продолжалъ путь. Два мужа попадаются мнѣ на встрѣчу.
Они меня спрашиваютъ: «Куда ты увелъ нашихъ отцевъ?»
Я сказалъ: «(чтобы видѣть) глаза вашихъ отцевъ, смотрите въ мои».
Старшій мужъ схватилъ мечъ, хотѣлъ меня ударить,
Младшій мужъ сталъ ловить его мечъ.
Въ то время, какъ они оспаривали его другъ у друга,
Ручка меча упала мнѣ на голову

---

[1]) По мнѣнію разсказчика, послѣ свадьбы слѣдуетъ перерывъ въ нѣсколько лѣтъ.
[2]) Букв.: «начала вестись».
[3]) Описательн. названіе слова «война». См. «Жив. Стар.» 1891, кн. III, стр. 93.
[4]) Подъ словомъ «гора» здѣсь подразумѣвается правый, нагорный, берегъ Иртыша и Оби. Самарскій мысъ находится по правому берегу Иртыша, 25 вер. отъ его устья, около с. Самарова.

И свѣтъ мой померкъ [1]).
По узкой тропинкѣ, усѣянной листочками и былинками, я пошелъ,
На 300 ступенную лѣстницу я сталъ снизу взбираться.
Я все взбирался и взбирался.
Когда до неба осталось всего три ступени,
Идутъ мнѣ на встрѣчу три бѣлки съ красными бедрами [2]):
«Старшій братъ, куда ты идешь?»—«Я къ вамъ иду!»—
«Мы вотъ что скажемъ: мы пищу ѣдимъ съ человѣческой кровью,
«Воду пьемъ мы съ человѣческой кровью.
«Вернись назадъ!»
Я вернулся, спустился внизъ, достигъ земли
И обратно пошелъ по узкой тропинкѣ, усѣянной листочками и былинками,
Сѣлъ на свои сани и пробудился.
Мои племянники стоятъ по обѣ стороны саней,
Плачутъ обо мнѣ. Они говорятъ:
«Когда древесные листья достигнутъ величины сусликова уха,
«Тогда насъ жди. Если мы не придемъ,
«То, когда листья деревьевъ пріобрѣтутъ темный цвѣтъ гнилой рыбы,
«Жди насъ тогда. Если мы не придемъ,
«То, когда отмирающіе древесные листья падутъ на кожистую землю [3]),
«Тогда жди души отъ насъ мужей, обладающихъ руками и ногами [4])».
Мы простились и направились въ разныя стороны [5]).

Хотя оба мужа и добрались до богатырскаго города Кары поспат-вош'а. (Онъ былъ пустъ). Дорогу вдоль Конды, по которой бѣжалъ Хўдем сôт ôт тетîдем, они выслѣживали подобно собакамъ, пріученнымъ къ соболиной охотѣ. Вотъ передъ ними городъ Харда, высотою въ 7 лиственницъ; туда тѣ бѣжали. Въ этомъ городѣ, въ мѣдной крѣпости, оставлено лишь одно отверстіе, достаточное, чтобы пролѣзть воину въ кольчугѣ. Въ мѣдной крышѣ было оставлено окно для свѣта. Въ этотъ Харда-городъ взошелъ народъ и Јêвыръ-богатырь заперъ городъ. Вслѣдствіе недостатка въ пищѣ голодъ одолѣлъ населеніе двухъ [6]) городовъ. У этихъ же двухъ мужей рѣка Јêвра кишѣла рыбой. Въ то время, какъ воронъ, заклюнувъ рыбку, несъ ее черезъ городъ, его замѣтили внутри города. Народъ изъ двухъ городовъ вывалилъ наружу. Эти оба мужа лежали въ видѣ змѣй по обѣимъ сторонамъ городскихъ воротъ. Когда они посмотрѣли на трехъ братьевъ Јінка вêгеттаі, на солнцѣ видно было сквозь, какъ (у нихъ) лежатъ желчь и кишки. Јêвра-богатыря, хотя они и осматривали и снизу и сверху, онъ какъ будто состоялъ изъ доброй литой глыбы золота и серебра. Тѣ начали черпать краснопераго язя. Много кучъ, величиною съ землянку, они начерпали. Богатырь Јêвыръ сказалъ: «Вы, три брата, дѣлите!» Три брата сказали въ отвѣтъ: «мы не станемъ возиться со склизкою, хорошо икряною рыбой». Послѣ этого богатырь Јêвыръ началъ дѣлить. Онъ дѣлилъ, дѣлилъ и своимъ людямъ бросалъ промежъ ногъ краснопераго язя. Богатырю Јêврю стало жарко, онъ снялъ кольчугу и передалъ ее пяти мужамъ: «Не оставляйте моей кольчуги далѣе чѣмъ на разстояніи двухъ-трехъ человѣкъ». Эти мужи смотрятъ: кольчуга осталась далѣе, чѣмъ на разстояніи трехъ мужей. Тогда

---

[1]) Т. е. онъ впалъ въ безпамятство, во время котораго ему показалось, что онъ совершаетъ путь на небо. Придя въ себя, онъ принимаетъ видѣнный имъ сонъ за дѣйствительность и передаетъ его въ своемъ разсказѣ объ этомъ путешествіи.

[2]) Бѣлки—души его убитыхъ братьевъ.

[3]) Довольно точное обозначеніе времени весны, лѣта и осени, когда они намѣреваются воротиться, отомстивъ за смерть отцевъ.

[4]) По вѣрованіямъ прежнихъ Остяковъ, души умершихъ иногда навѣщали своихъ родныхъ.

[5]) Отсюда былина многими излагается прозою; другими, напротивъ, она поется до словъ «Двое мужей...»

[6]) Кромѣ своего населенія въ этомъ городѣ укрылись жители Карыпоспатъвош'а.

старшій мужъ спустилъ стрѣлу. Какъ раздался шумъ тетивы лука, богатырь Jѐвыръ присѣлъ. Хотя второй мужъ и выстрѣлилъ, Jѐвыръ-богатырь прыгнулъ вверхъ. Вотъ къ богатырю Jѐвру принесли его кольчугу. Какъ онъ ее одѣвалъ, старшій мужъ выстрѣлилъ: кольчуга совсѣмъ закрыла его уши, онъ не слышитъ шума тетивы. Тутъ въ него (стрѣла) и попала. Когда въ него попало, онъ сдернулъ кольчугу вверхъ и бросилъ ее тѣмъ двумъ мужамъ и сказалъ тремъ братьямъ: «Изъ за вашего обжорливаго брюха меня убили».

Двое мужей начали съ тремя братьями вести одноликую двойственную Тȧринъ (т. е. войну). Они воевали, воевали. Вотъ у трехъ братьевъ кольчуги сдѣлались негодными. Когда кольчуги сдѣлались негодными, израсходывались стрѣлы. Тогда они стали поражать другъ друга еловыми и лиственичными дубинками. Они дрались и дрались. Старшій Эндерскій мужъ, схватившись со старшимъ изъ трехъ братьевъ, началъ бороться. Они упали поперекъ рѣки Катыма [1]). Эндерскій мужъ упалъ съ верхней стороны рѣки, тотъ мужъ—съ нижней. Они, обнявшись, лежатъ. Тотъ спрашиваетъ Эндерскаго мужа: «Ты вотъ лежишь, каково тебѣ лежать?» Онъ отвѣчалъ: «Въ то время, какъ меня прижимаетъ быстрѣтью сильнаго теченія, у меня отнимается добрая спинная сила». Тотъ мужъ встрепенулся (и принялъ) образъ ерша, Эндерскій мужъ встрепенулся, (принявъ) видъ щуки, гонится за ершомъ. Какъ онъ его хочетъ клюнуть, ершъ поворачиваетъ къ нему хвостъ и взъерошивается. Они выходятъ на сушу. Три брата просятъ у Бога желѣзную, металлическую, плоть. Старшіе два брата обросли желѣзной, металлической, плотью. Когда же у младшаго брата желѣзная, металлическая, плоть дошла до середины (тѣла), Эндерскій мужъ ударилъ его мечемъ, и онъ засѣлъ, какъ бы спущенная на землю кочка. Тогда тѣ мужи, послѣ того какъ убили ихъ брата, вознеслись къ Золотому Свѣту, своему отцу [2]), и оба Эндерскихъ мужа были поражены спущенными на нихъ въ видѣ грома каменными стрѣлами.

С. Патканова.

---

[1]) Р. Катымъ—притокъ Конды съ правой стороны.

[2]) Нынѣ они оба чествуются Остяками, какъ святые. Ихъ называютъ Ieга тсі Ігойси («Ж. С.» 1891 IV вып. стр. 108).

Мордовская свадьба.

I.

Сватовство.

(ладямо - замнреніе).

Остановившись выборомъ на извѣстной дѣвушкѣ, родители жениха въ одинъ изъ легкихъ дней (воскресенье, вторникъ, четвергъ) приглашаютъ къ себѣ родственниковъ и объявляютъ имъ о своемъ выборѣ невѣсты своему сыну; спрашиваютъ родныхъ—не знаетъ ли кто изъ нихъ какихъ либо недостатковъ и пороковъ за этой дѣвушкой. Тщательно обсудятъ всѣ обстоятельства выбора и, по одобреніи его всѣми родственниками, начинаютъ молиться—просить помощи въ задуманномъ дѣлѣ у Бога небеснаго (верешки Пазъ), у бога домашняго (кудонь кирди сіяка хранитель дома серебряный) и усопшихъ предковъ (покштятъ—бабатъ). Во время моленія предъ иконами зажигается свѣча, на столъ, накрытый бѣлой скатертью, ставится каравай хлѣба и солонка съ солью. Во время моленія наблюдается, чтобы дверь, окна, труба и даже печь непремѣнно были закрыты, иначе нечистая сила можетъ проникнуть въ избу и помѣшать начатому дѣлу. По окончаніи моленія, хлѣбъ и соль кладутъ въ кошель и потомъ берутъ ихъ съ собой въ домъ невѣсты; въ случаѣ удачныхъ переговоровъ и рукобитья, эти хлѣбъ и соль мѣняются на такіе же хлѣбъ-соль изъ дома невѣсты. Съѣдаются они на слѣдующій день послѣ пропоя: собираются снова всѣ родственники жениховы—въ домѣ жениха, невѣстины—въ домѣ невѣсты; помолятся всѣ вмѣстѣ о присоединеніи новыхъ родственниковъ, и молитвенный хлѣбъ дѣлится по кусочку между всѣми родственниками и съѣдается. Послѣ этого, отступленіе съ которой либо стороны считается невозможнымъ.

Для предварительныхъ переговоровъ съ родными невѣсты посылается сначала одинъ болѣе ловкій и почтенный изъ родственниковъ жениха (икельтся=якитсь впередъ ходящій). Временемъ для такихъ переговоровъ выбирается поздній вечеръ, когда всѣ люди успокоются, чтобы меньше людей могли видѣть его и чтобы никто не могъ перейти ему дорогу и не разстроилъ такимъ образомъ задуманное дѣло. Мордва вообще большое значеніе придаетъ первому встрѣчному и поперечному, по нимъ онъ расчитываетъ на успѣхъ и неуспѣхъ своему предпріятію. Хорошимъ признакомъ считается встрѣча съ какою нибудь ношею (пекше кедь=полная рука) и дурнымъ—встрѣча безъ всякой лишь (чаво кедь=пустая рука). Особенно тяжела и непріятна встрѣча, когда встрѣтившійся спроситъ: куда идешь, тогда хоть ворочайся назадъ,—все равно успѣха не будетъ. Многіе болѣе суевѣрные, чтобы посланный имѣлъ успѣхъ, при выходѣ его изъ дому бросаютъ въ слѣдъ ему старый, поношенный лапоть со словами: «какъ мягокъ и слабъ этотъ лапоть, пусть будутъ также мягки и слабы умъ и сердце родителей избранной нами дѣвушки, выдали бы намъ свою дочь».

Въ домѣ дѣвицы посланный непремѣнно садится подъ матицу (мѣстопребываніе домашняго бога) и первую свою молитву обращаетъ къ нему, затѣмъ начинаетъ разговоръ сначала о постороннемъ предметѣ, а потомъ постепенно переходитъ къ цѣли своего посѣщенія. Родители невѣсты, какъ бы рады ни были такому предложенію, сначала отказываются отъ всякихъ переговоровъ, такъ что предварительные переговоры иногда продолжаются цѣлыя недѣли. Иные родители это дѣлаютъ изъ-за одного обычая, но многіе затягиваютъ сватовство съ цѣлью, чтобы какъ можно больше разгласилось сватовство ихъ дочери и чтобы дать такимъ образомъ возможность и другимъ

посвататься. Узнавъ объ упрямствѣ ихъ, всякій отецъ, имѣющій сына-жениха, подумаетъ, не подходитъ ли та дѣвушка его сыну и, послѣ обсужденія этого дѣла съ родными, наскоро посылаетъ своего хожалаго попытать счастье. Дѣло еще болѣе затягивается. Хожалые ни днемъ, ни ночью не даютъ покоя родителямъ невѣсты, каждый старается пересилить своего противника. При этомъ хожалые прибѣгаютъ ко всевозможнымъ суевѣрнымъ способамъ: стараются похитить мочальную судомойку изъ дома невѣсты, и спрятавъ ее за пазуху (женщина) или въ карманъ (мущина), стараются во время переговоровъ скрытно спутать ее, полагая, что этимъ можно запутать умъ родителей невѣсты и легче будетъ уговорить ихъ.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ и совѣщаній съ родными и съ дочерью, отецъ невѣсты соглашается наконецъ пригласить отца жениха для окончательныхъ переговоровъ о цѣнѣ и о подаркахъ. Отецъ жениха идетъ къ невѣстѣ съ виномъ и молитвеннымъ хлѣбомъ-солью, беретъ съ собою мать жениха и нѣсколько родныхъ; если матери не будетъ, то ее замѣняетъ одна изъ близкихъ родственницъ. Цѣна, назначаемая за невѣсту, въ разныхъ мѣстахъ различна; она пропорціональна подаркамъ, которые невѣста должна сдѣлать родственникамъ жениха и одеждѣ, которую отецъ обѣщаетъ справить своей дочери. Въ Симбирской губерніи цѣна за невѣсту не превышаетъ 50 рублей; въ Уфимской и Нижегородской губерніяхъ она доходитъ до 200 руб. (Въ Нижегородской губерніи у Терюшевской Мордвы высоко цѣнится «вѣнецъ» — женскій головной уборъ, украшенный серебряными монетами). При сватовствѣ вовсе не упоминается о приданомъ изъ скота, которое каждый отецъ даетъ своей дочери безъ уговора, по мѣрѣ своего достатка, именно изъ каждой породы скота даетъ дочери по молодой маткѣ; если имѣетъ пчелъ, то изъ нихъ даетъ одну колоду.

По удачномъ окончаніи ряды (бываютъ случаи, что сваты не сходятся въ цѣнѣ и подаркахъ, и свадьба разстроивается), сваты надѣваютъ рукавицы и бьютъ по рукамъ. Отецъ невѣсты собираетъ своихъ родныхъ, и начинаютъ молиться. Моленіе совершается такъ же, какъ и въ домѣ жениха — просятъ счастья молодымъ. Молитвенный хлѣбъ жениха оставляется на столѣ, а вмѣсто него берется хлѣбъ и соль изъ дома невѣсты. Всѣ родные приходятъ на пропой съ караваемъ хлѣба; во время ухода ихъ домой хозяинъ также даетъ имъ по караваю своего хлѣба. Хозяева и приглашенные ими родственники сидятъ какъ гости, ихъ угощаютъ сваты принесеннымъ виномъ. Во время этого угощенія невѣста съ подругами сидитъ въ чуланѣ, покрывъ голову фатой.

По достаточномъ угощеніи, отецъ жениха и всѣ пришедшіе съ нимъ помощники отправляются въ чуланъ искать свою будущую сноху, осмотрѣть ее хорошенько и поставить на ней свою мѣтку. Но имъ всюду загораживаютъ дорогу: при входѣ въ чуланъ, въ дверяхъ по обѣимъ сторонамъ стоятъ двѣ женщины — «урьваля аватъ» — онѣ останавливаютъ ихъ и требуютъ плату за пропускъ. Каждый изъ жениховой родни наливаетъ имъ по стакану вина и, опустивъ въ него какую нибудь монету, подаетъ женщинамъ. Женщины выпиваютъ вино, вынимаютъ монету и пропускаютъ сватовъ. Въ чуланѣ невѣсту загораживаютъ собою подруги ея. Отецъ жениха проситъ дѣвушекъ указать ему купленную имъ невѣсту. Дѣвушки даромъ не соглашаются сдѣлать это и уступаютъ просьбѣ лишь по обѣщаніи имъ награды. Свекоръ и свекровь, если они первый разъ видятъ свою сноху, начинаютъ внимательно разсматривать ее. Потомъ, похваливъ ее, ставятъ на ней мѣтку: отецъ наливаетъ стаканъ водки или меду, опускаетъ въ него серебряную монету въ рубль или полтинникъ, смотря по состоянію и подноситъ снохѣ. Она выпиваетъ глотокъ вина, а остальное даетъ допивать подругамъ, вынимаетъ монету и стаканъ возвращаетъ свекру. Затѣмъ свекоръ такимъ же образомъ даритъ всѣхъ подругъ невѣсты. Свекровь или замѣняющая ее родственница даритъ невѣстѣ: платокъ, серьги, кольцо и браслетъ. Платокъ накидываетъ на голову, серьги вдѣваетъ въ уши, кольцо — на палецъ; при этомъ свекровь поетъ передъ снохой:

Ваиа казянъ тенть патся
Ульть монень тонъ эйкакшоксъ;
Пилезэть путанъ пилекстъ
Кулсонится ультяя;
Суровотъ тонганъ монъ суркcъ
Кедь челькевне ультяя;
Кедезэть тонганъ кедьксъ—
Кедь віевне ультяя.

Вотъ дарю я тебѣ платокъ —
Будь ты мнѣ дитею;
Въ уши твои надѣваю я серьги—
Слушливая ты будь;
На палецъ твой надѣваю я кольцо —
Рукодѣльница ты будь;
На руку твою надѣваю браслетъ —
Будь сильна ты руками (работящая).

Тутъ же мать передъ своей снохой высказываетъ, зачѣмъ она беретъ ее:

Охъ, урьвинемъ, эедьнемъ!
Тсёранъ кувалтъ какаматъ.
Сайдянъ монъ тонть, эедьнемъ,
Чекшнэ куватьсъ аштитсяксъ,
Валске толонь пувитсяксъ,
Кудосъ пеньгень кандытсяксъ,
Начко ведрань кирдитсяксъ,
Ванькстэ кудонь тентсяксъ,
Чевте таркань атсытсяксъ,
Сэрей пряяксонь путытсяксъ,
Равужо палянь саитсяксъ,
Ашо палянь максытсяксъ,
Калгодо мушконь томбитсяксъ
Кувака кодстонь кодытсяксъ
Кучтъ кіява молитсяксъ,
Эрьва козонь кундытсяксъ,
Якинь пакинь вастытсяксъ,
Тусь ломанень ильтитсяксъ.

О, сношенька, дитятко!
По сыну ты мнѣ дитя.
Беру я тебя, дитятко,
Чтобы ты по вечерамъ долго сидѣла,
Утромъ (рано) огонь вздувала,
Въ избу дрова носила,
Ведро мокрымъ держала,
Избу чистою дѣлала,
Мягкую постель стлала,
Высокое изголовье клала,
Черную рубашку брала,
Чистую рубашку давала,
Жесткую коноплю мяла,
Длинные холсты ткала.
Чтобы ты шла, куда посылаютъ тебя,
Чтобы ты все дѣлала.
Приходящаго человѣка встрѣчала,
Уходящаго—провожала.

Выйдя изъ чулана, свекровь предъ матерью невѣсты поетъ:

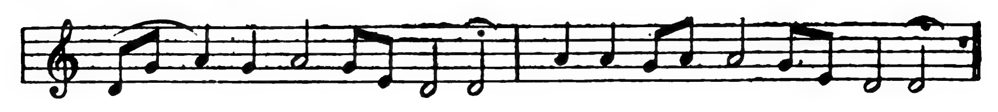
Ияхъ, пяхъ, нияхъ }
Иё ваёхъ ваяёхъ } припѣвъ.

Охъ, свахинька-матушка!
Чешкстазь каданъ умарина,
Кружазь каданъ умарь чувто,
Сыть кучозень мельганзо,
Сырнесэ сынь сявтасызь,
Масторонь келесъ корёнзо,
Сіясо сынь сыргавтсызь,
Менелень келесъ тарадсо.
Илякъ сорновтъ тонъ, свахай,
Равужо човаля модазо,
Илякъ синьде тонъ, свахай,
Мазыстэ свѣти тарадзо,
Кода кадса шумбрасто,
Истя максыкъ вадрясто.

О, свахинька матушка!
Отмѣченную яблоню оставляю тебѣ,
Закруженную яблоню оставляю тебѣ.
Пріѣдутъ посланные за ней,
Золотомъ они выкопаютъ
По всей землѣ (распространившіеся) корни ея.
Серебромъ они выроютъ
По всему небу вѣтви ея.
Ты не стряхни, свахинька,
Черно-бисерную землю ея,
Ты не сломай, свахинька,
Красиво-цвѣтущую вѣтвь ея,
Какъ оставляю здоровою,
Такъ и отдай хорошею.

Мотивъ этихъ стиховъ состоитъ изъ слѣдующихъ двухъ колѣнъ:

Медленно. № 1.

И яхъ и яхъ и я яхъ и ё ва ехъ ва я ехъ

Мотивъ этотъ называется «голосомъ свахи»=свахань вайгель. На этотъ мотивъ на свадьбѣ поетъ сваха и всѣ женщины изъ рода женихова. Какъ свадьба мордовская представляетъ борьбу двухъ враждебныхъ партій—рода жениха и невѣсты, такъ сообразно съ этимъ и все пѣніе на свадьбѣ рѣзко дѣлится на два мотива. Одинъ мотивъ громогласный и торжественный; имъ поетъ сваха, какъ предводительница партіи побѣдителей и весь родъ жениха. Это — сейчасъ приведенный мотивъ. На совершенно другой мотивъ причитаетъ невѣста и ея сторонницы—«урьнима вальгей»=голосъ причитаній или «тейтерьксъ чинь вальгей»—дѣвическій голосъ. На этотъ мотивъ невѣста причитаетъ до тѣхъ поръ, пока она не разстанется съ своимъ дѣвичествомъ, т. е. пока не отпуститъ дѣвичество въ Божій садъ (въ день отъѣзда изъ дома родителей). Послѣ же этого „урьваля-аватъ" (женщины) подаютъ невѣстѣ женскій голосъ—„уре вальгей". „Уре вальгей" отличается отъ „тейтерьксъ чинь вальгей" только грубостью голоса и болѣе низкими нотами; на немъ невѣста причитаетъ до конца свадьбы.

Мотивы эти, какъ и всѣ другіе, какіе встрѣтятся, будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ полученія даровъ, всѣ дѣвушки отправляются къ жениху на домъ просить лошадей кататься по селу. Если сваты пріѣзжіе—въ тотъ домъ, гдѣ они остановились. Во время катанья теперь у извѣстной мнѣ Мордвы поются русскія пѣсни. По возвращеніи съ катанья, всѣ дѣвушки становятся въ рядъ передъ сватомъ и въ протяжномъ пѣніи благодарятъ его за лошадей:

Ияхъ, ияхъ пяяхъ
Не ваехъ ваяехъ } Припѣвъ не переводится.

Пасиба, сватъ, пасиба.
Сѣройтъ-буройтъ ракшазотъ,
Перелетнойтъ нурдозотъ,
Тарганъ уськетъ ождязотъ
Пасиба ломаньксъ ловмозотъ
Пасиба ломаньксъ теймезэтъ.

Спасибо, сватъ, спасибо
За твоихъ сѣрыхъ-бурыхъ лошадей,
За твои перелетныя сани,
За твои вытянутыя какъ проволока, возжи,
Спасибо, за людей насъ счелъ,
Спасибо, какъ людей насъ почтилъ.

Мотивъ этихъ стиховъ:

Протяжно. № 2.

По окончаніи этого пѣнія, всѣ дѣвушки кланяются въ ноги свату и уходятъ въ чуланъ къ невѣстѣ.

Невѣста приготовляетъ дары жениху и родственникамъ его: жениху французскій платокъ съ рисункомъ, въ одинъ уголъ этого платка завязываетъ серебряную монету (20 коп.—15 коп.), въ другой по діагонали кольцо серебряное или мѣдное; свекру—штаны, свекрови—вышитую рубашку, крестной матери—вышитый кокошникъ; сестрамъ и братьямъ жениха — платки, прочимъ родственицамъ портянки и кольца. Сначала выносятъ изъ чулана дары родственникамъ; выносятъ ихъ женщины-родственицы невѣсты и держа дары въ рукахъ предъ сватами поютъ на мотивъ № 1.

Охъ, сватушка, батюшка,
Охъ, свахине, матушка,
Иля-дыя пенятся
Седе покшке казнинесъ

Охъ, сватушка, батюшка,
Охъ, свахинька, матушка,
Ужь не пеняйте-ка вы,
Что небольшіе вамъ дары:

Пиже дугамъ парыямъ (или сазоромъ)	Моя голубушка-золовушка
Эзь содакшно аштеме	Не знала и отдыха,
Тынекъ казнеть анокстась	Все вамъ дары готовила, —
Чекшне куватсь аштекшнесь	Вечеромъ долго сиживала,
Валске рана стякшнокшнось	Утромъ рано вставала,
Эзь чїйнекшне ультсява	Не бѣгала по улицамъ
Эзь яксекшнэ кужова	Не ходила въ хороводы.

По окончаніи этого пѣнія, всѣмъ присутствующимъ сватамъ кладутъ назначенный ему даръ на правую руку, а дары остальнымъ родственникамъ отдаютъ свату для передачи своимъ родственникамъ. Всѣ получившіе дары отдариваютъ невѣсту деньгами. Деньги эти кладутся на приготовленную для этого тарелку. Кромѣ того сватъ отдариваетъ невѣсту и за тѣ дары, которые вручили ему для передачи другимъ родственникамъ.

Подарокъ жениху—платокъ—выносятъ изъ чулана дѣвушки, — подруги невѣсты. Онѣ, взявши этотъ платокъ за четыре угла, становятся передъ сватомъ и въ пѣніи на мотивъ № 2 просятъ свата выкупить его для своего сына:

Ияхъ, ияхъ ияяхъ
Иё ваёхъ ваяинь } припѣвъ.

Идика, сватъ, идика,	Выручай-ка, сватъ, выручай,
Рамика, сватъ, рамика,	Покупай-ка, сватъ, покупай;
Каяка, сватъ, каяка	Положь-ка, сватъ, положь
Ниле певанзо, сватъ	По четыремъ его угламъ, сватъ,
Нилень, нилень вай алтоть	По четыре алтына
Кунчказонзо вететсе.	А въ средину его—пятый.
Тесэ оянокъ тусозо	Здѣсь черты нашей подруженьки,
Тесэ ялганокъ чамазо	Здѣсь лицо нашей голубушки,
Гостинетсексъ кучсынекъ	Въ гостинецъ мы его посылаемъ,
Гостинетсексъ максекесынекъ	Въ гостинецъ мы его отдаемъ.
Радошнасто саессеэ	Пусть съ радостью онъ его приметъ
Вечкезь—кельгезь улезэ.	Пусть онъ его полюбитъ.

Сватъ выкупаетъ этотъ платокъ, положивъ на него денегъ отъ 50 к. до 1 р. Деньги эти отдаются невѣстѣ.

Послѣ этого сваты допиваютъ принесенное вино, оставивъ лишь немного на днѣ боченка, чтобы не съ пустыми руками вернуться домой и отправляются домой. Всѣ женщины и дѣвушки, присутствовавшія на пропоѣ, съ пѣніемъ провожаютъ сватовъ до дому или до квартиры ихъ. Въ домѣ свата отдаютъ платокъ жениху, если онъ тутъ будетъ, допиваютъ остатки вина и расходятся по домамъ. Вручая платокъ жениху, женщины поютъ на мотивъ № 1.

Пиже дугай, а Сёма!	Голубчикъ ты нашъ, Семенъ! (имя жениха)
Мазы дугай а Сёма!	Красавецъ ты нашъ, Семенъ!
Минь тупнекъ гостинецъ	Мы принесли тебѣ гостинецъ,
Лится мазы патсязо;	Красоту ея лица—платокъ ея,
Тесэ сэрзэ рунгозо	Здѣсь ея ростъ и станъ,
Тесэ туссо-поназо.	Здѣсь ея лицо и цвѣтъ;
Туи а туи мелезэть,	Понравится или нѣтъ тебѣ?
Туи а туи превезэть.	Придется тебѣ по мысли или нѣтъ.

II.

Приготовленія къ свадьбѣ.

Послѣ пропоя, невѣста начинаетъ готовиться къ свадьбѣ: приготовлять дары и учиться причитывать. Изъ этихъ приготовленій болѣе всего озабочиваетъ невѣсту приготовленіе даровъ, которыхъ требуется съ нея немало и которые должны быть всѣ своей работы. Такъ, чтобы сыграть посредственную мордовскую свадьбу, невѣстѣ необходимо имѣть: 3—5 вышитыхъ женскихъ рубахъ, столько же приблизительно мужскихъ рубахъ и значительное количество вышитыхъ кокошниковъ, полотенцевъ, платочковъ съ вышитыми каемочками и т. п. Такое множество даровъ нельзя конечно приготовить въ короткое время между пропоемъ и свадьбой—недѣли 2—3. Поэтому свадебные дары приготовляются постепенно, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но у мордовской дѣвушки очень мало времени для работы лично на себя: зиму и лѣто она наравнѣ съ семьей работаетъ на семью, на хозяйство, только въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, которые и называются по мордовски „аштима ковъ ланго" т. е. мѣсяцъ стоянія, т. е. мѣсяцъ безработный, дѣвушка можетъ немного поработать на себя. Безъ достаточнаго же количества холста и даровъ, ни сама дѣвушка, ни ея родители не согласятся играть свадьбу—не срамить же себя передъ всѣмъ народомъ. Купить свадебные дары нельзя,—мордовскіе костюмы на базарахъ не продаются. Поэтому мордовскія дѣвушки весьма заботятся о приготовленіи даровъ: весьма часто онѣ цѣлыя осеннія ночи просиживаютъ и, при лунномъ свѣтѣ, вышиваютъ немудреные узоры на кокошникахъ и рубашкахъ; въ большіе же праздники онѣ по цѣлымъ днямъ скрываются на сѣновалахъ или въ огородахъ и тамъ работаютъ. Послѣ пропоя, къ невѣстѣ собираются на помощь подруги ея—додѣлывать дары. Обычай этотъ такъ установился у Мордвы, что подруги невѣсты считаютъ это своимъ долгомъ, и за весь свой продолжительный трудъ въ это время онѣ ничего не требуютъ отъ невѣсты, а довольствуются тѣмъ, что̀ она подаритъ имъ по окончаніи всѣхъ работъ, передъ своимъ отъѣздомъ въ домъ жениха. Невѣста же обыкновенно даритъ каждую изъ своихъ подругъ голубой лентой аршина въ $1^1/_2$ длиною. Впрочемъ дѣвушки еще получаютъ отъ поѣзжанъ за величаніе ихъ пѣснями и за украшеніе ихъ шапокъ разноцвѣтными лоскутками.

Не менѣе также озабочиваютъ невѣсту и свадебныя причитанія; но они пріобрѣтаются гораздо легче и скорѣе, чѣмъ дары, и изъ-за нихъ свадьба не можетъ остановиться.

Свадебныя причитанія Мордвы сочинены вѣками и неизмѣнно устно передаются изъ одного поколѣнія въ другое. Къ нимъ мордовскія дѣвушки начинаютъ прислушиваться съ малолѣтства,—какъ только дѣвушкѣ исполнится лѣтъ 7—8, она уже начинаетъ исправно посѣщать всѣ свадебные вечерки съ причитаніями и внимательно прислушивается къ нимъ, а потомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, упражняется въ нихъ: остается ли дома одна, няньчитъ ли своего маленькаго брата—непремѣнно причитываетъ. Большую пользу въ этомъ отношеніи приносятъ дѣвушкамъ и куклы. На куклахъ у Мордвы играется только свадьба. Здѣсь дѣвушка, назначивъ каждой куклѣ извѣстную роль, причитываетъ за невѣсту, поетъ за сваху, угощаетъ гостей за хозяйку,—однимъ словомъ дѣлаетъ все, что̀ бываетъ на свадьбѣ. Наконецъ мордовскія дѣти весьма часто играютъ въ свадьбу: собираются нѣсколько дѣвушекъ и парней, обыкновенно въ весенніе праздники, выбираютъ изъ своей среды жениха, невѣсту и весь свадебный персоналъ и удаляются въ луга или за гумны играть свадьбу. Но свадебныхъ причитаній такъ много, что невѣстѣ, не смотря на долголѣтнюю подготовку, передъ свадьбой еще многое приходится вновь заучивать. Учителями и репетиторами въ этомъ случаѣ являются свои снохи и недавно вышедшія замужъ молодыя женщины, которыя хорошо еще помнятъ свою свадьбу и всегда охотно дѣлятся своими знаніями.

Въ домѣ жениха въ это время также идутъ приготовленія: ростятъ солодъ, варятъ пиво, убираютъ дворъ, запасаютъ сѣна побольше, такъ какъ на свадьбу наѣдетъ много гостей и лошадей, ихъ придется кормить почти цѣлую недѣлю и проч.

Разсчитавши къ какому времени все это можно приготовить, отецъ жениха и мать вмѣстѣ съ другими двумя—тремя близкими родственниками отправляются къ своему новому свату назначать день свадьбы,—день пріѣзда свадебнаго поѣзда за невѣстой (чинь путмо — назначеніе дня). Теперь они пріѣзжаютъ прямо къ свату, какъ уже къ знакомому и родному. Въ этотъ пріѣздъ привозятъ все уговоренное: вино, деньги и медъ, который обязательно требуется, при всякой свадьбѣ, для поминанія усопшихъ; отъ уговоренной платы за невѣсту оставляется лишь нѣсколько копеекъ, которыя привозитъ съ собой свадебный поѣздъ. По пріѣздѣ сватовъ, отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ своихъ родныхъ попировать съ новой родней и уговориться о днѣ свадьбы. При этомъ невѣста опять даритъ всѣхъ своихъ будущихъ родственниковъ.

III.

Начало причитаній (урьнеме серьгедьма).

Послѣ назначенія дня свадьбы, невѣста начинаетъ по вечерамъ причитывать — оплакивать свое дѣвичество. Въ первый разъ она начинаетъ причитывать на срединѣ двора въ глухую полночь. Выходитъ она на дворъ одна, тихонько отъ всѣхъ семейныхъ. По общему заявленію женщинъ—эта ночь, избранная для начала причитаній, проводится невѣстою въ самыхъ тяжелыхъ размышленіяхъ и душевныхъ волненіяхъ. Сонъ ни на минуту не смыкаетъ глазъ, невѣста ежеминутно вскакиваетъ съ постели и прислушивается къ завыванію вѣтра, боясь какъ бы не пролежать первое пѣніе пѣтуховъ: время, когда ей начинать причитывать. Съ этого времени невѣста какъ-бы уже вполнѣ убѣждается, что ее дѣйствительно выдаютъ замужъ, и что она должна перейти въ новую, для нея неизвѣстную жизнь, въ новую семью, къ чужому отцу, матери, которыхъ замужняя женщина въ причитаніяхъ на вопросъ невѣсты: разскажика мнѣ, сношенька, замужняя жизнь какова, каковы чужіе отецъ съ матерью, описываетъ ей въ весьма непривлекательныхъ краскахъ.

Какъ только пѣтухи пропѣли, невѣста встаетъ и тихонько отъ всѣхъ семейныхъ выходитъ на дворъ. Кругомъ пусто и темно, ею овладѣваетъ страхъ, она машинально становится на преднамѣченное мѣсто, но не можетъ начать причитывать,—языкъ какъ бы отнимается и невѣста, задыхаясь въ слезахъ, падаетъ на землю и начинаетъ рыдать. Облегчивъ нѣсколько такимъ образомъ душу, невѣста встаетъ и начинаетъ ужь причитывать; сначала слабо, тихо, а потомъ все болѣе и болѣе одушевляясь и усиливая голосъ. Сосѣди со вздохомъ просыпаются и прислушиваются къ плачу невѣсты: всѣми невольно овладѣваютъ тяжелыя мысли, каждому припоминается своя молодость и все прошлое... Эта ночь настолько тяжела для невѣстъ, что съ ними иногда случаются нервные припадки: онѣ иногда до того расплачутся, что не могутъ начать причитаній. Для избѣжанія этого слабыя невѣсты берутъ съ собою подругъ, но и это не всегда помогаетъ, такъ что инымъ невѣстамъ приходится нѣсколько разъ откладывать начало причитаній.

Мотивъ причитаній невѣсты.

«Урьнима вайгель,—тей терьксъ чинь вайгель».

Невѣста на срединѣ двора, обратившись къ востоку, — начинаетъ такъ:

Вере, вере, вере назъ!	Вышній, вышній, вышній богъ!
Вере шеп пазъ сiяка!	Вышній богъ, хранитель серебряный!
Ниле ёновъ сюкунянъ,	На четыре стороны поклонюсь я,
Ниле пазнэнь ниядкнъ,	Четыремъ богамъ помолюсь,
Кона пазось максымонъ,	Который изъ боговъ выдалъ меня,
Сеже пазось чантямамъ	Пусть тотъ же богъ благословитъ меня
Чисъ сэрпнень лажамо,	Заживо оплакивать тѣло мое,
Чисъ сэрпнень вальмамо.	Заживо причитывать тѣло мое.

Послѣ этого невѣста кланяется въ землю и съ этого же мѣста обращается къ богу двора:

Тетянь юртонь кирдизэ,	Хранитель двора батюшкина!
Тетянь кардо сярказо!	«Кардо сярко» [1]) родительское!
Иля тандатъ шуминэдень,	Не пугайся ты моего шума,
Сэрь ёнамо вайгельдень,	Моего голоса раздирающаго:
Аволь тонть монъ тандавтлянъ,	Не тебя я такъ пугаю,
Аволь тонть тормошанъ.	Не тебя я стращаю,
Эсь сэрпнень монъ лажанъ,	Свое тѣло я оплакиваю,
Эсь сэрпнень коволянъ.	Свое тѣло причитаю.

Потомъ невѣста подходитъ къ колодцу, обходитъ его три раза посолонь, послѣ каждаго круга кланяется колодцу въ землю и въ это время причитываетъ:

Лисьмань кирди тейтерь-эй!	Владычица колодца, дѣвица!
Лисьмань кирди кастарго!	Владычица колодца, красавица!
Иля тандатъ шуминэдень,	Не пугайся ты моего шума,
Сэрь ёнамо вайгельдень:	Моего голоса ужаснаго:
Аволь тонть монъ тандавтлянъ,	Не тебя я пугаю,
Аволь тонть тормошанъ, —	Не тебя я такъ стращаю, —
Монсинь сэрень коволянъ,	Свое тѣло причитаю,
Монсинь сэрень монъ лажанъ.	Свою жизнь я оплакиваю.
Седь икеле эрянсто,	До сего времени живя,
Тейтерькэсъ пиньгень нечтязсто	Дѣвичій вѣкъ провожая,
Валске рана сакшныдень,	Я и утромъ рано приходила,
Чокшнэ позда сакшныдень.	И вечеромъ поздно приходила,
Эзинь сакшно лангозоть	Но не приходила къ тебѣ
Сэрь ёнамо шумъ марo,	Съ шумомъ погибающаго,
Коль ёнамо крикъ марo.	Съ крикомъ умирающаго;
Киштезь моразь сакшныдень	Плясучи, поючи, приходила я,
Пейдезь шутязь сакшныдень.	Смѣясь и шутя, приходила я.
Валске рана самосто,	Приходя утромъ рано,
Чекшнэ позда самосто	Приходя вечеромъ поздно,
Можотъ токалить тонъ удомсто	Можетъ угождала ты спящею,
Можотъ токалить тонъ ой мамсто	Можетъ угождала ты отдыхающею, [2])
Можотъ чалгавкшнынь монъ	Можетъ наступала я
Виде киленй сэреть лангсъ,	На твое, какъ береза, бѣлое тѣло,

[1]) «Кардо сярко» — богъ двора. Мѣстопребываніе его на срединѣ двора въ вырытой, покрытой доской ямочкѣ. Во время праздниковъ въ эту ямочку кладутъ по маленькой частицѣ отъ всѣхъ имѣющихся кушаньевъ и льютъ вино и пиво. Въ настоящее время «Кардо сярко» утратило свое значеніе; приношеній ему никакихъ не дѣлаютъ; но ямочка во многихъ дворахъ хранится до настоящаго времени, и кровь закалываемаго животнаго во дворѣ всегда льется въ эту ямочку.

[2]) Эти два стиха не совсѣмъ понятны. Вѣроятно слѣдуетъ не «ты», а «тебя». Ред.

Мазы умарь тусотъ лангсъ,
Чевте паро алгсотъ лангсъ,
Сэрей паро прялксотъ лангсъ,
Можотъ чалгавкшнынь
Котова таргазь палятъ лангсъ,
Кумажасъ путозь рутсятъ лангсъ,

Матразь кодстъ ашкъ пильгеть лангсъ,
Сія ведсъ навазь карь прятъ лангсъ,
Илямака осудя;
Седѣ икеле эрямсто,
Тейтерьксъ пиньгень печтямсто,
Киштезь аштильть монь пильгень,
Пейдезь аштиль монь кургомъ.

На твое, какъ ягода, красивое личико,
На твою мягкую, хорошую постель,
На высокое, хорошее изголовье;
Можетъ наступала я
На твою рубашку въ шесть полосъ вышитую,
На твою «рутсю»[1]) до колѣнъ украшенную,
На твои ноги, какъ трубки холста круглыя,
На твои носки лаптей — посеребреные,
Не осуди же ты меня:
До сего времени живъ,
Дѣвичій вѣкъ провожая,
Ноги мои только плясали,
Уста мои только пѣли.

Отъ колодца невѣста отходитъ къ священному мѣсту („ванькcъ тарка“ — чистое мѣсто или „шуксъ пря“ — мѣсто моленія“), которое прежде въ каждомъ дворѣ обязательно имѣлось и чтилось, но и теперь тщательно охраняется отъ нечистотъ. Съ этого мѣста до настоящаго времени вызываютъ умершихъ предковъ и обращаются къ нимъ съ своими просьбами.

Здѣсь невѣста также сначала кланяется въ землю, а потомъ обращается къ своимъ прадѣдамъ и прабабушкамъ:

Покштъ покштинень, бодинень!
Мода мазыть бабинеть!
Сыркъ мерезэ, бодинень,
Матрась, оймась киськиненкъ,
Кепсть мерезэ, бабинень,
Равужо човоля модыненкъ.
Покштъ, покштинень бодинень!
Мода мазыть бабинень!
Аволь шкастонкъ порастонкъ,
Мазы лемéнкъ ушодсынь,
Мода челькенкъ явавтсынь.
Аволь пси пачалксесъ
Бодинень, тердтя дызь,
Аволь писи ямнэсъ,
Бабинень, туйдядызь.
Кува, кува, тердтядызь.
Кува, кува, туйдядызь.
Тердевледезь покшъ кіява,
Покшъ кинь ламо якпзэ,
Ламо каршо понгизэ,
Ламо мельга сасызэ
Пелянъ, бодинень, пелянъ,
Пелянъ, бабинень, пелянъ,
Берянь ломань вастыде,
Берянь валонь тергиде
Тердевледезь, бодинень,
Туевледезь, бабинень,
Ошъ порядка юткова,
Московъ ультсянь кувалма,

Великіе дѣды мои, дѣдушки!
Красы земли мои, бабушки!
Да пошевелится, дѣдушки
Ваше осѣвшее, успокоившееся тѣльце.
Да приподнимется, бабушки,
Ваша чернобисерная землица.
Великіе дѣды мои, дѣдушки!
Красы земли, бабушки!
Я не въ пору, не во время
Ваши красивыя имена взываю
Вашу пыль земную стряхиваю,
Не на горячіе блины
Васъ, дѣдушки, призываю,
Не на горячія щи
Васъ, бабушки, привожу.
По какому же пути позову я васъ?
По какой дорогѣ приведу я васъ?
Привела бы по большой дорогѣ,
У большой дороги много проходящихъ,
Много на встрѣчу попадающихъ,
Много сзади догоняющихъ.
Боюсь, дѣдушки мои, боюсь,
Боюсь, бабушки мои, боюсь
Встрѣчи лихаго человѣка,
Дурнымъ словомъ обзывающаго.
Позвала бы васъ, дѣдушки,
Привела бы васъ, бабушки,
По городской улицѣ,
Вдоль Московской улицы —

---

[1]) Верхнее женское платье.

Ультсянь ламо неизэ,
Ультсянь ламо редизэ:
Пелянъ берянь сельмеде,
Пелянъ а паро вачтавксто.
Тердевледезь, бодинень,
Туевледезь, бабинень,
Ташто тайной кіява,
Ташто, кадонь кіява.
Пелянъ, бодинень, пелянъ,
Пелянъ, бабинень, пелянъ
Одранкъ, саванкъ сезневить,
Тарадъ прява кадновить.
Тердевледезь, бодинень,
Туевледезь, бабинень,
Мода алга кіява,
Масторъ алга кіява
Хоть мода алга кисть
Арась кіякъ якизэ,
Арась кіякъ пакизэ,
Ламо мода пульнезэ,
Ламо мода челькезэ.
Пелянъ, бодинень, пелянъ
Пелянъ, бабинень, пелянъ
Кисеянь одранкъ, саванкъ
Мода пульне сайсынзе,
Мода челькe муйсынзе.
Садыя, бодянъ, садыя
Садыя, бабанъ, садыя
Велень бодянь кснавъ рядга,
Туеде бодянъ туеде
Туеде, бабанъ, туеде
Кеверить кснавтъ сельведькеть.
Садыя, бодянъ, садыя,
Садыя, бабанъ, садыя,
Каль пулова кіява,
Пешксъ пулова кіява,
Туеде, бодянъ, туеде
Чулгонь пештькеть валнэде.
Васня ливанъ, курксъ саянъ
Эрьзянь вѣрань кулытнень,
Эрьзянь вѣрань ёмитнень,
Поптомо калмастнень,
Діаконтомо служастнень,
Тикше трукасо курястнень,
Сіянь крѣстомо ливтестнень.
Кува колданъ вальгеень?
Кува оргатянъ шуминень?
Мірской частой пирявтка,
Чувонь канава чирева,
Озивтлень килей юткова
Шачи сюро паксява,
Парсей ялавъ коренга,
Штатолксъ палы олгова,
Сырьне эрьге эзьнева,

У улицы много видящихъ,
У улицы много замѣчающихъ.
Боюсь дурнаго глаза,
Боюсь нехорошаго взгляда.
Позвала-бы васъ, дѣдушки,
Позвала-бы васъ, бабушки,
По старой, тайной дорогѣ,
По старой, заброшенной дорогѣ,
Боюсь, дѣды мои, боюсь
Боюсь, бабушки мои, боюсь,
Ваши одры, саваны издерутся,
На вершинахъ вѣтвей останутся.
Позвала-бы васъ, дѣдушки,
Позвала-бы васъ, бабушки,
По подземной дорогѣ,
По подземному пути,
Хотя у подземной дороги
Нѣтъ никого проходящихъ,
Нѣтъ никого шествующихъ,
Но много пыли земляной,
Много праху земляного.
Боюсь, дѣдушки мои, боюсь,
Боюсь, бабушки мои, боюсь,
Ваши кисейные одры, саваны
Пыль земляная покроетъ,
Прахъ земляной найдетъ.
Приходите, дѣды мои, приходите,
Приходите, бабушки мои, приходите,
По гороховому полю сельскихъ дѣдовъ.
Принесите, дѣды мои, принесите,
Принесите, бабушки мои, принесите,
Какъ горохъ катящіяся слезы.
Приходите, дѣды мои, приходите,
Приходите, бабушки, приходите,
По тальниковой дорогѣ,
По орѣшниковой дорогѣ,
Принесите, дѣды мои, принесите
Слова, какъ орѣхи, гладкія.
Сперва я почту, помяну
Въ мордовской вѣрѣ умершихъ,
Въ мордовской вѣрѣ пропавшихъ,
Безъ поповъ похороненныхъ,
Безъ діаконовъ отслуженныхъ,
Крошками сѣна окуренныхъ,
Безъ серебряныхъ крѣстовъ вынесенныхъ
Откуда я пошлю (къ нимъ) свой голосъ?
Откуда я пущу свой шумъ?
По мірскому частому забору,
Вдоль вырытой канавы,
Между посаженными березами,
По плодородному полю,
По шелковымъ кистямъ корней,
По свѣчкѣ горящей — соломѣ,
По золотой бусѣ — колѣнцамъ (соломы),

Сееде кудря колозга	По частымъ кудрямъ колоса,
Золотаксъ кольги зёрнава,	По золотомъ наливающемуся зерну.
Оште ливанъ, куркссъ саянъ	Еще я почту, помяну
Рузонь вѣрань кирдитнень,	Русскую вѣру держащихъ,
Попъ маро калмастнень,	Съ попами похороненныхъ,
Діяконъ маро служастнень,	Съ діяконами отслуженныхъ,
Ладомъ качамсо курястнень,	Дымомъ ладона окуренныхъ,
Кадиласо кадястнень,	Кадиломъ окажденныхъ.
Сіянь крёстъ маро ливтестнень.	Съ серебряными крестами вынесенныхъ.
Кува кучанъ вальгеень?	Откуда я пошлю голосъ свой?
Кува нолданъ шуминень?	Откуда я пущу шумокъ свой?
Тсерькувань крута уголга,	По крутымъ угламъ церкви,
Ниленькемень крёстъ алга,	Подъ сорока крестами,
Колонькемень пазъ алга.	Подъ тридцатью богами.
Вай, пувазо, пувазо	Пусть подуетъ, подуетъ
Сёксень кельме вармазо,	Осенній холодный вѣтеръ,
Вай кандозо, кандозо	Пусть снесётъ, снесётъ
Озась мода челькиненкъ,	Насѣвшую на васъ пыль земли,
Явшевестъ кото лазыненкъ,	Пусть раздвинутся ваши шесть досокъ,
Илиштявостъ одрыненкъ,	Развернутся ваши саваны,
Панжинкъ глухой вальминенкъ,	Вы откройте ваше глухое окошечко,
Кулсонинкъ тейтерь вальгеемъ,	Вы послушайте мой голосъ — дѣвичій.
Езда тун превезэнкъ	Если онъ по мысли вамъ придется,
А вальгейнень маштомо,	То голосу-бы моему не пропадать,
А валозне пупырдьме.	И въ словахъ-бы не заикаться.
	(собст. спотыкаться).

Отъ священнаго мѣста невѣста направляется къ дому. Къ этому времени обыкновенно начинаетъ заря заниматься; невѣста обращается къ зарѣ.

Зоря пувась толонзо,	Заря зажгла свой огонь,
Сялксь кувака чевензэ,	Засвѣтила длинную лучину,
Уськеть, уськеть сятконзо,	Проволокой падаютъ уголья ея,
Рисьметь, рисьметь куловзо,	Цѣпочкой падаетъ ея зола.
Масторонь келесъ валдозо,	По всей землѣ свѣтъ ея,
Менелень келесъ зэркезэ,	По всему небу звукъ ея,
Ансякъ монь диринь кардайсъ,	Только до двора моего роднаго
Зоря валдо эзь токакъ,	Свѣтъ зари не дошелъ,
Зорянь шумнэ эзь марявтъ:	Шума зари не слыхать:
Диринь тетянь кардайсэ	Во дворѣ батюшкиномъ
Монъ пайстомо ломанянъ	Я человѣкъ, богомъ оставленный
Пайстомо сэрень монъ лажанъ,	Безбожное тѣло оплакиваю,
Грѣшной сэрень коволянъ.	Грѣшное тѣло причитаю.

Потомъ обращается ко всѣмъ жителямъ своей деревни:

Велень бодятъ, бодинень,	Сельскіе дѣды, мои дѣдушки,
Велень бабатъ, бабинень,	Сельскія бабы, мои бабушки,
Велень алятъ, алинень,	Сельскіе мужи, мои дяденьки,
Велень урятъ, уринень,	Сельскія жены, мои сношеньки,
Кона можотъ такати	Кто изъ васъ можетъ быть угодитъ
Тантей паро удомсто;	Спящимъ сладкимъ сномъ,
Кона можотъ такати	Но кто можетъ быть угодитъ
Апакъ удокъ аштемстэ.	Безъ сна лежащимъ.
Кона токати аштемстэ,	Кто угодитъ не спящимъ,

Се марясазо монъ шумомъ,
Сэрь ёмамо вальгеемъ.
Кона некшнесь берянень,
Кона марсесь а паронъ,
Севате мери эрьгедезь:
Коля вардо Охима (имя невѣсты)
Чисъ сэрензэ коволи,
Чисъ сэрензэ ней лажи
Ки эзь некшнекъ берянень
Эзь марсекъ берянь валынень
Се мери монь жалязь:
Коля грѣшной Охима
Пайстомо сэрензэ лажи,
Грѣшной сэрензэ коволи.

Тотъ услышитъ мой шумъ,
Мой голосъ — ужасный.
Кто видѣлъ отъ меня худа,
Кто слышалъ отъ меня дурного,
Тотъ съ радостью скажетъ:
Чу, несносная Офимья
Заживо причитаетъ свое тѣло,
Заживо оплакиваетъ свой станъ.
Кто же не видалъ отъ меня худа,
Не слыхалъ дурнаго слова,
Тотъ, меня жалѣя, скажетъ:
Чу, грѣшная Офимья
Свое безбожное тѣло оплакиваетъ,
Свое грѣшное тѣло причитаетъ.

Потомъ входитъ въ сѣни. Въ сѣняхъ обращается къ богу дома съ такими же словами, какъ и къ „Кардо сярко" — къ богу двора. Изъ сѣней входитъ въ избу и, остановившись у порога, причитаетъ; семейные, услыхавъ причитанія дочери еще со двора, встаютъ всѣ, зажигаютъ огонь и, молча, сидятъ по разнымъ угламъ избы, только слышатся всхлипыванья кого нибудь изъ семейныхъ. Какъ бы съ охотою ни отдавали свою дочь замужъ, а въ подобныя минуты она бываетъ жалка родителямъ и роднымъ. Особенно когда она плачетъ передъ ними и въ причитаніяхъ произноситъ слова упреки, — нужно имѣть каменное сердце родителямъ и всѣмъ семейнымъ, чтобы при этомъ удержаться отъ слезъ. Невѣста какъ-бы все это не видитъ, не видитъ даже огня въ избѣ, а полагаетъ, что всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ и причитываетъ:

Охъ, тетякай диринемъ!
Охъ, авакай ванынемъ!
Мезень удозь саидизь,
Мезень оймазь муидизь,
Эли тынь пекъ кетсиде
Монь ёмамо чинезэнь.
О, тетякай диринемъ!
Удокъ ней тетякай удокъ,
Удокъ ней дирякай, удокъ:
Мелявтлить, тетяй, мелявтлить,
Ризнэкшнытъ, диряй, ризнэкшнытъ,
А ютыксъ пижеть а юты
А солыксъ киветь а солы;
Ней майшь, тетякай ризксэть,
Ней майшь, тетякай мелявксотъ
А ютыксъ пижеть — ютась,
А солыксъ киветь — солась:
Монъ ней, тетякай диринемъ,
Пижеде-якъ пекъ ютанъ,
Киведе-якъ пекъ соланъ.
Охъ, тетякай диринемъ,
Охъ, тетякай ванынемъ
Мейсъ безардить эстэдэнь?
Мейсъ ёмавтатъ монь эснэнь?
Эли кудотъ вишкиньгадсь?
Эли сюротъ тонть эзь шачтъ?

О, тятенька родимый!
О, маменька родимая!
Что за сонъ напалъ на васъ,
Что за покой нашелъ васъ,
Или вы очень обрадовались,
Что насталъ день моей погибели.
О, тятенька родимый!
Спи теперь, тятенька, спи;
Спи теперь, родимый, спи:
Тужилъ, тятенька, тужилъ,
Горевалъ, родимый, горевалъ,
Что твоя нерасходная мѣдь не расходуется,
Твой свинецъ не плавящійся не плавится.
Теперь кончилось, батюшка, твое горе,
Теперь кончилась, батюшка, твоя забота.
Нерасходная мѣдь — израсходована,
Неплавящійся свинецъ—расплавился.
Я теперь, батюшка родимый,
Сильнѣе мѣди расходуюсь
Сильнѣе свинца плавлюсь.
О, тятенька, родимый!
О, тятенька кормилецъ?
Чѣмъ я опротивѣла тебѣ?
Зачѣмъ ты губишь меня?
Или домъ твой уменьшился
Или хлѣбъ твой не уродился.

Потомъ обращается къ матери и причитываетъ:

Авай, авакай ванынемъ!
Авай, авакай диринемъ!
Маштокшнить, авай, маштокшныть,
Трямонъ, ванмонъ маштокшныть:
Кизэ чинень самосто
Шолке потсо трякшнымекъ;
Теле чинень самосто
Пухке потсо трякшнымекъ;
Монь трямостонъ, аванай
Эзить содакшно удомо,
Эзить содакшно аштеме...
Эзить маштъ, авакай, эзить маштъ
Ёмавтомонъ эзить маштъ.

О, мать моя, матушка родимая!
О, мать моя, матушка кормилица,
Умѣла ты, матушка, умѣла,
Вспоить, вскормить умѣла:
Съ наступленіемъ весеннихъ дней
Ты въ шелку меня водила;
Съ наступленіемъ зимнихъ дней
Ты въ пуху меня водила,
Во время моего воспитанія
Не знавала ты и сна,
Не знавала ты и покоя...
Не съумѣла ты, матушка, не съумѣла,
Не съумѣла ты, какъ погубить меня.

Въ Нижегородской губерніи невѣста, войдя въ избу, послѣ причитаній на дворѣ, будитъ своихъ родныхъ такъ:

Систякая, стякая,
Дининь, ванынь тетинемъ,
Систякая, стякая,
Дининь, ванынь авинемъ,
Меень удозь муидизь
Меень васьказь саидизь
Монь а удомнэ мукшнымемъ,
А васькамнэ сайкшнымемъ,
Пси пачалго алксынемъ,
Дикой кевге прялксынемъ,
Татаронь палаксъ велькcынемъ;
А ульнинь тейтерь васькится,
Тейтерь эйдь ульнинь оймптся:
Ульнесь тисовой краватемъ,
Атсазь пуховой тёшакомъ,
Ладянь паршовой тодовомъ,
Вельтянь заячой тулупомъ,
Стявтонь ашо шарчавомъ.

Вставайка, вставайка,
Родимый кормилецъ мой, батюшка,
Вставайка, вставайка,
Родимая кормилица моя, матушка,
Что за сонъ напалъ на васъ!
Что за нѣга взяла васъ!
Меня и сонъ не находилъ,
Меня и нѣга не брала:
Горячая сковорода постель моя,
Дикій камень изголовье мое,
Татарская крапива одѣяло мое.
А была дѣвушка нѣжная,
Была дѣвица спокойная:
Была у меня тесовая кровать,
Постлана пуховая перина,
Положена парчевая подушка,
Покрытый заячій тулупъ,
Поставленъ бѣлый шатеръ.

Вечернія причитанія невѣсты.

Послѣ полуночнаго причитанія невѣста начинаетъ причитывать по вечерамъ, передъ закатомъ солнца.

На причитанія собираются дѣвушки со всего села, такъ что домъ невѣсты во время причитаній бываетъ полонъ дѣвушками всѣхъ возрастовъ; взрослыхъ мужчинъ на вечернихъ причитаніяхъ не бываетъ, кромѣ своихъ семейныхъ, которые, однако, также стараются уйти куда-нибудь. Всѣ гости во время причитаній молча стоятъ кругомъ невѣсты и внимательно слушаютъ. Невѣста причитываетъ сидя на подушкѣ, на передней лавкѣ; въ рукахъ держитъ чистый платокъ, которымъ постоянно утираетъ слезы. Въ прежнія времена, когда въ памяти народа хранилось больше причитаній, невѣсты причитывали до 15 вечеровъ и болѣе. Нынѣ число причитаній сильно уменьшилось и ограничивается 2—4 вечерами.

Первый вечеръ.

Мень седей кирдезь саимемъ!
Мень седей оймазь муимемъ!
Кевксъ кеведнясь седеемъ,
Повксъ поводнясть сельведень.
Эли монъ пекъ эрьгединь,—
Лужадузанъ,—урексъ чисъ,
Эли монъ пекъ кетсинь,—
Лондадузанъ,—вардоксъ чисъ.
Моньдень икеле урексъ чи.
Эрьгедезэ—кетсязо,
Моньдень икеле вардоксъ чи
Радуваиь седсэ аштезэ.
Промодо ялгаиъ промодо,

Промодо оянъ промодо,

Сэрь лажамо тарказонъ,
Сэрь вальмамо тарказонъ;
Умокъ марясынь, ялгинень,
Мазы тсиповкатъ вальгеенкъ,
(или Московъ баяга вальгеенкъ)'
Умокъ марясынь, ялгинень,
Сахъянской котанкъ чикордыть
Пуховой тсюлканкъ каштордыть.
Лисиксселень каршозонкъ,
Лисиксселень вастомонкъ,
Диринь тетямъ икельганъ
Таргась тарганъ перестолъ,
Удалганъ пирясь кшнинь пирявтъ.

Вить пелезэнь сонъ ноддась
Келейстэ чуди чуди ведь;
Керчь пелезэнь сонъ вачкась—
Сэрейстэ палы—палы толъ.
Ютыксселень столесть троксъ,
Пелинь тетянь мельнеде
Норовъ [1]) авань кежнеде.
Ютыксселень пирявтость троксъ—
Кедень вентинь эзть сатотъ,
Пильгень чалгинь эзть пекстакъ.
Печкиксселень, ялгинень
Се чуди ведесть троксъ,
Пельтія монъ, ялгинень,—
Бояръ аваксъ чимъ начки.
Ютыксселень, ялгинень,
Се палы—толсть велькска—
Пельтія монъ, ялгинень,—
Бояръ аваксъ гимъ куртава.
Эрь эзинь лисевть каршозонкъ,
Эрь эзинь лисевть вастомонкъ:

Первый вечеръ.

Что-за терпѣніе взяло меня!
Что-за спокойствіе нашло меня!
Камнемъ окаменѣло сердце мое,
Какъ пуговки застыли слезы мои.
Или такъ сильно я обрадовалась,—
Провалиться бы мнѣ,—жизни замужней,
Или такъ сильно я обрадовалась,—
Пропасть-бы мнѣ,—жизни супружеской,
Пусть супружество прежде меня
Радуется, веселится;
Пусть ранѣе меня замужество
Съ радостнымъ сердцемъ пребываетъ.
Собирайтесь, мои подруженьки, собирайтесь;
Собирайтесь, мои голубушки, собирайтесь,
На оплакиваніе моего тѣла,
На причитаніе моего стана.
Давно я слышу, подруженьки,
Ваши пріятные бубенчики, голоса
(или Ваши московскіе колокола, голоса)
Давно я слышу, подруженьки,
Скрипъ вашихъ котовъ сафьяновыхъ,
Шурчаніе вашихъ чулковъ пуховыхъ.
Хотѣла я выйдти на встрѣчу вамъ,
Хотѣла я выйдти встрѣчать васъ.
Но родимый мой батюшка предо мной
Поставилъ столъ, накрытый престолъ;
За мной поставилъ онъ желѣзный заборъ
По правую сторону онъ пустилъ
Широко текущую—текучую воду;
По лѣвую сторону онъ развелъ
Высоко пылающій—горящій огонь.
Хотѣла я перейти черезъ столъ:
Побоялась—воли—батюшки
Гнѣва—матери „Норова" [1]);
Хотѣла я пройти черезъ заборъ:
Протянула руку—не достала,
Наступила ногой—не утвердилась;
Хотѣла перейти, подруженьки,
Черезъ ту воду текучую—
Побоялась, подруженьки,
Что дѣвичество мое замокнетъ;
Хотѣла я перейти, подруженьки,
Черезъ тотъ—горящій огонь,
Побоялась я, подруженьки,
Что дѣвичество мое спалится.
Такъ не могла я выйти на встрѣчу вамъ,
Не могла выйти встрѣтить васъ,

[1]) «Норовъ ава» или «Норовъ пазъ»=богиня плодородія.

Илядоя осудя,
Илядоя пенятся.
Аштеде ялганъ евтлиса,
Кода манявинь урексъ чисъ,
Кода манявинь вардоксъ чисъ:
Теде веде удылень,
Вере вере утомсо
Вере утомонь тсюлансо
Тсюланъ мазы вальмало
Вальмань сэреэ алксомоль
Лавеянь сэрсэ прялксомоль.
Пелеведе икеле,
Атякшъ морамода мейле,
Сайтетсь лембе велькесэмъ,
Калгодксомсь чевте алксомъ,
Алкиньгадсь сэрей прялксомъ,
Штатотсь тантей удомомъ.
Чикоръ мерькшнесь, ялгинень,
Диринь тетянь ортазо,
Лавузьнякшность, ялгинень,
Диринь тетянь кисканзо.
Вачтынь вальма чирева—
Урексъ чи сась вальмаловъ
Диринь тетянь тускесэ:
Ве кедсэнзэ сахъянской котатъ,
Омботсесэ—пуховой тсюлкатъ.
Маньчесь, маньчесь монь эснэ,
Эзинь манявтъ монъ тензэ:
Диринь тетянь вiйсэнзэ
Эзинь пиштлекъ котадо,
А пуховой тсюлкадо.
Мейле сакшнось, ялгинень,
Ванынь авань тускесэ;
Стамедъ кесакъ кедсэнзэ.
Манчесь, манчесь сенъ эснэ,
Эзинь манявтъ монъ тензэ:
Ванынь авань вiйнесэ
Эзинь пишлекъ суреде.
Оштё сакшнось, ялгинень,
Вечкима лельнь тускесэ,
Мазыть семеричкатъ кедсэнзэ,
Сувтемъ ленгень картъ кедсэнзэ.
Манчесь, манчесь сынстѣ эснэ,
Эзинь манявтъ сонензэ.
Вейкине лелянь вiйнесэ
Эзинь пишлекъ семерикте;—
Сувтемъ ленгень карнеде.
Мейле сакшнось, ялгинень;
Вечкима ялгань тускесэ.
Мазы алнэ кедеэнзэ
Тровитсянь каштазъ прясонзо:
„А ялгинемъ а, Охимъ!

Не осудите же вы меня
И не пеняйте вы на меня
Постойте, подруженьки, разскажу,
Какъ обманулась я въ замужество,
Какъ обманулась я въ супружество.
Въ эту ночь я спала
Въ самомъ верхнемъ амбарѣ,
Въ чуланѣ верхняго амбара,
Подъ краснымъ окномъ чулана.
Въ вышину окна была постель моя,
Въ вышину полокъ было изголовье мое.
Немного ранѣе полуночи,
Послѣ пѣнія пѣтуховъ,
Снялось мое теплое одѣяло,
Сдѣлалась жесткою моя мягкая постель,
Понизилось мое высокое изголовье,
Отлетѣлъ мой сладкій сонъ.
Проскрипѣли, подруженьки,
Ворота роднаго батюшки,
Залаяли, подруженьки,
Собаки роднаго батюшки;
Взглянула я въ край окна:
Подъ окно пришло замужество,
Въ лицѣ родимаго батюшки,
Въ одной рукѣ сафьяновые башмаки;
Въ другой—пуховые чулки.
Прельщало, прельщало меня
Не прельстилась ими я:
При родимомъ батюшкѣ
Не нуждалась я ни въ башмакахъ,
Ни въ пуховыхъ чулкахъ.
Потомъ приходило, подруженьки,
Въ лицѣ родимой матушки,
Шелковый мотокъ въ рукахъ.
Прельщало, прельщало имъ
Не прельстилась я имъ:
При родимой матушкѣ
Не нуждалась я въ ниткахъ.
Еще приходило, подруженьки,
Въ лицѣ братца любимаго:
Въ рукахъ красивые семерички 1)—
Въ рукахъ рѣшетолычные лапти.
Прельщало, прельщало ими
Не прельстилась ими:
При любимомъ братцѣ
Не нуждалась я въ семеричкахъ—,
Въ рѣшетолычныхъ лаптяхъ.
Потомъ приходило, подруженьки,
Въ лицѣ любимой моей подруги:
Красивое яичко въ рукахъ,
Троицынъ вѣнокъ на головѣ.
„О, подруженька, Офимія! (имя невѣсты)

1) Лапти изъ семи лыкъ.

А, оннемъ, а Охимъ!
Диринь тетянь вальмало
Шачозь мазы поляна,
Ниже лугань поляна,
Ниле рядсо тикшезэ,
Ниле рядсо лукшозо.
Васенсе рядъ тикшезэ
Пильге лапава—ташто гавданзо;
Омботсе рядъ тикшезэ
Карькссъ тапардамга—
Тантей тсяпоръ тикшезэ,
Колмотсе рядъ тикшезэ
Кумажава—керясь тикшезэ
Нилется рядъ тикшезэ
Карксамова—горни повъ тсетсязо.
Се поляпасть кунчкасо
Віевъ кужо налки
Се полянасть кунчкасо
Віевъ кужо чары.
Весе ялгатъ киштить, морыть,
Весе оятъ пеедить—шутить,
Ансякъ тонъ, ялгай, арасятъ,
Ансякъ тонъ, оямъ, арасятъ".
Содасынкъ, ялгинень,
Кужо вечки ульнекшнынь,
Ялга вечки ульнекшнынь.
Истя манявинь урексъ чисъ
Истя манявинь вардоксъ чисъ.

О, голубушка, Офимія!
Подъ окномъ твоего батюшки
Образовалась красивая поляна,
Изъ зеленаго луга поляна.
Въ четыре ряда трава ея,
Въ четыре ряда зелень ея.
Первый рядъ травы,
Въ высоту ступни—отава ея;
Второй рядъ травы,
По обору лаптей,
Душистая трава богородская,
Третій рядъ травы,
По колѣни—пырей трава;
Четвертый рядъ травы,
По поясъ—цвѣты-колокольчики;
Посреди этой поляны
Большой хороводъ играетъ,
Посреди этой поляны
Большой хороводъ кружится.
Всѣ подруги твои пляшутъ—поютъ,
Всѣ подруги твои шутятъ—смѣются,
Только тебя, подруженька, нѣтъ,
Только тебя, голубушка, нѣтъ".
Вы знаете, подруженьки,
Какъ я любила хороводъ,
Какъ я любила подругъ.
Такъ обманулась я въ замужество,
Такъ обманулась я въ супружество.

Провожая подругъ, невѣста причитываетъ:

Адядо, ялгинень, адядо
Килей пулова якамо.
Тарадто тарадсъ кунтсеме,
Лопадо лопасъ чалксеме.

Пойдемте, подруженьки, пойдемте
По березовой рощицѣ гулять,
Съ вѣтки за вѣтку хватать,
Съ листка на листокъ наступать.

У воротъ причитываетъ:

Сакшнодо ялганъ сакшнодо
Сакшнодо, оянъ, сакшнодо
Сэрь лажамо тарказонъ.
Сэрь вальмамо тарказонъ
Илядо безардтъ эстэдень.
Илимизь кадъ тынь скушнасъ,
Илимизь кадъ тынь тошнасъ
Илядо пель, ялгинень,
Диринь тетянь мельнеде,
Илядо пель, оннень,
Ванынь авань мельнеде,
Илядо пель, ялгинень,
Перекладонь сивмеде,
Илядо пель, ялгинень,
Ало мостонь меньмеде.

Приходите мои, подруженьки, приходите,
Приходите мои, голубушки, приходите,
На оплакиваніе моего тѣла,
На причитанія моего тѣла.
Не гнушайтесь вы мною,
Не оставляйте меня въ скукѣ,
Не покидайте меня въ тоскѣ.
Вы не бойтесь, подруженьки,
Гнѣва батюшки родимаго,
Вы не бойтесь, подруженьки,
Гнѣва матушки родимой,
Вы не бойтесь, подруженьки,
Что сломаются перекладины,
Вы не бойтесь, подруженьки,
Что провалятся полы.

Второй вечеръ.

Во второй вечеръ невѣста начинаетъ причитывать такъ же, какъ и въ первый: «мень седей кирдезьсаимемъ» и пр. Потомъ обращается къ подругамъ, которые въ этотъ день помогали ей въ приготовленіи даровъ, проситъ оставить работу и благодаритъ ихъ за помощь.

1. А, ялгинень, оинень,
Кадынка, ялганъ, кадынкъ,
А теевикстъ монь тевень,
А прядовикстъ монь тевень;
5. Стякіякъ ведь, ялгинень,
Чи печтиде іешка,
Шка печтиде кавтошка,
8. Вай пасиба тенкъ пасиба.

1. О, подруженьки, голубушки,
Оставьте вы, подруженьки, оставьте,
Мои неисполнимыя дѣла,
Мои нескончаемыя дѣла,
5. И такъ вѣдь, подруженьки,
Вы день провели съ годъ,
Вы время провели съ двухъ годовъ,
8. О, спасибо вамъ, спасибо.

Потомъ обращается ко всѣмъ собравшимся подругамъ и причитываетъ:

Промодо, ялганъ, промодо и т. д. какъ въ первый вечеръ.
10. Лисикскелень каршозонкъ,
Лисикскелень вастамонкъ,
Тейтерьксъ чимъ маронъ арасель,
Мазы чимъ маронъ арасель.
Даринь тетямъ сайнизе
15. Покшъ базарга якамо,
Базарной одрань рамамо.
Весе рамамотъ рамавкшность
Весе сайматъ саевкшнэсть,
Меельтсь рамамо сынь рамасть
20. Базаръ мазы кинигатъ.
Столень келесэ келестъ,
Столень сэрсэ сынетъ эчкестъ.
Диринь тетянъ, ялгинень,
Икельганъ таргась таргань столь,
25. Удалганъ ладясь сіянь стулъ.
Васень листке кепединь,
Васень листке монъ штавтынь.
Ловнынь, ловнынь эснэзэ
Тсётынь, тсётынь эснэзэ.
30. Сесэвесе сёрмадозь,
Кудо потсо семіясь.
Арась аньсякъ, ялгинень,
Монь пайстомо леминемъ

Омботсе листке кепединь,
35. Ловнынь, ловнынь эснэзэ
Тсётынь, тсётынь эснэзэ—
Весе роднять сёрмадозь,
Весе раскеть сёрмадозь.
Сесэ—якъ арась сёрмадозь,
40. Монь пайстомо леминемъ.

Собирайтесь, подруженьки, собирайтесь и т. д.
10. Хотѣла выйти на встрѣчу вамъ,
Хотѣла я встрѣтить васъ,
Не было со мной моего дѣвичества,
Не было со мной моей красоты.
Бралъ его родимый батюшка
15. По большому базару ходить,
Базарные саваны [1]) покупать.
Всѣ покупки были закуплены,
Все нужное было взято,
Послѣднюю покупку они купили
20. Красоту базара книгу.
Въ ширину стола—ширина ея,
Въ вышину стола—толщина ея.
Родимый мой батюшка, подруженьки,
Передо мной поставилъ накрытый столъ,
25. За мной поставилъ серебряный стулъ.
Первый листокъ я подняла,
Первый листокъ я открыла;
Читала, читала я его,
Свѣряла, свѣряла я его:
30. Тутъ всѣ записаны
Нашего дома семейные,
Только нѣтъ тутъ, подруженьки,
Моего имени безбожнаго (оставленнаго богомъ).
Второй листокъ я подняла.
35. Читала, читала я его,
Свѣряла, свѣряла я его—
Записаны всѣ родственники,
Записаны всѣ близкіе,
И тутъ не записано
40. Мое безбожное имя.

---

[1]) Наряды невѣстѣ.

Колмотсе листке кепединь—
Ловнынь, ловнынь эснензэ,
Тсётынь, тсётынь эснэнзэ,
Весе сесэ сёрмадозь
Одтъ тсёратне-ялгатне.
Нилетсе листке кепединь—
Весе сесэ сермадозь
Бояръ аватъ ялгатне
Сесе якъ арась сермадозь
Монь кайстомо леминемъ.
Вететсе листке кепединь—
Весе уреть сёрмадозь,—
Эрь сесэня, ялгинень,
Моньґакъ лемемъ сёрмадозь.
Якинь-пакинь, ялгинень,
Диринь тетянь кардазга;
Лисинь-совинь, оинень,

Ванынь тетянь кардазга.
Кардазонть вить пелензэ
Шачовь мазы поляна;
Се полянанть кунчкасо
Ашо мазы килея,
Кавтовъ аштить пирянзо.
Ве пирясонтъ калинатъ светить,
Омботсесэнть малинатъ палыть.
Се килейсть ало, ялгинень,
Монь тентерьксъ чимъ озадо,
Котови таргазь палясо,
Кумажасъ путозь рутсясо,
Коморо тсетсятъ кедсэнзэ,
Трувитсянь каптазъ прясонзо.
Авардезь ашти курґозо,
Сюмордезь ашти курґозо.

Третій листокъ я подняла,
Читала, читала его,
Свѣряла, свѣряла его.
Тутъ всѣ записаны
Молодые парни—товарищи.
Четвертый листокъ я подняла,
Тутъ всѣ записаны
Боярышни—мои подруги,
И тутъ не записано
Мое безбожное имя.
Пятый листокъ я подняла,
Тутъ всѣ замужнія записаны.
Вотъ тутъ-то, мои подруженьки,
И мое имя записано.
Ходила я, гуляла, подруженьки,
По двору родимаго батюшки,
Ходила я гуляла, голубушки (соб. я вышла-вошла),
По двору кормильца батюшки.
На правой сторонѣ двора
Уродилась красивая поляна.
На срединѣ этой поляны
Бѣлая красивая береза,
Раздвоена ея вершина.
Въ одной половинѣ—калина цвѣтетъ,
Въ другой—малина горитъ.
Подъ этой березой, подруженьки,
Мое дѣвичество сидитъ.
Въ шесть рядовъ въ вышитой рубашкѣ,
До колѣнъ украшенной въ „рутсѣ“,
Въ рукахъ ея—горсть цвѣтовъ,
На головѣ ея троицынъ вѣнокъ.
Лицо ея плачущее
Лицо ея рыдающее.

По окончаніи этого невѣста встаетъ съ своего мѣста и съ причитаніями подходитъ къ любимой подругѣ, кладетъ ей на плечо руку и проситъ помочь ей причитывать. И начинаютъ въ два голоса причитывать—высказывать, какъ онѣ вмѣстѣ жили и веселились, а теперь должны разстаться. Вставая съ мѣста, невѣста причитываетъ:

Аштеде молянъ, ялгинень,
Килей пулова якамо,
Кона, килейеть ялгинень
Тарадонзо сееднеть,
Лопинензэ пижинеть,
Се килейстень поводянъ,
Се килейстень нежедянъ.

Подождите пойду, подруженьки,
По березовой рощѣ ходить,
У которой березы, подруженьки,
Вѣтви почаще,
Листочки позеленѣе,
Къ той березѣ я повисну,
Къ той березѣ я прислонюсь.

(При этомъ кладетъ руку на плечо подруги и продолжаетъ причитывать):

Вечниминекъ, ялгинемъ,
Кельдиминемъ, оныемъ,
Поладыка вайгелемъ,
Ледстлить-ка-якъ, ялгинемъ,
А муевиксъ валынень;

О, любимая моя, подруженька,
О, милая, моя голубушка,
Поддержи-ка ты мой голосъ,
Напомни-ка мнѣ, подруженька,
Слова, мною забытыя.

Марясакъ чей, ялгинемъ,	Слышишь чай, подруженька,
Вельть пекъ ёмсети,	Какъ сильно умъ мой теряется,
87. Вельть пекъ превень машлетить.	87. Какъ сильно мысли мои кончаются.

Послѣ этихъ словъ начинаетъ и подруга причитывать (смотри ниже), а невѣста продолжаетъ:

Седӗ икеле эрямсто	Въ прежнюю нашу жизнь,
Вельть ладнойстэ эрсинекъ,—	Очень дружно мы съ тобой жили,
90. Ве кужосо налксильнекъ,	90. Въ одномъ хороводѣ играли,
Ве моросо морсильнекъ,	Одну пѣсню пѣвали,
Ве превнесэ артсильнекъ,	Одной думой думали,
Ве валнэсэ кортыльнекъ,	Однимъ словомъ разговаривали,
94. Ве таркасо утсильнекъ.	На одной постели спали и т. п.

Въ отвѣтъ на это подруга причитываетъ.

95. Кода полатса, ялгинемъ!	95. Какъ я поддержу, подруженька,
Московъ баяга вайгелеть.	Московскій колоколъ твой голосъ,
Кода ледстя сынь, ѳинемъ,	Какъ напомню я, голубушка,
А муевикстъ валынеть,	Тебѣ неизвѣстныя слова,
А маштанъ, ялгай, а маштанъ,	Не умѣю, подруженька, не умѣю,
100. Тонть валтееть поладмо.	100. Твой голосъ поддержать,
Тонть валынеть ледстямо.	Твои слова напоминать.
Умокъ маряса, ялгинемъ,	Давно слышу, подруженька,
Вельть пекъ ёнотъ ёмсети	Какъ умъ твой теряется,
Вельть пекъ праветь машлетить	Какъ мысли твои кончаются,
105. Кенавксъ кеверить сельведеть	105. Какъ горохъ катятся слезы твои,
Молевелень вакссозотъ	Подошла-бы я къ тебѣ,
Вай а смѣянъ, а смѣянъ,	Но не смѣю я, не смѣю,
Тонть ваксозотъ мольмедень:	Подойти къ тебѣ (не смѣю).
Ней а кармать, ялгинемъ,	Теперь не станешь ты, подруженька,
110. Минекъ марто якамо,	110. Вмѣстѣ съ нами ходить,
Ве кужосо налксеме,	Въ одномъ хороводѣ играть,
112. Ве моросо морамо.	112. Одну пѣсню (съ нами) пѣть и т. п.

По окончаніи этого начинаетъ провожать своихъ подругъ,—направляется къ двери и причитываетъ:

Аштеде, ялганъ, аштеде,	Подождите, подруженьки, подождите,
Илядо листь икелевъ	Не выходите раньше меня.
115. Аштеде, оянъ, аштеде,	115. Подождите, подруженьки, подождите,
Віедть кедень рикстедянъ,	Размахнусь я правой рукой,
Сіянь кеоркехнь рикстедянъ	Сброшу я серебрянный браслетъ,
Сэдянъ тынекъ сіянь сэдь.	Вымощу вамъ серебрянный мостъ.
Керчъ кедень монъ рикстедянъ,	Размахнусь я лѣвой рукой,
120. Сырнень сурксонъ рикстедянъ,	120. Сброшу я золотое кольцо,—
Таргаиъ сырненъ балясатъ.	Вытяну золотыя перила.
Аштеде, ялганъ, аштеде,	Подождите, подруженьки, подождите.
Сія ютанъ монъ васня,	Тутъ я пройду сначала.—
Талертъ, талертъ монь карень,	У меня какъ «талеры» [1]) лапти,
125. Талертъ сёрматъ монь слѣдэнь;	125 Письмена талеровъ—слѣды мои;
Талеръ каремъ чалгаса,	Талеръ—лаптемъ наступлю,

[1]) Серебряная монета—талеръ.

Талеръ печать монъ теянъ,
Талеръ слѣдстень чалгадо,
Балясатнэнень кундадо.

Талеровую печать сдѣлаю.
Въ слѣдъ талера наступайте,
За перила держитесь.

У воротъ причитываетъ:

Сакшнодо, ялганъ, сакшнодо,
Илимичь кадъ монь скушнасъ
Илимизь кадъ монь тошнасъ;
Содасынкъ ведь, ялгинень,
Пижедеякъ пекъ ютанъ,
Киведе якъ пекъ соланъ.

Приходите, подруженьки, приходите,
Не оставляйте меня въ скукѣ,
Не оставляйте меня въ тоскѣ;
Знаете, вѣдь, подруженьки,
Сильнѣе мѣди я расходуюсь,
Сильнѣе свинца я плавлюсь.

М. Е. Евсевьевъ,

Учитель начальной при Казанской Учительской Семинаріи Мордовской школы.

Примѣчаніе. «Прилагаемая свадьба записана въ селѣ Кормалахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи; за тѣмъ провѣрена въ селѣ Атратѣ Алатырскаго уѣзда той же губерніи, при чемъ обряды и пѣсни оказались тождественными. Варіанты записаны въ с. Великій Оврагъ Лукоянскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Лѣтъ десять назадъ Евсевьевъ явился 15 лѣтнимъ юношею въ Семинарію изъ захолустья Симбирской губерніи, почти незная вовсе по русски. Выдающіяся способности дали ему возможности скоро занять первое мѣсто въ классѣ. По окончаніи курса Евсевьевъ былъ назначенъ учителемъ въ училищѣ при Семинаріи. Во время своего ученичества и до настоящаго времени Евсевьевъ—по педагогическимъ идеямъ Н. И. Ильминскаго—не прерывалъ своихъ связей съ деревней и каждую вакацію уѣзжалъ въ свою деревню и тамъ работалъ наравнѣ съ своими родными, работалъ не только по необходимости, но и по сердечной любви къ сельской жизни: за долго до вакаціи Евсевьевъ начинаетъ мечтать какъ онъ будетъ косить траву, возить снопы и проч. Происхожденіе и дальнѣйшая жизнь поставили Евсевьева такимъ образомъ въ возможность близко знать мордовскій бытъ. Когда возникла потребность въ изданіи религіозныхъ и богослужебныхъ книгъ на мордовскомъ языкѣ, Евсевьевъ нѣсколько разъ посылался въ различныя мордовскія мѣстности для ознакомленія съ разнорѣчіями языка. Нынѣшнее лѣто Евсевьевъ командируется для ознакомленія съ Мордвой въ Харьковскомъ Учебномъ Округѣ и, разумѣется, привезетъ оттуда не мало интересныхъ вещей [1])». (Изъ письма пр. Б—ва, которому Ж. Ст. обязана этимъ сообщеніемъ).

---

[1]) Редакція очень благодарна почтенному М. Е. Евсевьеву за его любопытную статью и усерднѣйше проситъ его о дальнѣйшихъ обѣщанныхъ сообщеніяхъ Живой Старинѣ, о продолженіи свадьбы мордовской, о мордовскомъ погребеніи, о свадьбѣ чувашской. Такими изученіями и трудами образованные наши инородцы приносятъ честь и пользу своей народности, вносятъ цѣнные вклады въ русскую литературу, науку, образованность. О важномъ значеніи начала разнообразія въ просвѣщеніи редакторъ Ж. С. еще недавно имѣлъ случай высказаться въ ст. своей (Три міра въ апр. кн. Слав. Обозр. 1892). При этомъ нельзя не помянуть съ глубокимъ почтеніемъ и благодарностью замѣчательные труды и заслуги покойнаго Н. И. Ильминскаго. Его здравые, просвѣщенные взгляды на образованіе инородцевъ, на наши отношенія къ нимъ должны бы быть усвоены не одною нашею школьною, но и всею русскою администраціею.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

О типѣ Ильи Муромца.

«Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса» профессора Вс. Ѳ. Миллера». (М. 1892).

„Экскурсы" профессора Миллера принадлежатъ къ числу тѣхъ трудовъ, которые могутъ быть всякимъ прочитаны съ удовольствіемъ и пользою, благодаря свѣжести своего научнаго матеріала и новизнѣ выводовъ. Главная часть ихъ посвящена былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ, и мы считаемъ неизлишнимъ познакомить читателей съ тѣмъ, что въ нихъ говорится о типѣ Ильи, и кстати представить свои замѣчанія.

Профессоръ Миллеръ ставитъ рядъ вопросовъ объ историческомъ генезисѣ типа Ильи. Каковъ, спрашиваетъ онъ, былъ основной, первичный типъ Ильи? Какъ примирить крестьянское происхожденіе Ильи съ тѣмъ, что въ былинахъ онъ не является крестьяниномъ, а исключительно казакомъ? Дѣйствительно-ли Илья—Муромецъ? Имѣлъ-ли типъ Ильи какую-нибудь историческую подкладку? Не есть ли этотъ типъ—русская перелицовка типа иранскаго Рустема?

I. „Илья, такъ отвѣчаетъ авторъ на первый вопросъ, не могъ быть искони крестьянскимъ сыномъ изъ села Карачарова, а былъ личностью гораздо болѣе значительною по своему общественному положенію. Можно сколько угодно любоваться исключительно принадлежащимъ русскому эпосу типомъ богатыря-крестьянина, стоятеля за интересы народа, нерѣдко въ оппозиціи съ княжескою властію, но трудно доказать, что Илья съ самаго начала былъ идеальнымъ представителемъ крестьянства" (стр. 176).

Древнѣйшія упоминанія объ Ильѣ, такъ доказываетъ свое мнѣніе нашъ ученый, находящіяся въ германской поэмѣ Ортнитъ, начала XIII вѣка, и въ норвежской Тидрекъ-сагѣ, половины XIII вѣка, говорятъ о немъ то какъ о дядѣ короля Ортнита, то какъ о незаконномъ (отъ наложницы) сынѣ короля Гертнита и братѣ короля Владимира; слѣдовательно, „до нѣмецкихъ сказителей дошли слухи о національномъ русскомъ богатырѣ, какъ о личности близкой къ Владимиру по происхожденію, хотя и уступавшей ему по роду матери. И этотъ русскій богатырь-дружинникъ (ярлъ) уже былъ такъ громко извѣстенъ въ русскихъ сказаніяхъ XIII вѣка, что имя его проникло изъ Руси далеко на западъ и сѣверъ" (стр. 178).

Итакъ, профессоръ Миллеръ прежде всего опирается на свидѣтельства германской поэмы и норвежской саги. Дѣйствительно, въ сагѣ называются Русь, Новгородъ (Holmgard), Полоцкъ (Palteskia), король Владимиръ; но и сага, и поэма говорятъ также, при томъ много, о Греціи и о томъ, что не имѣетъ къ Руси ни малѣйшаго отношенія. Герой, котораго проф. Миллеръ отожествляетъ съ нашимъ Ильею, носитъ имя въ поэмѣ—Ilias von Riuzen, въ сагѣ—Ilias af Greka, имя, которое, конечно, близко по звукамъ къ имени нашего богатыря, но отнюдь съ нимъ нетожественно. Это нѣмецкое Ilias XIII вѣка не можетъ быть передачею русскаго Илья; его конечное s,

отсутствующее въ русскомъ имени, не могло явиться на нѣмецкой почвѣ; оно указываетъ на греческій оригиналъ: Ἡλίας. Послѣднее заставляетъ насъ признать, что въ германской поэмѣ и находящейся съ нею въ тѣсной связи норвежской сагѣ мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ, а съ греческимъ именемъ, съ однимъ изъ отзвуковъ не древнерусскихъ былинъ, а какихъ-то византійскихъ сказаній, что Ilias въ сагѣ не даромъ называется af Greka, „греческимъ“, что на основаніи данныхъ объ Ilias'ѣ нельзя дѣлать никакихъ заключеній относительно типа Ильи Муромца.

Въ самыхъ былинахъ, продолжаетъ свои доказательства проф. Миллеръ, можно найти указанія на то, что Илья только впослѣдствіи омужичился, когда нашъ эпосъ перешелъ въ крестьянскую среду. „Придавъ ему крестьянское происхожденіе, сѣверно-русскіе сказители не создали ни одной былины, гдѣ бы Илья являлся настоящимъ крестьяниномъ съ сохой, какъ другой представитель крестьянства—Микула Селяниновичъ. Всѣ свои подвиги онъ совершаетъ какъ богатырь-дружинникъ на службѣ Владимира, либо какъ вольный старый казакъ. На сколько механически крестьянство приклеено къ старому казаку, видно, напримѣръ, изъ такихъ былинъ, гдѣ Илья уже сейчасъ по исцѣленіи и выѣздѣ изъ родительскаго дома успѣваетъ преобразиться въ стараго казака, или изъ такихъ, гдѣ онъ прямо называется старымъ казакомъ города Мурома, села Карачаева, какъ-будто существовали какіе-то муромскіе казаки“ (стр. 179).

Здѣсь проф. Миллеръ главнымъ образомъ ссылается на постоянный эпитетъ Ильи въ былинахъ—„старый казакъ“. Дѣйствительно, этотъ эпитетъ придается ему въ былинахъ, записанныхъ въ разное время въ разныхъ мѣстахъ, что̀ свидѣтельствуетъ объ его древности. Но какъ понимать этотъ эпитетъ? Если бы слово казакъ въ былинахъ употреблялось въ его современномъ значеніи, какъ полагаетъ проф. Миллеръ, то безъ сомнѣнія, оно примѣнялось бы въ нихъ не къ одному Ильѣ, а и къ его молодымъ товарищамъ по стоянію на заставѣ—къ Добрынѣ, Алешѣ: они были бы тоже казаки; между тѣмъ они казаками никогда не называются. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ понимать слово казакъ не въ современномъ его значеніи, а въ старомъ великорусскомъ [1]). Наши предки, съ XIV по XVII вѣкъ, называли казакомъ работника, батрака, по преимуществу сельскаго [2]). И такъ, эпитетъ „старый казакъ“ вполнѣ подтверждаетъ указаніе былинъ на крестьянское происхожденіе нашего богатыря.

„Наконецъ, читаемъ мы далѣе у проф. Миллера, быть можетъ, слѣды древняго, не простонароднаго происхожденія Ильи сохранились въ извѣстныхъ трехъ былинахъ Ефименка, которыя постоянно сопровождаютъ имя Ильи титуломъ „осударь нашъ“ и въ одной былинѣ Рыбникова, гдѣ Илья не называется крестьянскимъ сыномъ, хотя и живетъ въ Муромѣ, и, собираясь ѣхать въ Кіевъ-градъ,

Приходилъ на свой широкій дворъ,
Говорилъ-то своимъ слугамъ вѣрнымъ:
Сѣдлайте-ко, уздайте добра коня, и проч.

Изслѣдователи нашего эпоса такъ много говорили о наслоеніяхъ въ былинахъ, о перенесеніи подробностей изъ однихъ былинъ въ другія, что мы не видимъ возможности придавать какое-либо значеніе приведеннымъ у проф. Миллера даннымъ. Можемъ замѣтить, что названіе государемъ, сударемъ почтенныхъ лицъ крестьянскаго происхожденія—вещь вполнѣ обычная въ народныхъ пѣсняхъ (въ свадебныхъ, въ причитаніяхъ).

---

1) Старшій изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ, гдѣ употреблено это слово,—разъѣзжая Кириллова Бѣлоозерскаго монастыря 1395 года (Акты Калачова, I, 244). О великорусскомъ значеніи его смотри, между прочимъ, у Чечулина, Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ, стр. 46. Оно сохраняется до нынѣ въ Вологодской губ.

2) О значеніи татарскаго оригинала нашего казакъ можно судить по современному значенію джагатайскаго kazak: Wegelagerer, Landstreicher, Abenteurer, Kosak, leicht bewaffneter Soldat (Miklosich, Die turkischen Elemente, I, 94), и по значенію половецкаго cosac: vigil, excubiae (Kuun, Codex Cumanicus, 118).

II. Достоуважаемый ученый держится того мнѣнія, что древній Илья—южно-русскій богатырь, что прозваніе Муромецъ и сѣверно-русское мѣстное прикрѣпленіе Ильи—факты его позднѣйшей эпической исторіи, что названіе Муромецъ—не что иное, какъ позднее осмысленіе ничего не говорящей сѣверной Руси старой формы прозвища Ильи, которая дошла до насъ въ нѣсколькихъ варіантахъ (стр. 182). Въ доказательство проф. Миллеръ ссылается на упоминаніе Чернигова въ значительномъ числѣ былинъ о первой поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ, какъ на дату для прикрѣпленія Ильи къ сѣверской (черниговской) Руси, и на странность пути, черезъ Черниговъ, которымъ ѣдетъ Илья изъ Мурома въ Кіевъ.

Мы не видимъ возможности придавать какое-либо значеніе старымъ (южно-русскимъ по преимуществу) прозваніямъ Ильи: Муровецъ, Моровецъ, такъ какъ на югѣ Руси (гдѣ нѣсколько мѣстныхъ названій звучали: Моровскъ, Муровецъ, Муравскій шляхъ) сѣверный городъ Муромъ былъ называемъ: Муровъ [1]), и сѣверное прозваніе Муромецъ легко могло превратиться въ Муровецъ, Моровецъ, подобно тому, какъ въ средней Руси (гдѣ было общеизвѣстно мѣстное названіе Муромъ) южно-русскій городъ Моровскъ или Моровескъ былъ именуемъ Муромескъ [2]), а южно-русскій Муравскій шляхъ—Муромскій [3]).

Иное дѣло путь Ильи. Богатырь ѣдетъ изъ Мурома къ Кіеву черезъ „лѣса Брынскіе" и черезъ Черниговъ, минуетъ рѣку Смородину или Самородину. Названіе лѣсовъ „Брынскіе" находится въ нѣсколькихъ въ разныхъ мѣстахъ записанныхъ пересказахъ былины (между прочимъ у Гильфердинга № 56). Если бы этотъ путь Ильи представлялъ что-нибудь странное, если бы Илья дѣйствительно дѣлалъ значительный крюкъ, то, конечно, можно бы усомниться въ правильности названія города отправленія: дорога къ матери городовъ русскихъ, какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ нашъ ученый, къ кіевскимъ святынямъ, столь много посѣщаемымъ населеніемъ всѣхъ концовъ Руси, должна была быть также хорошо извѣстна всюду на Руси въ средніе вѣка, какъ и въ наше время (стр. 185). Но стоитъ намъ взглянуть на карту Россіи, чтобы убѣдиться, что путь Ильи могъ быть „дорогою прямоѣзжею" изъ Мурома въ Кіевъ, т. е. не окольною, обычною въ древнее время. Онъ идетъ отъ Мурома вдоль Оки до впаденія въ нее Угры, затѣмъ вдоль Угры, затѣмъ повертываетъ на югъ черезъ Брынскіе (по рѣчкѣ Брыни, въ нынѣшней Калужской губерніи) лѣса, на Брянскъ или Карачевъ, къ Чернигову; по выходѣ изъ Брынскихъ лѣсовъ онъ встрѣчается съ нынѣшнею рѣчкою Смородинною (близъ Карачева, въ сѣверной части Орловской губерніи [4]). Но стоитъ намъ взглянуть въ лѣтописи, чтобы увидѣть, что въ древности ѣздили изъ средней Руси въ Кіевъ и обратно приблизительно тѣмъ путемъ, какимъ ѣдетъ Илья. Кіевская лѣтопись по Ипатскому списку подъ 1152 годомъ разсказываетъ о походѣ на Кіевъ Юрія Суздальскаго съ муромо-рязанскими князьями. Они пошли сначала „на Вятичи", т. е. на западъ, затѣмъ „поминули" (т. е. оставили въ сторонѣ) смоленскую волость и поворотили на югъ, наконецъ прошли черезъ Мценскъ и Глуховъ къ Чернигову. Новгородская лѣтопись (первая) подъ 1331 годомъ говоритъ о пути архіепископа Василія изъ Владимира Волынскаго въ Новгородъ. Василій ѣхалъ черезъ Черниговъ, Брянскъ, Торжокъ.

Эта естественность рисуемаго былиною пути изъ Мурома въ Кіевъ, вмѣстѣ съ несомнѣнною древностью его топографическихъ названій (особенно „Брынскіе" лѣса),

---

[1]) См. нашу замѣтку въ Этнографич. Обозрѣніи 1890 года № 3.

[2]) Въ Книгѣ Большаго Чертежа 1626 года (по печатному изданію): «Отъ Чернигова внизъ по Деснѣ 60 верстъ градъ Муромескъ» (стр. 86).

[3]) Между прочимъ, въ «росписи», изданной въ «Лѣтописи зан. Археограф. Ком.», I, 64—65.

[4]) Илья ѣдетъ еще черезъ «грязи», которыя въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины называются «смоленскими». Средняя Русь нѣкогда была хорошо знакома съ «смоленскими грязями»: единственный водный путь (а древняя Русь, даже въ XVII вѣкѣ, предпочитала водные пути сухимъ) изъ Муромской области въ Кіевъ шелъ по Окѣ, Угрѣ, затѣмъ волокомъ по этимъ «смоленскимъ грязямъ» къ Днѣпру.

не позволяетъ намъ сомнѣваться въ томъ, что уже древніе пересказы былины говорили о Муромѣ, какъ пунктѣ отправленія Ильи, а не о Моровскѣ или Моровейскѣ. Послѣдній, какъ видно изъ лѣтописей и изъ приведенной выше цитаты изъ Книги Большаго Чертежа, находился между Черниговомъ и Кіевомъ, на пути изъ Чернигова въ Кіевъ, во всякомъ случаѣ очень недалеко отъ Кіева [1]), и чтобы попасть изъ него въ Кіевъ черезъ лѣса Брынскіе и Черниговъ, да еще черезъ рѣчку Смородину, нужно бы сдѣлать не большой, а огромный и ничѣмъ не вызванный крюкъ.

Проф. Миллеръ признаетъ Илью уроженцемъ черниговскаго княжества. Это не подлежитъ сомнѣнію: Муромъ, вмѣстѣ съ Рязанью, въ теченіе всего до-монгольскаго періода или принадлежалъ къ волости черниговскаго князя, или управлялся младшими родственниками черниговскихъ князей. Впрочемъ былины объ Ильѣ на это нигдѣ не намекаютъ, такъ какъ эпитеты Чернигова, въ нихъ находящіеся: „славный" (чаще), „стольный" (рѣже), на которые ссылается проф. Миллеръ, не могутъ считаться несомнѣнно древними, да сверхъ того, эпитетъ „славный" придается въ былинахъ почти что всякому изъ упоминаемыхъ ими городовъ.

III. „Былъ ли Илья Муромецъ лицомъ историческимъ?" спрашиваетъ далѣе нашъ ученый и затѣмъ отвѣчаетъ: „что ничего историческаго искони не было въ Ильѣ, что все историческое было имъ пріобрѣтено лишь впослѣдствіи, какъ позднѣйшая окраска,—видно изъ того, что и его эпическій предшественникъ, также какъ и онъ, вышелъ изъ области фантазіи, но не успѣлъ прикрѣпиться къ кіевскому циклу. Мы говоримъ о Святогорѣ" (стр. 193). „Если Илья уже по происхожденію своей силы отъ великана искони не имѣлъ никакого отношенія къ русской исторіи и даже русской почвѣ, то, во-первыхъ, становится возможнымъ предположеніе, что его первоначальный типъ не былъ самостоятельнымъ продуктомъ русскаго народнаго творчества, а лишь впослѣдствіи обнародился; во-вторыхъ, что этотъ богатырскій типъ вошелъ позже нѣкоторыхъ другихъ богатырей въ эпическій южно-русскій циклъ, напримѣръ, позже Добрыни Никитича" (стр. 194). „Типъ Ильи Муромца и основныя сказанія о немъ искони не имѣли ничего историческаго и пріобрѣли историческую окраску въ теченіе времени" (стр. 197).

Намъ кажется, проф. Миллеръ даетъ слишкомъ мало посылокъ и слишкомъ много заключеній. Былины объ отношеніяхъ Ильи къ Святогору, на которыя на одни онъ опирается, не связаны органически съ другими былинами объ Ильѣ и ничего не объясняютъ намъ въ послѣднихъ; почему не можетъ быть, что въ нихъ имя Ильи лишь недавно не замѣнило какого-нибудь другаго богатырскаго имени? Сверхъ того, даже эти былины по степени фантастичности ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ эпическихъ пѣсенъ о Маркѣ Кралевичѣ, побратимѣ вилы, владѣльцѣ крылатаго коня, о Милошѣ Обиличѣ, котораго „кобыла родила", вообще отъ эпическихъ пѣсенъ о личностяхъ несомнѣнно историческихъ.

По нашему убѣжденію, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, чтобы лицо съ именемъ Ильи Муромца никогда не существовало. Это могъ быть герой „чистаго поля" въ древнемъ смыслѣ этого слова, воинъ, стоявшій на „заставѣ" передъ степью [2]), производившій разъѣзды по степи и бившійся съ одиночными „нахвальщиками" Тюрками и съ мелкими грабительскими партіями Тюрковъ. Подвиги Ильи, слишкомъ маловажные для того, чтобы имъ попасть въ лѣтопись [3]), были воспѣты восхищеннымъ ими народомъ, при чемъ къ нимъ, какъ это бываетъ зачастую, были

[1]) Былина нигдѣ не говоритъ о длинѣ пути Ильи, но все таки даетъ ясно понять, что онъ былъ дальній и трудный, что совершить его въ короткій срокъ могъ только великій богатырь.

[2]) О «заставахъ» въ южной Руси мы знаемъ отъ Брунона, современника св. Владиміра; сходныя заставы въ древности должны были существовать и въ муромо-рязанской землѣ, также граничившей со степью.

[3]) Если бы какая-либо лѣтопись въ Муромѣ или Рязани въ до-монгольское время или даже послѣ велась.

съ теченіемъ времени присоединены еще такіе, которые въ разное время, раньше и позже, приписывались другимъ богатырямъ, съ другими именами, и которымъ даже подобныхъ Илья никогда не совершалъ. Однимъ и вмѣстѣ основнымъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые могли принадлежать историческому Ильѣ, должно было быть побіеніе имъ на поединкѣ какого-то страшнаго степнаго врага.

IV. Главная мысль проф. Миллера, проходящая чрезъ всѣ «Экскурсы»,—мысль о вліяніи вообще на русскій былинный эпосъ иранскаго эпоса и въ частности — на былины объ Ильѣ пѣсенъ о Рустемѣ. Почтенный ученый „предполагаетъ", что „личность Рустема значительно повліяла на образованіе эпическаго типа Ильи" (стр. 55), иначе—что Илья—русская перелицовка Рустема, и перечисляетъ десять подробностей общихъ обоимъ типамъ, не оставляющихъ, на его взглядъ, сомнѣнія въ томъ, что сходство между ними значительно. Но намъ кажется, сходныя подробности—или слѣдствіе одного общаго свойства Ильи и Рустема—того, что они первые изъ богатырей, или совсѣмъ ничтожны и случайны. Профессоръ Миллеръ указываетъ какъ на общее Ильѣ и Рустему—на маханіе въ битвѣ Туркомъ или Татариномъ (стр. 72). Конечно, маханіе героя въ битвѣ однимъ изъ враговъ вмѣсто дѣйствованія оружіемъ теперь кажется намъ страннымъ, но въ древности въ рукопашной свалкѣ едва ли оно иногда не бывало въ ходу, такъ что передъ нами, быть можетъ, фактъ не изъ иранской или древне-русской, а изъ обще-человѣческой дѣйствительности сѣдой старины. Мы можемъ съ нимъ сопоставить маханіе былиннаго героя, вмѣсто оружія,—осью телѣжною, тоже странное, но несомнѣнно основанное на дѣйствительныхъ фактахъ. Вотъ что мы читаемъ въ документѣ 1655 года: „(Русскіе) государскимъ счастіемъ Татаръ побили многое множество, а побивали все такъ: изъ саней вывертывали оглобли и Татаръ все оглоблями били" [1]) Проф. Миллеръ указываетъ еще на общее Ильѣ и Рустему, что они „оба отличаются продолжительностью жизни и совершають подвиги уже въ преклонномъ возрастѣ". Но представленіе и Ильи и Рустема стариками, по нашему мнѣнію,—необходимый выводъ изъ связанныхъ съ ихъ именами пѣсенъ объ боѣ съ сыномъ. Если ихъ сыновья представлялись въ пѣсняхъ такими богатырями, съ которыми приходилось считаться, то они сами должны были представляться не иначе какъ стариками.

Затѣмъ нашъ ученый сопоставляетъ подвиги Ильи и Рустема и находитъ между ними чрезвычайно много сходнаго. Къ сожалѣнію, мы здѣсь не можемъ слѣдовать за нимъ въ частностяхъ (которымъ впрочемъ онъ самъ не придаетъ большаго значенія) и должны остановиться лишь на главномъ подвигѣ—на боѣ богатырей съ своими сыновьями. Мы признаемъ большое сходство подвига Ильи съ подвигомъ Рустема, но также признаемъ не малое сходство подвига Рустема съ подвигами нѣмецкаго Гильдебранда и кельтскаго Клизамора. Если проф. Миллеръ не находитъ возможности видѣть въ Гильдебрандѣ и Клизаморѣ „перелицовки" Рустема,—почему онъ считаетъ себя въ правѣ видѣть въ Ильѣ „перелицовку" Рустема? Почему онъ думаетъ, что у Нѣмцевъ и Кельтовъ могло быть свое, независимое отъ иранскаго, но къ нему близкое сказаніе о боѣ богатыря съ сыномъ, а у Славянъ не могло?

А. Соболевскій.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ первый. А—Втас. Спб. 1891.

«Настоящее изданіе имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный и дѣловой языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова.... Назначеніе словаря быть истолкователемъ живаго языка не исключаетъ изъ него такихъ словъ, которыя хотя и вышли изъ

[1]) *Акты Археогр. Эксп.*, IV, стр. 128.

употребленія, но встрѣчаются въ сочиненіяхъ, относящихся къ обнимаемому словаремъ періоду».

Такъ опредѣляетъ Академія Наукъ объемъ новаго словаря. Сколько мы понимаемъ это опредѣленіе (изложенное, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно), Академія желала бы дать словарь современнаго литературнаго и дѣловаго языка не простой, а историческій, въ которомъ современный словарный матеріалъ былъ бы прослѣженъ по произведеніямъ писателей и ученыхъ XVIII и XIX вѣковъ, начиная съ Ломоносова.

Обратимся къ самому словарю. Достаточно развернуть его, чтобы увидѣть, что передъ нами отнюдь не историческій словарь: скудость примѣровъ изъ сочиненій и переводовъ XVIII и первой четверти XIX вѣковъ (особенно прозаическихъ) столь велика, что прямо бросается въ глаза [1]), да и примѣры изъ сочиненій новѣйшаго времени на столько малочисленны, что читатель не можетъ прослѣдить даже новѣйшей исторіи ни одного русскаго слова. Итакъ, передъ нами простой словарь русскаго языка нашихъ дней, но съ значительною примѣсью словъ, не находящихся теперь въ общемъ употребленіи. Тутъ мы находимъ и бабичій, и басалыкъ, и башловка, и безвытный, и борла, и вабій, и вапленіе, и виталище, [2]) и многія другія подобныя слова, которыя отмѣчены какъ старинныя и принадлежность которыхъ новому литературному языку подлежитъ сомнѣнію; во всякомъ случаѣ со стороны Академіи она не доказана какими бы то ни было цитатами. Тутъ намъ встрѣчаются и слова поэтическія, изъ произведеній Ломоносова, Державина, Гнѣдича, въ родѣ быстропарный, веселонравный, веселорѣзвый, ветхострунный, волоокая, воспящать, и слова обычныя въ сравнительно недавніе годы, встрѣчающіяся въ произведеніяхъ, напримѣръ, Пушкина, но теперь уже исчезнувшіе изъ языка, въ родѣ альмавива, боливаръ, васисдасъ [3]), и слова принадлежащія разнымъ русскимъ говорамъ, которыя чужды нашему литературному языку (принадлежность ихъ ему со стороны Академіи ничѣмъ не доказана), въ родѣ аба, абаза, бакулить, балахна, балобой, басаринка, бахта, безпека, белегъ, бережничать, берея, бирчить, боговщина, бодяжничать, буище, бѣшава, вачега, взводень, видкій, влега, воловикъ, всподымя, всторобаниться, и наконецъ, слова какъ будто нигдѣ, ни въ какихъ говорахъ русскаго языка не существующія (хотя нѣкоторыя и находятся у Даля), въ родѣ безковарство, блазниться, блудоносный, быстротокъ, вертепистый, вздорливость, вконка [4])....

Рядомъ съ этою примѣсью словарь имѣетъ еще другую, тоже значительную. Это—слова не русскія, русскому языку не принадлежащія и никогда не принадлежавшія. Мы, какъ извѣстно, нерѣдко вставляемъ въ русскую рѣчь иностранныя слова и пишемъ ихъ русскими буквами; послѣднее обстоятельство, конечно, не дѣлаетъ ихъ русскими. Академія Наукъ воздержалась отъ введенія въ словарь однихъ изъ нихъ (въ немъ нѣтъ: бонжуръ, атташе, бонвиванъ, бильеду, аливруверъ, аляфушеръ, бёфъ бризе, супъ бискъ, архонтъ басилевсъ, буле, вигъ, ассагай), но за то ввела многія другія, въ родѣ абулія, агіасма, адинамія, адюльтеръ, акосмизмъ, актинометрія, альтиметрія, амфиболія, асимптота, адажіо, ажуръ, алагрекъ, алиби, аллегретто, альпари, альфреско, андантe, анимозо, арпеджіо, бандо, безе, бидэ, биль-

[1]) Мы не замѣтили примѣровъ даже изъ прозаическихъ переводовъ Карамзина и Жуковскаго.

[2]) Между прочимъ, въ словарѣ приведено слово видокъ съ ссылкою на извѣстное посланіе о земномъ раѣ, причемъ авторъ этого памятника названъ архіепископомъ Васіаномъ.

[3]) Отмѣтимъ еще слово барыша. Оно найдено Академіею у Аблесимова и вставлено въ словарь, не смотря на то, что значеніе его Академіи не удалось опредѣлить (однако она нашла возможнымъ поставить въ немъ удареніе!)

[4]) Словарь приводитъ выраженіе: ванны песчаныя. Едва ли оно существуетъ (мы знаемъ лишь ванны песочныя).

бокэ, бланманже, бонмо, буриме, вето, альдерманъ, альгвазилъ, арбалетъ, бакшишъ, баллиста, беглербей, берсеркъ, вали, веттуринъ.

Изъ нихъ часть можетъ быть склоняема по-русски, но часть употребляется нами въ своей иностранной формѣ, даже безъ русскихъ окончаній.

Словарь снабженъ объясненіями. Одни содержатъ въ себѣ толкованіе словъ; другія посвящены этимологіи словъ, указанію ихъ иностранныхъ предковъ и т. п.

Первыя вообще удовлетворительны. Мы не останавливаемся на мелочахъ (въ родѣ археологъ—занимающійся изслѣдованіемъ монументальныхъ древностей) и ограничиваемся болѣе крупнымъ. Азбуковникъ—не сборникъ словъ съ толкованіями и не толковый словарь, какъ говоритъ Академія, а сборникъ разнообразныхъ статей (между прочимъ по грамматикѣ и исторіи); бусы-корабли—не бусые, т. е. темные голубосѣрые корабли, а корабли особаго типа (буса, женск. р.,—одно изъ обычныхъ словъ стараго русскаго языка XIV—XVII вв.; смотри Срезневскаго, Матеріалы для словаря); возникъ (въ старомъ языкѣ)—не возчикъ (и не ломовая лошадь, какъ у Даля), а экипажная, въ частности каретная лошадь (повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ и др.); березозолъ (березозоль, стоящее въ словарѣ, едва ли когда нибудь существовало)—древнее названіе не марта и апрѣля, а одного апрѣля (смотр. Срезневскаго); благодарствовать никогда не значитъ: оказывать добро, благотворить (былинное благодарствуешь=спасибо); бобылка—не жена бобыля, а баба живущая одиноко; вербнякъ—не вербовая роща, а кусты вербы (въ большемъ или меньшемъ количествѣ); возлизастый голубь—не имѣющій бѣлыя или черныя пятна по обѣимъ сторонамъ лба, а имѣющій на краяхъ сѣрыхъ крыльевъ большее, чѣмъ обыкновенно, количество бѣлыхъ перьевъ. Значеніе нѣкоторыхъ областныхъ словъ, данное Академіей (по Далю), возбуждаетъ большія сомнѣнія; такъ, бабица едва ли гдѣ нибудь въ Россіи значитъ или значило: бабьё, а воеводша—сборъ въ пользу воеводы.

Что до вторыхъ, то между ними не мало сомнительныхъ и недостаточно обоснованныхъ. Мы не останавливаемся на тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ академическомъ «Русскомъ Правописаніи» (ветчина—корень вяд, вишь изъ видишь, бишь изъ баешь, безмѣнъ отъ батманъ и т. п.). Передъ нами слово вязига. Оно является въ словарѣ въ видѣ *в*и*з*ига, съ *и*, на основаніи польск. wyz бѣлуга и родственныхъ ино-славянскихъ словъ. Но польск. wyz имѣетъ *ы* въ корнѣ и потому родство его съ вязига подлежитъ величайшему сомнѣнію; сверхъ того, если на основаніи пол. wyz исправлять правописаніе нашего слова, надо писать послѣднее *вы*зига; *и* въ в*и*зига, на нашъ взглядъ, не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ [1]). Въ словѣ берлога, по словарю, его вторая часть лога—одного корня съ глаголомъ лежать. Въ этомъ вполнѣ позволительно сомнѣваться въ виду польск. berło. Слово бляха, польск. blacha, по словарю, восходитъ къ франц. plaque. По нашему мнѣнію, скорѣе къ нѣм. blech. Слово векша, по словарю, происходитъ отъ персидскаго вешак. Мы думаемъ, что это издревле русское названіе сѣвернаго животнаго не можетъ быть заимствованнымъ съ востока и что заимствованнымъ должно быть персидское слово (если эти слова необходимо ставить между собою въ связь). Особенно сомнительны тѣ объясненія Академіи, гдѣ она приводитъ данныя церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Такъ, мы читаемъ: баринъ, ц.-сл. бояринъ. Церковно-славянскій языкъ не имѣлъ этого слова (въ немъ бо*л*яринъ). Или: беззаконный, ц.-сл.,—языческій. Церковно-славянскій языкъ не имѣлъ для этого слова приведеннаго значенія. Или: вдова—отъ ц.-сл. прилагательнаго вьдовъ.

---

[1]) Если бы Академія въ своихъ этимологическихъ изысканіяхъ обращала сколько нибудь вниманія на произношеніе интересующихъ ее словъ въ разныхъ русскихъ говорахъ, она, конечно, не упустила бы случая отмѣтить, что вязига во всѣхъ говорахъ, сохраняющихъ древніе гласные, звучитъ съ *я*, ветчина—съ *е*, что рядомъ съ бишь слышится и б*е*шь.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ не было такого прилагательнаго. Или: векша, ц.-сл. вѣкша. Церковно-славянскій языкъ не зналъ этого слова, а если бы зналъ, оно бы въ немъ звучало вѣкѫша. Или: внезапу—отъ ц.-сл. запу, вин. пад. отъ запа ожиданіе, подозрѣніе. Въ церковно-славянскихъ памятникахъ не встрѣчается слова запа (форма вин. ед. котораго была бы, конечно, запѫ), а извѣстно лишь слово запъ, мужеск. рода,—подозрѣніе, съ которымъ наше внезапу едва ли можетъ быть родственно, такъ какъ оно пишется въ древнихъ текстахъ не только вънезапѫ, но и вънезаапѫ, вънезаяпѫ (см. Срезневскаго, Матеріалы).

Академія Наукъ нашла нужнымъ дать грамматическое опредѣленіе приводимымъ въ словарѣ словамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ кое-что очень сомнительное, иногда старое, иногда новое. Между прочимъ бывало («бывало, онъ еще въ постелѣ»)[1], по мнѣнію Академіи,—нарѣчіе, бы («не тебѣ бы говорить»)—союзъ, вольно («вольно ему было не беречься»)—глаголъ, видно («онъ, видно, не пріѣдетъ»)—нарѣчіе, бацъ, бухъ, бултыхъ («бацъ его по головѣ»)—глагольныя частицы, вслѣдъ («ударамъ вслѣдъ звучатъ удары»), вслѣдствіе («вслѣдствіе неосторожности онъ занемогъ»), впереди («впереди войска»), вопреки («вопреки законамъ»)—предлоги, *вз*, *воз*—тоже предлоги, въ догонку, въ началѣ, во вѣки, во истину, волею, въ перевалку, въ перемежку, въ правду, въ прахъ и др.—нарѣчія.

О степени полноты словаря мы пока можемъ сказать только то, что бросающихся въ глаза пробѣловъ изъ современнаго нашего литературнаго языка въ немъ не видно (мы отмѣтили лишь отсутствіе слова велегорка—пшеница).

А. С—скій.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1892 годъ. Изданіе Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Выпускъ второй. Воронежъ, 1892.

«Памятныя книжки», издаваемыя разными статистическими комитетами, обыкновенно такъ скудны интереснымъ въ какомъ-нибудь отношеніи матерьяломъ, что настоящая «книжка» можетъ быть признана счастливымъ исключеніемъ. Обнародованныя въ ней разнообразныя данныя представляютъ много любопытнаго, особенно «списки населенныхъ мѣстъ», заключающіе въ себѣ указанія не только на число дворовъ, жителей, церквей, не только на количество общественной земли, но также—что у насъ въ подобныхъ трудахъ рѣдкость—на «народность населенія». Помѣщенный въ ней затѣмъ „Очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украино-русскимъ нарѣчіемъ“ г. Дикарева тоже былъ бы любопытенъ, если бы авторъ постарался подробнѣе описать и характеризировать говоръ воронежскаго мѣщанства и его отношенія къ языку образованнаго общества съ одной стороны и къ ближайшимъ народнымъ говорамъ съ другой (онъ, какъ почти всѣ мѣщанскіе говоры большихъ городовъ,—смѣшанный) и не пускался бы въ длинныя статистическія исчисленія звуковъ сомнительной цѣнности. Дѣло въ томъ, что г. Дикаревъ не потрудился сказать, какъ произносится въ воронежскомъ говорѣ буква *г*, какъ лат. g, или какъ лат. h, есть ли въ немъ *в* вмѣсто *у* и на оборотъ и т. п., каковы въ немъ особенности формъ склоненія и спряженія, а взамѣнъ этого въ „статистикѣ вокализма“ опредѣлилъ, сколь часто употребляются тотъ или другой звуки въ разныхъ говорахъ и языкахъ (между прочимъ сколь часто слышатся въ болгарскомъ языкѣ звукъ *и*, звукъ *е*, звукъ *ѣ*, звукъ *в*, звукъ ж и т. д...). Впрочемъ недостатки статьи г. Дикарева до извѣстной степени выкупаются довольно большимъ сборникомъ воронежскихъ, великорусскихъ и малорусскихъ пословицъ, поговорокъ и т. п., записанныхъ имъ недурно, но съ излишнею графическою тонкостью (милы*йу* вмѣсто милы*ю*, або*йэ* вмѣсто або*е*, в*йэ*лись вмѣсто в*е*лись) и едва ли особенно точно. Такъ,

---

[1]) Этотъ и слѣдующіе примѣры—изъ числа приведенныхъ Академіею.

мы сомнѣваемся, чтобы въ Воронежѣ говорили: абабрали јиво́, съ ј; а *в*кусахъ ни спорють, пидьдисятъ карманав́ъ, съ *в*; аба*жд*жѣсься, съ *жд*ж.

Сверхъ того, въ настоящей книжкѣ изданы описаніе малорусской свадьбы и нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ изъ Острогожскаго уѣзда.

А. С—скій.

Харьковскій Сборникъ. Подъ редакціей члена-секретаря В. И. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю" на 1891 годъ. Выпускъ 5-й. Харьковъ, 1891.

Здѣсь мы находимъ, кромѣ матеріаловъ для біографій Н. И. Костомарова (г. Руссова) и архіепископа Филарета (харьковскаго), еще слѣдующія статьи:

„Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлгородской епархіи (1721—1799 гг.)", г. Демидова;

„Дневникъ путешествія по Слободско-Украинской губерніи академика Гильденштедта, въ 1774 г.", въ переводѣ съ нѣмецкаго;

„Современное состояніе вопроса о происхожденіи слободско-украинской степи", г. Краснова.

Въ концѣ Сборника помѣщено „извѣщеніе", что 12 членовъ Харьковскаго Губ. Статистическаго Комитета задумали составить описаніе Харьковской губ. въ естественно- и культурно-историческомъ отношеніяхъ, на основаніи какъ пособій, такъ и новыхъ данныхъ. Послѣднія имѣютъ быть собраны отчасти самими членами посредствомъ ученыхъ экскурсій по губерніи, отчасти мѣстными знатоками при помощи програмъ по этнографіи, быту, исторической географіи съ археологіей и языку. Программы напечатаны при „извѣщеніи".

А. С—скій.

Календарь Вятской губерніи на 1892 годъ. Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Вятка, 1891.

„Календарь" на 1892 годъ содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія статьи:

„Объ историко-этнографическомъ изученіи вятскаго края", проф. И. Н. Смирнова. Въ ней авторъ излагаетъ програму занятій для мѣстныхъ археологовъ и этнографовъ и рекомендуетъ имъ 1) собирать и изучать мѣстныя названія (рѣкъ, горъ и т. п.) и 2) изслѣдовать процессъ обрусѣнія инородцевъ и взаимныя отношенія этихъ послѣднихъ и ихъ русскихъ сосѣдей. Програма И. Н. Смирнова, по которой можно собрать цѣнныя данныя, годится для изслѣдователей не одного вятскаго края, а также и другихъ инородческихъ мѣстностей европейской Россіи, а отчасти и Сибири;

„Загадки Слободскаго уѣзда Вятской губерніи", записанныя съ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора (889 №№);

„Матеріалы для объяснительнаго областнаго словаря вятскаго говора" (съ замѣткою о звуковыхъ особенностяхъ этого говора), г. Васнецова.

Сверхъ того, въ этой книгѣ „Календаря" помѣщено окончаніе указателя статей „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", начатое въ предъидущей книгѣ.

А. С—скій.

Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. T. XIII.

Въ прошломъ № «Ж. Ст.», давая отчетъ о книгѣ, заглавіе которой выписано здѣсь, мы отложили до слѣдующихъ №№ отчетъ о самой главной статьѣ отдѣла: «Этнографическихъ матеріаловъ». Это «этнографическій очеркъ» теперь уже покойнаго проф. д-ра И. Коперницкаго «O góralach Ruskich w Galicyi», составленный на основаніи наблюденій, произведенныхъ во время путешествія автора по Карпатамъ въ концѣ лѣта 1888 г.

Отправляясь въ свою поѣздку, Коперницкій имѣлъ въ виду «лично познакомиться съ отдѣльными родами русскихъ горцевъ на мѣстѣ и собрать возможный запасъ матеріаловъ для ихъ характеристики физической и этнографической». Съ этою цѣлью авторъ рѣшилъ въ продолженіи 4—5 бывшихъ въ его распоряженіи недѣль посѣтить главнѣйшія мѣста осѣдлости русскихъ горцевъ между Попрадомъ и Черемошемъ, т. е. въ предѣлахъ племенъ Лемковъ, Бойковъ, Тухольцевъ и Гуцуловъ. Въ важнѣйшихъ селеніяхъ онъ оставался по 1—3 дня, подгоняя время такъ, что эти дни остановокъ приходились въ воскресенье, какой-нибудь праздничный или базарный день, что́ давало ему возможность видѣть больше народу и прислушаться къ говору людей, какъ мѣстныхъ, такъ и изъ сосѣднихъ селеній.

Для легчайшаго ознакомленія съ народомъ Коперницкій прибѣгалъ къ такимъ средствамъ. Прежде всего, перебираясь изъ одного мѣста въ другое, онъ ѣхалъ не ближайшей дорогой, а черезъ наиболѣе людныя деревни, за тѣмъ съ телѣгою для своихъ переѣздовъ возницу выбиралъ непремѣнно русскаго, притомъ мѣстнаго уроженца, хорошо во всѣхъ отношеніяхъ знакомаго съ окрестностями. По дорогѣ онъ распрашивалъ возницу о мѣстности, по которой они проѣзжали, о жителяхъ, ихъ хозяйствѣ, нарядахъ и т. д., и при этомъ внимательно прислушивался ко всѣмъ особенностямъ его говора. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ считалъ своею обязанностью въ каждомъ селеніи зайти подъ какимъ нибудь предлогомъ, по крайней мѣрѣ, въ двѣ хаты, принадлежащія, по видимому, хозяевамъ, одна средняго достатка и одна наиболѣе зажиточному. Конфетка, данная ребенку, или папироса, предложенная хозяину, располагали въ его пользу владѣльцевъ, и ему охотно показывали хозяйство и давали различныя объясненія.

Большое содѣйствіе оказывали изслѣдователю русскія духовныя лица, принимавшія его радушно и собиравшія къ себѣ въ домъ мѣстныхъ жителей для его антропометрическихъ изслѣдованій, водившія его по хатамъ селенія и объяснявшія ему особенности и отличія въ одеждахъ даннаго селенія отъ сосѣднихъ съ нимъ, близкихъ и дальнихъ.

Такимъ образомъ Коперницкому удалось собрать довольно большой запасъ свѣдѣній и матеріаловъ этнографическихъ, на основаніи котораго онъ составилъ этотъ краткій «этнографическій очеркъ», оставляя болѣе подробную обработку матеріала на будущее время, что́ едва-ли ему удалось за послѣдовавшею въ 1889 году смертью.

Первымъ горнымъ русскимъ племенемъ, которое увидѣло автора разбираемаго очерка, были Лемки, получившіе отъ В. Поля названіе Спишаковъ и Куртаковъ или Чухонцевъ и занимающіе въ западной, или польской Галиціи верховья почти всѣхъ притоковъ Вислы и Вислоки (прав. притокъ Вислы). Далѣе надъ Ославой и всѣми лѣвыми притоками Сана вплоть до рѣчекъ Дверника и Ступосянки живетъ племя, во многихъ отношеніяхъ, по наблюденіямъ Коперницкаго, отличающееся отъ Лемковъ. Авторъ по этому говоритъ о немъ отдѣльно, хотя В. Поль считаетъ его за одно племя съ Лемками.

«Лемковщизна» представляетъ собой горную мѣстность съ широкими и открытыми по теченію рѣкъ и болѣе значительныхъ потоковъ долинами и съ лишенными лѣса горами, по которымъ лежатъ безплодныя поля, покрытыя рядами огромныхъ кучъ камня. Въ виду такого устройства поверхности жители принуждены селиться у воды, гдѣ можно найти клочекъ земли подъ пашню и огородъ. Деревня тянется по берегу потока, причемъ верхній конецъ занимаютъ церковь и школа.

Строятся здѣсь такимъ образомъ, что всѣ постройки одного хозяина (т. е. жилище и всѣ хозяйственныя постройки) находятся подъ одной крышей, образуя какъ бы одно очень длинное зданіе, обращенное лицевой стороной на дорогу. Жилища здѣсь глядятъ вездѣ не казисто: стѣны только изнутри бываютъ обтесаны немного старательнѣй, пазы между бревенъ замазываются сѣрою глиной и изрѣдка бѣлятся. Все другое остается неотесаннымъ и почернѣлымъ. Избы все курныя, только нѣкоторые наиболѣе зажиточные строятъ черезъ сѣни противъ жилой избы свѣтлицу, отапливаемую изъ сѣней, со стекольчатыми окнами, которыя однако почти никогда не отворяются.

Внутри избы, тотчасъ у входа, на лѣво или направо цѣлый уголъ занятъ огромною 4-угольною печью съ припечкомъ спереди и лавкой съ боку; около нея всегда— 1—2 бочки съ водой. У лицевой стѣны подъ окнами тянется широкая неподвижная лавка, продолжаясь изъ краснаго угла по другой стѣнѣ, а въ образуемомъ ею углѣ стоитъ высокій, на четырехъ ножкахъ столъ. Между концемъ этой скамьи и печью, у задней стѣны, стоитъ деревянная кроватъ съ вязкою соломы и какой нибудь покрышкой, а надъ нею нерѣдко виситъ люлька (**колыска**). Въ промежуткѣ между кроватью и печью придѣланъ къ стѣнѣ шкафчикъ съ тремя узенькими полочками для глиняной посуды (называемый «**подышоръ**» (podyszor). Въ послѣднемъ углу, у самыхъ дверей, противъ печи, въ нѣкоторыхъ избахъ приготовляется мѣсто съ подстилкою изъ соломы для помѣщенія зимою телятъ. Въ избѣ—дымъ, мусоръ, грязь.

Пища Лемковъ скудна. Вмѣсто хлѣба ржанаго и пшеничнаго, который какъ лакомство покупаютъ въ городѣ, здѣсь пекутъ такъ называемые «**ощипки**» (oszczypki), т. е. лепешки изъ овсяной муки и тертаго вареннаго картофеля. Картофель же, съ прибавленіемъ еще кое-какихъ овощей, составляетъ и главное средство пропитанія Лемковъ. Плодовъ потребляютъ мало: немного сливъ, да дикія груши и яблоки, ѣдятъ ихъ и недозрѣлыми и сушеными на печи.

Такъ какъ земледѣліе не даетъ Лемку достаточно средствъ для содержанія семьи и уплаты податей, то онъ занимается откармливаніемъ рогатаго скота (крупнаго и овецъ), который по веснѣ закупаетъ въ Венгріи, а осенью продаетъ, получая до 40—60% прибыли, не считая остриженной шерсти. Промысла—никакого, если не считать заготовленія досокъ для бочекъ за дешевую цѣну для Евреевъ. Женщины ткутъ сукно и полотно, но то и другое грубо и годно лишь для домашняго обихода.

Все увеличивающееся размноженіе населенія и это отсутствіе промышленности заставляетъ въ послѣднее время Лемковъ отправляться на заработки въ Америку, и только скопивши нѣсколько сотъ гульденовъ возвращаться на родину. На заработки уходятъ обыкновенно молодые неженатые парни и изрѣдка дѣвушки.

Росту Лемки обыкновенно бываютъ средняго или выше средняго, по цвѣту волосъ, которые отпускаютъ чуть не до плечъ, Лемки преимущественно шатены и темно-шатены, съ примѣсью больше брюнетовъ, чѣмъ блондиновъ, женщины же обыкновенно блондинки пополамъ съ шатенками, брюнетки встрѣчаются рѣдко. Глаза какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ бываютъ одинаково и свѣтлые, и темные. Лицо, совершенно выбритое, бываетъ нерѣдко продолговатое, обыкновенно овальное и изрѣдка—круглое, послѣднее чаще всего у женщинъ. Носъ у мужчинъ обыкновенно прямой, но встрѣчается и болѣе или менѣе вздернутый, представляющій вмѣстѣ съ тѣмъ обычное явленіе у женщинъ.

Выраженіе лица у Лемка спокойное, ровное, иногда какъ бы апатичное; движенія не такъ тяжелы и болѣе свободны, чѣмъ у другихъ Русскихъ.

Наиболѣе характерною частью въ нарядѣ Лемка является «**чуха**» (czuha) изъ грубаго, обыкновенно сѣраго, иногда буро-чернаго сукна, длиною ниже колѣнъ, безъ воротника, съ пришитою около ворота «**галеріей**» (четырехугольнымъ кускомъ того же сукна), спускающейся отъ шеи и плечъ до лопатокъ; изъ подъ этой «**галеріи**» висятъ длинные, почти до колѣнъ рукава, сшитые на концахъ и украшенные, такъ же какъ и галерія, бахрамой. Рукава эти служатъ обыкновенно вмѣсто кармановъ; но зимой или въ ненастье ихъ одѣваютъ и на руки, чтобы удобнѣе было запахнуть всю чуху, тогда и галерія одѣвается на голову. Чуху носятъ только путники да пастухи.

Рядомъ съ чухой, но чаще ея, носятъ гуню (gunia) суконную съ узенькимъ воротникомъ, длиною до половины бедра. Гуню въ рукава одѣваютъ только въ непогоду: обыкновенно же ее только застегиваютъ подъ подбородкомъ и оставляютъ висѣть за спиной или сбоку. За гуней слѣдуетъ сердакъ (serdak)—кафтанъ безъ рукавовъ изъ тонкаго сукна для праздниковъ, изъ толстаго—для повседневнаго употребленія. Рубашки носятъ короткія, до пояса и безо всякихъ украшеній и нашивокъ. Штаны—изъ бѣлаго или чернаго сукна—имѣютъ спереди венгерскій фартучекъ, обшитый по краямъ шнуркомъ, такъ же какъ и швы по ногавицамъ; стягиваются они у пояса узенькимъ ремешкомъ. Шляпы носятъ черныя, широкія съ большими поднятыми по венгерски полями.

Женщины носятъ рубашки полотняныя, по праздникамъ перкалевыя безо всякихъ украшеній и нашивокъ; юбка—по буднямъ синяя полотняная, по праздникамъ перкалевая разныхъ цвѣтовъ—не доходитъ до подола рубашки; поверхъ юбки бѣлый или черный передникъ («запаска») безо всякихъ украшеній. Поверхъ рубашки «горестъ» яркокрасный или синій. Ожерелій носятъ мало: нѣсколько шнурковъ на самой шеѣ. На плечи накидывается покрывало (rantuch) безъ украшеній.

Волосы дѣвушки заплетаютъ въ одну косу, въ конецъ которой вплетаютъ ленточку, а женщины заплетаютъ въ двѣ косы и укладываютъ гладкими кругами на затылкѣ, а сверху одѣваютъ маленькій плотно прилегающій къ головѣ чепчикъ. Поверхъ чепца платокъ бѣлый или цвѣтной, концы котораго скрещиваются подъ подбородкомъ и завязываются на шеѣ.

Рѣчь Лемковъ отличается прежде всего очень частымъ употребленіемъ частицы лемъ [1]) (lem), отъ которой они и свое названіе получили; затѣмъ идетъ польско-словенская акцентовка: jichàty, wèrba, stòit, pryjiatèlu, wòda, mołòko, tèkło.

Другую особенность представляетъ окончаніе прошедшаго времени (собственно причастія прошедшаго времени) ł=лъ, заимствованное, по мнѣнію Коперницкаго, отъ Поляковъ или Словаковъ, вмѣсто общерусскаго w (в или ў) [2]), напр. leżał—лежалъ, chodył=ходилъ. Далѣе, послѣ гортанныхъ, въ особенности послѣ k, ch и h употребляется y (ы) [3]) вм. i: hrichy, muky, wełyky, chyża, rohy и т. д. Согласный t (т) на концѣ бываетъ обыкновенно твердымъ, напр. въ словахъ piat (пятъ вм. пять) и dwadcat (двадцатъ вм. двадцать), stoit, sedyt, wodyt и т. д. (здѣсь t (т) твердое какъ и въ русскомъ языкѣ (великорусскомъ) въ противоположность малорусскому нарѣчію), хотя не исчезло и мягкое, напр.: путь, starist' (старость), mast' (масть) и т. д.

Кромѣ того, въ языкѣ Лемковъ слышится довольно много словъ и выраженій, не встрѣчающихся въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ, напр. szumnyj и szuwnyj (шумный и шувный)—красивый, hudba—музыка, sem и heu—здѣсь, otkal—откуда, ne-je и dazbi (dast Bih—дастъ Богъ) въ значеніи нѣтъ (малорусское нема), Богъ подастъ. Также въ большомъ ходу сокращенія, неупотребительныя въ другихъ нарѣчіяхъ, напр.: pō-łe вм. pod' łem—ну, иди же! smō-łem вм. smotry-łem—смотри же! smo-łe-smō—смотри жъ ты: nō-łe-no не можетъ-быть! не возможно!

Отъ Лемковъ Коперницкій перешелъ къ другому русскому племени, которое, при большомъ сходствѣ съ предъидущимъ, представляетъ однако и свои особенныя отличительныя черты. Уже самый видъ жилищъ показываетъ, что здѣсь живутъ другіе люди. Хотя жилое помѣщеніе и стоитъ подъ одной кровлей съ хозяйственными постройками, какъ и у Лемковъ, но зданія расположены иначе, сдѣланы тщательнѣе и содержатся опрятнѣе. Самая изба внутри обтесана и выбѣлена, съ большими широкими окнами

---

[1]) Испорченное словенское len=только, вмѣсто южнорусск. лишь и тилько.

[2]) Коперницкій Великоруссовъ считаетъ, конечно, россіянами и языкъ ихъ—россійскимъ, а не русскимъ, и потому, говоря о южнорусскихъ нарѣчіяхъ, не считаетъ нужнымъ привлекать къ сравненію русскій языкъ (языкъ образованной части народа) и великорусскія нарѣчія. ł=лъ у Лемковъ есть лишь исконное общеславянское, а стало быть и русское, окончаніе, въ сравнительно недавнее время перешедшее у малоруссовъ и бѣлоруссовъ въ *в*=*ў*, а у Сербовъ въ *о*. *Ир. II.*

[3]) Тоже сохранилось изъ древнерусскаго языка.

Убранство избы почти такое же, какъ у Лемковъ, но столъ въ большомъ углу устроенъ иначе: здѣсь онъ представляетъ собой длинный глубокій ящикъ на низенькихъ ножкахъ, отодвижная крышка котораго замѣняетъ верхнюю плоскость стола.

Отличаются Полонинцы отъ Лемковъ и своимъ бытомъ. Земля у нихъ болѣе удобна для обработки, и трудъ земледѣльца вознаграждается лучше. Поэтому они уже менѣе занимаются скотоводствомъ и овецъ держатъ только для своего пользованія, а не для продажи, но крупный рогатый скотъ откармливаютъ и для продажи.

Пища Полонинцевъ лучше, чѣмъ у Лемковъ, вслѣдствіе большаго употребленія молочныхъ продуктовъ и овощей: кромѣ картофеля и капусты здѣсь растетъ морковь и брюква, а чеснокъ родится въ такомъ изобиліи, что его сбываютъ даже въ Венгрію.

Въ физическомъ отношеніи Полонинцы менѣе отличаются отъ Лемковъ: такъ же преимущественно средняго роста, хотя малорослые здѣсь чаще встрѣчаются, чѣмъ у Лемковъ; такъ же преимущественно шатены (темно-русые), но блондиновъ меньше, чѣмъ у Лемковъ, свѣтлые глаза чаще темныхъ; лица больше овальныя, чѣмъ продолговатыя, но встрѣчаются и круглыя; точно также и носы больше прямые, но встрѣчаются изрѣдка и горбатые, чего у Лемковъ, по наблюденіямъ Коперницкаго, не встрѣчается.

Но главное отличіе Полонинцевъ отъ Лемковъ заключается въ одеждѣ. Тутъ прежде всего приходится отмѣтить, что и мужскіе и женскіе наряды Полонинцевъ обыкновенно бываютъ богаты различными украшеніями и вышивками въ противоположность Лемкамъ, у которыхъ не бываетъ на одеждѣ никакихъ украшеній. Рубашка, которую здѣсь шьютъ длиннѣе, вышита по вороту, рукавамъ и груди различнымъ гарусомъ, и кромѣ завязки около шеи застегивается по серединѣ груди особою запонкою; подъ кафтаномъ безъ рукавовъ («лайбикъ») и гуней («сиракъ»), красиво вышитыми бѣлыми и красными шнурками, носятъ черезъ плечо гладкую кожанную торбу (кобіўка) или полотняную (ц и д ы л о). Носятъ также и чуху, которую здѣсь называютъ «c z a p i w» (чапивъ), но «галерія» у ней совсѣмъ иного покроя и съ различными украшеніями. Еще болѣе отличается отъ Лемковскихъ костюмовъ женскій нарядъ. Праздничный нарядъ здѣшней женщины состоитъ изъ юбки («f a r t u c h») изъ домашняго полотна, не очень длинной, бѣлаго передника («з а п а с к а»), бѣлаго платка, наброшеннаго на голову (у Лемокъ—только на плечи) и спускающагося сзади ниже колѣнъ, обвитыхъ чернымъ шерстянымъ шнуркомъ («в о л о к ъ»). Уборъ дѣвушки отъ убора женщины отличается только тѣмъ, что волосы дѣвушки заплетаются въ одну косу, спускающуюся на спину, и платокъ не покрываетъ голову, а набрасывается только на плечи. Корсетовъ здѣсь не носятъ, замѣняя ихъ «л а й б и к а м и» изъ тонкаго сукна въ родѣ мужскихъ, и вмѣсто чепчиковъ носятъ разноцвѣтные платочки (з а в і й к и).

Говоръ Полонинцевъ, хотя вообще и близкій къ Лемковскому, имѣетъ однако и свои отличія. Прежде всего характерное лемковское л э м ъ у Полонинцевъ почти не употребительно; затѣмъ удареніе въ словахъ ставится почти всегда правильно, какъ и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ, напр. держу́, голова́ и т. д. И въ лексическомъ отношеніи говоръ Полонинцевъ отличается отъ лемковскаго употребленіемъ особыхъ названій для вещей, общихъ обоимъ племенамъ, напр. здѣсь говорятъ czapiw вм. czuha, sirak вм. gunia, lajbyk вм. serdak, palenycia и opalanok вм. oszczypok и т. д.

Отъ Полонинцевъ, переправившись черезъ р. Сянъ, Коперницкій попалъ къ новому племени русскихъ горцевъ, Бойкамъ. Внѣшній видъ ихъ поселковъ мало чѣмъ отличается отъ селеній Полонинцевъ; только строенія еще болѣе разбросаны да избы снаружи обмазаны глиной и на оконныхъ рамахъ видны бѣлые кресты, которые хозяйки ежегодно въ день Богоявленія чертятъ ржаной разведенной въ водѣ мукою [1]). Болѣе всего поразило ученаго путешественника въ поселкахъ Бойковъ обиліе здѣсь Евреевъ: чуть ли не каждая пятая или шестая изба принадлежитъ Еврею. Въ одной деревнѣ Либухорѣ, надъ р. Стрыемъ, говорятъ, живетъ евреевъ до 250 чел.

---

[1]) Обычай, употребительный и въ Россіи. У насъ чертятъ ихъ, чтобы освятить домъ на цѣлый годъ и отогнать злого духа.

Свой быт Бойки могли бы устроить гораздо лучше, еслибы не легкомысліе и пристрастіе къ водкѣ, которыми и пользуются ихъ односельцы израильскаго племени. Бойки предпріимчивѣе и подвижнѣе Лемковъ и Полонинцевъ, земля здѣсь плодороднѣе, есть хорошіе луга для пастбищъ. Кромѣ того Бойки торгуютъ и скотомъ.

Характеръ Бойковъ, по словамъ Копернипкаго, «живой и даже огненно-страстный», чѣмъ они сильно отличаются отъ своихъ сосѣдей по ту сторону Сяна. Въ гнѣвѣ они жестоки и за обиду, особенно если мотивы или выполненіе ея низки и подлы, мстятъ ужасно, избивая виновнаго, «щобы горы знали, якихъ маютъ хлопцивъ».

Въ физическомъ отношеніи Бойки отличаются отъ Лемковъ и Полонинцевъ тѣмъ, что при такомъ же среднемъ или выше средняго ростѣ (высокій ростъ встрѣчается чаще низкаго) они построены крѣпче и пропорціональнѣе, въ движеніяхъ живѣе и ловче. Лица здѣсь часто бываютъ круглыя съ болѣе или менѣе вздернутымъ носомъ, но встрѣчаются носы и горбатые.

Нарядъ Бойковъ, какъ мужской, такъ и женскій сильно отличается отъ нарядовъ Лемковъ. Прежде всего Бойки вмѣсто чухи съ галеріей носятъ сиракъ въ родѣ сирака Полонинцевъ, но только гораздо длиннѣе и съ карманами съ обоихъ боковъ. Подъ сиракъ поверхъ лайбика безъ рукавовъ носятъ «куртакъ» изъ толстаго сукна, доходящій до бедеръ. Рубашки носятъ изъ толстаго полотна, но богато вышитыя, какъ и остальныя части наряда, шелкомъ и шерстью разныхъ цвѣтовъ.

Въ женскомъ нарядѣ еще больше отличій, начиная съ прически. Здѣсь дѣвушки и женщины чешутъ волосы на двѣ косы и, вплетши въ нихъ особыя плетенки изъ краснаго гаруса, оканчивающіяся такими же кистями, спускаютъ по спинѣ до крестца, а здѣсь онѣ прикрѣпляются при помощи особаго пояска изъ шерсти («попружка»), такъ что кисточки плетенокъ высовываются изъ подъ пояска на самой серединѣ лопатокъ. Дѣвушки же повязываютъ эту «попружку» такъ, что концы ея приходятся по обѣ стороны кисточекъ плетенокъ и вмѣстѣ съ ними образуютъ на крестцѣ бахраму, раздѣленную на четыре кисти.

Женщины и дѣвушки носятъ бѣлыя полотняныя юбки, собранныя наверху въ мелкія складки, а на подолѣ расшитыя цвѣтнымъ или чернымъ шелкомъ. Рубашки точно такъ же расшиты узорами и сверху, и снизу.

Голову женщины повязываютъ крѣпко небольшимъ шелковымъ платочкомъ, подложивши подъ него надо лбомъ небольшой твердый кружекъ, а сверху накидываютъ бѣлый тонкій, полотняный или шелковый платокъ, концы котораго завязываются подъ подбородкомъ. Чепчиковъ и такихъ головныхъ платковъ, какъ у Лемковъ и Полонинцевъ, здѣсь не носятъ.

Языкъ Бойковъ, по словамъ Коперницкаго, болѣе всѣхъ другихъ горскихъ нарѣчій, приближается къ малорусскому («украинскому», какъ онъ выражается) по своей свободѣ акцентовки и по фонетическимъ особенностямъ. Но есть въ немъ и мѣстныя слова и выраженія, невѣдомо, по мнѣнію Коперницкаго, откуда и какъ зашедшія и образовавшіяся, напр. ciatu и ciamka—немного, nykos—ничто, wal и anesz [1])—ну, же (напр. chodý-wal, anész chodý—иди же, ну ступай!), pak—потомъ, послѣ (ja ty pak prynesu), horí, dolí—вверхъ, внизъ (ср. горѣ, долу, дат. пад.), rynok—дворъ, marha [2])—скотъ, Bohońko—уменьшен. Богъ, Боженька (a dad Bohońko tepło). Коперницкому удалось встрѣтить и старорусскія выраженія: дань, року, кметь—важный богатый человѣкъ.

Коперницкій отмѣчаетъ интересное явленіе, что въ мѣстностяхъ надъ Стрыемъ, уже лѣтъ двѣсти заселенныхъ преимущественно мелкою «загоновой» шляхтою, языкъ Бойковъ не подвергся измѣненіямъ и, напротивъ, шляхтичи, принявши обрядъ и языкъ русскій, даже и между собою не говорятъ по польски, хотя и не сближаются съ «chamami i mudiami»: не заключаютъ съ ними браковъ, въ отличіе отъ мужиковъ стригутъ голову, отпуская усы и бакенбарды, носятъ пальто и сюртуки изъ домашняго

1) Ancsz изъ словенскаго ano?
2) Ср. хорватс. marha и marva съ тѣмъ же значеніемъ.

сукна и шею повязывают платком. Отличаются «шляхтичи» и своими постройками, которыя иногда стоят даже не под одною кровлею съ жилым помѣщеніем, а въ этих послѣдних бывают иногда камины, большія окна и у входа крылечки на столбах.

Въ заключеніе надо сказать, что Бойки сами себя называют «Верховинцами», а названіе «Бойков» считают бранным.

От Бойков, перейдя через верховья р. Стрыя въ долину р. Оравы, Коперницкій попал к Тухольцам. Здѣсь ему представились и страна и жилища и люди совсѣм иные. Большіе густые лѣса, старательно оберегаемые; деревня, не сбившаяся въ кучку у рѣки или потока, а разбросанная по горам на большом пространствѣ: не только дворы съ огородами, но даже и поля огорожены низкими загородями из жердей.

Хозяйственныя постройки уже не тѣснятся под одною кровлею съ хатою, а стоят особо, обыкновенно позади ея. Самая хата построена старательно съ различными украшеніями и пристройками; внутри изба обмазана глиною и зачастую выбѣлена. Около окон и на стѣнах, как избы, так и других построек видны такіе же кресты, как и у Бойков. Внутренность избы, которая и здѣсь курная, все таки гораздо приличнѣе, чѣм у Лемков и Бойков. Для телят въ избѣ мѣста уже нѣт. Обстановка избы такова же и так же расположена, как у Бойков, только все сдѣлано почище, покрасивѣй и съ различными рѣзными украшеніями. Самою драгоцѣнною вещью въ хатѣ считается стол въ видѣ большаго ящика съ большою и толстою, нерѣдко яворовою, столешницею, зачастую из одного куска дерева: столы эти переходят по наслѣдству от отцов к дѣтям и нерѣдко бывают старѣе самой хаты.

Плодородная нива и богатыя пастбища щедро вознаграждают труд работника, и Тухольцы поэтому довольно зажиточны. Въ затруднительных случаях богатые помогают менѣе зажиточным, и Евреям здѣсь не удается хорошенько поживиться.

Зажиточность Тухольцев сказывается и въ пищѣ, которая здѣсь гораздо разнообразнѣе и питательнѣе, чѣм у Бойков: кромѣ молочных продуктов и зелени, ѣдят и мясо довольно часто, осенью—баранину, а въ праздники Рождества и Пасхи—свинину. Люд здѣсь все здоровый и рослый: низкій рост встрѣчается очень рѣдко, а высокій—довольно часто. Лица больше овальныя или продолговатыя, чѣм круглыя; носы—прямые, но вздернутые и горбатые тоже нерѣдки. усов совсѣм не брѣют, а только до половины подбривают сверху под носом. Тухольцы преимущественно шатены (темнорусые), а блондины и брюнеты между ними встрѣчаются рѣдко. Глаз больше темных, чѣм свѣтлых.

Наряд Тухольцев въ мелочах сильно разнится от наряда Бойков. Шляпу здѣсь носят невысокую съ плоским дном и довольно широкими слегка приподнятыми съ боков полями; для красы обшивают цвѣтной ленточкой съ пуговкой и павлиньим пером съ одной стороны. Рубашки носят длинныя, ниже колѣн, на выпуск, опоясываясь широким ремнем съ тремя пряжками. Перед рубашки собран въ складки и расшит. Остальныя части мужского наряда такія же, как у Бойков.

Женщины, убирая голову, заплетают волосы въ двѣ косы съ такими же плетенками, как у Бойков, и спускают на плечи, а поверх надѣвают маленькій чепчик из цвѣтной шелковой матеріи, туго натянутый на тонкій деревянный кружек; чепчик украшается родом больших шпилек съ блестящими головками. От чепца вниз между кос спускаются длинныя красныя ленты («ушки»). Поверх чепца надѣвается бѣлый платок, который завязывается на шеѣ «по венгерски», т. е. поверх двух других вмѣстѣ сложенных концов. Рубашки длинныя, на груди и рукавах собранныя въ складки.

Юбка из грубаго небѣленаго полотна собирается наверху сзади въ складки и по складкам вышивается; так же вышита по подолу. Передник (рійка), короче юбки, из того же полотна и так же украшенный складками и нашивками. Шею охватывает узкая плетенка из мелких разноцвѣтных бус, а под нею, спадая на грудь, нѣсколько шнурков крупных стеклянных бус.

Дѣвичій нарядъ таковъ же, кромѣ чепца и уписокъ, которые и женщины одѣваютъ только по праздникамъ. Въ будни женщины гладко повязываютъ голову цвѣтнымъ платкомъ, а дѣвушки—бѣлымъ.

Рѣчь Тухольцевъ мало отличается отъ рѣчи Бойковъ и еще болѣе приближается къ «украинской», но вмѣстѣ съ рѣчью Бойковъ удерживаетъ галицко-русское ј вм. и (ы): напр. «hòrejko tobi ridnejka detyncjko». Кромѣ того имѣетъ своеобразную акцентовку нѣкоторыхъ словъ, напр.: wesilja и дательн. пад. на owy (ови): wołowy, żydowy и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить также и нѣкоторыя мѣстныя слова и выраженія, напр. ripa [1]—картофель, pohar—поле, получившееся послѣ сожженія лѣса, braszen и bratció—братецъ, братишка, sekin и serochmàn—biedaczysko, merendia—ѣда, piszyj wiz—возъ на волахъ, piszla mu żona—пошла его жена, piszow wozom им. pojichaw wozom—поѣхалъ на возу, запряженномъ волами, bodàj wikuwały или bodaj im wicżok—дай Богъ долгіе годы и т. д.

* *
*

Наконецъ Коверницкій попалъ и къ Гуцуламъ, живущимъ по верховьямъ р. Прута и первыхъ его горныхъ притокахъ Лучки, Пистынки, Рыбницы и Черемоша. Это, по словамъ ученаго путешественника, самое оригинальное изъ горно-русскихъ племенъ: «Гуцулы въ особенности представляютъ намъ не только въ своей наружности, но и въ особенностяхъ своего быта столько нетронутой оригинальности, что, съ любопытствомъ наблюдая ихъ, каждую минуту долженъ какъ бы напоминать себѣ, что находишься среди русскаго люда».

Уже самый видъ деревни не похожъ на все, видѣнное нами до сего времени. То, что здѣсь называется деревней, состоитъ изъ построенной на пригоркѣ надъ рѣчкою церкви, плебаніи, и деревенской школы вблизи церкви, изъ гминнаго правленія, корчмы немного подальше и нѣсколькихъ разбросанныхъ по горамъ вдоль потока и большой дороги домовъ съ окружающими ихъ огородами и «царынками». Если домовъ этихъ сравнительно много, то большая часть ихъ принадлежитъ Евреямъ, такъ какъ значительная часть населенія одной и той же деревни или прихода живетъ разсѣянно по горамъ во всѣ стороны, зачастую въ разстояніи 1—$1^1/_2$ мили отъ церкви.

Каждая семья живетъ отдѣльно, и при томъ на значительномъ разстояніи одна отъ другой, посреди своихъ обнесенныхъ изгородями садовъ, огородовъ, полей. Воротъ или калитокъ въ этихъ загородяхъ не имѣется: пѣшеходъ, дошедши по тропинкѣ до загородки, перелѣзаетъ черезъ нее, всадникъ—снимаетъ 1—2 жерди сверху, чтобы конь могъ перешагнуть черезъ оставшіяся, а для телѣги приходится разбирать цѣлое звено изгороди.

Оригинально устройство хозяйственныхъ построекъ у Гуцуловъ: всѣ онѣ пристраиваются къ жилищу, такъ что одну стѣну каждой изъ нихъ, напр. конюшни, ссарая представляетъ наружная стѣна избы, а крышею служитъ продолженіе крыши избы. Такимъ образомъ внѣшній видъ гуцульской избы зависитъ отъ степени зажиточности хозяина: у бѣднаго пристройки сдѣланы только съ одной стороны, у болѣе зажиточнаго—съ двухъ и даже съ трехъ.

Избы у Гуцуловъ уже не курныя: дымъ изъ печи черезъ особую трубу выходитъ въ сѣни, а оттуда черезъ два небольшихъ оконца въ крышѣ на воздухъ. Стѣны внутри избы не бѣлены, а только гладко выструганы. Внутреннее убранство избы такое же, какъ и другихъ русскихъ горцевъ, и отличается только полками на стѣнахъ для выставки муравленой и красиво расписанной посуды; такая же посуда, для украшенія, ставится и на верхнихъ полкахъ открытаго посуднаго шкафа, прикрѣпленнаго къ стѣнѣ надъ лавкою около двери.

Печь, стоящая, какъ и у всѣхъ Русиновъ, у самой двери, всегда чисто выбѣлена, а у богатыхъ даже сплошь выложена расписными изразцами. Въ переднемъ углу

[1] Ріпа?

стоитъ столъ, а надъ нимъ нѣсколько образовъ (писанныхъ на бумагѣ), украшенныхъ рядомъ пасхальныхъ «писанокъ», расписанныхъ яицъ.

Столъ состоитъ изъ большой и толстой, нерѣдко яворовой доски, положенный вмѣсто ножекъ на двѣ такія же доски; эти доски въ свою очередь связаны для крѣпости поперечинами двумя посрединѣ и двумя внизу.—Широкая кровать, на обычномъ мѣстѣ, сдѣлана гораздо старательнѣе и украшена рѣзьбой; постель состоитъ изъ толстыхъ и мягкихъ суконныхъ покрывалъ [1]) мѣстнаго производства. Вообще изба у Гуцула содержится въ несравненно большемъ порядкѣ и чистотѣ, чѣмъ у другихъ русскихъ горцевъ.

Плодородная почва, родящая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже кукурузу, богатыя пастбища на полонинахъ, позволяющія держать огромныя стада овецъ, рубка и сплавка по Черемошу строеваго лѣса обезпечиваютъ Гуцулу безбѣдную жизнь; но кромѣ того здѣсь процвѣтаютъ и нѣкоторые виды промышленности обрабатывающей: дѣлается овечій сыръ (брындза), ткутся сукна и упомянутыя выше покрывала (кос), приготовляются деревянныя издѣлія, сѣдельныя луки, а въ послѣднее время стали получать распространеніе красивыя токарныя издѣлія, и шерстяныя ткани.

Вслѣдствіе всего этого Гуцулы и пищу могутъ имѣть и имѣютъ гораздо питательнѣе и лучше, чѣмъ другіе русскіе горцы. Кромѣ картофеля, по здѣшнему вичка или bureszka, и кукурузы—своей или покупной, ѣдятъ вдоволь молочнаго и брындзы, разныя овощи, въ особенности бобы, и даже мясо—баранину, обыкновенно копченую осенью, и свинину—въ Рождество, Пасху и Зеленыя Святки (Троицынъ и Духовъ дни).

Коперницкій замѣчаетъ, между прочимъ, что у Гуцуловъ нѣтъ нищихъ: кромѣ нѣсколькихъ калѣкъ на одной ярмаркѣ, ему не попадалось ни около церкви въ праздникъ, ни по дорогѣ.

Въ физическомъ отношеніи Гуцулы отличаются замѣчательно крѣпкимъ и красивымъ тѣлосложеніемъ и необыкновенно энергичными и свободными осанкою и движеньями. По большей части высокаго роста, Гуцулы волосы имѣютъ преимущественно темнорусые, хотя много и черноволосыхъ (на 3 шатена 1 брюнетъ, по словамъ Коперницкаго), но глаза очень часто бываютъ свѣтлые; лица преимущественно овальныя съ прямыми, а нерѣдко и горбатыми носами. Волосы носятъ длинные съ проборомъ по серединѣ; усовъ не брѣютъ, нѣкоторые только подстригаютъ; носятъ обыкновенно опущенными внизъ, но нѣкоторые даже фабрятъ ихъ и закручиваютъ вверхъ по венгерски.

Женщины при такомъ же сильномъ и крѣпкомъ тѣлосложеніи отличаются, въ молодости, необыкновенною красотою («niepospolitą urodą») и чаще, чѣмъ мужчины, бываютъ брюнетками, а глаза имѣютъ темные.

Еще рѣзче становится отличіе Гуцуловъ отъ ихъ сродичей вслѣдствіе оригинальнаго и живописнаго наряда.

Главною отличительною чертою нарядовъ гуцульскихъ можетъ служить обиліе искусныхъ украшеній яркихъ цвѣтовъ и различныхъ блестокъ.

Мужчины носятъ шляпы почти такія же, какъ и Тухольцы, только даже и въ будній день опоясанную золотымъ галуномъ, а въ праздникъ къ этому прибавляются страусовы перья и другія украшенія. Зимою вмѣсто шляпъ носятъ мѣховыя шапки трехъ покроевъ, называемыя здѣсь dźumerja, szłyk и klepania.

Рубашки длиною до колѣнъ—полотняныя въ будни и бѣлыя бумажныя въ праздникъ—носятъ на выпускъ; украшеній на нихъ обыкновенно не бываетъ никакихъ, только у кисти рукава собираются въ складки. Шею поверхъ воротника рубашки повязываютъ цвѣтнымъ фуляромъ.

Поверхъ рубашки и въ праздникъ и въ будни носятъ keptar, похожій на куртку или тулупчикъ безъ рукавовъ, замысловато изукрашенный шкурками и шерстяными шнурками разныхъ цвѣтовъ. Черезъ плечо виситъ неизбѣжная «tajstra», кожанная сумка

---

[1]) У автора—«z kocòw». «Кос—толстое, косматое съ обѣихъ сторонъ сукно, покрывало». См. Словар[ь] Дубровскаго.

съ узорами изъ маленькихъ мѣдныхъ гвоздочковъ или колечекъ. За недостаткомъ тайстры носятъ и «ташки», т. е. сумки изъ шерсти. За ременнымъ поясомъ виднѣются трубка въ жестяной оправѣ, складной ножъ въ мѣдной оправѣ и на мѣдной цѣпочкѣ (retez) и «мошенка» для денегъ, сдѣланная изъ бѣлой шкурки и собирающаяся на длинномъ ремешкѣ; она, изукрашенная разноцвѣтными шкурками, кожанными кисточками и мѣдью, вмѣстѣ съ цѣпочкою отъ ножа виситъ на поясномъ ремнѣ спереди и составляетъ главнѣйшее украшеніе въ нарядѣ Гуцула. Однако еще больше вниманія въ костюмѣ гуцульскомъ обращается на сердаки и штаны.

Сердакъ—короткій, всего до бедеръ кафтанъ съ рукавами изъ толстаго домашняго сукна, дѣлается по мѣстамъ краснаго или темновишневаго цвѣта и бѣлаго, но всегда богато и замысловато вышитъ разноцвѣтнымъ гарусомъ и украшенъ по поламъ множествомъ кисточекъ и шариковъ; носится на распашку, завязанный у шеи, и только въ дождь и холодъ надѣвается въ рукава.

Штаны—также изъ домашняго сукна обыкновенно ярко-краснаго («kraszenyci»), иногда чернаго («chołosznic»), другіе цвѣта какъ исключеніе —дѣлаются гораздо длиннѣе, чѣмъ нужно, и завертываются снизу до половины голени и даже до самаго колѣна и въ этомъ мѣстѣ обведены богатою каймой въ палецъ ширины. Отъ этой каймы вверхъ по ноговицамъ сзади тянется такая же, только нѣсколько уже кайма до самаго верху штановъ. Разрѣзъ въ штанахъ дѣлается надъ правымъ пахомъ; носятся онѣ на ременномъ пояскѣ.

На ногахъ носятъ «chodaky» изъ свѣтлой кожи; подъ нихъ одѣваются или шерстяные вязаные чулки, или суконные чулки и онучи; и тѣ и другіе краснаго цвѣта. «Ходаки» стягиваются чернымъ шерстянымъ шнуркомъ (wołok); такимъ шнуркомъ обвязываются и чулки или онучи выше «ходаковъ».

Поверхъ всего этого наряда въ худую погоду одѣваются «сираки», длинные кафтаны, обыкновенно безо всякихъ украшеній, а зимой—длинныя бараньи шубы, красиво расшитыя.

По праздникамъ и старые и малые носятъ въ рукахъ ясеневыя палки, красиво украшенныя мѣдью, на подобіе топорковъ.

Въ женскомъ нарядѣ прежде всего бросается въ глаза уборъ головы, не похожій на уборы женщинъ другихъ русскихъ племенъ: волосы не спускаются за плечи одною или двумя косами, какъ у другихъ, а разчесанные на двѣ косы укладываются вѣнцомъ на темени; дѣвушки по всей длинѣ косы вплетаютъ красный гарусъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усаживаютъ косу мѣдными пуговками. Пожилыя женщины въ праздникъ повязываютъ головы бѣлыми бумажными «перемитками» домашней работы съ концами, протканными красивыми разноцвѣтными уборами, молодыя замужнія повязываются большимъ краснымъ платкомъ, концы котораго съ бахромкой падаютъ на лобъ спереди и на шею съ обоихъ боковъ.

Другую особенность наряда Гуцулокъ составляетъ множество бусъ, покрывающихъ всю шею и даже грудь до половины.

Рубашки носятъ полотняныя въ будни и перкалевыя въ праздникъ, вышитыя на рукавахъ гарусомъ или бумагой красной, желтою и черной. Вмѣсто цѣлыхъ юбокъ носятъ двѣ шерстяныя запаски—одну сзади, другую спереди, стянутыя шерстянымъ же пояскомъ («попружка»). Затѣмъ и у нихъ, какъ и у мужчинъ, идетъ кептаръ, сердакъ и ташка, а поверхъ всего этого въ грязную погоду надѣвается гугля, широкій плащъ изъ бѣлаго сукна безъ рукавовъ. Обувь такая же, какъ и у мужчинъ, только у дѣвушекъ праздничные «ходаки» украшены мѣдными пуговками. Зимою, а иногда и лѣтомъ, для верховой ѣзды женщины одѣваютъ поверхъ чулокъ ногавицы изъ бѣлаго сукна (chołosznie), доходящія выше колѣнъ и прикрѣпляемыя чернымъ шелковымъ шнуркомъ.

Говорятъ Гуцулы всегда, по привычкѣ, крикливо. Въ фонетическомъ отношеніи рѣчь Гуцуловъ отличается употребленіемъ мягкихъ k и g (k', g') вм. t' и d', напр. smerk' вм. smert', g'iekujem вм. d'ekujem и т. д.; затѣмъ *я* во многихъ случаяхъ звучитъ какъ е (je), напр. jejcè вм. jajcè, jérmarok вм. jármarok, świetŷj вм.

światŷj, teliè вм. telà, porosié вм. porosiá и т. д. Вмѣсто *ы* въ нѣкоторыя случаяхъ произносятъ и (i), напр. wibrau, powikiehaly, wisoko вм. wybrau, powytiahaly, wŷsoko, и наоборотъ i часто произносятъ твердо какъ у, напр. ymià, ydè, y tak, y win skazau. Слѣдуетъ отмѣтить еще мягкое произношеніе гласнаго е безъ видимой на то причины, напр.: opered nĕho, dĕsiètoho, do tĕbe, rik hostĕwyj, djetĕ, Panĕ nasz, mołodĕnkij и т. д. Интересно также смягченіе твердаго л (ł) исключительно передъ у, которое здѣсь произносится средне между *и* и *ы*, такъ что и самое *л* тогда звучитъ средне между *лз* и *ль* (ł и l), какъ и въ сербскомъ, напр. въ слѣдующей колядкѣ:

«Božiaja matka *si* uzwesel*y*ła,
oj szo Chrysta ta porodyła.
. . . .
Nĕwirny żydĕ i tudá pisz*ly*
trawù kosy*ly*, trawu mykalŷ,
Chrystà szukaly, tam ho nĕ naszlŷ.

Изъ грамматическихъ особенностей встрѣчается окончаніе 3 л. мн. ч. наст. вр. *iè* съ удареніемъ вм. at или at', напр. boliè вм. bolat, blyszczié вм. blyszczát, но рѣдко. Затѣмъ, какъ слѣдъ аориста, сохранилось окончаніе c h, повидимому, какъ замѣчаетъ авторъ, для обоихъ чиселъ и всѣхъ лицъ, напр.: a ja si pidpysà szŭobych, widdaŭ; jek b y c h si zhodyly, to ja wam prodam [1]).

Форма будущаго времени отличается отъ южнорусской употребленіемъ вспомогательнаго я т и (jaty) не послѣ главнаго глагола, а передъ нимъ, напр. mu-szukaty вм. szukaty-mu, mesz-pysaty вм. pysati-mesz и т. д. Наконецъ обращаетъ на себя вниманіе образованіе формы превосходной степени прилагательныхъ посредствомъ волошской (румынской) частицы maj [2]), принятой по созвучію съ русск. най, напр. maj bilszyj, maj hirsze.

Въ лексическомъ отношеніи рѣчь Гуцуловъ богата особенностями. По словамъ г. Коперницкаго, уже былъ изданъ довольно подробный сборникъ особенныхъ словъ, но автору удалось и самому порядочно записать словъ, не вошедшихъ въ тотъ сборникъ. Въ числѣ чисто-гуцульскихъ словъ и выраженій находится много и старорусскихъ, напр. j e h d a—когда, w e r ż y—брось и u w e r h l a u lis c h o r o m y, myr—людъ, народъ, szłyk. Затѣмъ, въ обращеніи находится довольно много словъ и выраженій волошскихъ, напр.: bukát—кусокъ, fijuka—крестная дочь, fłakèŭ—паробокъ, foja, gałagan, graźda и т. д. Наконецъ, встрѣчаются и сербскія слова, напр. synocz—вчера вечеромъ, pobratym и posestra, и т. д.. Кромѣ того, авторъ думаетъ, что при большемъ знакомствѣ съ языками въ рѣчи Гуцуловъ можно найти не мало словъ, заимствованныхъ непосредственно или посредственно и изъ другихъ языковъ.

* * *

Свою характеристику Гуцуловъ Коперницкій заканчиваетъ сообщеніемъ, что племя это отличается «ото всего русскаго люда недостаткомъ склонности и способности къ пѣнію и музыкѣ». То, что ему удалось слышать въ шинкахъ, можно было назвать скорѣе крикомъ, чѣмъ пѣснею; даже молодежь при своихъ танцахъ можетъ обходиться безъ пѣнія. Въ подтвержденіе своихъ наблюденій авторъ «слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, что Гуцулы вообще поютъ мало, даже на свадьбахъ, и что мелодіи ихъ пѣсенъ чрезвычайно бѣдны и совсѣмъ не разнообразны».

Эту черту, отсутствіе пѣнія и музыки Коперницкій считаетъ общей характерной чертой для всѣхъ русскихъ горцевъ въ Галиціи, такъ какъ во время своихъ путе-

---

[1]) Изъ приведенныхъ г. Коперницкимъ примѣровъ видно, что сохранилась собственно форма bych и употребляется для выраженія желательнаго наклоненія, а стало-быть вполнѣ равносильна нашему б ы, разница же только въ лицѣ: у Гуцуловъ—первое б ы х ъ, у насъ—третье—*бы*. Г. Коперницкій на это, конечно, не обращаетъ вниманія.

[2]) Рум. maĭ изъ лат. magis. Ир. П.

шествіи онъ не слышалъ пѣсенъ «ни въ полѣ на работѣ, ни въ лѣсу на пастбищѣ, ни въ деревнѣ по огородамъ». Разъ только, по словамъ автора, ему удалось слышать русскія пѣсни въ Либухорѣ надъ Стрыемъ (среди Бойковъ), гдѣ танцы сопровождались распѣваніемъ «коломыекъ», а дѣвушки, по просьбѣ автора, спѣли ему нѣсколько обрядныхъ свадебныхъ пѣсенъ на мотивъ украинскихъ.

Представивши такія характеристики карпаторусскихъ племенъ, г. Коперницкій дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующій выводъ:

Галицкіе карпаторуссы во всѣхъ отношенія, т. е. въ отношеніи жилищъ, быта, тѣлосложенія и рѣчи представляются народомъ совершенно отличнымъ отъ русскаго населенія равнинъ, какъ всей прикарпатской Червоной Руси, такъ и Украйны, Подолья и Волыни. Затѣмъ, и между ними выдѣляются двѣ наиболѣе характерныя группы—Л е м к и на западѣ, по притокамъ Вислы, и Г у ц у л ы на юго-востокѣ, по верховьямъ Прута, которыя имѣютъ общаго только вѣроисповѣданіе и языкъ (да и то со значительными особенностями), а во всемъ остальномъ представляютъ не только отличіе, но даже «такія этнографическія противоположности, что большаго различія нельзя было бы указать даже между двумя народностями одной вѣтви, напр. между Словаками и Чехами». На равномъ въ этнографическомъ отношеніи разстояніи находятся Тухольцы и Бойки, представляющіе хотя и въ мелочахъ, но все таки довольно значительныя отличія одни отъ другихъ. Наконецъ, между этими послѣдними стоятъ Подолянцы, представляя собою какъ бы переходную ступень отъ Лемковъ къ Бойкамъ...

Этимъ собственно и оканчивается этнографическій очеркъ Коперницкаго, такъ какъ далѣе онъ только говоритъ о неотлагательной необходимости болѣе продолжительныхъ и на большемъ пространствѣ производимыхъ изслѣдованій и наконецъ проситъ содѣйствія людей знающихъ: проситъ исправлять, дополнять и объяснять добытыя имъ данныя и присылать ему различные этнографическіе матеріалы...

Listy z českych dějin kulturnich. Sepsal d-r Čeněk Zibrt. V Praze. 1891. II+123 стр. Книга г. Зиберта весьма любопытна. Она состоитъ изъ 9-ти отдѣльныхъ небольшихъ статей, содержаніе которыхъ мы постараемся передать въ томъ объемѣ, какой можетъ быть оправданъ вниманіемъ къ ней съ точки зрѣнія этнографіи русской. Эти 9 статей легко могутъ быть объединены въ три группы. Первая группа заключаетъ въ себѣ три очерка, касающіеся внѣшней культурно-бытовой исторіи Чеховъ: объ употребленіи въ старину румянъ и бѣлилъ (стр. 1—21), о символическомъ значеніи цвѣтовъ (стр. 49—64), объ употребленіи табаку (стр. 81—93). Во второй группѣ—четыре этюда по исторіи обрядовъ въ связи съ народной поэзіей: остатки старинныхъ жертвенныхъ обрядовъ (стр. 22—48), одна изъ предсвадебныхъ церемоній (стр. 75—78), питье св. Яна на свадьбѣ (стр. 79—80), свадьба уносомъ (стр. 102—117). Наконецъ къ третьей группѣ относятся двѣ замѣтки изъ области книжныхъ сказаній, получившихъ въ народѣ распространеніе и принявшихъ на себя колоритъ народной легенды: повѣсть о Мелюзинѣ въ народномъ пересказѣ (стр. 65—74) и повѣсть о кожѣ Жижки (стр. 94—101).

Древнѣйшее свидѣтельство объ обычаѣ румянить лицо у Чеховъ относится къ XIII столѣтію; затѣмъ вплоть до самаго конца XVIII-го вѣка (докуда доводитъ свое обозрѣніе авторъ) имѣются на существованіе и развитіе этого обычая указанія самыхъ разнообразныхъ памятниковъ, начиная съ лѣчебныхъ книгъ (какъ дѣлать румяна и бѣлила, составлять снадобья для того, чтобы сдѣлать кожу лица чистой и т. п.) и кончая нападками, иногда очень энергичными, писателей и проповѣдниковъ на этотъ обычай, неугодный Богу, такъ какъ, слѣдуя ему, человѣкъ старается дать себѣ другой видъ, нежели тотъ, который получилъ по волѣ Божіей отъ природы. Впрочемъ, доводы враговъ этого искусственнаго украшенія съ теченіемъ времени мѣнялись: если въ раннюю пору достаточно было угрожать Божіимъ гнѣвомъ и вообще пользоваться увѣщаніями характера нравственно-религіознаго, то позднѣе, въ XVII вѣкѣ, указывали

на то, что краска портитъ кожу, что искусственный румянецъ легко отличить отъ природнаго, и что вообще разумные люди смѣются надъ подобными средствами пріобрѣтенія красоты. Однако оба рода увѣщаній практиковались еще въ XVIII вѣкѣ; такъ Либертинъ (De educatione juventutis, 1713) говоритъ: «Долженъ ли молодой человѣкъ красить свое лицо? Конечно, нѣтъ, потому что отъ этого не только портится природный цвѣтъ лица, но и возбуждается гнѣвъ Божій» (стр. 17). Изъ этого, между прочимъ, видно, что разбираемому обычаю слѣдовали оба пола. Въ XVIII вѣкѣ перешла къ Чехамъ французская мода лѣпить на лицо звѣздочки, мушки, цвѣты и др. украшенія, нашедшая себѣ также своихъ обличителей.

Символика цвѣтовъ у старыхъ Чеховъ имѣетъ много общаго съ символикой ихъ у другихъ народовъ, въ томъ числѣ и народа русскаго, что совершенно естественно въ виду ея общеевропейскаго и даже еще болѣе широкаго источника. Бѣлый цвѣтъ издавна означалъ у нихъ невинность, чистоту, святость; кромѣ того, онъ же служилъ для выраженія радости; съ другой стороны этотъ же цвѣтъ употреблялся какъ символъ траура, несчастія; въ паралелль къ этому авторъ припоминаетъ чешское свидѣтельство изъ второй половины XVI вѣка объ обычаѣ у Русскихъ, по которому вдова оплакиваетъ покойнаго своего мужа накрывши голову бѣлымъ покрываломъ, и такое же значеніе бѣлаго цвѣта у современныхъ Сербовъ. Красный цвѣтъ служилъ у Чеховъ для выраженія страстной привязанности, а видѣть его во снѣ означало побѣду надъ врагами и радость. Близкій къ ярко-красному цвѣтъ темно-красный предвѣщалъ во снѣ, напротивъ, несчастіе. Рыжій цвѣтъ волосъ отличалъ, по народному понятію, человѣка фальшиваго, хитраго. Голубой цвѣтъ—знакъ вѣрности, постоянства, а иногда надежды, также терпѣливаго страданія, нравственной чистоты. Зеленый цвѣтъ—надежда, радость, веселье. Желтый цвѣтъ издавна служилъ печатью поношенія, стыда; его предписывалось носить, между прочимъ, женщинамъ дурного поведенія; по свидѣтельству г. З., желтый цвѣтъ и въ настоящее время является нелюбимымъ въ чешскомъ народѣ. Эту невыгодную репутацію желтаго цвѣта отчасти раздѣляетъ съ нимъ и цвѣтъ сѣрый, который, впрочемъ, съ другой стороны служитъ символомъ тихой покорности. Пепельный цвѣтъ указываетъ на злую волю. Черный—означаетъ печаль, несчастіе, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ,—счастіе, радость.

Въ статьѣ о табакѣ г. З. передаетъ сначала вкратцѣ свѣдѣнія о первомъ появленіи его въ Европѣ: извѣстность его для Европы почти совпадаетъ съ открытіемъ Америки, откуда онъ былъ въ XVI вѣкѣ вывезенъ и привитъ къ европейской почвѣ, такъ что во второй половинѣ этого столѣтія онъ является въ Чехіи довольно распространеннымъ. Употребленіе его на первыхъ порахъ вызывало мнѣніе, что это—дьявольское дѣло; оно поддерживаемо было и тогдашними проповѣдниками, которые предсказывали курцамъ въ будущемъ муки ада; въ 1624 г. противъ табака издана была папская булла; но не смотря на все это, куреніе табаку быстро распространялось. Въ первой половинѣ XVII столѣтія стало распространяться въ Европѣ нюханіе табаку, и во второй половинѣ его этотъ видъ употребленія новаго зелья сильно практиковался и въ Чехіи, вызывая противъ себя также упрекъ проповѣдниковъ и воздѣйствіе церковной власти. Дальнѣйшіе успѣхи табака сдѣлали окончательно безполезными такого рода мѣры, мѣсто которыхъ, въ дѣлѣ протеста распространенію табака, заняли въ настоящее время спеціально посвященные этому періодическія изданія и основанныя съ этою цѣлью общества (напр. французское Sociéte contre l'abus du tabac).

Изъ остатковъ старинныхъ жертвенныхъ обрядовъ г. З. разсмотрѣны, на основаніи памятниковъ письменныхъ и устныхъ, слѣдующіе: снятіе съ пѣтуха головы косой (соединяемое съ особой игрой, при чемъ исполняющій это старается убѣжать, чтобы не быть пойманнымъ другими участниками игры; это имѣло мѣсто на свадьбахъ, при окончаніи жнитва, на разныхъ сельскихъ празднествахъ; обычай этотъ наблюдаемъ былъ около половины нынѣшняго столѣтія, но теперь уже повсемѣстно вымираетъ) убіеніе деревянной саблей гуся или утки, закапываемыхъ по шею въ землю (при чемъ исполняющій это завязывалъ глаза), убіеніе годовалаго ягненка, сбрасываніе съ крыши или другого высокаго мѣста козла, отрываніе головы гусямъ, повѣшеннымъ на веревкѣ,

все это при однородныхъ условіяхъ съ первымъ упомянутымъ обычаемъ съ пѣтухомъ, объ этомъ послѣднемъ авторъ замѣчаетъ, что онъ не извѣстенъ ни Русскимъ, ни Полякамъ; это стоило бы провѣрки, такъ какъ историко-обрядовая важность описываемаго тутъ обычая не подлежитъ сомнѣнію.

Первая изъ трехъ замѣтокъ, посвященныхъ свадебнымъ обрядамъ, указываетъ на обычай устраивать нѣчто въ родѣ кошачьяго концерта наканунѣ вѣнчанія передъ домомъ жениха или невѣсты, если кто-нибудь изъ нихъ вступаетъ въ бракъ по второй разъ; обычай этотъ находитъ себѣ параллели и у другихъ народовъ (Французовъ, Нѣмцевъ); во второй говорится о «питьѣ св. Яна, т. е. винѣ, которое святится на день св. Іоанна Евангелиста и дается тотчасъ же послѣ вѣнчанья молодымъ въ церкви, а также и нѣкоторымъ изъ присутствующихъ—въ видѣ выраженія добрыхъ пожеланій вступающимъ въ новую жизнь; въ третьей замѣткѣ трактуется широко распространенный въ старину у разныхъ народовъ обычай похищенія невѣсты (съ ея согласія или безъ него), слабые остатки котораго, по крайней мѣрѣ въ соблюденіи типическихъ внѣшнихъ формъ, и при томъ какъ единичные факты, можно замѣтить у Чеховъ даже въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Наконецъ, въ одномъ очеркѣ послѣдней группы г. З., указывая на переходъ къ Чехамъ общераспротраненнаго сюжета о Мелюзинѣ изъ французскаго источника черезъ посредство нѣмецкаго пересказа, сообщаетъ при этомъ краткую исторію связаннаго съ именемъ Мелюзины народнаго обычая—въ вѣтряную зимнюю ночь бросать изъ оконъ муку или соль, съ приговариваніемъ, что пусть возметъ это Мелюзина для своихъ дѣтокъ, такъ какъ она, вслѣдствіе несчастнаго любопытства своего супруга, осуждена на вѣчное летаніе въ воздухѣ. Такимъ образомъ Мелюзина тутъ является сказочнымъ воздушнымъ существомъ, которому приносится жертва. Въ другомъ очеркѣ авторъ касается легенды, уже гораздо болѣе спеціальной въ приложеніи къ чешскому народу это извѣстный разсказъ о знаменитомъ Жижкѣ, который будто бы, умирая, завѣщалъ бросить свое тѣло на съѣденіе птицамъ, а кожу содрать и натянуть на барабанъ, чтобы звуки этого барабана возбуждали къ битвѣ будущихъ борцовъ за отечество. Первая письменная передача этой легенды находится въ Чешской исторіи Энея Сильвія (впослѣдствіи папы Пія II, 1405—1464), который, можетъ быть, самъ заимствовалъ ее изъ народныхъ устъ. Авторъ указываетъ на существованіе этого же сюжета (въ общей его основѣ, въ приложеніи къ другимъ именамъ) у другихъ народовъ, напр. у Лужичанъ и Сербовъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе Сборника г. Зибрта, интереснаго по затронутымъ вопросамъ, написаннаго съ основательной спеціальной эрудиціей и съ умѣніемъ говорить о дѣлѣ безъ ненужныхъ отступленій. Къ книгѣ приложенъ очень удобный указатель предметовъ.

Е. Петуховъ.

Изъ старыхъ книгъ. [illegible] матеріалы). Въ извѣстныхъ [illegible] нѣкоторыхъ загранич[illegible] отдѣлъ — выборки [illegible] ній: благодаря имъ [illegible] торые безъ этого [illegible] гимъ изслѣдователямъ. [illegible] и исторіи русской литературы [illegible] книгъ и изданія ихъ [illegible] и теперь для изученія [illegible]

I.

«Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпными трудами черезъ тритцать лѣтъ собранная и описанная Татищевымъ. Книга первая. Часть первая». Москва. 1768.

1) Глава 4-я: о исторіи Іоакима Новгородскаго епископа, стр. 32—3: «По смерти Владиміра (сына Вандала) и матери ево Адвинды княжили сынове его и внуки до Буривоя, иже девятый бѣ по Владимирѣ, имена же сихъ осми невѣдомы, ни дѣлъ ихъ, развѣ въ пѣснѣхъ древнихъ воспоминаютъ». Стр. 44—5: «Пѣсни древнихъ, хотя они не такимъ порядкомъ складываны, чтобъ за исторію принять было можно, однакожъ много можно въ недостаткѣ исторіи изъ оныхъ нѣчто къ изъясненію и въ дополнку употребить, какъ видимъ Омера пѣснями нѣчто въ память оставившаго. Стрыковскій въ недостаткѣ исторіи Литовской сказывалъ, что изъ пѣсенъ бралъ. Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимирѣ слыхалъ, въ которыхъ женъ его именали, такожъ о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексіѣ Поповичѣ, Соловьѣ разбойникѣ, Долкѣ (sic) Стефановичѣ и проч. упоминаютъ, и дѣла́ ихъ прославляютъ, и въ исторіи весьма мало или ничего; въ примѣръ сему о Путятѣ п. 45 (въ примѣчаніи) я изъ пѣсни изъяснилъ, но я жалѣю, что нынѣ такихъ пѣсенъ списать не досталъ».

2) Стр. 39: «Тысяцкій Владимировъ Путята... мужъ смысленный и храбрый». Стр. 40: «людіе поносятъ Новгородцевъ: Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ». Стр. 50: «О Путятѣ нигдѣ Несторъ не упомянулъ, но есть Путятъ, токмо иной, въ пѣсняхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владиміра тако поютъ: противъ двора Путятина противъ терема Зыбатина, стараго Путяти темной лѣсъ; изъ чего можно видѣть, что знатный мужъ былъ».

3) Стр. 46—7: Юродивые и предсказатели.

4) Стр. 99: «Черемисы слово псотони толковали, господа рыбные, или богатые рыбами; они же всѣхъ купцовъ богатыхъ господами именуютъ, какъ то и у насъ въ простонародіи въ обычаѣ».

5) Стр. 105: «Мордва, Чуваша, Черемиса и пр. вся однаго Сарматскаго рода и языка, хотя въ нарѣчіи не малую разность имѣютъ, однакожъ єдинъ другаго легко реченіе разумѣютъ».

6) Стр. 92: «Перешедъ за сіи горы (Уралъ), якобы народъ спитъ шесть мѣсяцевъ». Стр. 105—6: «Спящіе 6 мѣсяцевъ: сія басня мною отъ того сложена, что для трудности прохода, ..мало въ ту сторону ходили, а особливо зимою для множества снѣговъ проходъ кромѣ лыжей былъ неудобенъ; ибо сіи горы поперегъ всюду не меньше 50 верстъ, а индѣ до 100. И какъ люди тамошніе въ то время не выходили, то сложили, якобы они все то время спятъ».

7) Стр. 106: «Около Понта народъ глупѣйшій: мню разумѣетъ (Геродотъ) Колхисъ, нынѣ Мингреліа или Милитиніа, можетъ тогда сей народъ таковъ былъ, правда и нынѣ не очень въ нихъ много мудрыхъ, однакожъ лестію, коварствомъ и лицемѣрствомъ не скудны, но и въ томъ Грузинцы ихъ превосходятъ».

8) Стр. 109—110: «Мартиньере въ лекс. геогр. сказуетъ, что они (Маѳирсы) мазались синею краскою и что ширѣ, то честнѣе, отъ чего пикти (малеваные) названы, и якобы они въ Британію, потомъ во Францію перешли. Страленбергъ стр. 166. Сіе о Якутахъ и Тунгусахъ въ Сибири разумѣетъ, ибо оные начерняя нитку на днѣ котла иглою, по за кожи по лицу, на груди и рукахъ протягиваютъ, и разные узоры изображаютъ; оная сажа сквозь кожу видится синя, у нихъ кто болѣе такихъ узоровъ имѣетъ, тѣмъ болѣе похваляется, какъ я самъ такихъ довольно видалъ».

9) Стр. 110: «Татарской безъименной писатель о родословіи Чингизовомъ сказуетъ по преданію древнихъ, что *зміи* златоглавы, пришедъ въ Болгарію великой вредъ учинили, и многіе отъ оныхъ къ сѣверу и за́ горы (т. е. въ Сибирь) ушли; но сіе аллегорично о Персахъ сказуется, которое и по Персидской исторіи доказательно, что Персы около Рождества Христова на Козаръ и Болгаръ войною ходя много по-

плѣнили, а Кизылбашъ званіе Персіанъ значитъ златоглавы, по злобѣ же ихъ зміями именовали».

10) Стр. 110—1: «Превращеніе звѣрей и птицъ во многихъ народѣхъ и недавно въ Германіи несмысленные вѣрили, но Геродотъ (превращеніе невровъ въ волковъ) благоразсудно почитаетъ (sc. не вѣритъ этимъ слухамъ); у насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные, сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышащіе довольно вѣрили; но какъ я неудобности къ тому представилъ, то принуждены умолчать, однакожъ между подлостію весьма твердо вѣрятъ». Въ 1714 году ѣдучи я изъ Германіи чрезъ Польшу въ Украинѣ заѣхалъ въ Лубны къ фелдмарщалу (sic) Графу Шереметеву, и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилася. Я хотя много представлялъ, что то не правда, и баба на себя лжетъ, но фелдмаршалъ нимало мнѣ не внималъ, я просилъ его, чтобъ позволилъ мнѣ ту бабу видѣть, и ея къ покаянію увѣщать, по которому послалъ онъ со мною адъютантовъ своихъ Лаврова и Дубасова. Пришедъ мы къ оной бабѣ, спрашивалъ я ея прилѣжно, чтобъ она истинну сказала, на что она тоже что и въ распросѣхъ утверждала. Я требовалъ у ней въ утвержденіе онаго, чтобъ изъ трехъ вещей учинила одну: нитку, которую я въ рукахъ держалъ, чтобъ не дотрогиваясь велѣла бъ порваться, или свѣчѣ горѣвшей погаснуть, или бъ въ окошко, которое я открылъ, велѣла воробью влетѣть, обѣщавая ей за то не токмо свободу, но и награжденіе; но она отъ всего отреклась». Потомъ я ея увѣщалъ, чтобъ покаялась и правду сказала, на оное она сказала, что лучше хощетъ умереть, нежели отпершись еще пытанной быть, и какъ я твердо увѣрилъ, что не токмо сожжена, но и пытана не будетъ, тогда она сказала, что ничего не знаетъ, а чарованье ея состояло въ знаніи нѣкоторыхъ травъ и обманахъ, что и достовѣрно утвердила, по которому оная въ монастырь подъ началъ сослана. Нѣкоторые на Финовъ сіе превращеніе преносятъ» (ссылка на гл. 17, прим. 38).

11) Стр. 129: «Обычай изъ головъ сосуды дѣлать былъ у многихъ восточныхъ народовъ».

12) Стр. 132: «Волскіе Калмыки, имянуемые Торготы, имѣютъ обычай весною по равноденствіи выходить изъ зимовья къ Волгѣ и въ послѣднихъ числахъ марта или въ апрѣлѣ переходятъ за Волгу на восточную сторону, и по оной идутъ въ верьхъ до Саратова, а прежде какъ ихъ весьма много было, то и до Самары, въ августѣ пойдутъ назадъ, и въ сентябрѣ или октябрѣ паки чрезъ Волгу ниже Царицына переправясь идутъ къ Каспійскому морю и къ Кумѣ по берегамъ въ тростникахъ зимуютъ, переходя для кормовъ скота неподалеку, какъ которому владѣльцу или роду отъ Хана назначено будетъ: ибо имъ камышъ или троснякъ награждаетъ недостатокъ дерева на дрова».

13) Стр. 133: «Лошадиное молоко, татарскій кумысъ, калмыцкое чиганъ, есть ихъ лучшее питіе, и подлинно сильно тучитъ, а наипаче для горячаго желудка весьма полезно, и кто привыкнетъ, непротивно, но холодному желудку для кислоты вредительно, противно тому сыръ, а особливо къ чахоткѣ склонныхъ прѣсное молоко много пользуетъ, что я довольно испыталъ».

14) Стр. 149: «Пигмеи или Карлы съ журавлями воевающіеся; сущая басне... Подобную сему баснію у Кабардинцовъ нахожу. Въ горахъ тѣхъ есть родъ журавлей гораздо меньше ростомъ, но перьемъ много красивѣе нашихъ, и голосъ отмѣненъ, кабардинской знатной Узденъ разговаривая сказывалъ, якобы въ древности они были велики, и хохлы золотые имѣли, но такъ много вредили жителямъ на поляхъ, что не могли болѣе житъ получить, и по многихъ съ ними битвахъ принуждены многіе оставя городы инуда преселиться, но изъ Египта пришедшій волхвъ ихъ заклялъ хохлы, а другіе красоты перья отнялъ, ихъ учинилъ вполы меньше, и въ горы загналъ, что на поля летать съ того времени перестали, но сему и Кабардинцы другіе не вѣрятъ. Сія

басня не изъ тоголь произошла, что журавли малыхъ робятъ не любятъ, и нападая бьютъ, какъ то я многихъ имѣя довольно примѣтилъ».

15) Стр. 142: «Обыватели (о-ва Базилии)... съ лошадиными ногами родятся, и Иппоподи именуемыя». Стр. 157: «мню разумѣть ѣздящихъ на конѣхъ, когда переводчикъ не уразумѣлъ реченія, что не на своихъ, но на конскихъ ногахъ переходятъ, то за конскія ноги у людей разумѣлъ».

16) Стр. 218: «Мордва никогда ниже Суры по Волгѣ не жили».

В. Каллашъ.

Библіографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. I. Ленора (женихъ—или братъ—мертвецъ). II. Шемякинъ судъ. Всякому, занимавшемуся сравнительно-исторической разработкой такъ называемыхъ «бродячихъ сказаній» и повѣрій, приходилось считаться при своихъ работахъ съ очень крупной помѣхой—отсутствіемъ библіографическихъ указателей, которые помогали бы изслѣдователю разобраться въ массѣ разсѣяннаго по тысячамъ изданій матеріала по фольклёру, съ меньшимъ трудомъ подыскивать необходимыя данныя. Составленіе такихъ указателей, конечно, не подъ силу одному человѣку, потому что оно требуетъ слишкомъ разностороннихъ знаній и почти невозможной эрудиціи; они могутъ составляться только путемъ постепеннаго накопленія данныхъ, только совмѣстными усиліями многихъ представителей фольклёра и смежныхъ научныхъ областей, — и, если они достигнутъ возможной полноты, будутъ цѣннымъ подспорьемъ для изслѣдователей: благодаря имъ можно будетъ безъ особеннаго труда охватить и привлечь къ сравненію весь наличный матеріалъ по данному вопросу, что и можетъ только дать наибольшую устойчивость и прочность выводовъ. Чтобы обратить вниманіе на этотъ крайне важный для развитія и научнаго процвѣтанія фольклеристики вопросъ, я задумалъ напечатать нѣсколько библіографическихъ этюдовъ по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. Конечно, они далеки будутъ отъ желательной полноты; я надѣюсь, что допущенные мною пробѣлы и промахи будутъ пополнены и исправлены другими фольклёристами и историками литературы — такимъ образомъ подготовится нѣсколько страницъ для будущаго общаго фольклеристскаго словаря, которыя не будутъ, думаю, безполезны и въ настоящее время.

Въ каждомъ этюдѣ матеріалъ будетъ расположенъ по двумъ отдѣламъ А и В— 1) изслѣдованія и библіографическія указанія, 2) изданія памятниковъ. Краткое содержаніе сказаній будетъ приводиться только тогда, когда они малоизвѣстны. Если рѣчь будетъ идти о памятникахъ общеизвѣстныхъ и неоднократно издававшихся, изданія не будутъ указаны, за немногими исключеніями. Въ приложеніяхъ къ этюдамъ будутъ приводиться иногда выдержки изъ наиболѣе рѣдкихъ и малодоступныхъ изданій.

I. Ленора (Женихъ—или братъ—мертвецъ) [1].

А. 1) Monthly Magazine, 1796, сент.; 2) Neue Berlinische Monatschrift, 1799, II, 389; 3) Bleibtreu, Geschichte der englischen Litteratur in der Renaissance und Klassicität, Leipzig, 1887, I, 256; 4) W. Grimm, Altdänische Heldenlieder, Balladen und Märchen, Heidelberg, 1821, 505; 5) Lach Szyrma, Uwagi nad Balladą, Bürgers-Leonora, Pamiętnik Naukowy, 1819, II, 275—282; 6) Fauriel, Chants populaires de la Grèce Moderne, Paris, 1825, II, 405; 7) W. Müller, Bürger's Lenore und ein neu-

---

[1]) При составленіи этого этюда я пользовался главнымъ образомъ указаніями, которыя даютъ въ своихъ работахъ гг. Созоновичъ и Bugiel.

griechisches Volkslied, Morgenblatt, 1825, №№ 125, 126; 8) W. Wackernagel, Einladungsschrift zur Promotionsfeier des Pädagogiums und zur Eröffnung des Jahrescursus 1835 in Basel; 9) idem, Altdeutsche Blätter, 1836, I, 174—202 (zur Erklärung und Beurtheilung von Bürgers Lenore съ дополненіями Г. фонъ Фаллерслебена); 10) idem, Kleinere Schriften, Leipzig, 1873, II, 399—427; 11) Pröhle, G. A. Bürger, Sein Leben und seine Dichtungeu, Leipzig, 1856; 12) Wollner, Der Lenorenstoff in der slavischen. Volkspoesie, Archiv für slavische Philologie, 1882, VI, 2, стр. 939—969; 13) Holzhausen, Die Ballade und Romanze von ihren ersten Auftreten in der deutschen Kunstdichtung bis zu ihrer Ausbildung durch Bürger, Zeitschrift für deutsche Philologie, 1883, XV, 2, стр. 129—194 и 3, стр. 297—345; 14) Psichari, La ballade de Lénore en Grèce, Revue de l'Histoire des religions, 1884, IX, стр. 27—64; 15) Πολίτης, Τὸ δημοτικόν ᾆσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ, Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος ἐν Ἀθήναις, 1885, II, 193—261; 16) Biegeleisen, Tło ludowe ballady A. Mickiewicza p. t. «Ucieczka», Świt, 1885, II, №№ 10—16; 17) А. Н. Веселовскій. Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, XI, 71—9; 18) Деступисъ, Сказаніе о братѣ-мертвецѣ или женихѣ-мертвецѣ, ib. 1886, III, 76—100; 19) Cadicamo, La leggenda di Garentina. L'adolescenza, 1884, II, 65; 20) Созоновичъ, Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ, этюдъ по сравнительному изученію народной поэзіи, Варшава, 1890, оттискъ изъ Варшав. Универ. Извѣстій (рец. въ Библ. отд. «Русской Мысли» 1892, январь); 21) Bugiel, Eine kleinrussische Version der Lenorensage, Archif f. Slav. Phil. 1891, XIV, 146—8; 22) Schmidt, Bürgers Lenore (Charakteristiken); 23) Boeckel, Zur Lenorensage, Germania, XXXI, 1886, 117 f; 24) Liebrecht, Zur Volkskunde, Heilbronn, 1879, 195—7 и Germania, XXXV, 1890, 208; 25) Büchmann, Geflügelte Worte (12 A.), Berlin, 1880, 77 f; 26) Meyer, Aberglauben des Mittelalters etc. Basel, 1884, 357; 27) Mayer, Der Protesilaos des Euripides, Hermes, XX, 1885, 101—143; 28) Baumeister, Denkmäler des klassischen Alterthums, III, 1888, 1422; 29) Ждановъ, Къ литер. ист. рус. былевой поэзіи, Кіевъ, 1881, 230; 30) Revue des deux Mondes, 1866, LXIII, 407—9; 31) Аѳанасьевъ, Нар. русск. сказки, IV, Москва, 1873, 491; 32) Strodtmann. Briefe von und an Bürger, Berlin, 1874, I, 101; 33) Schlegel, Neuer teutscher Merkur, I, 394, 34) Herder, Werke, 1830, Zur schönen Literatur und Kunst, XX, 405; 35) Wagner, Deutsches Museum, 1852, 802 ff.

B. a) Русскіе варіанты: 1) Созоновичъ, Руссиіе варіанты сказки «о женихѣ—мертвецѣ», «Рус. Филолог. Вѣстникъ, 1890, IV, № I, II, VII, VIII, IX; 2) Жуковскій, «Ленора» и «Людмила».

b) Малорусскіе: 1) Bugiel, l. c.; 2) Головацкій, Нар. пѣсни Галиц. и Угор. Руси, 1878, I, 83, № 40; 3) Созоновичъ; Рус. варіанты etc № IV, V, VI; 4) Lach Szyrma, l. c.; 5) Драгомановъ, Малор. нар. пред. и разк., 392—3; 6) Чубинскій, Труды этн. стат. эксп. въ Зап. Рус. край, II, 411—416; 7) Л. М. Старицкая, «Живая могила» (малоруская легенда, «Кіевская Старина», 1889, X, 70—102; 8) Żegota Pauli, Pieśni, II, 37.

c) Бѣлорусскіе: 1) Созоновичъ, Рус. варіанты etc., № III; 2) Добровольскій, Смоленскій Этнографическій Сборникъ, I, СПБ., 1891, стр. 126—7.

d) Польскіе: 1) Lach Szyrma, Kamilla i Leon, Pamiętnik Naukowy, 1819. I, 358—366; 2) Kolberg, Lud, XIV, стр. 181—2, № 41 и VIII, 160; 3) Gołębiowski, Lud Polski, jego Zwyczaje, Zabobouy, Warszawa, 1830, 171; 4) Wagner, Deutsches Museum, 1862, 802 ff; 5) Zeitchrift für Volkskunde, II, 144; 6) Mickiewicz, Ucieczka; 7) Zamarski, Podania i basni ludu w Mazowszu, w Wrocławiu, 1852, 121—132; 7) Chmielowski. Ballady Tomasza Zana, Studya i Szkica, II, 202; 8) Zawiliński, Ułamek polskiej «Leuory», Wisła, 1891, 4, стр. 790—1.

e) Чешскіе: 1) Erben, Prostonárodní české písně a říkadla, v Praze, 1864, 472—3; 2) Sumlork (Krolmus), Staročeské powěsti, zpěwy, hry, obyčege, slawnosti a nápěwy, I, v Praze, 1845, 608—610; 3) Kytice z básní Karla Iaromira Erbena, v Praze, 1874, 23.

f) Моравскіе: Sušil, Morawské narodni pisně, v Brně, 1860, № 112, стр. 111.

g) Лужицкіе: 1) Schulenburg, Vendische Volkssagen und Gebränche aus dem Spreewald, Leipzig, 1880, 137, 138; 2) idem, Wendisches Volksthum, 64.

h) Сербскіе 1) Krauss, Powrót umarłych na swiat, Wisła, IV, 1890, zes. 3, 667 — 671; 2) Караџић, Српске Народне пјесме, II, у Бечу, 1875, 38—42.

i) Словинскіе: 1) Valjavec, Narodne pripovjedke u Varaždinu, 1858, 239; 2) Hanusch, Mannhardt's Zts. f. deutsch. Myth. u. Sittenkunde, IV, 224 ff.

k) Литовскіе: 1) Schleicher, Litauische Märchen, Weimar, 1857, 34; 2) Leskien und Brugmann, Litauische Volkslieder und Märchen, Strassburg, 1882, 497.

l) Венгерскіе: 1) Hermann's Ethnologische Mittheilungen aus Uugarn, III, 341; 2) Aigner, Gegenwart, 1875, № 12; 3; Pap, Paloc nép költemények, 1865.

m) Цыганскіе: Wlisłocki, Volksdichtungen der transylvanischen Zigenner, 104—6, 983—5.

n) Болгарскіе: 1) Миладиновци. Бълг. нар. пѣсни, Загребъ, 1861, № 200; 2) Dozon, Chans. popul. bulg., Paris, 1875, 319—321, 327.

o) Албанскіе: Rapsodie d'un poema albanese, tradotto e messo in luce da Gir de Puda, Firenze, 1866, canto XVII, 29.

p) Древне и ново-греческіе: 1) Lucianus, Dial. mort. 23, I; 2) Hyginus, Tab. 103, 104; 3) Ovidius, Metam. II, 67; Heroid. XIII; 4) Propertius, I, 19, 7; 5) Philostr. Heroic. I, 4; 6) Eustathius (Ilias), p. 325, 24; 7) Passow, Τραγούδια Ῥωμαικα, popul. carm. Graeciae recentioris. Leipzig, 1860. №№ 517—9; 8) Kind, Anthologie neugr. Volkslieder, Lpz; 1861, 96; 9) Fauriel, Chants populaires de la Grèce moderne, II, Paris, 1825, 405—9; 10) Τραγούδια ἐθνικὰ συναγμένα καὶ διασαφηνισμένα ὑπὸ Ἀντωνίου Μανούσου, Κέρκυρα, 1850, II' 73—6; 11) Sathas et Legrand, Les exploits de Digénis Akritas etc. Paris, 1875, introduction, 50—2 annotations, 276—8; 12) Ζαμπελίου, Ἄσματα δημοτικὰ τῆς Ἑλλάδος, Κέρκυρα, 1852, 713—5; 13) Lagarde, Neugriechisches aus Kleinasien, Abh. der k. Ges. der Wiss. zu Göttingen, 1886, XXXIX, № 15, 25, 36; 14) Ἰωαννίδου Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος, Κωνστ., 1870, 283—4, № 15;

q) Древне-германскіе: 1) Vigfusson, Corpus poeticum boreale, I, 502—507; 2) Raszmann, Die deutsche Heldensage und ihre Heimat, 1863, I, 72—89; 3) Calaminus, Die Liebe des Königs Helgi und der Walkyrie Sigrun, Archiv f. das Studium der neueren Sprachen u. Litteraturen, 1883, LXIX, 37—63; 4) Сэмундова Эдда.

r) Шведскіе и норвежскіе: 1) Mohnike, Volkslieder der Schweden, Berlin, 1830, I, 39; 2) Geijer och Afzelius, Svenska Folk-Wisor, Stockholm, 1816, I, 29—30, III, 204; 3) Idunna, 1812, 60; 4) Warrens, Schwedische Volkslieder der Vorzeit, 302; 5) idem, Norwegische Lieder der Vorzeit, 405.

s) Датскіе: 1) Grundtvig, Dankmars Gamle Folkeviser, Kjöbenhavn, 1853, II, 492 ff, 871; 2) Grimm, Altdänische Heldenlieder, Balladen und Märchen, Heidelberg, 1811, 73; 3) Warrens, Dänische Lieder der Vorzeit, 232; 4) Sandvig, Levninger af Mettelalderens Digtekunst, Kjöbenhavn, 1780;

5) **Rahbeck**, Kjembe Visebog, Kjöbenhavn, 1810; 6) **Nyerup**, Udvalgte danske Viser, I, 210—217; 7) Uhland, Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage, 1868, VII, 416.

t) **Исландскіе**: 1) **Maurer**, Isländische Volkssagen der Gegenwart, Lpz, 1850, 73; 2) **Arnason**, Islenzkar Thjódhsögur og Aefintýri, I, 280 (Lpz. 1864).

u) **Голландскіе**: 1) **Grimm**, Märchen, III, 75; 2) Pol de Mont, De Volkskunde, Tijdschrift voor Nederlandsche Folklore, II, 1889, 129—135; 3) Correspondenzblatt des Vereins f. niederländische Sprachforschung, 1883, № 6, p. 82.

x) **средне, южно и восточно-нѣмецкіе**: 1) **Iahn**, Volkssagen aus Pommern, 404; 2) **Peter**, Volkstümliches aus Oesterreich—Schlesien, Troppau; 3) **Schröer**, Ein Ausflug nach Gottschee, Sitzungsber. der Phil. Hist. Classe d. k. Akademie d. Wiss., LX, 1868, 165—292; 4) **Müllerhaff**, Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig Holstein und Lauenburg, Kiel, 1845, 164; 5) Rochholz, Deutsch. Glaube und Brauch, Berlin, 1867, I, 207—8; 6) **Bürger**, Lenore.

y) **Англійскіе**: 1) **Child**, The english and scottish popular ballads, Boston, 1885, III, 226; 2) Collection of old Ballads, London, 1723; 3) **Motherwell**, Minstrelsy Ancient and Modern, Llasgow, 1827.

z) **Шотландскіе**: **Warrens**, Schottische Volkslieder der Vorzeit, 189.

α) **Бретонскіе**: 1) **Villemarqué**, Barzaz Breiz, Chants populaires de la Bretagne, Paris, 1825, I, 271; 2) **Elissen**, Polygl. der europ. Poesie, 61; 3) **Sébillot**, Litt. orale de Haute Bretagne, 197.

β) **Корсскіе**: **Ortoli**, Contes populaires de la Corse, 373—6.

γ) **Провансальскіе**: 1) **Bérenger—Férand**, Légendes de la Provence, 363. 2 **La Tradition**, I).

δ) **Вотяцкіе**: **Верещагинъ**, Вотяки Сарапульскаго уѣзда (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по Отд. Этн. XIV, вып. III, 180—1.

ε) **Америк. павніевъ**: 1) **Grinnel**, Pawnee Hero Stories. 2) Revue des traditions populaires, V, 314.

II. Шемякинъ судъ.

Къ обстоятельно составленной г. Ольденбургомъ (Живая Старина, III, 183—5) библіографіи этого сюжета я могу прибавить пока очень мало.

1) **Галаховъ**, Ист. рус. словесности (**А. Н. Веселовскій**), I², 432—3; 2) **Льдовъ**, Шемякинъ судъ по рукописи XVII в., стихотв. переложеніе, Истор. Вѣст. 1890. I; 3) **Чубинскій**, Труды, II, 657; 4) **Романовъ**, Бѣлорусскій Сборникъ, III, 396—400; 5) еще неизданный разсказъ, записанный Н. А. Янчукомъ въ Корницѣ (Констант. у. Сѣдл. губ.) и 6) **Kosiński**, Materyjały do etnografii Hórali Bieskidowych, Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj, Kraków, 1881, V. Materyjały etnologiczne, № 4, стр. 197—8.

Москва, 31 января 1892 г.

Владиміръ Каллашъ.

Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90).

Фр. Бартошъ издалъ въ 1888 г. книжку «Naše děti, jejich život v rodině mezi sebou a vobci, jejich poezie, zábavy a hry i práce společné popisuje Fr.. B... V Brně. 1888. стр. 310 въ м. 8°. Здѣсь описана жизнь дѣтей только моравскихъ, собранъ большой матеріалъ пѣсенъ, поговорокъ, загадокъ, игръ дѣтскихъ обыкновенныхъ и въ извѣстные праздники, рождественскіе, пасхальные и др. Любопытно, что авторъ считалъ нужнымъ въ предисловіи своей книги какъ бы извиниться, что въ книгѣ описана настоящая жизнь дѣтей, какъ она есть, а не какой должна быть, что въ книгѣ встрѣчается то, чему опытный и осторожный педагогъ не станетъ учить дѣтей. Замѣчательнѣе другой, болѣе ранній трудъ нашего этнографа «Lid a národ», изданный въ двухъ томикахъ «моравской библіотеки» Ve velkém Meziříčí I т. 1883, II. 1885. Тутъ собраны нѣкоторыя этнографическія статьи издателя изъ разныхъ чешскихъ журналовъ, Osvět'ы и др. Въ I т. (стр. 238) помѣщены статьи: 1) Bývalé panství Zlínske (стр. 1—154) въ югозападной Моравіи; здѣсь описаны и изложены сельскій бытъ, старыя соціальныя отношенія за время крѣпостнаго права и пр., жизнь дѣтей, свадьбы, церковный годъ, календарь простолюдина, суевѣріе, обычаи; этнографическія границы, сосѣди, характеръ народа, торговцы и пр. 2) Moravské Valašsko, kraj i lid (стр. 155—238): въ этой статьѣ между прочимъ указано, что въ населеніи этого края была значительная доля румынской народности (стр. 161) и приведены вообще очень любопытныя замѣтки о колонизаціи этого края, изъ кое-какихъ семейныхъ записей нач. XVIII в.; само собой тутъ обстоятельно описанъ народный бытъ этого края. Во II т. (стр. 337) помѣщены два этнографическіе очерка, изъ жизни моравскихъ Словаковъ: 1) Podluží a Podlužáci. Národopisný obrázek z jižní Moravy (стр. 1—99) 2) Moravští Kopaničáři. Narodopisný obrázek z jihovýchodní Moravy (стр. 101—194) на границахъ моравско-венгерскихъ. Слѣдующая затѣмъ статья O naší poezii kramářské (стр. 195—293) отчасти касается вопроса объ упадкѣ народной поэзіи и условіяхъ его; о лубочныхъ или лучше рыночныхъ пѣсняхъ, распространяемыхъ книгоношами и печатаемыхъ уже съ конца прошлаго столѣтія предпріимчивыми издателями. Тутъ перепечатаны и народныя пѣсни, разнымъ способомъ переработанныя и конечно не къ лучшему измѣненныя, перепечатаны тоже нѣкоторыя стихотворенія новѣйшихъ чешскихъ поэтовъ, Челяковскаго и др. Наконецъ въ этомъ томикѣ находятся еще «Tři filologicke humoresky» (стр. 295—337), въ первой «гуморескѣ» подъ названіемъ «Kapitola z prostonárodní geografie a ethnografie moravské» приведены примѣры взаимнаго осмѣянія сосѣднихъ племенъ; не безъинтересна и другая «гуморeска»: «Pes v zrcadle našich přísloví a pořekadel».

Наконецъ еще упомянемъ о сборникѣ, который Фр. Бартошъ составилъ съ моравскимъ композиторомъ Л. Яначкомъ: Kytice z národních písní moravských. Telč 1890 стр. XII 216.

Фр. Бартошъ кромѣ того печатаетъ въ разныхъ чешскихъ журналахъ статьи по этнографіи моравской въ Časopis'ѣ Matice moravské, въ пражскомъ журналѣ «Osvěta», въ еженедѣльномъ журналѣ «Obzor» (въ Бернѣ), въ литературномъ ежемѣсячномъ журналѣ моравскомъ «Hlídka literár.» и др. Большая часть этихъ статей или вошли въ упомянутые сборники Бартоша, или явились въ переработанномъ видѣ въ его изслѣдованіи, приложенномъ къ сборнику моравскихъ пѣсенъ. Поэтому всѣхъ этихъ статей Бартоша перечислять не станемъ. Назовемъ лишь нѣкоторыя: «Prostonárodni kalendář» (Obzor 1888), Sbírečka moravsko-slezských přísloví (Obzor 1891) «Div ženy dle dosavadních pověr lidu moravského» (Premie Umělecké Besedy v Praze 1888: по его мнѣнію, повѣсти эти принадлежатъ какому-то кочевому народу, жившему въ славянскихъ земляхъ до Славянъ и вытѣсненному ими въ горы. Въ статьяхъ: «Příspěvky praktické politice» (Hlidka literární 1889—90) Бартошъ разобралъ нѣкоторыя моравскія народныя пѣсни съ эстетической точки зрѣнія; вопроса о подлинности ихъ

мотивовъ, о вліяніи народной поэзіи сосѣдей онъ не касается. Но важнѣе и любопытнѣе всѣхъ этихъ статей статья «O domácím lekařství lidu moravského», которую недавно Бартошъ сталъ печатать въ Casopis'ѣ Matice moravské 1891 г.

Фр. Бартошъ теперь первый этнографъ чешскій. Онъ добросовѣстный, тщательный, усердный собиратель и издатель. Въ этомъ отношеніи Бартошъ имѣетъ громадныя заслуги, умалять ихъ никто не посмѣетъ. Есть и другіе собиратели и издатели, но ихъ значеніе, по крайности понынѣ, гораздо меньшее. Въ чешской части Силезіи затѣяно было на мѣдныя деньги прекрасное изданіе. Говоримъ о широкозадуманномъ сборникѣ г. В. Праска (Прасекъ) въ маленькихъ выпускахъ: «Vlastivěda slezská» (Отчизновѣдѣніе силезское). Въ 1888—89 г. изданъ первый томикъ «Podání lidu» (стр. 240). Тутъ вошло все, кажется, доселѣ извѣстное и собраное по народной словесности и народнымъ повѣрьямъ; но это матеріалъ скудный, гораздо меньшій, чѣмъ можно было ожидать, судя по огромному сборнику Ант. Петера Volksthümliches aus Oesterreich... Schlesien (II т. Troppau 1864, оба почти по 300 стр.), гдѣ собранъ матеріалъ среди нѣмецкаго населенія австрійской Силезіи и то лишь западной, Опавской части, и не весь еще собранный матеріалъ вошелъ въ этотъ очень цѣнный сборникъ (см. рецензію Р. Кёлера въ Gött. Gel. Anz. 1867, стр. 137 сл.). Издатель въ предисловіи II-го тома замѣчаетъ, что много сказокъ, знакомыхъ изъ другихъ нѣмецкихъ сборниковъ хорошо, онъ выбросилъ, хотя иногда попадаются большія разнорѣчія. Мы должны были ожидать большаго собранія матеріала, и по объему и по содержанію, отъ наблюдателей чешскаго населенія Силезіи, надѣемся, что въ настоящемъ сборникѣ онъ далеко не исчерпанъ. Въ II т. сборника «Vlastivěda slezská» напечатана «Historická topografie země Opavské; въ III т. I части «Dějiny Opavska až do roku 1318».

Изъ другихъ сборниковъ по народной словесности припомнимъ во первыхъ, какъ сравнительно лучшія изданія общества «Slavia»; имъ изданы въ послѣднее десятилѣтіе: 1) Písně slovenské. V. Praze 1880 стр. 410; при всякой пѣснѣ указано, гдѣ и кѣмъ она записана, характеръ говоровъ словацкихъ вѣрно сохраненъ; 2) Pohádky i pověsti našeho lidu. V Praze 1882 стр. 181: сказки чешскія изъ Чехіи и Моравіи.

Другіе сборники сказокъ чешскихъ: 1) Národní pohádky a pověsti. Vypravuje Václav Beneš-Třebizský. V Praze 1887, стр. 160. 2) Národní pohádky i báje. Vypravuje Josef Kalenský. V Praze I, стр. 181. II, стр. 172: разсказчикъ передаетъ сказки, слышанныя имъ въ отрочествѣ на родинѣ, въ юго-западной Моравіи. 3) Pohádky i pověsti z moravského Valašska. Napsal Matouš Václavek. Nové Město nad Metují вып. I. 1888, стр. 48, II. 1888, стр. 40, вып. III. 1889, стр. 48; нѣкоторыя повѣсти сообщены тѣмъ же авторомъ въ книгѣ Moravské Valašsko. V Třebíči 1887. 4) Z chatek moravské Slovače. Pohádky a pověsti z okolí Uhersko-Brodského. Sepsal Jos. B. Kolář-Kochovský. Ve Velkém Meziříčí. 1888, стр. 112. 5) Рядъ народныхъ сказокъ издалъ Я. К. Граше; изъ нихъ припомнимъ новѣйшій его сборничекъ «Z vyprasvování našeho lidu. Vínek z českých pohádek a pověstí. V Praze 1886. Всѣ эти сборнички предназначены для дѣтскаго чтенія, и изданы даже въ разныхъ «библіотекахъ» для юношества; понятное дѣло, что эти сборнички не представляютъ вполнѣ надежнаго матеріала. Составители этихъ сборничковъ не записывали сказокъ прямо со словъ народныхъ сказочниковъ: онѣ записаны въ кабинетѣ на память и вѣроятно даже подъ вліяніемъ книжнымъ; тутъ часто были иныя соображенія, чѣмъ заботы о вѣрномъ сохраненіи подлиннаго характера народнаго разсказа.

Въ статьѣ «Národní píseň na Chodsku, ukázka z kulturních studií o Chodceh (Květy 1891) авторъ И. Ф. Грушка обѣщалъ сообщить нѣсколько сотъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ имъ у ходскаго племени на чешскомъ западѣ; но критика замѣтила, что дѣйствительно новыхъ пѣсенъ очень мало (Čas 1891 № 24).

Гораздо вѣрнѣе всѣхъ этихъ сборниковъ, указанныхъ нами болѣе полноты ради, «Prostonárodnie slovenské povesti. Usporiadal a vydáva Pavol Dobšinský вып. 1—8 небольшихъ въ 8°. V Turč. Sv. Martinĕ 1880 — 83. Но и это изданіе не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ; матеріалъ здѣсь не всегда надежный; главный недостатокъ изданія въ томъ, что издатель по разнымъ сообщеннымъ ему отъ разныхъ

собирателей версіямъ составлялъ, записывалъ сказки и при этомъ не могъ нѣкоторымъ образомъ не сочинять сказокъ, и такъ иной разъ сказка не могла не явиться какъ бы поддѣльною. На счетъ вѣрности народнаго языка тоже были высказаны сомнѣнія, см. книгу Príspevky k dejinám jazyka slovenského. Napisal D. S. Czambel. V Budapešti 1887; въ этой книгѣ указывается на явные руссизмы, встрѣчаемые въ сказкахъ Добшинскаго (стр. 76, 86, 90, 97, 99).

Наконецъ упомянемъ еще книжку Пр. Соботки: Kratochvilná historie měst a míst v zemích koruny Svatováclavské. V Praze 1885, стр. 297, интересную для характеристики чешскаго народнаго юмора.

Для исторіи народной поэзіи очень важны начала пѣсенъ народныхъ, которыя Иречекъ собралъ изъ древне-чешскихъ рукописей и печатныхъ изданій Čas. česk. Musea 1879 и 1881; это собраніе дополнилъ еще Ченекъ Зибертъ въ Čas. česk. Mus. 1888. Приступаемъ къ обозрѣнію матеріаловъ, собранныхъ въ разныхъ книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ по народнымъ обычаямъ, повѣрьямъ и другимъ примѣтамъ духовной жизни простолюдина.

Первымъ собирателемъ и изслѣдователемъ на этомъ полѣ является теперь Ченекъ Зибертъ. Онъ съ большою тщательностью собираетъ изъ старыхъ книгъ чешскихъ всѣ данныя, всѣ самыя мелкія замѣтки касательно народныхъ обычаевъ, суевѣрій и т. д. и на ихъ основаніи старается представить картину древне-чешской жизни народной. Его дѣятельность касается такимъ образомъ этнографіи, и такихъ даже отдѣловъ культурной исторіи, какіе уже мы не относимъ къ области этнографіи. Главное его сочиненіе, Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti i zábavy prostonárodní, pokud o nich vypravují písemné památky až po náš věk. V Praze 1889 (стр. 294) доставило автору почетное мѣсто между славянскими этнографами. Другія его позднѣйшія сочиненія: Myslivecké pověry a čáry ze starých časů v Čechách v. Pískú. 1889.

Z her a zábav staročeských. V Velkém Meziříčí 1889.—Poctivé mravy a společenské řády při jídle a pití po rozumu starých Čechů. V Praze 1890.—Dějiny kroje v zemích českých z doby nejstarší až po války husitské. V Praze 1891.—Listy z českých dějin kulturních. V Praze 1891, не всѣ касаются равнымъ образомъ этнографіи. Въ послѣдней книжкѣ собрано нѣсколько статей; изъ нихъ назовемъ, какъ болѣе интересныя: Přežitky starodávných obětních obřadů (Stínaní kohouta, Mlácení kačera, Stínání beránka, Shazování kozla, Trhání hlavy husím, na provaze pověšeným), Pověst o Meluzíně v českém podání lidovém, Svatba unosem u starých Čechů. Въ послѣднихъ сочиненіяхъ своихъ пользуется Зибертъ еще болѣе иностранною литературою, не только нѣмецкою, для изслѣдователя чешской старины, чешскихъ обычаевъ и обрядовъ едва ли не самою важною, разъ онъ хочетъ строго различить подлинно чешское отъ пришлыхъ элементовъ нѣмецкихъ, но и особенно славянскими литературами, гораздо больше, чѣмъ въ первой книжкѣ.

Г. Зибертъ кромѣ того печаталъ въ газетахъ и журналахъ чешскихъ множество статеекъ и замѣтокъ. Онѣ главнымъ образомъ вошли въ книжки его, потому считаемъ и ненужнымъ въ настоящемъ библіографическомъ очеркѣ приводить ихъ; упомянемъ лишь нѣкоторыя большія статьи, болѣе или менѣе важныя для этнографа: Kukačka v národním podání slovanském. Čas. čes. Mus. 1887.—Čarodějnice v staročeské pověře. Zlatá Praha 1887.—Kouzla a čáry starých Čechů. Památky archaeolog. 1887.—O staročeských hrách dětských. Vesna 1889.—Lidové zábavy, obyčeje a pověry na den sv. Jana Křtitele. Čas. čes. Mus. 1891.—Наконецъ еще припомнимъ, что онъ перепечаталъ старую чешскую поваренную книжку съ сохраненіемъ стараго правописанія «Kuchařstvij», въ первые изданную въ половинѣ XVI в.

Остальные чешскіе изслѣдователи быта народнаго конечно уступаютъ г. Зиберту въ начитанности и эрудиціи. Они большею частью ограничиваются только или даже исключительно чешскими матеріалами, не сличаютъ ни родственныхъ славянскихъ, ни близкихъ нѣмецкихъ. Много мелкихъ статей написалъ Іос. Коштялъ: Chléb v

pověrách a zvycích lidu českého (въ отчетѣ гимназіи Ново-Быд[illegible] 1890 г.), Diví lidé v názorech, pověrách a zvycích českého lidu (тамъ же 1890), Svetylka (=bludičky) a žhavý muž. Příspěvek k nazorům, pověrám a zvykům [illegible] lidu (тамъ же 1890). Sudičky (Zlata Praha 1889), Smrt v pověrách a zvycích lidu českého (Učitelské noviny 1888), Oheň v názorech, pověrách a zvycích českého lidu (Česka domácnost. 1890), Zmek, plivnik, prašivec a dymn (Zlatá Praha 1890), Můra v podáni prostonárodnim (Časop. čes. Musea 1891) и др. Много новаго матеріала приводитъ, но больше вниманія обращаетъ на [illegible] Фр. Выкоукалъ въ своихъ статьяхъ, разбросанныхъ по разнымъ журналамъ: [illegible] posvícení (Zlatá Praha 1885), Jarní slavnosti Pražského lidu (тамъ же 1886), Velikonoční týden na našem venkově (Světozor 1887), Štědry den na našem venkově (тамъ же 1889), Koleda u nás a jindo (Květy 1884, II [illegible]), Máj [illegible] (тамъ же 1885, I), Lidové slavnosti o sv. Janě Křtiteli (тамъ же 1887, II) O dnech nešťastných a šťastných (Zlatá Praha 1888), Vítání jara a neděle smrtná (тамъ же 1889), Čert v naši narodní tradici (Světozor 1889), O [illegible] našeho lidu (также 1890), Symbolika v pověrách našeho lidu (Zlatá Praha [illegible]), Uhrančivost a uhrnutí (Světozor 1889) и др. Кое что для изученія [illegible] Ходовъ на чешскомъ западѣ даетъ статья Фр. Вильдмана «[illegible] historicko-kulturni nástin» (Vlast 1888, IV, стр. 417 сл.).

Объ обычаяхъ и повѣрьяхъ моравскаго простолюдина, кромѣ [illegible] Фр. Бартоша, не мало матеріала собрано въ книжкахъ [illegible] Obrázky. V Praze (стр. 346) изъ южной Моравіи и [illegible] vácké děti. V Praze 1890 (стр. 210) и въ книжкахъ [illegible] бытописателей Франтишки Страненской, напр. Z [illegible] žiříčí 1886, гдѣ описывается народъ [illegible] покойной уже, всѣмъ [illegible] нищѣ Божені Нѣмцовой [illegible] pomlázka na Moravě [illegible] иногда [illegible] людина на Моравѣ [illegible] (Ve Výškově 188[illegible]) [illegible] санная мѣстность «[illegible] (издана она [illegible] loha» «Česk[illegible] [illegible] въ особенности [illegible] obce Zahlin[illegible] [illegible]

[illegible]

«Obzor [illegible] lidu [illegible] [illegible]

щаются въ Časopis'ѣ Muz. Olomúckého, хотя въ этомъ журналѣ статьи археологическаго содержанія преобладаютъ. Здѣсь напечатаны напр. статья Эд. Пека: Jména a význam některých rostlin v národním podání lidu valašského (V т., 1888), Мат. Вацлавка: Z pověr lidu valašského (т. VIII, 1891, о кладахъ), тоже есть и о Словакахъ, наприм. Byliny v poezii a praxi slovenského lidu (VII т., 1890).

Главный трудъ о словацкихъ обычаяхъ, повѣрьяхъ и вообще о народномъ бытѣ словацкомъ сочиненіе П. Добшинскаго Prostonárodnie obycaje, povĕry a hry slovenské. Turč. Sv. Martin 1880, стр. 179. Кромѣ того есть нѣсколько мелкихъ статей въ Slov. Pohl'ad'ахъ. J. L. Holuby: O mandragore (III, 1883), Voda a vosk v poverách a čarach ludu slovenského IV (1884), .Magické rostliny VI, (1886), Žaby v reči a poverach l'udu VIII, (1888); далѣе С. Гробоня: Narodnie hry v Selnici IV (1884); Голубы напечаталъ еще статью Aus der Hexenapotheke des slovakischen Volkes (Zeitschrift des österr. Apotheker Vereines 1883).— Этнографическій матеріалъ содержитъ еще книга Рудольфа Покорнаго Z potulek po Slovensku 1883—85, I—II т., (стр. 375 и 332).

Сознательное стремленіе къ освобожденію отъ преобладающей нѣмецкой культуры и къ созданію своей самобытной чешской вызывало къ усердному всестороннему изученію жизни простаго парода, въ коемъ надѣялись еще найти остатки древней славянской самобытности, и изъ этого чистаго источника черпать помощь для ославяненія быта интеллигентныхъ слоевъ, культурно онѣмеченныхъ, слившихся вообще съ западною Европою. Поэтому изучали и народные танцы, стараясь вводить ихъ въ общество (сл. еженедѣльный журналъ Čas 1891, № 3 сл.); такъ напр., занимались изученіемъ танца называемаго «Краловнички», и Власта Гавелкова, одинъ изъ главныхъ дѣятелей оломуцкаго музейнаго общества, написала о «краловничкахъ» статьи въ Časop. muz. Olom. (т. IV,) и въ Obzor'ѣ (XII, 1889), придавая имъ рѣшительно миѳологическое значеніе. См. еще статью И. Дебернова: O písních a tancích národních (Osvěta 1887, № 8).

Гораздо усерднѣе, глубже и съ большимъ успѣхомъ изучали народную одежду, народное убранство, вышиваніе, писанки и пр. Центромъ этихъ изученій опять было оломуцкое музейное общество; въ музеѣ оломуцкомъ хранится и прекрасное собраніе одеждъ, вышивокъ и пр. Въ Časopis'ѣ muz. Olom. (т. V — VI), явилось объ этомъ много статей. Стараніемъ и иждивеніемъ общества роскошно изданы Moravské ornamanty въ трехъ выпускахъ: I) Moravské kraslice z tabul barvotiskových a 1 kreslená. Na kámen kreslila Madlena Wanklova. S vysvětlujícím textem D-ra Jindřicha Wankla, Fr. Stránecké a Vlasty Havelkové. Seš. II. Vzory vyšívané 6 tabul barvotiskových. Na kámen kreslila Madlenka Wanklova. Text napsala Vlasta Havelkova, s úvodem a douškem V. H(oudka). Seš. III. Ornamenty kancionálů. Z tabul barvotiskových. 4°. Na kámen kreslila Madl. Wanklova. Text (стр. 102) napsali V. Houdek i J. Klvaňa 1890: здѣсь издана вся орнаментальная часть канціонала, т. е. книги, содержащей церковныя пѣсни, иллюстрированной въ 1717—33 гг. учителемъ въ деревнѣ Боршицѣ; орнаменты эти тѣмъ важны, что вполнѣ сходны съ орнаментами, встрѣчающимися на вышивкахъ, и что въ нихъ нѣтъ никакого вліянія современнаго стиля барокко; позже нашлось еще нѣсколько такихъ рукописныхъ иллюстрироваанargыхъ канціоналовъ, но эти помоложе Боршицкаго и уже не такъ своеобразны и типичны: о Боршицкомъ канціоналѣ писали оба издателя въ Časop. mus Olom. т. V, VI и VII.

Кромѣ того есть еще слѣдующія изданія: Národní vyšívání lidu moravského, sebráno a vydáno od Antonie Valtrové a Herminy Tiché, učitelek při c. k. čes. ústavě ku vzděl. učitelek v Brně 1888. I—VI вып. 1889—90. Промышленнымъ музеемъ въ Бернѣ изданы въ 1885 г. Proben weiblicher Handarbeiten mährisch-ländlicher Hausindustrie. 26 табл фототипическихъ.—Sojkova B.: Vzory vyšívání lidu slovanského na Moravě. V Olomouci. 1887. См. еще статьи Фр. Странецкой: Křestný vínek a úvodnice na Moravě. (Květy 1885). Národní ornament moravský

(таиъже 1886, II). См. также статьи И. Колвани въ журналахъ Světozor 1887, Zlatá Praha 1887 (съ иллюстраціями) и пр. О чешской народной одеждѣ, вышиваніи и пр. писано еще весьма немного, хотя есть прекрасное собраніе напр. въ промышленномъ музеѣ г. Войты Наперстка въ Прагѣ и на земской выставкѣ чешской нынѣшняго года было представлено большое собраніе вышивокъ и проч.

Недавно въ Оломуцѣ издана книжка Терезіи Новаковой о народной одеждѣ въ краѣ Литомышльскомъ подъ неточнымъ названіемъ: Příspěvek k poznání kultury lidu českého. О словацкой народной одеждѣ тоже немного: Vzory slovenskeho vyšívání sesbiral a vydal P. B. Socháň 1890, сл. журн. Ruch. 1888. № 23, Národni listy 1889. № 288. Изданіе И. Коулы: Vyšívání lidu slovenského. Výbor nejskrásnějšich prací z výstavy národního vyšívání v Turč. Sv. Martině 1877, 1889. не пущено въ продажу.

Въ новѣйшее время стали обращать вниманіе еще на изученіе другихъ сторонъ крестьянскаго быта, на постройки крестьянскихъ избъ: České chalupy a stará stavěni světská Ал. Ираска съ иллюстраціями (Květy 1887, т. II), Česká chalupa (Čas. muz. Olom VII). На чешской земской выставкѣ была представлена крестьянская чешская изба по типу обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ въ сѣверной Чехіи, въ околицѣ Турнова. Архитекторъ A. Wiehl, выстроившій ее, издалъ по этому поводу брошюрку Česká chalupa na zemské jubilejní výstavě. V Praze 1891. Критика однако замѣтила, что въ ней не былъ сохраненъ чистый типъ настоящей чешской крестьянской избы (Янъ Пейскеръ въ чешскомъ Athenaeum VIII. № 9). Стали также заниматься изслѣдованіемъ постройки деревень вообще и различій чешскихъ деревень отъ нѣмецкихъ (V. Houdek: O způsobu stavby dědin moravských. (Čas. muz. Olom. VI). Наконецъ стали изучать аграрную исторію въ чешскихъ земляхъ—припомнимъ статейку O čem svědčí rozdělení parcel ve tratich polních (Čas. muz. Olom. VIII). Очень усердно изучаетъ эти вопросы Янъ Пейскеръ. Этотъ ученый напечаталъ два изслѣдованія: 1) Zádruha na Prachensku. Příspěvkem ke srovnavacímu dějezpytu agrarnímu a selského práva dědického въ чешскомъ Athenaeum V и VI (1888, 1889) и въ отдѣльныхъ оттискахъ. 2) Die Knechtschaft in Böhmen. Eine Streitfrage der böhmischen Socialgeschichte. Gegen J. Lippert. Prag 1890. (См. рец. Мейцена въ Deutsche Litteraturzeitung 1891, и Mittheilungen des Vereins für die Geschichte der Deutschen in Böhmen 1891). Онъ на основаніи катастральныхъ картъ указываетъ, гдѣ были самыя старыя свободныя усадьбы славянскія и какія деревни моложе, новѣйшія; деревни, о которыхъ говорится въ старыхъ грамотахъ, именно такія новѣйшія, закрѣпощенныя, о деревняхъ задружныхъ въ грамотахъ не говорится, потому что онѣ не продавались и не дарились. Пейскеръ изучилъ такимъ образомъ только южную часть Чехіи и надѣется, что когда также изучена будетъ вся Чехія, тогда можно будетъ вѣрно опредѣлить, гдѣ была первая колонизація славянская, сколько племенъ и какъ эти племена слились наконецъ въ одинъ народъ.

Научныхъ изслѣдованій народной поэзіи чешской еще весьма не много. Изъ ученыхъ старшаго поколѣнія мы прежде всего должны назвать Пр. Соботку, автора извѣстной книги «Rostlinstvo v národním podaní slovanském (1879); по этому самому плану онъ составилъ статьи Ptastvo v národní poesii slovanské (Světozor 1880, 1881 и 1885). Беллетристическая безъ научнаго значенія книжка И. Духновскаго «Žena v písni lidu slovanského». Praha 1883 (стр. 175). Ближе къ новѣйшей теоріи заимствованія И. Черный O národních pohádkách i pověstech (Světozor 1880). Припомнимъ еще статью рано умершаго поэта Іоас. Якубца Některé formální stránky národních písní slovanských (Světozor 1883). Я. В. Новакъ тоже держится еще воззрѣній старшей школы; въ предисловіи его къ упомянутой уже нами книгѣ К. Граше «Z vypravování našeho lidu»; онъ предполагаетъ, что сказки славянскія плоды духа народнаго, остатки отъ стародавнихъ временъ, что народный духъ—единственный ихъ источникъ и т. д. Этому же автору принадлежитъ статья Báje zvířecí v českoslov. písních národních (Vlast III, 1887); онъ не сомнѣвается въ древности этихъ сказокъ. Наконецъ надо упомянуть и напис. основательнымъ молодымъ ученымъ

В. Тилле разборъ извѣстнаго сборника Коскена Contes populaires de Lorraine въ List'ахъ filolog. 1889, (XVI т., стр. 375 сл.). Здѣсь приведены чешскія параллели къ сказкамъ Коскена. Для знакомства съ воззрѣніями на народную литературу, преобладающими еще въ Чехіи, характерна статья молодаго литератора чешскаго Льва Шольца о моравской повѣсти Král Ječmínek (Zlatá Praha 1891, № 4 — 9); эта повѣсть принадлежитъ къ циклу повѣстей о спящихъ рыцаряхъ. Авторъ признаетъ, что моравская повѣсть того же типа, что чешская о св. Вячеславѣ и его рыцаряхъ, спящихъ въ горѣ Бланикъ, нѣмецкая о бъ императорѣ Фридрихѣ въ Кифгейсерѣ и пр.; могъ бы потому авторъ разбирать вопросъ о возможной сродности моравской повѣсти съ другими, м. б., и о заимствованіи и пр., но такіе вопросы для автора совсѣмъ лишніе; онъ доказываетъ, что моравская повѣсть въ основѣ историческая, что Ечминекъ, спящій доселѣ и будущій избавитель народа дѣйствительно есть Святополкъ, что наконецъ Ечминекъ—Святополкъ даже есть воплощеніе какого то большаго божества языческихъ Моравянъ.

Странно, даже прискорбно появленіе такихъ статей, совсѣмъ отсталыхъ отъ современной науки въ чешской литературѣ и къ тому же еще изъ подъ пера молодаго писателя съ университетскимъ образованіемъ.

Короткій библіографическій очеркъ народной поэзіи чешской написалъ Tieftrunk: O písních národních (въ отчетѣ гимназіи въ Прагѣ на Житной улицѣ 1888). Библіографическій списокъ статей по «властивѣдѣ» Чехіи, Моравіи и Силезіи, помѣщенныхъ въ журналахъ въ гг. 1801—1885 азбучнымъ порядкомъ составленъ Кл. Шпецингровою и напечатанъ въ журналѣ Zeměpisný Sborník 1887.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ изученіи миѳологіи. Сюда принадлежитъ сборникъ мелкихъ статей Пр. Соботки «Výklady prostonárodní z oboru jazykozpytu, bájeslovi a psychologie národní. 1882, (стр· 124), написанныхъ вполнѣ еще въ духѣ старой школы (ср. статью «Perun na nebi a Přemysl na zemi»). Янъ Пейскеръ изъ мѣстныхъ названій старался доказать существованіе Сварога у древнихъ Чеховъ и дуализмъ въ въ древнечешской миѳологіи (Slovník historický I, 1882). Новѣйшаго, современнаго напрвленія держится другой молодой миѳологъ чешскій Ганукъ Махалъ; его статьи разбросаны по журналамъ: Bohyně Lada u pohanských Čechů. Zlatá Praha 1884 («paní Lída» у Эрбена стр. 76), O ctění dědů u Slovanů (тамъ же 1884), O domácích bužcích u Slovanů (тамъ же 1886), Slunce v bájích slovanských. Slovanský sborník 1887, № 7 сл., O bohyních sudby u Slovanů (Květy 1887, № 12), Rusalky a rusalné slavnosti Zlatá Praha 1889 (указываются слѣды этого праздника у Чеховъ). Г. Махалъ, по собственному признанію (Zlatá Praha 1884, № 42), хочетъ въ своихъ миѳологическихъ изслѣдованіяхъ слѣдовать тому же пути, какъ и проф. Ягичъ, но, надо признаться, это не всегда ему дается, и иногда, вопреки доброму своему желанію, онъ не можетъ воздержаться отъ манеръ старой школы.

Только что мы кончили нашу библіографическую замѣтку, вышелъ первый выпускъ этнографическаго сборника «Český lid» съ цѣлымъ рядомъ статей по разнымъ сторонамъ чешской этнографіи. Нѣтъ, здѣсь не мѣсто входить въ его разборъ, но по этому первому выпуску можно судить, что новый органъ сдѣлаетъ много полезнаго для изученія чешской этнографіи. Подъ впечатлѣніемъ громаднаго успѣха всеобщей земской выставки въ Прагѣ не такъ давно образовался комитетъ, взявшій на себя устройство въ 1883 г. этнографической выставки всего чешскаго народа Чехіи, Моравіи и Силезіи, даже угорскихъ Словаковъ. Мы можемъ кончить это обозрѣніе чешскихъ этнографическихъ изученій за послѣднее десятилѣтіе, полные надеждъ на разцвѣтъ этнографіи у чешскаго народа. Въ виду новыхъ предпріятій мы въ правѣ ожидать, что будущій библіографъ наступающаго десятилѣтія дастъ лучшую картину успѣховъ нашей науки, чѣмъ могъ я сдѣлать въ настоящее время.

Прага чешская. Сентябрь 1891.

Ю. Поливка.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Не дѣлали ли Вы какихъ-нибудь наблюденій надъ жизнью народнаго языка? Не случалось ли Вамъ замѣчать, что старшее поколѣніе деревенскихъ жителей произноситъ какіе-либо звуки иначе, чѣмъ младшее (напримѣръ, говоритъ Вань*кя*, старуш*кя*, въ то время какъ у младшаго поколѣнія слышится Вань*тя*, старуш*тя*)? Не знаете ли Вы, когда появилась разница между произношеніемъ двухъ поколѣній (напримѣръ, съ какого возраста младшее поколѣніе, съ дѣтства, лѣтъ съ 6—7, или позже, стало говорить Вань*тя*)? Не замѣтно ли вліянія произношенія старшихъ на произношеніе младшихъ (напримѣръ, не говоритъ ли младшее поколѣніе, рядомъ съ Вань*тя*, также и Вань*кя*, болѣе или менѣе часто, или хотя изрѣдка)? Если младшее поколѣніе деревни уже имѣетъ подростковъ-дѣтей, чьему произношенію слѣдуютъ эти послѣдніе, отцовскому или дѣдовскому, или смѣшиваютъ и то, и другое (напр., говорятъ безразлично и Вань*тя*, и Вань*кя*, или чаще Вань*тя*, рѣже Вань*кя*, или на оборотъ)?

Если у Васъ нѣтъ готовыхъ наблюденій, не возьмете ли Вы на себя трудъ сдѣлать ихъ и сообщить редакціи «Ж. Ст.»?

А. Соболевскій.

Какія косметическія средства употребляются въ народѣ и какъ часто? Предоставляется ли всякой женщинѣ на ея волю румяниться, бѣлиться, сурьмиться, или же общественное мнѣніе (деревни, города) требуетъ, чтобы женщина въ извѣстныхъ случаяхъ (напр., на свадьбѣ) непремѣнно была нарумянена и т. д.?

А. Соболевскій.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ.

«Ты гуди-ко, мой звученъ голосъ!
«Позвончѣе ты вызванивай!..
«Погромчѣе выговаривай!»..
(Народная поэзія. Причеты).

Велика была бѣда каргопольскому населенію въ началѣ XVII вѣка (1612—1619 гг.) отъ нахлынувшихъ на край его разбойниковъ, которые, обирая животы (имущество), не щадили жизни обывателей, ругаясь надъ всѣмъ, что было дорого и свято сердцу Русскаго... Но та бѣда была вещественная, такъ сказать тѣлесная... Она не отнимала у темнаго народа его не многихъ вѣрованій, перемѣшанныхъ съ суевѣріемъ, освященныхъ вѣками да тьмой невѣжества... И, какъ ни надругались надъ нимъ и некрещеная «Татарва», и папистская Литва, и не только надъ народомъ, но и надъ Св. храмами и иконами [1]), все таки не посягали они отнять у него вѣру «крестьянскую»,—а навязать свою «басурманскую», иль римскую-латинскую... по крайней мѣрѣ, не встрѣчается тому доказательствъ...

Прошло съ тѣхъ поръ почти полъ вѣка: позажили раны нестерпимыя, поизгладились изъ памяти раздирающія картины прошлаго, какъ вдругъ—нежданно, негаданно понагрянула бѣда новая, несравненно больше прежнія, изъ той ли Москвы да бѣлокаменной, вмѣстѣ съ ссыльнымъ Павломъ Коломенскимъ (сосланнымъ въ Олонію, послѣ собора 1654 г.)... Первая бѣда продолжалась 3 года, по мѣстамъ затянувшись лѣтъ на 9, когда били мучили, убивали и грабили безнаказанно, но и безъ согласія и вѣдома Московскихъ властей [2]); вторая же бѣда продолжилась повсемѣстно почти на цѣлую сотню лѣтъ, также ни щадя ни пола, ни возраста... но уже съ приказа Москвы бѣлокаменной... Какъ огненная рѣка бурнымъ потокомъ, мгновенно пронеслась она изъ края въ край; и вдаль, и въ ширь—во всѣ стороны, съ трескомъ, шумомъ лютостью зельною зажгла—запалила,—не лѣса, дома и селенія, а чуткія сердца человѣческія, забралась она и въ хоромы богатыя и въ хижины убогія, навела печаль, изсушила мозгъ, ввела въ думушку тяжелую... Не было, кажется, такой хоромины, гдѣ бы не думали да думы крѣпкія, о новой яко бы вѣрѣ и книгахъ Никона—того самаго, что недавно шелъ отъ моря, съ мощами Филиппа угодника (въ 1652 г.)... Они сами его видѣли... Всѣ были заняты такими мыслями печальными—чернецы и настоятели, попы, крестьяне и купечество...—Между тѣмъ Соловецкіе бѣлые иноки не зѣвали: ловили рыбку въ мутной водѣ, подливая масла въ огонь—распространяя

---

[1]—[2]) См. мою «Исторію Челмонской пустыни», въ «Христіанск. Чтеніи». 1889 г. № 7—8, стр. 229—230.

всюду пожарище... Своими вкрадчивыми рѣчами и доводами они всѣхъ сводили съ разума,—чему служитъ доказательствомъ и челобитныя ихъ соловецкихъ собратовъ... Стара вѣра, говорятъ, перемѣнена; новы книги, говорятъ, перепорчены... Но бѣда мнимыхъ и дѣйствительныхъ нововведеній была еще тѣмъ болѣе невыносимою и ужасною, что шествовала со всѣми ужасами мученій, казней, ссылокъ... Вдругъ отнимали у человѣка все, не только его имущество, родину, но даже—жизнь, а съ нею вмѣстѣ и вѣрованія, чего не было и при лже-димитріяхъ!..—Не имѣя ни малѣйшаго понятія отличить важное отъ ничтожнаго: догматъ отъ обряда, обязательность заповѣди Евангелія отъ какого либо хожденія по-солонь предки наши и, даже лучшіе изъ нихъ пришли въ ужасъ отъ бросающихся въ глаза якобы новшествъ... Болѣе шести съ половиною вѣковъ—думали и говорили они—благочестивые Россіяне читали, пѣли—молились по книгамъ—письменнымъ, не подозрѣвая искаженій... и, вдругъ такая новость ужасная: тѣ книги, говорятъ, перепорчены... Да и новыя, оказывались съ изъянцемъ... (Даже современные каноники кіевской печати разногласятъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, съ московскими... Это мы можемъ доказать)... Ничѣмъ необъяснимая и неоправдываемая поспѣшность печатанія новыхъ, при Никонѣ, книгъ, съ различными разночтеніями, не согласными съ тѣми же Никоновыми книгами, вышедшими раньше или послѣ—невольно наводила на размышленія самыхъ разсудительныхъ людей, что въ свое время было указано знаменитыми поморскими отвѣтами, и повторено, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ духовныхъ изданіяхъ... А тутъ, какъ нарочно, тѣ немногіе пастыри, знавшіе суть дѣла, не хотѣли съ христіанскою кротостію объяснять пасомымъ этихъ разностей... При этомъ замѣчательно, что почти всѣ обличители раскола, древнѣйшіе, начиная съ составителей «Жезла»—этого перваго обличительнаго акта, и позднѣйшіе (за исключеніемъ, конечно, новѣйшихъ), какъ бы сговорившись, въ обличеніяхъ своихъ противъ такъ называемыхъ «старообрядцевъ», употребляли ругательные слова,—что служило только къ большему ожесточенію послѣднихъ, а уже ни какъ не къ вразумленію... Нѣкоторые же изъ пастырей такъ и ругались то не по церковному, а чисто по площадному... Чтобъ не обвинили насъ въ голословности указываемъ «Обличеніе неправды раскольническія» («Поморскихъ отвѣтовъ») Θеофилакта Тверскаго, во коемъ встрѣчаются между прочими, слѣдующія слова: «на прельщеніе русскаго, варварскаго грубаго народа»... [1]) Да и во многихъ мѣстахъ тяжело обзывается русскій народъ, въ родѣ: «дураки, русаки невѣжды, русакъ», что весьма оскорбительно для народнаго чувства!.. Епископъ, какъ истый малороссъ, ко всему великорусскому дышалъ ненавистью и презрѣніемъ, находя, вѣроятно, умницами латинянъ, Хохловъ, да лукавыхъ Грековъ и, не хотя вникнуть въ ширь и глубь отеческихъ писаній, ограничивался верхоглядствомъ да выходками, въ родѣ: «Пропади, плутъ»!.. [2]) О старонарѣчныхъ книгахъ выразился: «то отъ русскихъ старогадскихъ и старопечатныхъ книгъ взято»... [3]) Возмутительнѣе сего обличенія мы не встрѣчали. Почти первымъ изъ русскихъ пастырей заговорилъ съ заблуждающими языкомъ кротости Платонъ, митрополитъ московскій, въ своемъ «Увѣщаніи къ Раскольникамъ», 1765 г., т. е. почти ровно 100 спустя послѣ возникновенія раскола... Хотя—раньше его и говорилъ нѣсколько смягченнымъ тономъ Питиримъ, епископъ Нижегородскій, въ своей «Пращицѣ», какъ

---

[1]) Листъ 18, на оборотѣ.

[2]) Листъ 23 на обор.

[3]) Листъ 33 на обор. Или вотъ еще цвѣточекъ: Въ разсужденіи 5-мъ «О св. Иконахъ», ст. 20, показаніи 1-мъ поморцы ссылаются на Патріарха Іоакима, запрещающаго латинскихъ переводовъ иконы писать: Богородицу съ непокровенною главою. Θеофилактъ на 21-мъ листѣ отвѣчаетъ: «Іоакимъ патріархъ московскій, буде онъ таковый завѣтъ написалъ, явно себе показалъ ровнителемъ русскихъ деревенскихъ мужичіихъ забобоновъ, по которымъ женѣ мужатой не возможно ни къ кому явитися непокровенною главою, и тѣмъ не доволенъ, захотѣлъ еще и Божію Матерь тому же деревенскому мужичію закону подчинити и писати ся образъ по подобію русскихъ бабицъ. Развѣ не вѣдалъ, что Богородица не россійскія породы была»... Но и Θеофилактъ въ запальчивости своей забылъ, что эти «забобоны» уставили не «дураки русаки», а еще апостолъ Павелъ и вѣроятно на основаніи обычая, существовавшаго у Евреевъ...

самъ вышедшій изъ раскольническаго заблужденія... И такъ пастыри—меньшинство—не хотѣло съ христіанскою кротостію объяснять пасомымъ книжныхъ разностей, большинство же и само ничего въ нихъ не смыслило и, почти всѣ они, какъ истые наемники вмѣсто слова увѣщанія, схватились — конечно посредствомъ гражданской власти—за цѣпи, кнутъ и мученія, ссылки, казни; срубы огнены... и этими противо - христіанскими, варварскими, безчеловѣчными мѣрами мечтали прекратить отпаденіе отъ Церкви... Опять безъ причины потокомъ полилась кровь русская христіанская отъ своихъ же собратовъ и пастырей, обязанныхъ душу полагать за овецъ своихъ, и обагрила стогны градскія и дремучіе лѣса непроходимыя... «О немилостиваго ліянія крове!—говоритъ олонецкій раскольническій писатель—не къ тому проповѣдашеся восточный законъ благодатный, но западный—ратный. Всюду бо мучительства мечь, обагренный кровію неповинною... видяшеся; всюду плачь, и вопль, и стонаніе; вся темницы во градѣхъ и въ селѣхъ наполнишася христіанъ... Вездѣ чѣпи бряцаху, вездѣ вериги звеняху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію служаху, вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической повседневно омочахуся. Проповѣдницы Никоновыхъ новинъ яростію и гнѣвомъ и мучительствомъ, вмѣсто кроткаго духа, дыхаху: біеніемъ и ранами, а не благодатію Христовою увѣщеваху, лукавствомъ и коварствомъ злобнымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привождаху. И отъ таковаго насильствованнаго лютаго мучительства обліяхуся вся гради кровію, утопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ плачи и въ стонаніи пустыни и дебри... Ови мечи усѣкаеми, ови же огнемъ сожигаеми, и иніи инако скончаеваеми, чесо ради»? вопрошаетъ «старообрядецъ».—Да ради обрядовъ—отвѣчаемъ мы—маловажность и измѣняемость которыхъ сознавали сами гонители—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ—однако не хотѣли уступить... «Новое убо есть ученіе Никоново—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Ив. Филипповъ—сего ради и нравъ учителей новый, не словомъ бо, солію растворенныѣмъ по Апостолу, поучаютъ, но мечемъ острымъ и блещащимся... И бысть тогда лютое гоненіе и не милостивое неповинныхъ мучительство. Всюду плачь, вопль и, стонаніе слышашеся и на всякой души страхъ и колебаніе, и ужасъ. Отъ лютаго гоненія и мучительства мнози людіе, домы своя покидающе, бѣгаху»... [1]) Изъ бѣжавшихъ каргопольцевъ извѣстны: посадскій человѣкъ Василій Быковъ, въ раскольническомъ иночествѣ—Варлаамъ, изъ поселянъ: Ловзунскаго прих., чернецъ Іосифъ [2]), Кенорецкаго,—д. Кузминской Григорій Андреевъ... [3]) Конечно, это только одна капля того необъятнаго моря, которое «побѣже»...

За то въ настоящее время являются у насъ такіе проповѣдники, кои не стыдятся утверждать не на единѣ, а во всеуслышаніе,—что у насъ «были только» будто бы однѣ «попытки (а не самыя гоненія) вразумленія карательными мѣрами»... «попытки», когда замучивали въ пыткахъ, живьемъ сжигали въ срубахъ, отрѣзали языки, гноили въ земляныхъ тюрьмахъ... а о ссылкахъ, и не говоримъ... Не даромъ же выразился знаменитый Аввакумъ: «не по што намъ ходить въ Персиду мучиться... дома Вавилонъ нажили»!..

Однако, не смотря на всѣ ужасы мученій казней, не было, кажется, на всемъ сѣверѣ обители иноческой, гдѣ бы явно или тайно не сочувствовали такъ называемому—одними—«расколу», другими—«благочестію»... Мы уже не упоминаемъ о Соловецкомъ монастырѣ, какъ не входившемъ въ уѣздъ Каргопольскій, скажемъ только, что Каргопольскаго Спасскаго монастыря игуменъ Евфимій (1663—1671 гг.), служа тогда поповскимъ старостою, благочиннымъ по нынѣшнему, былъ оборонителемъ и пристанодержателемъ бѣглыхъ соловецкихъ чернецовъ, разсыпавшихся по всему свѣту: «Любилъ же старое благочестіе—говорится о немъ въ житіи раскольническаго инока Корнилія выговскаго—и служилъ по старому все. У него же Евфимія крыяхуся соловецкіе старцы Игнатій да Германъ, иже въ Палеостровѣ сожжены быша, да старецъ Іосифъ

---

[1]) Исторія Выговской пустыни, Ив. Филип. стр. 25, 26, 36.
[2]) Тамъ-же стр. 124—126, 67—70, 74—76.
[3]) «Олонецкія Губернскія Вѣдомости» 1878 года № 57.

сожженъ въ Пудоги; и иныхъ человѣкъ съ восемь, всѣ жили у Евфимія игумена, въ поварной келіи не мало время пребыша» [1]). Эти расколоучители, конечно, знали почти всѣ разночтенія въ книгахъ до—Никоновскихъ (разумѣется, печатныхъ) и Никоновскихъ и потому не опускали случая сѣять свои плевелы во всей странѣ сѣверной, которыя прозябли, выросли и принесли сторичные плоды, продолжая свои урожаи и до настоящаго времени... Такъ, напримѣръ, о названномъ Игнатіи говорили будто бы его противники: «Игнатій Соловецкій — сосудъ полный мудрости и нагнѣтенъ есть». Онъ утвердилъ стоять въ расколѣ всѣ Олонецкія и Каргопольскія страны и населилъ жителями непроходимыя пустынныя выгорѣцкія дебри...» [2]) Одинъ такой расколоучитель могъ сдѣлать болѣе цѣлой сотни поповъ, великороссійскихъ, ничего по этому предмету не знавшихъ и не дѣлавшихъ... Въ другихъ иноческихъ Каргопольскихъ обителяхъ, напримѣръ, Кодлозерской монахи по прежнему продолжали отправлять службу по старонарѣчнымъ же книгамъ... [3]) Коозерскимъ же настоятелямъ такъ понравился расколъ, что они, подобно Соловецкимъ инокамъ, нашли удобнымъ и возможнымъ ослушаться грамоты даже самого собора Московскаго, относительно высылки чернеца Боголѣпа... [4]) «Не найдутъ, молъ, насъ въ лѣсной глуши», вѣроятно думали они. А строитель Елгомской пустыни, монахъ Гавріилъ съ 15 человѣками мірянъ подвергъ себя самосожженію... [5]) Но и попы также не отставали отъ чернецовъ, тайно и явно сочувствуя расколу: въ XVII вѣкѣ напримѣръ Троицкой волости попъ Ив. Акимовъ доносилъ на поповъ — Архангельской волости Григорія Самойлова и Ошевенской (Огнемскаго-Богоявленскаго)—Василья Ѳедорова, что они, попы, укрывали раскольника Сергушку... [6]) При Олонецкомъ архіереѣ Игнатіи, нѣкоторые попы явно сочувствовали — расколу, даже ходили въ раскольническіе скиты мириться, за что и ссылаемы были въ монастырь, подъ началъ [7])... Что же касается мірянъ, то можно безошибочно сказать, что почти всѣ они, за немногими исключеніями, были на сторонѣ раскола...[8]) Скажемъ только, что въ XVII вѣкѣ весьма сочувствовали расколу граждане Каргопольскіе... Въ томъ же житіи Корнилія Выговскаго упоминается одинъ изъ нихъ богачъ Урываевъ, защитникъ этого чернеца... «Слухъ о покровительствѣ раскола въ Каргополѣ — говорится въ житіи — дошелъ до Москвы. Въ Каргополь посланы были монахи Филоѳей и Сергій», — т. е. что-то въ родѣ нынѣшнихъ миссіонеровъ, разница развѣ въ томъ, что тогдашніе миссіонеры тысячнаго жалованья не получали и, по всей вѣроятности, ложныхъ отчетовъ о мнимомъ ослабленіи раскола не составляли... Филоѳей и Сергій, вѣроятно Кожеозерскіе постриженники, тѣ самые, что провожали Никона съ мощами митрополита Филиппа (въ

---

[1]) Разсказы изъ Исторіи старообрядчества, изданіе Кожанчикова, С.-Петербургъ 1861 г. стр. 23—24.

[2]) «Разсказы изъ исторіи Старообрядчества», стр. 146, 149. Исторія Выговской пустыни, стр. 27.

[3]) См. мое описаніе этой пустыни въ «Христіанскомъ чтеніи», 1885 г., № 9—10.

[4]) См. мое же описаніе «Кожеозерскаго монастыря», въ «Христіанск. чтеніи» за 1886 годъ № 1—2.

[5]) «Исторія Выговской пуст.», стр. 76. Этотъ строитель былъ настоятелемъ въ 1727 г. См. мое описаніе Елгомской пуст. въ «Христ. чтеніи» за 1866 г., № 5—6.

[6]) Доношеніе 1678—1683 г. находится въ архивѣ Каргопольскаго-Спасскаго монастыря.

[7]) Тамъ же указъ Олонецк. консисторіи, отъ 8 марта 1834 года.

[8]) Да не подумаетъ читатель, что мы обобщаемъ единичный случай или преувеличиваемъ событія... Доказательствомъ нашихъ доводовъ служатъ свидѣтели, на этотъ разъ, достовѣрные—греки православные, даже если хотите—сами восточные патріархи, бывшіе на Соборѣ 1667 г., которые выразились въ своей грамотѣ, между прочимъ, и о нашихъ архіереяхъ, такъ: «Обаче, за еже во здѣшнихъ *странахъ великороссійскаго государства не обыкоша архіереи... исправляти священническія распри и прочая, учинишася толики раскольники и мятежники,* и возмутиша все государство, и многія души погубиша, и *вмалѣ было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили...*» Послѣдніе слова «и вмалѣ было не весь народъ... отъ Православныя вѣры возвратили», и говорятъ краснорѣчиво и конечно въ нашу пользу». (Матер. для Истор. раск. т. II, стр. 247).

1652 г. [1]), и потомъ жили въ Челменской пустыни (въ 50 верстахъ отъ Каргополя) [2]). Итакъ въ Каргополь посланы были два монаха Филоеей и Сергій, для увѣщанія непокорныхъ. Корнилій держалъ съ ними споръ. Далъ бо ему Богъ свободенъ языкъ ко глаголанію о вѣрѣ. «Молчи! «будто бы говорили ему посланные, хотя наша не права вѣра да быть тому времени такъ»... Понятно, что такіе и подобные имъ миссіонеры не многихъ могли вразумить... «Оскорбить же злобно (Корнилія) ничѣмъ не смѣли, понеже обороняли и защищали его посадскіе, да игуменъ въ Каргополи же“ [3]).

Теперь посмотримъ, какой получился выводъ отъ вышеупомянутыхъ гоненій—мученій раскольниковъ, боялись ли они мученій и, убоявшись, обратились-ли въ православіе?.. Крайность всегда порождаетъ другую крайность...

«Къ новинамъ мучительное обращеніе людіе видяще — говоритъ раскольническій бытописатель—больши тѣхъ удалятися начаша, не могуще камо крытися, въ руцѣ же мучителемъ вдатися трепетаху.. и того ради овіи гладомъ поміраху, а овые въ водахъ утопляху, отъ лютого того гоненія и грознаго мучительства... Мнози же... собирахуся... при нашествіи мучителей и отъ нихъ сожигахуся, а овыя, отъ ихъ наѣзду со оружіемъ и съ пушками, боящеся ихъ мучительства, сами сожигахуся...» [4]).

Да, въ эти ужасныя времена гоненій доводили несчастныхъ до изступленія, хуже того—до самоубійства: самопотопленія, самосожиганія, и надъ ними же потомъ глумились и увѣряли, что самосожиганіе есть плодъ ученія старообрядцевъ... Конечно, есть немногіе намеки какъ бы на самовольное самосожженіе заблудшихъ, но эти самосожженія предпринимались уже никакъ не вслѣдствіе измышленнаго и навязаннаго имъ ученія, а по обольщенію нѣкоторыхъ проходимцевъ изъ корыстныхъ видовъ, которые, обобравъ имущество простодушныхъ, не имѣвшихъ добраго пастыря овецъ, сами всегда успѣвали бѣжать отъ самосожженія... Но и эти немногіе самосожиганія были тогда уже, когда иступились мечи мучителей, устали руки кнутодержателей, именно не раньше царствованія Елизаветы, давшей нѣкоторую отраду заблуждавшимся... Но до нея положеніе притѣсняемыхъ, по причинѣ разныхъ настращиваній со стороны слишкомъ ужь усердныхъ проповѣдниковъ, орудующихъ, вмѣсто слова увѣщанія — разъясненія, петлями, кнутами, срубами, дыбами и хомутами, было совершенно безъисходное, что они и сами хорошо сознавали и что потрясало все существо ихъ, наводя на нихъ страхъ и ужасъ предъ дальнѣйшимъ продолженіемъ жизни ихъ въ этомъ мірѣ, въ коемъ нѣтъ ни «истины», ни правды, ни спасенія отъ порабощенія мнимому антихристу и тѣлесныхъ наказаній... Впереди больному, напряженному ихъ воображенію, представлялись разныя муки, нѣкоторыми изъ нихъ уже испытанныя, и все-таки ужасныя, при одной мысли о которыхъ волосъ становился дыбомъ, эти муки могли не только поколебать ихъ твердость, но даже принудить отказаться отъ своей вѣры, значитъ, по ихъ мнѣнію, лишиться отрады въ будущей жизни... А въ ней-то и все назначеніе человѣка! Не дожидаться же, въ такомъ случаѣ, смерти отъ антихриста, послѣ предварительныхъ, притомъ тяжкихъ мученій отъ ревнителей не по разуму?!..

И несчастный, невѣжественный народъ жегся въ Каргопольскомъ уѣздѣ цѣлыми десятками и сотнями (а въ Палеостровскомъ монастырѣ и Пудожѣ—тогда Олонецк. у.—даже тысячами)... жегся съ пѣніемъ псалмовъ, въ бѣлыхъ погребальныхъ одеждахъ, со свѣчами воска яраго, сами яко свѣщи сожигалися («...—Дыма и смрада исполнися земля русская отъ тѣлесъ человѣческихъ», говоритъ раскольничій писатель. Се не весямъ и монастырямъ токмо адамантъ бѣ отъ страдальцевъ, но и дебри возликоваху о праведницѣхъ, послужившихъ Господу... [5]) Болѣе совершилось самосожженій въ теперешнемъ Повѣнецкомъ уѣздѣ, но мы обязаны перечислить тѣ изъ происходившихъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, которыя намъ извѣстны.

---

[1]) Христіанское чтеніе 1885 г. № 34 ст. прот. Николаевскаго о перенесеніи мощей св. Филиппа, стр. 299.
[2]) Христіанское чтеніе 1889 г. № 7—8, стр. 236—237.
[3]) Разсказы изъ исторіи Старообрядчества, стр. 23—24.
[4]) Исторія Выговской пустыни Ивана Филиппова, стр. 25—26.
[5]) Тамъ-же.

Первое самосожженіе, описанное Выговскимъ историкомъ Ив. Филипповымъ, было «въ борахъ, на Поры (двѣ рѣчки сего имени: одна малая, другая большая Порма, впадаютъ въ рѣку Воложку; послѣдняя впадаетъ въ р. Онегу, съ правой стороны) въ пустыни. Бысть въ собраніи старецъ Нижегородскій Андроникъ, «чернецъ» Іосифъ Соловецкій, Михаилъ и Іоаннъ—нѣкоторые мужи ревностные; съ ними много народа; всѣ около полугода были «въ запорѣ...» «Отъ города пріѣхало нѣсколько стрѣльцовъ со оружіемъ воинскимъ и со огненными снастьми, яко же на пожарахъ... съ понятыми многолюдствомъ и съ Каргопольскими солдаты и съ подъячимъ и обступя часовню, хотяще всѣхъ живыхъ взяти... Іосифъ и... Андроникъ... *боясь* расхищенія и отъ благочестія отлученія... овые же *зажгашеся* и отъ дыму падоша все ницъ...» «Гонители... два или три бревна выбиша (у часовни) вонъ... Изъ огня начаша людей кокотами волочити вонъ, и коихъ выволочатъ—водой отливаху, и овіи оживаху. И навлочили изъ огня числомъ 60 человѣкъ; двухъ старцевъ—Андроника и Іосифа, да... молодыхъ мужиковъ и дѣвокъ, а достальные сгорѣли—Михаилъ и Іоаннъ еще со многими». Андроникъ же вскорѣ былъ замученъ въ Холмогорахъ, а Іосифъ былъ застрѣленъ 12 августа 1693 года при новомъ самосожженіи съ тысячною толпою, въ Пудогѣ»...—Второе: «Въ борахъ, на Поры же—говоритъ выговскій историкъ—жили староверцы, отъ Чаженьги, отъ монастырскаго Выговскаго завода за тридесять поприщъ, овые и написаны въ подушной окладъ нѣсколько душъ и платили въ Каргопольскую канцелярію; а подъ двойной окладъ за старовѣрство не положены: И за то обнесено въ Каргопольскую канцелярію и изъ канцеляріи посланы на нихъ посыльщики съ указомъ и съ понятыми — велѣно всѣхъ взять скованныхъ въ Каргополь. И эти пустынножители, убоялся, собралися въ часовню и заперлися ко страданію. И посылщики пришли, указъ прочитали и стали говорить: «дайте намъ лучшихъ людей послать въ Каргополь, къ оправданію, а вы не горите». И оные, по совѣту и по уговору, дали имъ изъ запору числомъ осмь человѣкъ и взявши ихъ скоро и послали за карауломъ въ Каргополь; а сами около запорныхъ поставили караулъ. И въ запорѣ инокъ Кириллъ да бѣлецъ Григорій, видѣвше оныхъ лукавство: еже дождавши прибавочной посылки хотятъ восхитити ихъ всѣхъ и свести въ Каргополь, отъ нихъ не отступаютъ. И оные въ запорѣ, боясь расхищенія и мукъ и отъ благочестія отступленія, храня древнее благочестіе, зажгошася огнемъ, и скончашася съ ними мужеска и женска пола до двухъ сотъ душъ, въ 1734 г. «А которыхъ свезли—поясняетъ Филипповъ—и тѣхъ принуждали къ новины своей всякими страхами и муками, и разспрашивали сбитіемъ и послали въ Новгородской разрядъ за карауломъ, и въ Новѣ градѣ вельми ихъ жестоко истязали допросами и битіемъ, и два человѣка преставилося, а третій старикъ ослѣпъ, учалъ не видѣти, и того держаша въ Богадѣльни за карауломъ. А пять человѣкъ свезли въ ссылку, въ дальные городы, въ новостроенныя, на рубежъ» [2]). Этотъ короткій разсказъ краснорѣчиво доказываетъ, почему именно заблуждавшіеся предпочитали самосожженіе всѣмъ прочимъ сдѣлкамъ съ властями... Они хорошо знали и видѣли, какіе ужасы ожидали ихъ, въ случаѣ сдачи въ руки гонителей, и потому предпочитали лучше разомъ покончить, чѣмъ страдать неопредѣленное время, не надѣясь на лучшее будущее и, въ концѣ концовъ, пожалуй, еще отрѣчься отъ вѣры, слѣдовательно идти на вѣчную муку.

«Виждь нашу бѣду, се бо обыдоша насъ лютіи гонители, ищутъ насъ всѣхъ погубити и отъ благочестія отлучити».

«Аще попустимся въ руки ихъ—приводитъ въ другомъ мѣстѣ Филипповъ разсужденія самосожигавшихся — на муки сдатися, но боимся расхищенія собраннаго толикаго стада да не будемъ сынове погибели, ибо руки вражія мучительства и томленія готовы на пролитіе крови, на поруганіе христіанства. Мы немощни и слабы, того ради и не смѣемъ къ предлежащимъ мукамъ вдатися» [3]). «Такъ же послѣ того

---

1) Стр. 45, 65—66 «Первая гарь».
2) Стр 74—75 «Въ Каргопольскомъ уѣздѣ на пустомъ лѣсу».
3) Стр. 69.

подалѣ, тамо близь Моши (Мошенская волость въ 120 верстахъ отъ Каргополя), въ лѣсу, въ году» сожглись: 3) «Иванъ, порекломъ Соколъ, въ поставленной отъ нихъ храмины съ тридесять шестію душами въ запорѣ, въ разговорахъ съ гонители, единаго въ окнѣ, прозваніемъ Козлова, гонители пострѣлили и, обступя начали добиватися въ хоромы, прочіи же огнемъ скончашася за древнее благочестіе». 4) «Да въ 240 (1732 года), за Канакшей (сельскій приходъ, въ 141 верст. отъ г. Каргополя) нѣкто мужъ именемъ Григорій, за древнее благочестіе, въ лѣсу, въ состроенной храминѣ, отъ нашествія жителей, съ седмидесяти съ пятію человѣки огнемъ окончашася». 5) Да тамо же, подалѣ, въ пустыни, инокъ Гавріилъ, первобывый нѣкотораго монастыря строитель»—по нашему мнѣнію—сосѣдней съ Канакшей Елгомской пустыни, бывшій строителемъ въ 1727 г., [1])—да Ив. Кириловъ, Алексѣй и Козьма, съ двѣнадесятію душами, за древнее благочестіе отъ нашествія гонителей огнемъ скончашася [2]). Конечно, подобныхъ ужасныхъ самосожженій въ Каргопольскомъ уѣздѣ было не мало; но историкъ Ив. Филипповъ, какъ жившій вдали отъ Каргополя, не могъ всѣхъ знать, особенно болѣе или менѣе незначительныхъ, по числу погибшихъ жертвъ, записывая только болѣе страшно—извѣстныя—затѣмъ не могъ же онъ записывать самосожженій, бывшихъ послѣ его смерти... О нѣкоторыхъ же изъ другихъ самосожженій, память сохраняется только въ народномъ преданіи, надмогильныхъ холмахъ, въ раскольническихъ помянникахъ, или, наконецъ, въ кое-какихъ, случайно находимыхъ, служебныхъ письменныхъ памятникахъ... Но должно допустить, что нѣкоторыя самосожженія исчезли изъ памяти народной, погребены—такъ сказать—общимъ забвеніемъ, уцѣлѣвшіе еще не всѣ извѣстны въ печати или собирателямъ народныхъ преданій, наконецъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ должны же находиться въ нашихъ мѣстныхъ архивахъ, какъ бы эти архивы малы ни были... Къ сожалѣнію, наши архивы свѣтскіе и монастырскіе мало доступны, какъ мы сами испытали, изслѣдователямъ... Однако передадимъ, что знаемъ. Въ старообрядческихъ помянникахъ записаны слѣдующія самосожженія, совершившіяся въ тогдашнемъ Каргопольскомъ уѣздѣ: «Іоанна и иже съ нимъ; Никифора и иже съ нимъ; Аверкія и иже съ нимъ, въ Янгорахъ» (теперь Кудожскаго уѣзда); «Евдокіи, Зиновіи, Агафіи и прочихъ, подъ Каргополемъ, инока Филарета, Алексія, Леонтія и прочихъ 40, за Кенозеромъ» (озеро и приходъ одного имени, теперь находятся въ двухъ уѣздахъ—Каргопольскомъ и Пудожскомъ); «Ѳеодора, Василія и прочихъ на Кучепалдѣ [3]) (деревня въ 20 верстахъ отъ Каргополя, Красноляжскаго прихода)...—И какъ просты эти «съ прочими» и «прочихъ», и «иже съ нимъ»; ни дать, ни взять помянники Грознаго, въ коихъ угрызаемый совѣстью царь записывалъ замученныхъ имъ безъ именъ, прибавляя: «ихъ имена ты, вѣси, Господи». А сколько въ этихъ простыхъ словахъ горя людскаго, слезъ, крови, страданій, сколько силъ погублено, да и какихъ силъ?!.. Сколько народа, съ женами и домочадцами погибло, особенно въ виду самихъ распространителей той самой вѣры, которая учитъ любить всѣхъ, не только собственныхъ враговъ, но и враговъ этой вѣры, — погибло того именно народа, который сожигалъ самъ себя безъ остатку и, при томъ къ видимому прискорбію начальниковъ, не дождавъ поимки»...

Вотъ, наконецъ, немногія свѣдѣнія о самосожженіяхъ заблудшихъ, происшедшихъ, повидимому, безъ вскихъ явныхъ мученій или поимокъ, а по обольщенію нѣкоторыхъ изувѣровъ или проходимцевъ, которые, обобравъ простодушныхъ, подговаривали ихъ къ самосожженію, съ тѣмъ, чтобы самимъ, при первомъ же возможномъ случаѣ, скрыться, что имъ, всегда или нѣтъ, и удавалось...

1) «Каргопольскаго уѣзда раскольники, изъ крестьянъ (какой волости и деревни—не сказано) Зайковъ и Климовъ, бѣжавъ, въ лѣсу построили избы и, подговоря, увели мужеска и женска полу 57 человѣкъ изъ крестьянъ же, которые... въ одной избѣ сожглись...» Это самосожженіе случилось не позже 1744 г. и стало из-

---

[1]) См. мое описаніе этой пуст. въ Христіанск. чтеніи за 1886 г. № 5—6.
[2]) Истор. Выговской пуст., стр. 75—76.
[3]) Памятная книжка Олонецкой губ. за 1868—69 г. ч. III, стр. 195.

вѣстнымъ даже сенату, который и предписалъ Новгородской губернской канцеляріи, а эта, въ свою очередь, воеводскимъ уѣзднымъ канцеляріямъ 1) разыскивать бѣглыхъ раскольниковъ Зайкова и Пригодина, которыхъ предполагали не сгорѣвшими; 2) «раскольническимъ старостамъ и сборщикамъ подтвердить наикрѣпчайше указами, чтобъ они... имѣли все прилежное стараніе, безъ отлагательства, а паче бъ, дабы имѣющіеся раскольники сами себя не жгли (?!), въ томъ за ними имѣть все крѣпкое смотрѣніе и до того ихъ отнюдь не допускать...» 31 октября 1745 г. — 2) «Олонецкаго уѣзда, раскольникъ, изъ крестьянъ Ефимъ Ивановъ, бѣжавъ изъ Олонецкаго... въ Каргопольскій уѣздъ (тогда эти уѣзды были смежны), въ Мошенской станъ въ Лимскую волость (въ 138 верстахъ отъ Каргополя) и подговоря, увелъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и тамо, отъ раскола (?! sic.) въ избѣ прошедшаго іюня 11 дня, сгорѣли...» (Писано 23 ноября 1745 г.). Сколько здѣсь сгорѣло раскольниковъ—неизвѣстно, извѣстно только, что Ефимъ Ивановъ «до сгорѣнія оныхъ раскольниковъ дней за 10 ушелъ», сгорѣлъ его «товарищъ, раскольникъ же, Олонецкаго уѣзда Якимъ Матвѣевъ... съ прочими...» Этимъ, за недостаткомъ свѣдѣній, и заканчивается лѣтопись самосожженій въ Каргопольскомъ уѣздѣ за XVIII и можно бы сказать даже за XIX вѣкъ, еслибы подобный несчастный случай, къ сожалѣнію, не повторился даже въ наши дни... «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»... Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія цѣлыхъ тридцать человѣкъ (по словамъ другихъ только 15) Волосовской волости (въ 37 верстахъ отъ Каргополя) подъ вліяніемъ одного скрытническаго наставника, преступности котораго однако никто не доказывалъ... сожглись въ лѣсной избушкѣ близъ рѣчки Чучексы [1]. Этотъ несчастный случай былъ въ лѣтнее время... Затѣмъ лѣтъ 15 назадъ горѣли опять въ той же Волосовской волости, на этотъ разъ уже тѣлеса скрытническія [2]... И въ этомъ видятъ нѣкоторые самосожженіе, но другіе утверждаютъ, что пожаръ учиненъ для сокрытія убійства и, кто правъ изъ нихъ — не знаемъ, и потому въ счетъ сего не кладемъ... Такимъ образомъ совершилось въ Каргопольскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, 14 самосожженій извѣстныхъ, погубившихъ многія сотни (а быть можетъ, и цѣлую тысячу) ни въ чемъ неповиннаго народа, вся вина котораго состояла лишь въ томъ, что онъ былъ невѣжественнѣе—не знали даже (какъ и современники крестьяне)—кто такой Богъ, не знали самыхъ необходимыхъ молитвъ... А сколько погибло народа въ самосожженіяхъ неизвѣстныхъ (которыя мы будемъ стараться разузнать), сколько было замучено во время гоненій, сколько сослано, бѣжало, утопилось, умерло отъ голода и другихъ невзгодъ?.. А о томъ, чтобъ вразумить, забыли и не подумали...

И такъ какую же пользу принесли гоненіями? Обратили заблуждавшихся? или по крайней мѣрѣ, сократили ихъ число? и запугали ли другихъ, чтобъ бѣгали запретныхъ заблужденій?.. Ни то, ни другое, ни третье... (И теперь число чисто православныхъ приходовъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ не болѣе 4-хъ, но и въ тѣхъ уже появляются одиночки раскольники...) Плодомъ всѣхъ этихъ гоненій было то, что появились у мнимыхъ старообрядцевъ свои преподобные мужи, даже (доказательство — цѣлый воловскій патерикъ Ив. Филиппова сочиненія Мышецкаго)... и мученицы, появились свои многочисленные скиты, монастыри и пустыни... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій появился въ Каргопольскомъ уѣздѣ «свой» Филаретъ Милостивый, «своя» Великомученица Варвара» (дѣвушка, бѣжавшая отъ мучителей, или настигнутая и убитая въ лѣсной глуши Шожемскаго прихода, самаго удаленнаго отъ мірскихъ жилищъ (въ 150 верстахъ), стоящаго за лѣсами дремучими, болотами непроходимыми...) Вся окрестность на 100, на полтораста верстъ во всѣ стороны усердно чествовала ихъ память; сюда стекались поклонники, особенно поклонницы, преимущественно въ весенне-лѣтнее, какъ болѣе свободное время, разомъ цѣлыми сотнями... Здѣсь была устроена даже «пустынь» для ихъ пристанища и долго существовала она... Знаменитый же Чахсенскій скитъ (въ 82 верстахъ отъ Каргополя) былъ основанъ Выговцами еще въ

1) «Истор. Выговск. пуст.», стр. 138.
2) «Олонецк. Губерн. Вѣдомости», 1878 г., № 57.

1710 году... Въ концѣ концовъ получился такой выводъ: мучители, преслѣдуя за отпаденіе отъ церкви, лишились на всегда этихъ отпадшихъ, лишились многихъ членовъ ея; заблуждающіе же, ревнуя за обряды лишились даже самыхъ обрядовъ, напримѣръ безпоповцы—оставшись чуть ли не съ одними семью поклонами, такъ называемымъ «началомъ» по крайней мѣрѣ ихъ неграмотное большинство... Слѣдовательно обѣ стороны понесли убытки невознаградимые...

Карпъ А. Докучаевъ-Басковъ.

Игра «со вьюном».

Записана в Новг. г., Тихв. у., д. Заборовье.

Как старыя пѣсни, так и игры нашего простаго народа, постепенно вытѣсняемыя новой, городской цивилизацией из большихъ сел и мѣстечек — остаются в неприкосновенности только развѣ в самых захолустных уголках, лежащих вдалекѣ от почтовых дорог и фабрик. Уже слишком извѣстно всѣм, и об этом не приходится распространяться, как хороводныя игры замѣняются в современной деревнѣ французской «кадрелью» или «ланце», правда, искаженными до невозможности. Эти новшества коснулись также и бесѣдных игр.

В одном из глухих уголков Новгородской губерніи, в Тихвинском уѣздѣ, славящемся своими лѣсами, мнѣ удалось записать игру, которая, как мнѣ кажется, до сих пор мало обращала на себя вниманіе собирателей пѣсен. Это—игра частая на посидках, называемая «со вьюном» (т. е.—ходить со вьюном)

Мы имѣем варіанты нѣкоторых пѣсен, относящихся к этой игрѣ, но записаны они не систематически и не точно. Отрывок одной из пѣсен записан покойным М. А. Колосовым [1]), затѣм у Якушкина находим, правда нѣсколько далекіе, варіанты к 2-м пѣсням. Затѣм у Шейна мы натыкаемся на нѣчто странное: в этом богатом сборникѣ, или по небрежности редактора, или по личному незнакомству его с игрой, или наконец по чисто мѣстным условіям—з а п ѣ в цѣлаго ряда пѣсен игры «со вьюном» помѣщен почему-то в разрядѣ х о р о в о д н ы х и г р о в ы х пѣсен в описаніи игры «заинька» (стр. 141 и сл. № 93, изд. 70 г.), тогда как надо замѣтить, что «заинька» играется часто в хороводѣ, а «со вьюном» ходят на бесѣдах, и спутать эти двѣ игры нельзя. Далѣе же в том же сборникѣ уже под заглавіем «х о р о в о д н ы е р а з в о д н ы е» пѣсни мы находим нѣсколько варіантов к тѣм же пѣсням об игрѣ «со вьюном».

Такова исторія этих пѣсен у наших собирателей. Здѣсь ниже постараемся привести всѣ возможныя пѣсни этой игры, извѣстныя нам.

Как сказано, пѣсни эти поются на бесѣдах. Обыкновенно в зимніе долгіе вечера молодежь со всей деревни нанимает в складчину избу, с обязательством за уступку им этого помѣщенія отжать опредѣленное количество ржи, овса или какого нибудь другого хлѣба. Парни покупают свѣчи или керосин, если в избѣ есть лампа. Всѣ участники собираются на посидку и когда уже значительно умаются «метелицей» или новым «ланце», то переходят к играм, не требующим так много движенія. Тут по большей части и играют «со вьюном».

Всѣ разсаживаются по лавкам, дѣвушки запѣвают обычныя в этой игрѣ пѣсни; выходит на средину избы парень и вызывает в половинѣ пѣсни дѣвушку.

Всѣ поют:

---

[1]) Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи в области сѣверно-великорусскаго нарѣчія Спб., 1877, стр. 163. Отрывокъ въ 6 стихов. Олон. губ.

1.

Со вьюном я хожу,
С молодым гуляю.
Мнѣ куда вьюна дѣти,
Мнѣ куда положити?
Положу я вьюночка,
Положу молодова
К князю в изголовьё:
Пушшай ему на здоровьё!
Чѣм вьюна выкупати,
Чѣм молодова выручати?
—Дам я за молода вьюночка
Два овса шѣлгуночка [1]),
Поцалую три разочка.

Во время пѣнія парень водит дѣвушку за руку посеред избы, а при послѣдних словах они цѣлуются. К этой пѣснѣ поется еще слѣдующій варіант: послѣ слов «Чѣм молодова выручати»—

2.

—Дам двѣ гривны золотыя
Да чётыри серебрены,
Да два инохода, два коня,
Которы не ходя со двора,
Да двѣ дѣвицы, двѣ душечки,
Да чётыри молодушечки.

Когда допоют одну пѣсню,—то один из играющих уходит на свое мѣсто. Остающійся выбирает себѣ пару и также ходят они взявшись за руки. Далѣе поются слѣдующія пѣсни:

3.

Сидит голуб на коничьи,
А голубка на колинах у нево.
Почему голуб голубушку держал?
А мнѣ, грит, голубушка надобна,
А красна дѣвица спонадобилась:
Она хлѣбцы-кокорочки [2]) печёт,
Сухи корочки на полочки кладёт,
Мякки мякишки по лавочкам,
Сладки прянички по фартучкам.
Мой то миленькой гулять пойдёт,
Меня дѣвушку с собой возьмет,
На гуляньи поцалует-обоймет.

4.

Пошел мужик молотити,
Да жалко жонушку будити.
«Спи-ка, жонушка Аннўшка,
«Вот те в головы подушка.
«Спи-ка, радось дорогая,
«Вот те в головы другая [3]).
Што за дура за такая—
Ничёво не сказала:
Ни отвѣту, ни привѣту,
Вѣрно ей дома нѣту.
Отвёрнулся—поцалуйся.

5.

Лятал голуб, лятал сизой
Со голубушкой,
А удалой молодец—
С красной дѣвушкой.
Кабы этоя голубушка—
Со голубом жила,
Кабы эта красна дѣвица
Со иной пожила:
Я бы золотом усыпал
И жемчугом унизал,
Я бы литнёй порою
Во кареты катал,
Я бы зимной порою—
Во казаньских санях,
Во казаньских санях—
На ямских лошадях.
Сажу голуба на ручку—
Он не тряхнется,
На другую посажу—
Не ворохнется.
Скажу: шиш, голуб, долой,
Полетай [4]), сизой, домой;
Полетай, сизой, домой:
Мы распростимся с тобой [5]).

---

[1]) Шѣлгуночка—мѣшечка. Пѣсни записаны здѣсь с сохраненіем особенностей говора. К. № 1 и 2 вар. у Якушкина. Собр. соч. изд. Михневичем. 1887 г. Спб.

[2]) Пирожок из ржанаго кислаго тѣста, круглый, открытый, с начинкой из толченаго картофеля или овсяной разварной крупы.

[3]) Варіант первых 6-ти стихов записан в Арханг. губ. См. Якушкин, стр. 692, № 62.

[4]) Полетай—лети, полети.

[5]) К этой пѣснѣ имѣем варіанты: 1) У Якушкина, болѣе распространенный, с явно новѣйшими чертами, записанный в Вятской губ. Сарапульскаго у. в селѣ Кигбаевѣ (стр. 695, № 67); у Шейна также № 191, стр. 233 (по изд. 1870 г.).

6.

Я не думала севодни угорѣть;
Стала с вечера голоушка болѣть,
Расходилися угары в головы
Раскипѣлись самовары на столи.
Чашки чайны наливаются
Холосты домой сбираются,
Поцалую дожидаются.

7.

Говорила старику:
Не ходи за рику,
Там погода велика—
Занесет старика.
Накануни Рожества
Много кражи—воровства:
Дѣвка парня обокрала,
Вси карманы оборвала—
Вси карманы оборвала,
Вси конфеты унесла.
С кѣм гуляла молода,—
Цаловала молодца. [1])

8.

Как онна гора высока,
А другая низка,—
Один миленькой далеко,
А другой-то близко.
Уж я дальново милова
В люди подарую,
А ближново милова
Сем раз поцалую [2]).

9.

Не хватайтесь, дѣвицы,
Замуж выходити,
Не глядите на робят,
Што робята говорят:
Оны божатся-кленутся,
А отойдут—засмѣются.
Три копейки с денежкой,
Цаловаться с дѣвушкой.

10.

Вы молодчики молоденьки,
В вас поддевачки коротеньки;
Постой парень, не омманывай меня,
Я маленько попроворнѣй тебя,
Попроворнѣй малёшенько...
Цѣловаться милёшенько.

11.

Досочка, досочка,
    Досочка дубовая;
Досочка дубовая,
    Дѣвка чернобровая.
Тут нихто не хаживал,
    Никово не важивал.
Шёл-прошёл дѣтинушка,
    Провёл красну дѣвушку.
Эта парочка баска—
    Цаловаться три разка.

12.

Не соколики по полику летя,—
К нам Новьски на посидку катя [3]),
Отвяжите-ка передпички,
Пришли новьскіи бесѣдничкы.
Передничкн розовы,
Наши молодцы не вожены,
Красны дѣвки не цалованы.

---

[1]) Очевидно эти послѣдніе стихи приставлены, так сказать, в интересах игры. Подобное случится и в других пѣснях.

[2]) Варіант великорусскій имѣем у Шейна, стр. 222, № 169. Считаю пѣсню заимствованной от Малорусов. Такой оборот рѣчи не встрѣчается в великор. пѣснях и представляет искаженіе малор. Сравн. у Чубинск., V т., стр. 25, с той только разницей, что в этом мѣстѣ у Чуб. говорит парубок. Вот это мѣсто:

Одна гора високая,
А другая низька—
Одна мила далекая,
А другая близька...
...Ой я тую далекую
Хлопцям п о д а р у ю,
А до сеі близенькоі
Тай сам помандрую.

[3]) Новьски—из Новой деревни (близ Заборовья).

13.

Уж ты, верба, вербочка,
Золотая виточка,
Не рости, верба, во ржи,
А рости в поли на межѝ.
Верба [1]) солнышком не грѣе,
И погодой не несёт,
Пагодушкой не несёт—
Соловей гнѣзда не вьёг.
Соловейко Ванюшка,
Кинарейка Ганюшка.
С кѣм гуляла молода,
Цаловала молодца.

14.

Обѣшшалси мѣшшанин
Мѣшшаночку брати,
А мѣшшанка отвѣчала:—
Не умѣю жати.
В понедильник на овторник—
Снопичок нажала,
В середу садила,
В четверг молотила,
В пятницу вѝяла,
В суботу мѝряла,
В воскресенье продала—
Всѣ деньжонки пропила [2])....
С кѣм гуляла молода—
Цаловала молодца.

15.

Мы на печкѣ молотили,
На ошёскѣ вияли, 2 (bis)
Рукомойкой миряли.
Мой то милой мёд мокал
Перекапался,
Он на дѣвушку глядѣл—
Сам расплакался.
Вот те гривна, вот те грош,
Поцалуй котору хошь.

16.

Двой ниншенки большии,
Как телята пропашшии:
Ноги зыблются,
Куски сыплются,
Сухари-то говоря̀,
Цаловаться веля̀ [3]).

17.

Как Ивану то жениться пора
Ивановичу свататься,
Ему тесть то богатенькой,
Ему тёшша то ласковая,
Яишница масляная,
А невѣста хорошая.
Цаловаться им дюжину,
Штоб на цѣльную на ужину.
Цаловала во сахарныи уста,
Почитала за любезново дружка

18.

Разсыпался сырой дуб
На четыре грани.
Кто полюби старых баб,
Тово нонѣ драли.
Кто молодых вдов полюби—
Для души спасенья,
Красных дѣвушек полюби—
Для поцалованья.

---

[1]) «Верба солнышком не грѣе», вин. пад. имѣем сходн. случаи, напр.: постелька слать, Кирѣевск., VII, 190; голова держать наклонная, недѣлюшка недѣливать—Пермск. Сборн., I, стр. 43, № 26; душа спасти—в былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ.

[2]) Сходный мотив имѣем и в малорусской народной поэзіи. Ср. Чуб. V, 685 стр., № 293, но там жена, привыкшая гулять, идот дальше—заставляет мужа для ея увеселенія плясать трепака. Мотив этот разработан в массѣ варіантов. Кромѣ записанных мной трех укажу еще у Варенцова стр. 77, № 25, у Якушкина—594, № 64; 633, № 147; 642, № 164; у Деволана стр. 134—5; и еще многіе другіе стоящіе в связи с данной темой пѣсни.

[3]) Пѣсня шуточная, поют в насмѣшку над нолюбимым компаніей.

Уж как вам тетеревам
Не летать по деревам,
Маленьким тетёрочкам
Не скокать по ёлочкам [1]),
А жонатым мужикам
На бесѣду не ходить, 2 (bis)

У моёво у милово
Нѣт колечка никаково,
Хоть и есть перстенек—
Позолоченой орёл, 2
Славной Грузиньской маер 2
Каширьску Машеньку увёл [2]).

По полу хожу—
Мнѣ не находиться,
Я на милова гляжу—
Мнѣ не наглядиться.

Как у милово хоромы хороши:
На двори столбы точёныи,
Уголочки позолоченыи,
Подворотенка серебряна,
Воротечки—нѣмецково стекла;

Горё, горё што живёшь,
На леніи в казармы,
Горё, горё што жуешь—
Кирпичи да камни.
Кирпичу я не хочу,

Водлѣ рѣчки, водлѣ мосту,
Водлѣ мочевинки [4])
Я не думал, я не чаял
Молодой дѣвчонки.
Хоть и думал, хоть и чаял—
Не буду казати.
Запрягу я кошку в дрожки,
А кота в пристяжку, 2

19.

По двѣ, по три не держать 2
Холостых не обиждать.
Холосты́—люди просты́,
А женатыи—проклятыи.
С кѣм гуляла молода
Цаловала молодца.

20.

А гдѣ Машенька шла—
Трава мурава росла,
Гдѣ Ефимовну вели—
Цвѣточки алыи цвѣли.
Три копейки с денежкой,
Цаловаться с дѣвушкой.

21.

Згляни, миленькой, разок,
А я на тебя двожды, 2
Поцалую трожды.

22.

Приду к милому скорёшенько,
Шшипну милово легошенько;
Догадался поскорешенько,
Поцалуемся милёшенько.

23.

Камушка не кушаю;
В табатирки нѣт запирки [3]),
Табаку то не пылинки,
Поцалуй пожалуста
Во тобашныи уста.

24.

Поѣду кататься.
Стелю, стелю перинушку
Нову пуховую;
Ково знаю, ково знаю,
Тово подарую.
Ково люблю, ково люблю—
Тово поцалую.

---

[1]) Первые четыре стиха этой пѣсни я ныньче лѣтом слышал и записал в Крестецком уѣздѣ—эти стихи потеряли связь с пѣсней и поются там как всѣ другія припѣвки или сбирушки без опредѣленнаго пріурочиванія к какому нибудь случаю.

[2]) Кошира—деревня в Крестецком уѣздѣ на р. Мстѣ, Груаино—село Новгор. губ. на рѣкѣ Волховѣ

[3]) Нѣт крышки, запора.

[4]) Мо́ча, мочевинка=маленькое болотце, напр. около рѣчки или на заливных лугах.

Должно сказать, что многія из пѣсен приведенных выше, особенно послѣднія носят на себѣ слѣды их недавняго происхожденія или по крайней мѣрѣ перерожденія. Особенно характерна пѣсня № 24, являющаяся, каким то странным конгломератом из обрывков других пѣсен. Запѣв ея принадлежит извѣстной русской пѣснѣ, далѣе—слѣды заимствованія или, по крайней мѣрѣ, сильнаго вліянія малорусской пѣсни; послѣдніе же стихи—из хороводной же пѣсни или бесѣдной: «подушечка моя пуховая», помѣщаемой чуть ли не во всѣх сборниках и даже в хрестоматіях. Слѣды разложенія этих пѣсен замѣтны и с другой стороны: метр нѣкоторых из них, напр. 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 23 и 24 сильно приближается к метру припѣвок [1]) или сбирушек, как их называют в Череповецком у. Новг. губ., и к метру южно и червоно-русских коломыек [1])—этих продуктов новѣйшаго періода народнаго творчества. (Всѣ эти пѣсни записаны со слов крест. д. Заборовье Палагеи Θедоровой).

К игрѣ «со вьюном» относятся еще пѣсни записанныя мною на посидкѣ в деревнѣ Малая Будагоща в Тихвинском уѣздѣ Новг. губ. К сожалѣнію, удалось записать только двѣ. Вот онѣ:

25.

Не ходи, не гуляй
Круг моёво саду,
Не шшипли, не ломай [2])
Саду-винограду;

Вѣдь не я ево садила,
Не я поливала,
А тебя я, мой хорошой,
Три раз цаловала.

26.

Огородом пава шла, 2
Ой люли, пава шла 2
За павой павень летил 2
Ой люли, летил. 2
«Ой ты, пава моя 2

«Ой люли, моя. 2
—Нѣт я, судырь, не твоя 2
Ой люли, не твоя 2
Я кормильца батюшка 2
Ой люли, батюшка. 2

Далѣе дѣвушка перечисляет, кому она принадлежит, но неотвязный парень всетаки не отступает от нея и при словах:

«Нѣт, ты пава моя 2
Ой люли, моя 2.

цѣлует дѣвушку, изображающую собой паву.

Очевидно, к этому сводится вся игра; таких игр можно назвать еще нѣсколько: напримѣр—«коней смѣнять» или «Тетёра» или малорусская игра—Нѣлюб (Новгр. Волынск. у.) [3]).

Всѣ подобныя игры, как и заимствованная у горожан игра — «фанты», имѣют цѣлью сближеніе полов и потому не скоро сравнительно выводятся из жизни народа; даже танцы не могут окончательно вытѣснить этих игр.

---

[1]) Подобных припѣвок — коротеньких пѣсенок с характерным метром — продуктом разложенія больших пѣсен с основным размѣром 10 сл. с двумя удареніями — записано мною в предѣлах Тихв. и Крестецкаго уѣздов до 600. Всѣ онѣ—представляют экспромты, по большей части лирическаго содержанія, стихов от 2–6, рѣдко больше. Ср. с ними коломыйки у Деволлана стр. 213, 236 и pass. Головацкаго II, 335 и др.; у Чубинскаго IV т., стр. 72–83, 101, 126, 133 и сл.—свадебныя припѣвки, и т. V, 1106 стр. шуточныя, и в др. сборниках. См. и спеціально посвященный коломыйкам сборник «Счастнаго Солонона», Коломыйки и шутки, Львов. 1863 р. Подобныя пѣсенки считает отрывками больших и А. Потебня. См. Приб. XXXVII т. Зап. Ак. Н. Отчет о присужд. Уваровской премін, стр. 146.

[2]) Ломать, щипать виноград—любить дѣвушку; ломаніе винограду, как и потоптаніе травы—лишеніе невинности. См. Потебня. Объясн. малор. и сродных нар. пѣсен. Т. II, стр. 480 и сл., 487 и сл.

[3]) «Тетёра»—записана мной в Тихв. у.; «Нѣлюб»—в Тр. Этн. Ст. Эксп. Чубинск. т. III, стр. 90, № 33.

О. О. Первольфъ.

Славянская этнографія понесла крупную потерю въ лицѣ скончавшагося 21-го декабря 1891 г. въ Варшавѣ профессора Императорскаго Варшавскаго Университета по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій Осипа Осиповича Первольфа.

Родившись въ 1841 году въ Южной Чехіи, въ м. Чимелицахъ, близъ г. Писка и окончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, О. О. Первольфъ завершилъ свое образованіе въ Пражскомъ университетѣ, ревностно занимаясь славистикой подъ руководствомъ Гатталы, Ганки и Палацкаго; съ особенною любовью онъ относился къ исторіи славянскихъ народовъ, славянскимъ древностямъ и исторической этнографіи. Выйдя изъ университета съ широкимъ кругомъ познаній по славяновѣдѣнію, онъ въ скоромъ времени заявилъ себя въ литературѣ рядомъ основательныхъ статей по исторіи славянскихъ народовъ, при чемъ особенное вниманіе удѣлено было имъ Россіи.

Не перечисляя многочисленныхъ (свыше 60) трудовъ и статей, написанныхъ О. О. Первольфомъ за время его полезной дѣятельности, такъ неожиданно прерванной смертью, мы здѣсь укажемъ лишь, что покойный славистъ со всегдашней любовью посвящалъ свои труды изысканіямъ въ области историческихъ, этнографическихъ и бытовыхъ древностей славянскихъ. Докторская диссертація его: «Германизація Балтійскихъ славянъ», основанная на разработкѣ данныхъ быта и языка, является выдающеюся работой его въ этой области, въ сильной мѣрѣ содѣйствовавшая установившейся репутаціи его, какъ солиднаго знатока славянства. Къ той же области принадлежатъ статьи его: «Варяги-русь и Балтійскіе славяне» (Журн. М. Н. Пр. 1877 г.), «Slavische Völkernamen», «Polen, Liachen, Wenden» — (Arch. f. Sl. Phil.) «Staloslav. řady a Obyčeje» (Slov. Sborn. 1884.); сюда же нужно отнести и весьма интересную статью его: «Словенскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ», напечатанную въ «Меѳодіевскомъ сборникѣ», изданномъ Варшавскимъ Университетомъ въ 1885 г. по поводу 1000-лѣтней годовщины смерти св. Меѳодія.

Съ живымъ интересомъ относясь и къ славянской современности, О. О. Первольфъ былъ и дѣятелемъ, и знатокомъ современнаго славянства; главнѣйшей темой всѣхъ трудовъ Первольфа служилъ вопросъ о славянской взаимности; въ его капитальномъ сочиненіи: «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи» объединены многолѣтнія изысканія его по этому вопросу; къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему довести этотъ трудъ до конца: въ 1886 г. вышелъ его I томъ, въ 1888 г. т. II, въ 1890 г. III т.; въ рукописи осталась часть III тома и далеко еще не обработанный томъ IV.

Въ 1871 г. О. О. Первольфъ былъ призванъ на каѳедру Варшавскаго Университета, которую и занималъ съ честію въ теченіе 20 лѣтъ, посвящая свои чтенія славянскимъ древностямъ и особенно древностямъ славянскаго быта, рядомъ съ исторической этнографіей славянъ и характеристикой славянскихъ нарѣчій.

Ѳ. И.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Цѣна 2 р.